ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №3 | 2020

Юрий Попов
Светает | 50 × 40 | 2015

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №3 | 2020

В номере

ДиН время

Павел Шерстобитов
3 Северные рассказы

Александр Торопцев
36 Война и юность

Евгений Минин
50 Холокост семьи Мининых

Станислав Минаков
52 «Поедем на Север…»

ДиН публицистика

Александр Ломтев
17 Пул: взгляд изнутри

ДиН ревю

Владимир Шемшученко
21 Мысль превращается в слова

Николай Ерёмин
160 Судьба и рок

ДиН диалог

Юрий Беликов, Евгений Матвеев
22 Восьмая нота, или Тоска по русскому пространству

ДиН память

Юрий Беликов
29 Сварщик вечности

Анатолий Култышев
33 Лик на рубашке

ДиН пародия

Евгений Минин
32 Где купить словарь?
64 Опасная кнопочка

ДиН стихи

Сергей Глупак
49 Зима в рябиновой роще

Александр Нестругин
69 На листопаде золотом…

Сергей Кривонос
71 Дверь

Анатолий Вершинский
74 Тесный круг

Александр Балтин
76 Калужская элегия

Игорь Хохлов
79 Рабочая улица

Степан Султанов
105 Иона

Минна Ямпольская
157 И нет нам ни начала, ни конца…

Ольга Гладких
158 Женщина пишет стихи

Евгений Черников
159 Простая нить

Сергей Хазанов
161 Жестоковыйный час

ДиН юбилей

Владимир Монахов
56 Воспоминания бога

Владимир Пономарёв
65 Как это было…

ДиН симметрия

Сергей Городецкий
68 Кофе

Илья Сельвинский
94 Свобода слова

Николай Тихонов
156 Праздничный, весёлый, бесноватый…

Николай Гумилёв
175 Мои читатели

Валерий Брюсов
178 Третья осень

Константин Бальмонт
189 Фея за делом

Библиотека современного рассказа

Юлия Нифонтова
81 Подарок колдуна

Елена Костандис
90 Дно кофейной чашки

Елена Литинская
95 Соперницы

Марат Валеев
99 Дело Мурзика

Виталий Пырх
106 Отличник соревнования

ДиН проза

Владимир Нестеренко
118 Побег из Орды

Мосты над облаками

Лиана Шахвердян
150 Сирена

Страницы Совета молодых литераторов Союза писателей России

Денис Балин
163 Не молчи, река…

Ирина Иваськова
166 Куриная слепота

Клуб читателей

Николай Переяслов
176 Писатели — это память нации

ДиН взгляд

Дмитрий Косяков
179 Как Дмитрий Быков Салтыкова-Щедрина в ресторан водил

ДиН галерея

Анатолий Логвинов
185 Мороз и солнце Василия Сивцева

Синяя тетрадь

188 Мастерская Елены Тимченко
190 Конкурс «Суперперо-2019»

193 ДиН авторы

Павел Шерстобитов

Северные рассказы

Диксон

Диксон! Сколько романтических чувств появлялось у любого человека середины прошлого века, услышавшего это слово… И не зря.

Как зачаровывает своим тихим суровым величием северная природа! Сколь романтичны летние прогулки в окрестностях посёлка по цветущей тундре! Чарует взор разноцветье. В тундре нет блёклых цветов. Только насыщенные, удивительно яркие тона! Кто-то сравнил их вызывающую красоту с макияжем вульгарной женщины, живущей единым днём,—всё напоказ! Поросшие разноцветным мхом чёрные камни на изумрудной зелени травы, издали кажущиеся какими-то доледниковыми замершими существами. Кулички, посвистывая, проносятся рядом. Снуют туда-сюда пуночки. Лемминги выныривают прямо из-под ног. Где-то за каменной грядой беспрестанно кричат чайки. И над всем этим великолепием такое бесконечно прозрачное небо, что, кажется, всю Вселенную видно насквозь.

А слепящее сквозь оконное стекло солнце, разбудившее тебя в два часа ночи!!!

Налюбовавшись экзотическими видами северной природы, возвращаешься домой. Достаёшь любимую чашку, в электрочайнике кипятишь воду, завариваешь растворимый кофе. Переодеваешься. С чашечкой и бутербродом с сырокопчёной колбаской садишься перед телевизором. И, «взирая на мир» глазами Юрия Сенкевича, начинаешь мечтать об очередном трёхмесячном отпуске.

«Клуб кинопутешественников» заканчивается. Отгородившись от слепящего полуночного солнца плотной оконной шторой, ложишься спать.

Зимой можно долго стоять (в унтах, дублёнке и шапке, разумеется) посреди, кажется, до дна промёрзшей бухты и любоваться полыхающим всеми цветами радуги северным сиянием в бездонном, круглосуточно чёрном небе полярной ночи. И рождается в душе: «Открылась бездна, звёзд полна. Числа нет звёздам, бездне—дна». Великолепно! Гениально! Надо завтра проработать строчки и послать в газету «Советский Таймыр». Может, пропечатают… И наворачиваются на глаза слёзы от сознания, что вот он, ещё один поэт, на Руси родился.

Стоять и любоваться восхитительно… когда ты уверен в себе, а точнее, в своём ближайшем будущем. Уверенности придаёт понимание, что совсем недалеко, всего в десяти минутах ходьбы, тебя ждёт благоустроенная квартира в тёплом доме. В квартире—полный продуктов холодильник, цветной телевизор и много ещё чего такого, что делает жизнь благополучной и приятной. Налюбовавшись экзотическими видами… возвращаешься… Достаёшь… Переодеваешься… Садишься… мечтать.

«Клуб кинопутешественников» заканчивается. Отгородившись плотной оконной шторой от слепящего круглые сутки уличного фонаря, залезаешь под одеяло. Перед сном—почитать. Берёшь первую попавшуюся книгу. Ага, «М. Ломоносов» из серии «Жизнь замечательных людей». Открыв наугад, натыкаешься на «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и читаешь:

Лицо свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Разочарованный, закрываешь книгу, ставишь на место и с сожалением, что не сложилось на Руси стать ещё одному поэту, засыпаешь.

И то ли во сне, то ли в воспоминаниях видишь точно такое же полыхающее в полнеба сияние, которое безучастно колышется над вами, пассажирами аварийной электрички, промёрзшей насквозь за полчаса стоянки между аэропортом Алыкель и Дудинкой. В вагоне и за окном—минус сорок, а в ушах хриплое: «…туда пятьсот, сюда пятьсот».

До чего же волнующе бороздить бескрайние просторы тундры на вездеходе! С замирающей от восторга душой ощущаешь себя могущественным повелителем этой суровой и, говорят, неприступной тундры. Но мощный вездеход легко давит её широкими гусеницами, рвёт травянистый покров, вдавливает в чуть оттаявший верхний слой камни.

И она, суровая и неприступная, покорно стелется перед громыхающим стальным монстром. Человек же гордым взглядом победителя оглядывает окрестности, простирающиеся до далёкого-далёкого горизонта.

Не менее впечатляюще нестись на обладающей хорошими мореходными качествами лодке под мощным «Вихрем-тридцатым». Ветер бьёт в лицо и студит щёки и уши. Температура воздуха и воды — плюс пять.

Но двое в лодке одеты соответственно, и им эти плюс пять — не холод. Мимо проносятся большие и малые острова. Чайка вздумала было посоревноваться в скорости, но быстро поняла, что бесполезно, и отстала, проводив удаляющуюся лодку своим «чай-чай-чай-ка». Скажи, белокрылая, ты смеёшься нам вслед или плачешь, беду предвещая? Лодка несётся дальше. К тому давно проверенному месту, где омуля можно черпать сетями.

Господи! До чего же всесилен человек — создание Твоё.

Боже, до чего же немощен человек — создание Твоё — рядом со сломавшимся в бескрайней тундре вездеходом. Каким тоскливым взглядом оглядывает он покорённую им цветущую, нежащуюся под незаходящим летним солнцем тундру. Именно сейчас, с замирающей от страха и нехороших предчувствий душой, он по-настоящему постигает её бескрайность… И возносится глас молящего в небеса: либо вдохнуть жизнь в стоящую рядом груду металлолома, либо не отнимать её у него, немощного.

И Господь наделяет просящего правом выбора: сидеть ждать помощи, уповая на то, что в понедельник на работе хватятся и в среду организуют поиск, или идти в посёлок пешком (благо шагать можно почти по прямой) по этой, как впоследствии окажется, не такой уж и ровной тундре.

В более критической ситуации оказываются лодочники, по какой-либо причине оказавшиеся без средства передвижения. Сколько можно продержаться на острове в тех же двадцати километрах от посёлка и в сотне метров от берега? Даже с запасом пищи и с полным патронташем? Если случайный вертолёт над тундрой или проходящий мимо вездеход — явление возможное, то надеяться в море на пролетающий вертолёт или проходящее невдалеке судно — нереально. Даже у оказавшихся не на острове, а на материковом берегу участь не намного легче. По пути в посёлок придётся огибать морские заливы и устья многочисленных, пусть даже неширoких, рек, шагая вверх по течению в поисках брода. Путь домой по береговой линии в таком случае окажется втрое длиннее.

Вероятность таких событий понимает каждый уходящий в тундру и выходящий в море. Но все верят в лучшую долю и надеются обмануть её, судьбу-злодейку. Поэтому, услышав по телефону сообщение, где и когда тебя будет ждать вездеход, ты опять собираешь рюкзак и снаряжаешь свою безотказную двустволку-вертикалку. И как-то не хочется при этом вспоминать данного жене и детям обещаниям, что после недавнего двухдневного блукания по тундре ты туда больше никогда-никогда…

Памятник

К северо-востоку от острова Диксон разбросано множество больших и малых островов. Один из них, самый ближний к материку, возвышается метра на три над уровнем моря. Всего-то груда камней, непонятно какой силой и зачем вытолкнутая когда-то из глубины Карского моря. От материковой части он отделён узким глубоководным проливом с названием Превен, а от острова Диксон — широким, но мелководным. По Превену заходят в бухту с северо-восточного направления огромные ледоколы и гружёные морские суда с их немалой осадкой. И островок этот против них — как спичечная головка против коробка спичек.

На самой его вершине лежит между камней лодка «Казанка-М», а рядом, в прозрачном, сделанном из оргстекла коробе, стоит гармошка.

В столовой диксонской конторы «Торгмортранс» справляли чей-то день рождения. Народу гуляло немного. Ещё не все вернулись из летних отпусков.

Было начало сентября. Как раз то время, когда на этих широтах полярный день закончился и, как везде, день сменялся ночью. Подмораживало. Всё чаще выпадал снежок. Но сезон малой навигации ещё не закрыт.

Гости, изрядно выпив и хорошо закусив, первый раз вышли из-за стола покурить, потанцевать, поразмять ноги и спины. Стол ломился от северных яств, поэтому первая доза алкоголя лишь разогнала кровь, а танцы утрамбовали в желудках закуску так, что ещё можно пить и закусывать хоть до утра.

Кто первый заметил, что на столах нет ни свежего омуля, ни солёного, и сказал об этом, никто уж не вспомнит. Все лишь поддержали замечание и высказали общее пожелание, что ушицей омулёвой завтра с утречка поправиться ох как было бы хорошо.

Я не помню имён гармониста и того парня, которые вызвались и свежачка на сегодняшний стол доставить, и ушицей завтра всех взбодрить. Их сети ещё не сняты. Собирались на днях заняться, поэтому в балке[1] стоит лодка с подвешенным мотором и полным бензобаком.

1. Бало́к — деревянный сарай, гараж для лодки *(обиход.)*; охотничий домик в тундре *(охотн.)*.

— Один секунд — и омуль на столе! — сложив пальцы «очком», заверил гостей гармонист и вышел вслед за парнем.

Кто-то пытался остановить опасную затею. Но азарт уже кипел в крови, и заставить ребят вернуться не удалось.

Они не вернулись ни к застолью, ни на следующий день. Ночью добровольцы, среди которых было немало изрядно принявших на грудь, прошлись с фонарями по берегу бухты. Но ни лодки, ни ребят не нашли. Больше провозились с изрядно принявшими. Одного еле вытащили из накатившей волны.

На следующий день море разыгралось, и поиски велись лишь по береговой линии. К вечеру волны утихли, и в море вышли все лодки, какие не были поставлены на зимний отстой. Проверили место, где парни ставили сети. Ни сетей, ни следов на берегу. А на островке, что торчит среди пролива Превен, нашли наваленную на камни и совершенно пустую лодку. Даже мотора нет. Дно пробито, поэтому лодку затащили выше на камни и оставили. Быстро наступившая темнота заставила вернуться в посёлок.

На следующий день опять заштормило. Подняли вертолёт. Ни людей, ни каких-либо следов на берегу не нашли. А в следующие выходные друзья и жёны погибших подняли лодку на самую вершину островка, а рядом поставили в прозрачный короб гармошку. Помянули пропавших и вернулись в посёлок. Душам ушедших безвременно мужиков оставили два полстакана водки.

В первую годину поминки справили так же. Так и сложилась традиция поминать пропавших, оставляя в стаканах немного водки.

Помянули

В последнюю субботу августа Бог хорошую погоду послал — как раз время сети выбрать и, подсушив на ветерке, на долгую полярную зиму уложить. Андрей и Павел, двое друзей, молодых крепких мужичков, управились быстро, вернулись раньше всех и, подтянув лодку на берег, перетаскивали в бало́к мешки с рыбой, соль и сети. Вдруг, как чёрт из табакерки, из-за угла здания мастерской морского порта выскочил запыхавшийся Ефимыч и с ходу зачастил:

— Мужики, мужики, помогите, мотор накрылся, сети пропадут, выручайте.

Из сбивчивого рассказа поняли, что Ефимыч собрался ехать на своей лодке снимать сети, но что-то случилось мотором. Взревев при запуске, он вдруг заглох и не заводится.

Ефимыча, бедолагу и поганенькой души человека, в Диксоне не любили. Вроде и руки у мужика растут откуда положено, но всё, за что ни брался, делал он до того грубо и халтурно, что желающих брать его в напарники было мало. Да ещё врать мастер, каких поищи. Но и без него — никак. Вот уж, воистину, место красит человека.

Надо сказать, что в Диксоне рыночных фондов бензина для свободной продажи населению не было. Все горюче-смазочные материалы завозились исключительно для нужд предприятий. Тем не менее около полусотни личных моторных лодок каждое лето бороздили прибрежные воды Карского моря. История умалчивает, из каких резервуаров заливался бензин в их моторы… Этим и ценен был Ефимыч, что, работая начальником участка горюче-смазочных материалов морского порта, половиной поселкового бензина заведовал. И среди военных, к учёту ГСМ так или иначе причастных, друзей имел немало. Как ни крути, а без милости Ефимыча лодочнику не обойтись. Плевались, но на поклон шли. Лишь в одном сочувствовали ему мужики: алименты платил Ефимыч по двум или трём исполнительным листам дамочкам, в разных местах огромного Союза проживающим.

Друзьям за спасение сетей Ефимыч пообещал залить бензобак на предстоящую поездку и ещё две канистры на следующее лето. Игра стоила свеч. Да и проситель — невысокий, щупленький, в старенькой телогрейке, резиновых сапогах и шапке-монтажке — выглядел настолько жалко и так искренне убивался, что мужики согласились. Бензобак у них был почти полный, поэтому решили, что заполнит его Ефимыч по возвращении. В рюкзаке лежали бутылка водки, кое-какая провизия.

— На обратном пути заскочим на остров, ребят помянем, — тряхнул Ефимыч висевшим за плечом жиденьким рюкзаком.

Убрали в бало́к сети, рыбу и лишнее имущество. Поехали.

До бухты Северной, где стояли сети Ефимыча, дошли без проблем. Выбрали рыбу. Собрали сети, наслушавшись при этом матюгов от их хозяина за каждую зацепленную ячейку. И легли на обратный курс с попутным ветерком. При входе в пролив Превен повернули к острову-памятнику. Пришвартовались и поднялись к «Казанке». Гармошка и два пустых стакана — всё на месте.

— Интересно, куда девается водка из стаканов? За месяц их пару раз всё равно пополняют, — спросил Андрей, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Помянуть бы надо ребятушек, — засуетился Ефимыч.

— Неси, помянем.

Ефимыч сбегал к лодке и принёс бутылку водки, банку тушёнки, полбуханки хлеба и луковицу. Павел заметил, что продукты — из их рюкзака. А водку он чью принёс? Так кто ж её разберёт — в одном магазине купленная. Налили положенное в поминальные стаканы, остальное разлили по кружкам. Помянули.

Постояв молча у чужой беды, пошли к лодке. Ефимыч что-то замешкался и отстал. Оглянувшись, чтобы поторопить попутчика, Павел увидел, как он сливает водку из стаканов в свою кружку. Дёрнул Андрея за рукав:

— Смотри, что делает, гад.

Не обращая на них внимания, Ефимыч не спеша поднёс кружку ко рту, большими глотками выпил содержимое и, обстоятельно вытерев ладонью губы, закусил бутербродом с тушёнкой и лежащими сверху колечками лука.

— А ты спрашивал—куда.

— Уходить надо, Пашка,—заторопился вдруг Андрей.—Хреново это.

И действительно, попутный ветерок, совсем недавно ласково сопровождавший рыбаков, вдруг превратился в крепкий ветер и погнал волну. Лодку начало бить о камни. Павел, встав на торчащий из воды камень, развернул её носом в море, чтобы не захлёстывало корму. Андрей запрыгнул в лодку, рванул пускатель. Ещё не остывший мотор завёлся сразу.

— Давай на ту сторону!—крикнул и погнал лодку на другую, подветренную, сторону островка.

Павел подошёл туда с Ефимычем. Резкая перемена погоды в Диксоне не редкость. Но чтобы вот так, ни с того ни с сего, заштормило—явление редкое. Пришвартовав лодку в затишке, стали думать, что делать дальше.

— Смотри,—подтолкнул Павел друга.—Стоячие волны.

По проливу медленно перекатывались огромные водяные валы. Гидробазовские ребята рассказывали, что такое в Превене бывает. При каком-то определённом соотношении направления и силы ветра, морских течений и Нептун его знает чего ещё, в проливе создаётся эффект стоячих волн. Они неожиданно возникают и, погуляв по Превену туда-сюда, так же неожиданно угасают.

Павел с Андреем подошли к берегу. Всего в нескольких метрах в ту и другую сторону от них стоял водяной вал, а между ними яма—как пропасть. Каменный берег отвесной, скользкой и заиленной стеной обрывался у их ног в морскую непроглядную глубину. Это было жуткое зрелище.

При таких волнах пересечь пролив втроём на лодке «Обь-М», да ещё с мокрыми тяжёлыми сетями и большим мешком рыбы, нечего и думать. Для хорошей погоды перегруз допусти́м, а в штормящем море—верная смерть. Никому не хотелось, чтобы их лодку установили рядом с «Казанкой»…

Можно проскочить одному с сетями и рыбой. Разгрузиться, вернуться за вторым человеком, потом за третьим. Но сделать три рейса до темноты не получится. Вернулись к лодке.

— Что делать будем?—спросил Андрей.

— Плыть!—икнув, бодро воскликнул захмелевший Ефимыч, которому сейчас любое море, даже Карское, было по колено.

— Ефимыч, ты зачем поминальную водку выпил?—медленно выговаривая слова, прохрипел Андрей.

— Я не всю. Я им чуток оставил. Им, бестелесным, и этого хватит, а мне—в самый раз,—уверенно заявил тот, ещё не понимая, в какую передрягу они попали.

— Жадность фраера сгубила,—произнёс Андрей общеизвестную фразу.—Утроба твоя подлая. Ты же гнев морской на нас накликал. Троим Превен не пересечь. Оставим тебя здесь ночевать. Будешь водку с бестелесными допивать. Утром заберём. Или катером тебя снимут.

Остаться в Карском море на маленьком островке осенней ночью, без костра (дров взять негде), всего в полукилометре от ярко светящихся окон тёплых диксонских квартир, да ещё провинившись перед ду́хами умерших,—даже у Павла мурашки забегали по спине и заныло под ложечкой. Ефимыч моментально начал трезветь. Красное от выпивки и ветра лицо побледнело, приняв в итоге землистый оттенок.

— Вы что, мужики?! Смерти моей хотите, да?—взвизгнул он и в тот же миг бросился к лодке.

Козликом перепрыгнул через борт, отодвинул сети и уселся на слани, мёртвой хваткой ухватившись за леера. Андрей глянул вслед и философски заметил:

— Всё. Кранты. Балласт на борту.

Обговорили ещё вариант: уходить не сразу на посёлок, а сначала другим проливом, мелководным, но защищённым от ветра множеством мелких островков, на остров Диксон, и затем по спокойной бухте—к причалу. Маршрут тоже опасный: и путь длиннее, и подводных камней на мелководье тьма. Даже сорвав шпонку винта, шансов на спасение было мало. Маленькими штатными вёслами не удержать тяжелогружёную лодку против течения и ветра. Пока её меняешь, ветром снесёт к острову и прибоем разобьёт о крутой каменный берег. Но если в Превене шансы выжить были один к ста, то здесь—пятьдесят на пятьдесят. На этом варианте друзья и остановились.

— А вы, ребятушки, осторожнее. Мне-то что, бобылю одинокому? А вам—детушек малых кормить, да и жёнки у вас молодые. Вы уж поберегите себя,—причитал Ефимыч, бросая колючие взгляды на Андрея и испуганные—на почерневшую к вечеру воду осеннего Карского моря.

— Конечно, коль себя спасать будем, то и тебя не бросим. У, жлоб! Вон у нас в рюкзаке ещё бутылка водки! Доберёмся до места—хоть ужрись!

Андрей направил лодку на южный мыс острова Диксон. Шли малым ходом. Несколько раз шаркались днищем о камни да пару раз стукнулись

редуктором винта. При этом лицо Ефимыча моментально бледнело и начинали дрожать губы:

— Лопасть бы не обломить…

— Каркни мне ещё…— сунул ему кулаком в плечо Павел.

Острова удалялись, затишье заканчивалось. Вдоль бортов вровень с лодкой начали прокатываться белые, безобидные на вид кучерявые барашки волн. Попадёшь в такую кучерявость, смесь воды и воздуха,— лодка как в яму проваливается. Правда, по всплескам волн легче заметить подводные валуны, но, скатившись с волны, можно крепко сесть на более приглублённый камень. Мелководье в сгущающихся сумерках и при волнении — то же самое минное поле.

— Прости и помилуй…— сам не поняв, к кому обратился, Андрей повернул чуть влево и вывел лодку на глубину.

Взял курс на остров Конус[2]. Добавил оборотов. Лодка тяжело приподнялась на волне. Опасно… Но, по крайней мере, пошли быстрее, обгоняя нарастающие у бортов то тут, то там белые гребни. Через полчаса вошли в пролив между Диксоном и Сахалином. Всё! Впереди спокойная вода. Прямо по курсу светятся окна прибрежных домов. До чего же родными и тёплыми кажутся они в такие минуты…

В темноте обогнули причал и направились к пирсу. Ефимыч оживился и, сразу же возложив на себя обязанности капитана, заставил причалить к своему балку́. Перетащили сети, рыбу. Павел принёс опустевший бензобак.

— Заливай,— поставил его перед Ефимычем, при свете фонарей деловито развешивающим сети.

Тот как не слышит.

— Давай бензин, Ефимыч,— окликнул его Андрей.

— Так нет его. В понедельник будет. Я же вам не обещал именно сегодня,— как ни в чём не бывало спокойно ответил «главный гэсээмщик».

— Нам ещё до своего балка́ чапать.

— Так тут же рядом, на вёслах дойдёте.

— Значит, так: в понедельник вечером — две канистры и бак бензина. Иначе ты пожалеешь, что не остался на острове.

В лодке Андрей тряхнул рюкзаком: в нём не брякнуло, не булькнуло.

— Ефимыч, а где водка?— крикнул в сторону балка́.

Из-за створки ворот появилось блаженно улыбающееся лицо:

— Так вы же, ребята, её на острове выпили.

— А твоя-то где?

— Какая моя? Вы что, мужики? Я как вас из окна квартиры увидел, так и, чаю не попивши, побежал. Какой там магазин? Успеть бы к вам, пока лодку на берег не вытащили.

— Ну ты молоде-ец,— помотал головой Андрюха, и друзья отплыли.

Бензина в баке чуть-чуть не хватило. Подгребали до места на вёслах.

— Врёт ведь всё, падла,— подвёл итог Андрей.— В мастерской он сидел, в окно смотрел и ждал, кто первым вернётся. Мы ему и подвернулись. Ага, будет он тебе дома сидеть, чаи гонять, когда у него сети пропадают. Ну гад.

— Как ты думаешь, обманет с бензином?

— Пусть только попробует. Не однова живём. Диксон — посёлок маленький, найдём способ поквитаться.

В понедельник друзья бензин не получили. Вполне реальной была возможность не получить его и до лета.

Помог случай. У Ефимыча действительно сломался мотор. Дело в том, что у некоторых модификаций «тридцатых» «Вихрей» с электронной системой зажигания на магнето сверху припаян чёрный, квадратной формы, диод. Иногда, по какой-то неизвестной причине, его при запуске двигателя срывало. Определить неисправность, не зная про эту особенность, трудно. Но ещё труднее найти такой диод.

В Диксоне, как в Греции, есть всё. Но не в магазине. И Ефимыч пришёл за диодом к связистам, где работал Павел. Вот тут-то ему и пришлось залить своим спасителям не две, а четыре канистры бензина.

Белый «Москвич»

В первый год жизни на Диксоне Павел обратил внимание, что в посёлке нет личного автотранспорта. Оно и понятно: куда тут ездить? А как же талоны, которые жителям Севера выделяются на покупку легковых машин? Задал такой вопрос старожилам. Его на смех поднимают. Иметь стаж и трудовые достижения для получения талона — самая малость успеха. Главное — надо быть в очень хороших отношениях с секретарём исполкома, куда поступают эти талоны. Порядок их распределения и количество — тайна, покрытая мраком.

И вдруг в один из летних дней, в десять часов, Павел увидел на улице Воронина, у гидробазовского дома, новенький белый «Москвич-412». Чудеса! На фоне чёрной дороги, отсыпаемой плохо сгоревшим углём, он смотрелся белым лебедем, случайно оказавшимся на тёмном, заросшем тиной и мхом болоте. С хозяином Павел знаком не был и лезть с расспросами постеснялся.

День был выходной, и этот сверкающий белой краской новёхонький «Москвич» можно было видеть в первой половине дня разъезжающим по улицам посёлка. За рулём чинно восседал хозяин, рядом — жена, а на заднем сиденье — двое детей. Останавливались у домов, где проживали друзья. Машину тут же окружала толпа знакомых и просто зевак. Иногда на капоте накрывали

2. Конус, Сахалин — малые острова между островом Диксон и материком.

импровизированный стол, чтобы обмыть, как водится, покупку.

Во второй половине дня на автомобиле разъезжала уже иная публика. Четверо-пятеро мужиков втискивались в салон и, размахивая радостно руками, гоняли по северному посёлку, тревожа гудками клаксона мирно пасущихся между домами коров. Радости хозяина и водителей, а водители почему-то часто менялись, не было предела. Слышался знаменитый, чуть перефразированный лозунг: «Ударим автопробегом по диксонскому бездорожью!»

Финал такой обкатки автотранспортного средства оказался печальным. Вечером белый «Москвич-412» стоял там же, где и утром. Но белел он лишь одним боком. Второй оказался разодранным от фары до задней двери. Стоящие вокруг мужики задумчиво курили и чесали затылки. Вспоминали какого-то Валеру, который сейчас лежит в больнице со сломанной ключицей. Он, оказывается, сидел на переднем сиденье и радостнее всех размахивал через опущенное стекло рукой. Там же находился и другой «скраюсидящий», имя которого не называли.

Первым же судном хозяин отправил повреждённое авто через Архангельск на материк. История умалчивает, в каком виде машина дошла до места назначения при «оч.умелых» ручках портовских и железнодорожных умельцев.

Лемберовские Ворота

Есть в окрестностях заполярного Диксона речка с названием Лемберова[3]. Речка как речка, таких в тундре множество. Но лишь в её устье находится характерное для Севера с его суровой, неброской красотой место, именуемое Лемберовскими Воротами. Иногда их называют Ведьмиными Воротами.

Видимо, в какие-то стародавние времена петляла Лемберова по тундре, соблюдая все законы природы: текла, стремясь туда, где ниже; твердь обтекала, рыхлое размывала; через каменистые пороги переливалась, образовывая омуты. Оставалось ей уж совсем немного до Карского моря, как вдруг уткнулась она в гряду каменную. Гряда как гряда, таких в тундре тоже не счесть. Только расположена она почему-то не перпендикулярно берегу моря, как все окрест лежащие, а вдоль берега. Преградила речке путь к морю. Трудно сейчас найти причины для оправдания теоретических размышлений в описании дальнейших событий. Может, речка, зная, что вода камень точит, показала норов. Может, гряда сжалилась над речушкой и, решив уступить, раскололась надвое. Так или иначе, но извилистая по всему руслу речушка протекает по прямой линии в самом высоком месте, разделив гряду надвое ущельем шириной метров в пятьдесят. А дальше или сил уже у бедняжки не осталось вновь по прямой пробиваться к морю, или подумала строптивая: «Получили? Ну и хватит с вас»,—но потекла она далее плавно, вновь послушно огибая встречающиеся возвышенности. А у самого морского берега—опять незадача. Или море не захотело принимать гостью в свои объятия, или речке первый с морем поцелуй горьким показался. Но отгородились они друг от друга косой из мелких камешков, ширина которой метров десять будет. Вот только природу не обманешь. И, перелившись через косу неглубоким, чуть выше щиколотки, перекатом, влилась Лемберова в Карское море. Покорилась, а воду даже у самой косы сохранила пресной. Морскую, солёную, в русло к себе не пускает даже в сильные приливы.

В самих Воротах образовалась почти прямоугольная глубокая заводь. Можно подняться на каменную гряду и с высоты пятиэтажного дома оглядеть её. Но, как ни старайся, к самой воде, к подножью скал спуститься невозможно. В заводь можно попасть лишь на лодке. Внизу, у подножья скал, встречаются камешки странные—чёрные с красными прожилками. Говорят, камни эти магической силой обладают.

Но коса перегородила русло так, что на лодке в Лемберову не войдёшь. А снимать мотор, разгружать лодку да перетаскивать её по галечнику, рискуя ободрать днище, ради экзотической прогулки по всегда зеркальной поверхности воды желающих не находилось. Хотя у самых Ворот стоит старая зимовка, в которой, говорят, в двадцатых-тридцатых годах двадцатого века промышляли два брата. Сказывают, что братья вечно ругались друг с другом и дрались. Вот, а были бы любящими, навряд ли какая память о них осталась бы. Но речь не о братьях—о речке. Если на берегу стоит зимовка, значит, выход в море был?

Хотя рассказывал как-то сосед моего соседа, мне черезсосед, значит, что протащили они всё же лодку через косу и вошли в Лемберовские Ворота. Кинули удочки—ни поклёвки, ни других каких признаков живности не заметили. Привязали к леске груз и стали мерить глубину. Всю леску размотали, а дна нет. И что странно: начали леску вытягивать и сматывать, а её словно кто в глубине захватил и вырвал из рук. Конец лески только мелькнул на поверхности воды и в глубину ушёл так быстро, словно это не леска лёгкая, а проволока стальная. Ну, ушла и ушла, Нептун с нею. Стали они суровой северной красотой любоваться. На террасках скальных разные цветочки цветут. Маленькие, но яркие. И полярные маки кое-где желтеют. Разглядывая скалы, приготовили

3. Река Лемберова на побережье Карского моря названа по фамилии плотника диксонской радиостанции Степана Лемберова, похороненного в 1921 году на мысе, тоже носящем его имя.

фотоаппараты, чтобы диковинные виды на плёнку запечатлеть. И показалось им, что скалы вдруг начали сходиться. Вроде чушь собачья, а глядят — они всё ближе и ближе.

Хватились мужики вёсел, чтобы выплыть из ворот, а их и нету. Были они, на вёслах же по речке прошли и в ворота заплыли. А сейчас нет! Взяли в руки что было в лодке: один скамейку, другой котелок, — и давай грести с двух бортов. А скалы всё ближе и ближе. Неба полоска над ними всё у́же и у́же. Темно вокруг, словно ночью… Тут у обоих, говорят, сознание и отключилось.

Очнулись, когда лодку потихоньку течением к берегу прибило. Глянули назад — и скалы на месте, и заводь широкая, как и была. Главное, вёсла нашлись. Они вдоль бортов, под сланями оказались. Кто их туда засунул, из уключин вынув, — загадка. Как потом ни допытывались мы у горе-исследователей, сколько они тогда выпили, оба одно твердят, что трезвые были.

А другой черезсосед рассказывал, что вода в Лемберовских Воротах теплее, чем в других речках и в самой Лемберове, градусов на пять. И поэтому хоть она и пресная, но замерзает позже, в одно время с морской, солёной. Может, этому глубина большая причиной, кто его знает. И как он умудрился температуру воды померить, неизвестно. Правда, работал он в Диксонском управлении по гидрометеорологии и контролю окружающей среды (ДУГКС). А там такие ребята… Они тебе что угодно и где угодно померят. Хоть ту же температуру у чёрта в подмышках. Это их работа. И ещё он говорил, что бытует мнение, будто бы в заводи Лемберовских Ворот начинается заполненный водой подземный туннель — ход в озеро Байкал. Подтверждением является тот факт, что только в Байкале водятся такие северные животные, как нерпа, и такая северная рыба, как омуль. Больше-то их нигде, ни в одном озере нет.

Однажды попали мы в Лемберовские Ворота ранней зимой, когда снега ещё мало. Его ветром со льда подчистую сдувает. Тихо там. Спят скалы, многометровым льдом разделённые, жёстким крупитчатым снежком припорошённые.

Вышли на лёд и вспомнили рассказ черезсоседа. Нет, скалы не двигались. А вот под ноги смотреть жутко. Чистый и прозрачный лёд скрадывал свою толщину. Казалось, что стоишь ты на тонком стекле, а под тобой чёрная бездна. Как у Ломоносова. Только звёзд не было. И дна тоже. Вот так и ждёшь, что при следующем шаге хрустнет стекло под ногой, брызнет осколками — и полетишь ты в ту бездну… Шли мы тогда по заводи от одной скалы к другой, наверное, так же, как пехота по минному полю. Незабываемые ощущения! Если бы не редкие белеющие в этой черноте трещины, по которым можно судить о толщине льда, вряд ли бы у нас хватило духу перейти заводь.

Где-то лежали у меня чёрные камешки с красными прожилками, взятые в Лемберовских Воротах. Но со временем затерялись куда-то…

Гусиная охота — второй отпуск

В конце мая в окрестностях Диксона начинается лёт гусей. За ними тянутся утки и другая разная мелочь. А в первое воскресенье июня открывается традиционная десятидневная гусиная охота. Этого дня бо́льшая (и, смею сказать, лучшая) часть мужского населения посёлка ждёт с трепетом и тревогой. «Боевые товарищи» загодя собираются у кого-нибудь на квартире и священнодействуют: заряжают патроны, готовят снаряжение и профиля. Процесс ласкает душу каждого «мужика с ружьём», как называют охотников их жёны.

Счастливчики, сумевшие под любым предлогом вырваться с работы, разъезжаются на вездеходах к своим балка́м. Из посёлка зимой есть два пути: по льду на юг и берегом на север. На каждой дороге имеется место, где должна быть исполнена извечная, передаваемая из поколения в поколение традиция: распить одну на всех бутылку водки. Первую — одну на всех. Кроме того, её следует расстрелять, и обязательно влёт. Лишь после исполнения этого ритуала считается, что гусиная охота для находящихся в этой группе охотников началась. Тундра открыта.

В вездеходе, как правило, находятся две-три группы охотников, балки́ которых расположены по пути следования. Первая, а затем и последующие группы, доставленные до своих балко́в, как правило, вручали водителю вездехода бутылку. Её разливали всем желающим. Отъезжающие плескали из своих стаканов на углы балка́, а остающиеся — на гусеницы вездехода. Но это уже являлось не традицией, а правилом хорошего тона. Пожелав друг другу удачи, расставались.

Существовала и ещё одна обязательная традиция. Охотников с места охоты вывозили также вездеходами. Водителю от каждой бригады положено отдать одного гуся и бутылку водки. Тут часто возникал нюанс. Гуся-то водиле — без проблем, а водку в тундре где взять? Конечно, с первого дня охоты все оставляют одну «командирскую» на последний день. Но она, как правило, до этого дня не доживает. Чаще всего компромисс достигался так: гуся — сейчас, пузырь — в посёлке. По завершении сезона охоты в гараже у водителя набирался ящик водки.

Прибыв в свой бало́к и обустроившись на месте, дальше разливали уже по двум критериям: «Ты что, краёв не видишь?» или «Душа — мера». Те, кто наливал по первому критерию, часто попадали в такую ситуацию. В пьяном азарте, а потом и в пьяном угаре горе-охотники разбабахивали патроны по бутылкам, а когда начинался лёт гусей, стрелять было уже нечем.

В компании, о которой идёт речь, наливали по второму критерию. Поэтому, попрощавшись с попутчиками, мужики первым делом оборудовали скрадки[4], выставляли фанерные профиля, топили печку и, приведя бало́к в жилое состояние, приступали к ужину.

Сервировка стола в первый день — тоже традиция, но уже бригадная.

На застеленный газетами стол (скатерть будет завтра с утра) выкладываются чёрный хлеб, нарезанные толстыми кольцами головки лука и выставляется бутылочка из-под снега, в тёплом балке́ сразу же запотевающая. Её содержимое разливается грамм этак по сто в алюминиевые кружки (именно в алюминиевые, ибо в них бульки почему-то звонче получаются). Употребляется она холодненькая под ядрёный огурчик венгерского маринования. К этому времени на чугунной печке-плите уже разогрета вскрытая банка со свиной тушёнкой. Её, горячую, — сразу на стол. Окунаешь туда ломоть чёрного хлеба и даёшь ему слегка заливкой пропитаться. Затем на него ложкой — тушёной свининки. Сверху на всё это — кольца лука. Да побольше, с горкой. Внутри уже водочка по жилкам пошла, усталость дневную из них выгоняя. Во рту вкус огурчиков маринованных ещё гуляет, язык пощипывает. А ты туда же вторые сто грамм и всему этому благолепию вдогонку сооружённую закусочку отправляешь. И сразу же ощущаешь тепло и блаженство… От печурки в это время по помещению тоже тепло расходится. А кругом тишина… И вокруг, по крайней мере, километра на три-четыре — ни души…

Перед тем как налить следующую, тушёнку вновь подогревали. После третьей закусывали домашними заготовками: сырокопчёная колбаса, котлеты, картошка, капуста и прочие деликатесы, которые завезла в посёлок за прошлую навигацию доблестная диксонская контора «Тормортранс».

Павел вышел из балка́. Сливая на ходу отстой, прошёл по снежному насту чуть дальше, на самую вершину наметённого за грудой камней сугроба. Полуночное солнце слепит глаза. Романтика!.. Конечно, романтика, когда у тебя в балке́ полно дров и угля. В рюкзаке — запас еды на две недели. Под нарами — полный цинк патронов. В оговорённые день и час тебя вывезут вездеходом… А если не вывезут? Вот тут уж, извините, от такой «романтики» — холодок по спине…

С северной и восточной стороны на полгоризонта простирается тундра — белое безмолвие, кое-где расчерченное чёрными каменными грядами. В их, казалось бы, хаотичном расположении всё-таки есть закономерность — они почти все располагаются перпендикулярно морскому берегу. Далеко слева чернеют две точки — скалы Лемберовских Ворот.

За спиной, с западной стороны, от берега моря пролегла широкая лайда[5]. Основное её русло идёт метрах в трёхстах от балка́, а неглубокое ответвление уходит на север. На этой развилке и обустроены скрадки с фанерными профилями. Небольшие стаи гусей постоянно тянутся этой лайдой и, как правило, сворачивают к выставленным на снегу профилям.

Пока Павел разглядывал окрестности, из балка́ вышел его напарник Василич. Он после армии жил и учился в Одессе. Когда наши знаменитые юмористы ещё только оканчивали Одесский институт инженеров морского флота (ОИИМФ), Василич уже учился там же на первом курсе. Видимо, в память о студенческих годах в славном городе Одессе, он называл Павла «корешем» или «корешком».

Подержавшись за угол балка́, чтобы тот перестал качаться и принял вполне устойчивое положение, Василич направился к другу. На полпути остановился. Долго и внимательно рассматривал надпись, сделанную им на снегу. Наверное, он принял написанное за приветствие появляющимся иногда в этих краях летающим тарелкам. Покивал, одобряя размашистость почерка, позволяющего инопланетянам читать послание с высоты, не напрягая лишний раз зрения и не тратя топливо на снижение и последующий набор высоты. Видимо, согласившись со смыслом, наложил на текст свою резолюцию. Затем, помахав соавтору рукой, начал внимательно осматривать небосвод. Наверное, надеялся увидеть на нём неопознанные объекты, слетающиеся для прочтения приветственного послания. Но НЛО не было. Зато напротив склонившегося к северо-западу солнца отчётливо виднелась луна.

— Корешок, а ты сможешь в луну попасть? — пытаясь сконцентрировать взгляд на товарище, спросил он.

Павел отрицательно помотал головой.

— Щас посмотрим.

С этими словами Василич зашёл в бало́к и вернулся с ружьём-вертикалкой двенадцатого калибра.

— Стреляй оттуда, — крикнул Павел, предварительно укрывшись за камнями.

Пьяный мужик с ружьём — это похуже обезьяны с гранатой.

Засадив по патрону в каждый ствол, Василич вскинул ружьё и стал наводить его на цель. Траектория движения стволов походила на лежащую на боку цифру «восемь». Грянул выстрел. Видимо, стрелок даванул на обе скобы сразу. От двойной отдачи его опрокинуло на снег.

4. Скрадо́к — яма в снегу, где укрывается охотник, мечтающий подстрелить гуся.

5. Лайда — неглубокий овраг с пологими склонами, заросшими травой. На юге России их называют ба́лками.

— Корешок, корешок, ты видел? Я попал! Она упала! Она упала прямо к моим ногам! — радостно кричал поверженный Василич, показывая на луну через торчащие из снега ноги.

Пока он выкарабкивался и вставал, Павел подобрал ружьё, разобрал и унёс в бало́к. Когда вышел, увидел на лице Василича недоумение.

— А ты? Ты что же, стрелять не будешь?

— А куда стрелять? Луну ты уже порешил, а двух лун мы с тобой ещё пока не видим. Давай забросим её снова на место. Пусть она по небу плавает. Это сейчас, при солнце, она вроде бы никому не нужна. А августовской ночью она пригодится нам, когда будем возвращаться на лодке с хорошим уловом. Давай-ка я её отправлю снова на небо.

С этими словами Павел взял валявшуюся недалеко консервную банку и забросил её как можно выше и дальше за камни. Василич сосредоточенно вникал в сплетённую им словесную вязь и проследить траекторию полёта банки оказался не в состоянии. Но процесс отследил чётко. Он выстрелил — луна упала. Он наблюдал её, поверженную, у своих ног. Корешок сделал бросок вверх, И вон она, луна, опять над его головой. В результате всё вернулось на исходные позиции. Значит, и им пора обратно за стол.

Василич взял Павла за плечи и тихо, с дрожью в голосе, сказал:

— Ты правильно рассудил, корешок. Красиво и душевно. Уважаю.

Он что-то смахнул с глаз рукавом климатички[6] — то ли прилипшую крупинку снега, то ли скупую мужскую слезу…

С утра начиналась настоящая гусиная охота — второй отпуск.

Сказано оптимистично и довольно самонадеянно. Увы, утро выдалось пасмурное. Сыпал редкий, мелкий, крупитчатый снег. Ветра не было… гусей тоже. В принципе, это даже оказалось друзьям на руку. Прибрались в балке́ после вчерашнего. Оборудовали с противоположной стороны груды камней туалет.

Да простит меня читатель за дальнейшие подробности, но сие заведение имеет в данной ситуации особый статус и требует отдельного описания.

Во-первых, данный туалет наверняка был единственный во всей тундре оснащён унитазом. Просто привезли в бало́к унитаз с пробитым днищем, прикрепили к двум широким и толстым доскам, которые уложили над выкопанной в снегу ямой. В качестве сидушки использовали кусок толстого пенопласта, естественно, с нужным отверстием. Присядешь на него, бывало, прикрыв сооружение полами климатички, — и тепло, и не дует.

Во-вторых, место для него выбирали не в укромном закрытом уголке, как это обычно принято, а посреди чистого поля лицом на юг. К чему это? А к тому, что по закону подлости именно в это время в непосредственной близости от восседающего пролетят гуси. Это даже к гадалке не ходи… Никто из балка́ выскочить с ружьями не успевает. А сидящий, естественно, с ружьём наизготовку, — вот он, тут как тут, возвращается с отхожего места с добычей.

В таком размещении нужного места есть ещё одна прелесть. Представляете, сидишь… а пред тобой на все четыре стороны, на многие километры — белое безмолвие. И ты один в центре этой бескрайности… Осознав поэтичность ситуации, ты уже не просто сидишь, а гордо восседаешь! В голове рождаются величественные мысли. Прям маниловщина какая-то… И название этому сооружению друзья дали соответствующее — думное место[7]. Приличия ради надо сказать: думное место от балка́ закрывала каменная горка.

Наверное, у Василича до сих пор хранится фотография, на которой посреди белой пустыни, на фоне далёких прибрежных скал и чернеющего у самого горизонта посёлка, гордо и величественно на верху пологого сугроба стоит вполне цивильный городской унитаз.

А на второй день — опять неприятный сюрприз. Вдруг поднявшийся южный ветер гнал по тундре позёмку. Павел сидит в скрадке: над головой — бледно-голубое ясное небо, с одной стороны горизонта — солнце, с другой — луна. А на поверхности земли вдоль отшлифованных за долгую полярную зиму сугробов несутся снежные космы, смазывая очертания дальних каменных гряд и холмов. Всё бы ничего… Но сидеть приходится лицом к югу, откуда налетают гуси, и жёсткий крупитчатый снег с бруствера скрадка летит прямо в лицо. Студит нос и щёки, залепляет глаза. Тёмные очки спасают от солнечного света и слепящего снега. Но защитить от позёмки они не могут. Приходится всё время стоять. Отвернёшься или спрячешься в скрадке — а гуси вдруг налетят… В общем, не второй отпуск, а сплошная маета. Беда ещё в том, что выехать-то в этот раз удалось лишь на три дня.

Разочарованный Василич ушёл в бало́к — готовить ужин. Павел остался.

Далеко, где-то вдоль берега моря или над прибрежными островами, тянулись к северу косяки гусей. Но надеяться и ждать, что какая-нибудь стая отвернёт в его сторону, — напрасное занятие. Летят высоко. Пролётные.

Второй неудачный день заканчивается. Надо собираться домой. Ружьё, спустив курок, прислонил к стенке скрадка. Начал складывать сиденье, укладывать термос в рюкзак… Краем глаза уловил или

6. Климатичка — фуфайка с поясом и тёплым капюшоном.

7. Описываемые события происходили в 1986 году. Поэтому название «думное место» к нынешним думам разных уровней никоим образом не относится.

каким-то охотничьим чувством ощутил движение слева. Инстинктивно присев, повернул голову… Три серых гуся заходят на профиля. Двое летят в паре, третий чуть подальше сбоку. Идут низко.

Поэтому вскакивать перед ними, чтобы, как в тире, расстрелять зависшую в испуге птицу, не было никакого смысла. Стрелять в лоб бесполезно. Дробь от такого выстрела скользит по оперению, не принося птице вреда. Вероятность того, что какая-то дробинка перебьёт крыло, очень мала. Надо ждать посадки или стрелять вслед.

Три большие птицы неспешно плыли над снежной целиной на высоте трёх-четырёх метров. Плавные движения огромных крыльев свидетельствуют скорее о спокойствии птиц, чем об усталости. Чёрные на фоне ослепительно белого снега, с медленными взмахами широких могучих крыльев, они показались Павлу величественными сказочными драконами, парящими в белом безмолвии.

Заворожённый фантастической картиной, он чуть приподнялся, наблюдая за птицами. Видимо, солнечный луч блеснул на очках или гуси заметили его неловкое движение, но что-то их встревожило. Летящий за парой гусь-одиночка качнулся на крыло и ушёл вправо. Его уже не достать.

Пара, отклонившись в другую сторону, прибавила в скорости, пытаясь облететь скрадок слева. Уйти дальше ей мешал крутой склон лайды. Павел привстал, взвёл курок и начал, затаив дыхание, выцеливать добычу, чтобы одним выстрелом зацепить обоих. Секунда, другая… И тут ему показалось (наверняка показалось, ибо такого, как говорят орнитологи, не бывает никогда), что одна из птиц, судя по размерам — гусак, повернула и несколькими сильными взмахами крыльев настолько приблизилась к скрадку, что заслонила собой и подругу, и, показалось даже, половину горизонта. Огромная птица летит настолько близко, что, кажется, ещё секунда — и ударом крыла выбьет ружьё из рук. Видно каждое пёрышко на пёстрой груди и чёрную бусинку глаза на его чуть повёрнутой к охотнику голове. Обречённость и в то же время надежда, что его манёвр не окажется напрасным, читались во взгляде.

«Пусть будет так», — подвёл человек итог противоборства с птицей и плавно поджал спусковой крючок… Сухой щелчок осечки эхом ухнул в груди, пустотой сорвавшись вниз и тугой волной ударив в голову. В недоумении Павел опустил ружьё. Он видел, как гусыня скрылась за поворотом, а гусак, описав дугу, догоняет её, усиленно работая крыльями. Он мог бы снять его следующим выстрелом. Но… тогда не осталась бы в памяти картина величаво плывущих над ослепительно белой тундрой прекрасных птиц, похожих на двух чёрных драконов.

Чудес на свете не бывает. По пути в бало́к Павел понял причину осечки… Он выехал на охоту с новым ружьём-бескурковкой. И почему-то не на полчаса раньше, а именно сейчас вспомнил последний пункт заводской инструкции, которым предписывалось на первое время, пока детали механизма не приработаются, возвращать взводную скобу усилием руки обратно до упора. Усмехнувшись, исполнил заводское указание. Затем поднял ствол вверх и нажал на спусковой крючок. Грохнуло так…Что и требовалось доказать: обычная спешка и разгильдяйство. Из-за волнения он забыл исполнить рекомендацию завода-изготовителя.

Подлёдный лов на Убойной

В сорока километрах к северо-востоку от Диксона есть речка с названием Убойная. Много рассказывали побывавшие на её берегах об очаровании тех суровых мест. Удивлялись, что течёт речка не как все — по широкой лайде, а в глубоком каньоне, который она промыла за многие века, неся свои воды к Карскому морю. Каньон настолько узкий, что осенней тёмной ночью, двигаясь по бесснежной чёрной тундре на вездеходе, запросто можно не заметить его обрывистого берега и кувыркнуться вниз. А ещё рассказывали о «во-от таких» хариусах, что водятся в её прозрачных водах.

Лето в Заполярье холодное, а летняя пора очень «жаркая». За непродолжительную навигацию надо успеть принять и разместить огромное количество грузов, выполнить ремонт инженерных сетей и жилого фонда. Тут уж не до окружающих красот и увеселительных выездов «за город». Самое лучшее время сгонять на Убойную за хариусом — осенний подлёдный лов.

В пятницу вечером по уже скованной морозом и запорошённой снегом тундре компания на вездеходе добралась до балка́ на берегу Убойной. Пока не стемнело, прошлись вдоль обрыва. Не обманули рассказчики. От горизонта до горизонта, с одной стороны обрамлённого чернеющей полоской моря, простирается практически ровная тундра. А под ногами, где-то внизу, в темноте сгустившихся сумерек виднеется серая лента реки. На протяжении метров трёхсот от поворота до поворота русла насчитали четыре переката и два небольших омута.

Вернулись в бало́к. При свете керосиновой лампы поужинали и улеглись спать.

Утром с рассвета попробовали закинуть удочки в приглянувшихся вечером ближних омутах. Не дождавшись поклёвок, на вездеходе перебрались вниз по течению, где омуты были пошире. Тяжёлые свинцовые тучи постепенно рассеялись, и сквозь просветы в них периодически появлялось солнце. Вот тут-то и началась рыбалка.

Выходили на лёд по одному. Вдвоём рядом стоять страшно: лёд начинает проседать и потрескивать под ногами. Ближе к середине омута Павел топориком прорубил во льду небольшую лунку. Удалив льдинки, лёг на лёд и приник к ней

лицом, прикрывая щели руками, чтобы в лунку не попадал свет и на воде не было бликов.

Вот это да!!! Внизу, как в аквариуме с кристально чистой водой, видно всё до мельчайших деталей. Солнечные лучи, проникая сквозь припорошённый снегом ещё не толстый лёд, играют на дне и на камнях солнечными бликами. Ничего не шелохнётся в подводном мире. Поворачивая голову, оглядываешь подводную часть берегов. Вон они где, красавцы… Пять-шесть рыбин, чуть поводя брюшными плавниками, замерли у стремнины.

Подошли ближе и на безопасном друг от друга расстоянии полукругом расположились вдоль заветного места. С величайшей осторожностью, кашлянуть боясь, каждый прорубил по лунке. Ложиться нельзя, чтобы тенью не встревожить рыбу. Снарядили удочки и тихо опустили крючки под воду, затаив дыхание — ни кашлянуть, ни чихнуть… Ждёшь… Ждёшь. По леске ощущается толчок. Заметили! Еле сдерживаешь себя от первой же подсечки. Чуть опускаешь удочку. Даёшь слабину. Второй толчок. Чуть поднимаешь удочку. Ну… Бог троицу любит… Ну? Есть! Толчок и поводка. Подсекаешь резким несильным рывком. И с восторгом ощущаешь, что добыча на крючке. Сейчас главное — не делать резких движений. Не создавать суеты, настораживающей и пугающей остальных обитателей омута. Не ослабляя лески, подводишь добычу к лунке и поднимаешь на лёд. Вот он, красавец, чуть не дотягивает от ладони до локтя. Первым делом — понюхать рыбину. На материке Павел хариусов не ловил. Как там и в других речках, а в заполярных только что пойманный хариус пахнет свежим огурцом. Пару вдохов достаточно, чтобы насладиться ароматом и вспомнить недавний отпуск.

«С почином!» — машет рукой сосед. Павел мысленно посылает его, не со злобы, конечно, а согласно традиции, к чёрту, хотя понимает, что в данный момент, наверное, лучше отправить к водяному, если он только водится в этом холоде. Насаживает новый хлебный катышек и опускает крючок вниз. Напарники один за другим выводят на лёд свою добычу. Прикинул: не-а, его экземпляр всё равно крупнее. Понимая, что они так не считают, машет им: «С почином!» — и тут же ощущает, как дёрнулась леска. Надо вытащить ещё одного хариуса, пока друзья переналаживают крючки… На этом он и срывается. Нетерпение подвело. Показалось, что второй толчок был с поводкой, и подсёк… Пусто. Всё, хариус напуган и уйдёт в сторону.

Так и есть. Минут через пять-десять сосед вытаскивает наверняка именно этого, ушедшего от тебя, второго хариуса. Если оставшихся сородичей не распугали и они не покинули «насиженное» место, есть смысл ещё ждать. Вроде не шумели. Всё делали аккуратно и тихо. Ожидание поклёвки… Есть одна… другая… третья… и всё. Тишина.

Павел медленно ложится к лунке и всматривается в подлёдное пространство. Солнце закрыла тучка. Подо льдом серо, видно плохо. Отошёл к первой лунке и, приникая к ней, вновь исследует взглядом подводный мир. Появляется солнце. Подо льдом — вновь аквариум. Ага. Оставшаяся пара ушла в сторону. А вон там, чуть дальше у берега, ещё одна стайка. Показал рукой в ту сторону. Напарники потянулись в указанном направлении. Но что-то не срослось: или стайка оказалась напуганной, или возбуждённые первой удачей рыбаки вели себя шумно, — удалось вытащить лишь одного хариуса. Остальные тут же ушли к другому берегу.

Ниже по течению ещё один омут. Решили пробираться туда по камням вдоль русла речки. Товарищ пробует закинуть в небольших заводях на не замёрзших ещё перекатах. Пусто. Павел с другим напарником уже на льду. Незадачливый испытатель присоединяется к ним.

И всё повторяется сначала. Лунка. Аквариум. Слева стайка. Справа ещё одна, и чуть подальше, кажется, третья… Тихо, тихо… Лунка готова. Наживлённый крючок скользит вниз, ожидание… Толчок. Пошла рыбалка!

Короток осенний день в Заполярье. Ещё и время детское, а на дворе уже темно. Пора возвращаться. В балке́ у каждого свои обязанности. Одному — дрова и печка, другому — вода и картошка, сервировка стола. И лишь повар — лицо неприкосновенное. Его забота — уха. Запотевшую беленькую — на стол. Под холодную закусочку за удачу — первая, за погоду — вторая, и третья — за любовь, чтобы жёны дождались… А тут и повар уху подаёт.

Ночью Павел проснулся и вышел из балка́.

Стояла на удивление тихая безветренная ночь: ни привычного ветра, ни колючей позёмки. Даже хиус[8] не ощущался. Наверное, притаился где-то за дальней каменной грядой. Может, где-то на припае с ледяной морской волной играет, впитывая её холод, чтобы завтра испытать им группу людишек, так самонадеянно забравшихся далеко в тундру ради ощущения восторга от бьющейся на леске рыбины.

Пугающе близкие-близкие звёзды на совершенно чёрном небе и белеющая каким-то неестественным фосфоресцирующим блеском тундра. Огромный ковш Большой Медведицы в стороне и чуть вытянутый, висящий прямо над головой ковшик Малой Медведицы. Над горизонтом далеко за каньоном — круглая и тоже увеличенная

8. Хиус: «Это даже не ветер, а стена холода, наваливающаяся на всё живое. Хиус пронизывает одежду, добираясь до костей, жжёт лицо, холодит душу» (Виктор Михайленко, «Рождённые луной и хиусом»).

в размерах Луна. Абсолютное господство двух цветов — чёрного и белого. И никаких полутонов. Даже снег в тени балка́ в двух метрах от ног тоже кажется чёрным. Горизонт чёткой линией обозначил границу между чёрным небом и серебристой поверхностью земли. И только за далёким припаем море отделило небо от земли полоской свинцового цвета. Леденящее душу и в то же время завораживающее зрелище. Появилось чувство ирреальности окружающего пространства.

Но самое жуткое ощущение вызывал каньон. Две чётких границы между чёрным и белым: одна — ближний, другая — противоположный края ущелья. А между ними — абсолютная чернота. Наверное, так и выглядит он, никем ещё не виденный край земли. Зрелище сводит с ума. Что там? Умом понимаешь: обычное, глубиной метров в десять-пятнадцать, ущелье с протекающей на его дне местами ещё не замёрзшей речкой… Но ноги сами идут к загадочной чёрной ленте. Тьма завораживает, кружит голову, влечёт. Еле удерживаешься от соблазна заглянуть туда, в чёрную бездну преисподней. Наверное, так и пропадали путники, обманутые миражами в пустыне, аргонавты, соблазнённые пением наяд, и парубки, пленённые тихим смехом русалок.

Вспомнилось гоголевское: «Тиха… — и тут же перефразировалось: — …заполярная ночь». Зимой в морозы такие тихие ночи не редкость. Но ночная тишина обманчива, верный признак смены погоды, а ещё вернее — к пурге. Павел вернулся в бало́к.

Утром рассказал о своих сомнениях насчёт погоды остальным. Хотя небо было чистое, решили позавтракать на скорую руку, собраться и двигаться вверх вдоль русла реки к дороге. По пути проверить ещё пару, как сказал водитель вездехода, «богатимых» омутов.

Доехали до первого. Взяли ещё по три-четыре хариуса. Небо стремительно затягивалось тучами. Погрузились в вездеход — и ходу. Второй омут пришлось миновать. Ветер крепчал, поднимая позёмку. Выехали на дорогу и устремились к Диксону.

Пурга догнала вездеход у самого посёлка. Водитель Юра определял дорогу лишь по ему одному известным вехам — приметным камням и разбросанным вдоль дороги металлическим бочкам. Далее, миновав свалку, до посёлка добрались, ориентируясь на мерцающие сквозь пургу окна диксонских домов.

«Оранжевый»

Одно-двухэтажные дома в Диксоне за зиму заносит снегом по самый карниз. Ребятня, вылезая с чердаков через слуховые окна, с восторгом скатывалась на санках или фанерках по природой-матушкой созданным снежным горкам.

Именно такой дом стоит за тыльной стороной здания районного узла связи, в обиходе — Диксонского РУС. Молодой инженер телефонно-телеграфной связи стоит у окна линейно-аппаратного зала, с двояким чувством наблюдая за веселящейся ребятнёй. Лучи майского солнца, отражаясь от спрессованного морозами и отшлифованного ветрами снега, слепят глаза. Потеплело внутри, душа размякла, вспомнив знакомое с детства: «Мороз и солнце; день чудесный!..» Так и радовался бы, любуясь обычной зимней забавой детворы, если бы… не май месяц на дворе. Последний весенний месяц на исходе, а снег и не думает таять. И первомайскую демонстрацию отменили из-за пурги. Намело под самые крыши и морозом придавило. Минус двадцать — какая уж тут весна?.. Отсюда и двоякие чувства, смятение в душе.

Первые два года в Заполярье прожили на едином вдохе, в романтическом восхищении от познания неизведанного, ощущения некоей исключительности собственной персоны из-за того, что обитают в мире, не каждому доступном. Где таких сложных проблем, как отдельная квартира, место в детском саду, не существует. Сам детсад и школа рядом с домом. Дублёнки взрослым, шубки детям, ковры и прочее, и прочее решались в Диксоне не годами, а днём подачи заявления.

Романтика исчезла первой. Началось приобщение к суровой обыденности. Затем, по мере привыкания к обеспеченной жизни, притупилось и прошло чувство собственной исключительности. Началась обычная, от праздника до праздника, бытовуха при социально-политических лозунгах и с мечтами о грядущем отпуске. Мужская половина диксончан зиму претерпевает ещё и ожиданием гусиной охоты да летней рыбалки.

Ну что ж, бытовуха так бытовуха. Ананасов с бананами он и не ожидал. Мандаринов, красной и чёрной икры в свободной продаже, как обещали работодатели, тоже не оказалось. Лишь старожилы вспоминают ещё о стоявших на прилавках вазах с чёрной, красной икрой и мандаринами, о свежих огурцах, коньяках, шоколаде и прочем. В принципе, всё и сейчас есть, но лишь по праздникам.

Но не в этом проблема, а в детях. Медики пусть не открыто, не в докладах и выступлениях, но говорят, что детям на Севере долго жить нельзя, вредно для здоровья. Так, опять же, немало в Диксоне молодых специалистов, окончивших вузы и техникумы на «материке» и вернувшихся работать в Диксон. Никакой ущербности в их поведении и развитии незаметно.

Вспомнилось, как семья с двумя дошколятами добиралась в конце августа до Диксона. На контейнер для перевозки домашних вещей очередь. Воздать «благодетелям» за контейнер в обход очереди, за бронирование билетов из Москвы до Норильска и в Диксон у молодых специалистов денег, естественно, не было. Но эти самые

«благодетели», услышав: «Переезжаем на Диксон»,— вдруг становились обычными порядочными людьми и оформляли всё необходимое без излишних проволочек и запросов.

Как глянул в иллюминатор приземлившегося в Норильске самолёта и увидел ржавую мокрую пожухлую траву, прибиваемую к земле стылым дождём и сильным ветром. На лётном поле аэродромная обслуга — в меховых куртках и плащах. Сжалось сердце в тревоге: в Москве ещё лето, солнце и плюс двадцать. А здесь… Им повезло, в Алыкеле лишь вчера открыли новое здание аэровокзала.

Как, проснувшись ночью на вокзальном стуле, ощутил ужас оттого, что завёз семью неведомо куда. И не окажутся ли горькими обещанные манна с заполярных небес и красная икра на прилавках магазинов? Посмотрел на свернувшуюся калачиком жену на соседнем стуле и детей, уложенных на составленные рядом чемоданы… Стиснув зубы, приказал себе: вперёд и только вперёд.

Попали в самый сезон — северяне возвращаются из отпусков. Диксон не принимает из-за погодных условий. Народу скопилось — тьма. Билетная бронь в аэропорту Алыкель ничего не значит — становись в общую очередь. С чемоданами и баулами (а куда ж новосёлам без них?) в переполненный самолёт не берут.

Руководство Дудинского узла связи договорилось с капитаном и отправило бедолаг туристическим теплоходом маршрута Красноярск — Диксон. Повезло им: двое суток любовались из окна комфортабельной каюты суровыми пейзажами устья Енисея. А экскурсовод по корабельной радиосети рассказывает об исторических достопримечательностях: «Взгляните налево. Можно увидеть крест на могиле… сосланного за… Взгляните направо. На берегу виднеется каменный тур — могила… сосланного за…» С погодой повезло: все кресты и могилы — как на выставочных фотографиях. Только не фото это, а жизнь. Запомнились пристальные, недоуменные, недоверчивые взгляды туристов. Один озвучил общее непонимание:

— Скажите, вы правда с детьми в Диксон едете жить по своей воле? — и, получив утвердительный ответ: — Туда же ссылали… А вы сами…

— Нет, ссылали, как видите, намного южнее, — стараясь не выдать тревоги, отвечал глава семейства.

Да, тех ссылали. А его, молодого перспективного специалиста, что занесло в этот Богом забытый край земли? Или, наоборот, хранимый? Хранимый Им от Им же созданных и Им же проклятых людей? Даже своих «неверноподданных» цари ссылали южнее, а он, законопослушный, по доброй воле едет.

Молодой инженер мотнул головой, отогнал воспоминания. Ничего, Бог пока не выдал, свинья не съела. Поживём ещё, а там увидим.

А пока середина мая, за окном солнце и… минус двадцать. За спиной слышны едва уловимый гул блоков питания, попискивание зуммеров, лёгкий шум вентиляторов. Обычные звуки линейно-аппаратного зала узла связи. Отвернулся от окна… а на рабочем столе — горка мандаринов, словно в Гаграх или на прилавке сухумского рынка. Солнечный луч подсвечивает оранжевое… оранжевый бок телефонного аппарата.

Телефоны завезли вместе с другим оборудованием на туристическом теплоходе «Валерий Чкалов». Начальница узла связи, мельком проверив поступившее на склад оборудование, приступила к традиционной процедуре — осмотру и оценке телефонных аппаратов. От столь приятной процедуры её отвлекла секретарь, прибежавшая с известием, что на узел связи неожиданно пожаловала председатель исполкома. Наспех вскрыв несколько коробок и убедившись, что на этот раз ничего интересного нет, начальница приказала оприходовать товар обычным порядком и поспешила в кабинет встречать высокую гостью.

Так уж повелось в Диксоне, что новая модель телефона на рабочем столе руководителя любого предприятия — частичка общего престижа. Поэтому каждый старался получить что-то оригинальное по своим ведомственным каналам обеспечения. А для невлиятельного в масштабах района узла связи поступление новых телефонов считалось событием особо важным. Многие хозяйственные проблемы между руководителями предприятий решались проще и быстрее, если «русовское» начальство предваряло прошение предложением посмотреть поступившую партию новых телефонных аппаратов. Поэтому телефоны находились на строгом учёте и реализовывались только по личному распоряжению начальника РУС.

Молодой инженер линейно-аппаратного зала получил телефон в подотчёт через месяц после назначения на должность. Аппарат установили на столе дежурного. Классической формы, не отличающийся каким-то особым дизайном, он, тем не менее, понравился всем: компактный, с удобной телефонной трубкой и лёгким ходом номеронабирателя. А главное — насыщенным оранжевым цветом, словно горка спелых мандаринов. Яркий, освещённый лучами полуденного полярного солнца, пробивающимися сквозь тройные оконные рамы, аппарат притягивал взгляд и вызывал именно такие ассоциации. Хотелось прикоснуться к нему, ощутить нечто радостное из прошедшего отпуска или зарядиться теплом до следующего отпускного лета.

Как-то в цех зашла начальница:

— Откуда у вас такой телефон?

— На складе получили.

— Почему я его не видела?

Она немедленно проверила оставшиеся на складе аппараты — оранжевых средь них не нашлось.

На следующий день в цехе установили обычный серый невзрачный аппарат. А «Оранжевый» красовался на столе начальника узла связи. В её уютно обставленном, полном комнатных цветов кабинете он привлекал внимание каждого посетителя. На фоне превалирующего зелёного цвета он казался крупным спелым апельсином. Сама начальница призналась как-то, что сейчас она меньше ощущает усталость от долгой полярной ночи и не так уже нервничает от нерешённых проблем.

Через три года уже не молодой специалист, а заместитель начальника узла связи переступил порог кабинета первого секретаря райкома КПСС. Прибыл на собеседование по случаю избрания его секретарём первичной парторганизации. Зашёл… Что-то родное и близкое привлекло внимание. «Оранжевый!..» На рабочем столе секретаря райкома красовался оранжевый телефон. Он стоял не на низком приставном столике, как все его предшественники, а на самом видном месте. В строгой обстановке партийного кабинета он напоминал не горку мандаринов или апельсин, а кусочек яркого полярного (а может, южного — кому как) солнца.

И в последующие годы приходил в райком молодой секретарь словно на свидание с давним другом. На собеседованиях или на собраниях актива мысленно кивал старому знакомому: «Ну что, „Оранжевый“ (или „Рыжий“, в зависимости от настроения), время идёт, а ты такой же яркий, праздничный и радуешь глаз». И как бы ни заканчивалось лично для него мероприятие, уходил с чувством душевного равновесия.

На одном из совещаний заметил, что на приставном столике разместился новый переговорный комплекс «Элетап-2». «Оранжевый» же, отключённый от линии, стоял на своём месте. И секретарь райкома, услышав «тиликанье» телефонного звонка, непроизвольно тянулась не к новому чуду телефонной техники, а к стоящему на столе «Оранжевому».

Первый секретарь ушёл в отпуск. Как следствие или независимо от этого события, оранжевый телефон оказался в приёмной. Её хозяйка не была Эллочкой-людоедкой, но заменить старый дисковый аппарат на новомодный кнопочный «Теллур» согласилась. Так «Оранжевый» вернулся на узел связи. В кабинет заместителя начальника узла связи.

Павел Александрович, заместитель начальника Диксонского районного узла связи, стоит у окна своего рабочего кабинета и с двояким чувством наблюдает за веселящейся на снежной горке ребятнёй. Лучи майского солнца, отражаясь от спрессованного морозами и отшлифованного ветрами снега, слепят глаза. Вспомнил знакомое с детства: «Мороз и солнце; день чудесный!..» Так и радовался бы, любуясь обычной зимней ребячьей забавой, если бы… не май месяц. Последний май в их заполярной эпопее. В этом году заканчивается срок очередного трудового договора. Заказывать контейнер, загружать вещи и отправляться домой? И где сейчас их дом — здесь, где по четыре дня «пурга качается над Диксоном», или там, откуда они уехали семь лет назад?

Но в семье считали, что выезд на «материк» необходим. Старшей дочери надо поступать в институт.

Так и закончилась их северная эпопея.

Кстати, будучи в последнем отпуске, он купил и привёз с собой новый телефонный аппарат. Установил его на своём рабочем столе, а «Оранжевый» забрал с собой как приносящий удачу артефакт.

Александр Ломтев

Пул: взгляд изнутри

Несерьёзные заметки о серьёзной работе

...Он говорил на невозможно ломаном русском, я — просто на русском. Он увидел меня, бредущего к пляжу, ещё издали и решил, что это шанс. Тёмный, сухой, как щепка, в одной руке он держал верёвку, которая была обвязана вокруг талии обезьянки, в другой — флейту, из которой извлекал подобие мелодии. Эту мелодию внимательно слушала вялая кобра, едва поднимавшая голову над краем плетёной корзины. Едва я приблизился, как он принялся меня убеждать:

— Нужно делай снимок! Нужно делай снимок!

Не любитель зоопарков, зоосадов и пляжных «фото-животных», я ответил однозначно и даже несколько сурово:

— Нет!

— Это нет опасно, — кивнул он на индифферентную кобру и отдёргивая обезьянку, потянувшуюся к моему рюкзачку. — Нет опасно.

— Нехорошо мучить животных! — назидательно сказал я в ответ.

— Хорошо снимок, — ответил он, — хорошо, нет дорого. Делай снимок, давай-давай.

— А если бы тебя самого вот так — на верёвочку, это хорошо было бы?

— Хорошо, хорошо, нет дорого!

Он пошёл было за мной, убеждая меня, что я не прав и снимок обязательно и недорого нужно давай-давай, но вскоре понял, что шанс упущен, и вернулся к корзине с коброй.

А я подошёл к самой кромке воды, и набежавшая волна Индийского океана лизнула мои ботинки. И тут, стоя на краю земли, я вдруг остро осознал, какая она маленькая — планета Земля, как сократились расстояния и как быстро мы стали жить. Ещё вчера утром я ехал по заснеженной трассе среди заиндевелых елей и берёз, а сейчас надо мной жарит тропическое солнце и поодаль бриз шевелит лохматые головы пальм...

Правительственный борт «Россия» мягко оторвался от взлётной полосы аэропорта имени Индиры Ганди в Нью-Дели и, слегка накренившись, развернулся на север, беря курс на Ташкент.

Где-то там, под сверкающими в солнечных лучах облаками, десятью километрами ниже самолёта проплывала Индия; потом будут Пакистан, Афганистан, Узбекистан... Пассажиры — журналисты пула Министерства иностранных дел — устраивались поудобнее, готовясь к четырёхчасовому перелёту, переодевались — в Ташкенте обещали снег, пересматривали сегодняшние записи и снимки; стюардессы уже гремели посудой за занавесками своего тамбура.

И никто в самолёте не знал, что пока борт «Россия» перелетал индийские джунгли, отроги Западного Тибета и ледяные пики Памира, министр, работающий сейчас в вип-салоне, превратился в исполняющего обязанности министра, поскольку в этот момент в России правительство в полном составе ушло в отставку...

И только в аэропорту Ташкента это известие настигло журналистов, вызвав лёгкое замешательство.

— Что теперь давать в сообщениях — по-прежнему «министр» или «и. о.»? — советовались с симпатичной Дарьей, куратором из МИДа, журналисты пула.

— Посоветуюсь с Захаровой, — в свою очередь засомневалась она.

При этом, стоит сказать, ни у кого не возникло ни малейших сомнений в том, что, как бы там ни пошли дела, министром иностранных дел останется Лавров. Что, собственно говоря, и произошло.

Что такое «пул»?

Сначала я брал в эти поездки большой чемодан, потом чемодан поменьше, теперь обхожусь рюкзачком средних размеров. Пара футболок, «официальная» рубашка с галстуком, брюки, ну и всякая туалетная мелочь. Пиджак, джемпер и «повседневные» джинсы — на себе, верхнюю одежду можно — в случае жары — оставить в самолёте... В общем, даже если визит рассчитан на несколько стран — рюкзака хватает. Дресс-код оказался не таким уж жёстким, как я опасался: в большинстве случаев допускались классические джинсы и светлые однотонные футболки или рубашки; лишь в исключительных случаях требовались пиджак и галстук...

Журналистский пул Министерства иностранных дел России состоит из журналистов основных центральных СМИ; в последнее время в него стали

входить представители серьёзных интернет-изданий и блогеры.

У понятия «пул» есть несколько значений. Изначально от английского *pool*—это «общий котёл», форма объединения юридических лиц; кроме того, это разновидность бильярда, обозначение ставки в карточной игре, а ещё термин в информатике и даже мелкая монета в Средней Азии. А есть ещё журналистский пул—неофициальное название группы журналистов, на постоянной основе освещающих деятельность какого-либо высокопоставленного чиновника.

Вот в такой пул, освещающий деятельность министра иностранных дел России Сергея Лаврова, и довелось мне затесаться.

Как? Это давняя история…

Когда-то много лет назад мне, редактору газеты из небольшого (хоть и довольно известного) города Сарова, предложили вступить в федеральную общественную организацию—Альянс руководителей региональных СМИ. Коллеги отнеслись к этому скептически: мол, ты и так член Союза журналистов, член Союза писателей, так к чему ещё это—пустая потеря времени… Я к советам не прислушался—и не прогадал. Уже через несколько лет на моём счету был с десяток поездок в различные страны на трёх континентах. Одним из направлений Альянса была так называемая «народная дипломатия». Потом случились командировки в горячие точки, в Сербию, в Боснию и Герцеговину, Абхазию и Южную Осетию, интервью с президентами, премьерами, послами, губернаторами и министрами…

То, что доверие к местным СМИ по результатам многих исследований заметно выше, чем к федеральным, да и читателей местной прессы физически больше,—это факт; и было вполне естественно, что однажды в МИДе решили: пусть о работе министерства, кроме федеральных СМИ, рассказывают и региональные газеты, и с подачи Альянса запустили проект «Рядом с министром». По воле случая я оказался первым из «региональщиков», кому Альянс предложил отправиться в поездку с Лавровым. Это был Азербайджан…

…Работа пула начинается в правительственном терминале «Внуково-2». Журналисты, молодые в основном ребята, поздоровавшись, сдав службе безопасности загранпаспорта и накоротко обсудив предстоящий визит, тут же «уходят в сети»—в свои телефоны, смартфоны, айфоны, нетбуки и планшеты. Гаджет—лучший друг человека. Сегодня без гаджета мы никуда. О гаджет, клянёмся всегда быть вместе—и в горе, и в радости, и в болезни, и в здравии… Впрочем, чем ещё заняться, когда отлёт затягивается?

Но вот пул в полном составе уже в самолёте—сидим и ждём министра. Наконец по салону пролетает вздох: «Он здесь!»; лайнер с надписью «Россия» на борту начинает разбег, отрывается от московской земли и ныряет в облака…

Лавров

Из огромного количества моих друзей и знакомых, насколько я знаю, лишь к двум российским министрам у всех устойчиво позитивное отношение—к двум Сергеям, Шойгу и Лаврову. О чём-то это да говорит… О главе российского МИДа Сергее Викторовиче Лаврове много рассказывать не нужно—легендарная личность, сильный, умнейший и при этом по-хорошему простой человек. Недаром кто-то сравнил его с великим дипломатом советской эпохи Громыко.

Владеет английским, французским и сингальским языками. Сингальский, надо полагать, изучил, когда начинал свою дипломатическую карьеру на Шри-Ланке в качестве стажёра, атташе посольства СССР.

Иногда я поражаюсь и завидую его выдержке. Ситуация, когда Россию упрямо «встраивают» в ось зла, не может не раздражать. Ведь применяются любые средства, любые провокации и всяческая дезинформация. Причём аргументы и факты, приводимые российской стороной, даже не опровергаются, а попросту игнорируются. С улыбкой на устах. Иногда невооружённым взглядом видно, как трудно Лаврову сдержать раздражение в ответ на туповатые вопросы зомбированных западных журналистов, когда пытаются игнорировать совершенно очевидные вещи. Порой доходит до откровенных глупостей. Можно ли забыть историческую угрозу Джен Псаки: «Если Белоруссия вторгнется на Украину, Шестой флот США будет немедленно переброшен к берегам Белоруссии». А ведь это—на минуточку!—помощник президента США по связям, официальный представитель Государственного департамента США. Или удивление сенатора американского штата Алабама Фреда Калхуна, неожиданно узнавшего, что Джорджия—это не только американский штат, но ещё и целая страна на Кавказе… И эти люди учат нас жить?! Россия виновата! Почему? Потому!

Сколько раз в такие минуты, перебирая тезисы министра о шалостях «наших западных друзей», вспоминал я о своей статье десятилетней давности, написанной после командировки в Косово. С тех пор, кажется, ситуация с двойными стандартами только усугубляется. Штаты ведут себя всё наглее, а Европа прогибается, ведя политику умиротворения «гегемона». Всё это очень напоминает тридцатые годы прошлого века, когда такая вот политика «умиротворения» по отношению к Гитлеру привела к мировой войне. Может, меня несколько и заносит, но ощущение именно такое…

Иногда впечатление о человеке, сложившееся по его выступлениям на телевидении, в печати,

по радио, меняется при личном знакомстве. Я этого побаивался. Такое в своё время случилось при знакомстве с Борисом Немцовым. Но нет, мнение о министре как о человеке сильном, умном и доброжелательном только усилилось. В первой же поездке, едва самолёт поднялся на заданную высоту и можно было отстегнуть ремни, министр без галстука, так сказать, по-домашнему, вышел в журналистский салон и принялся отвечать на вопросы тут же обступивших его журналистов. Повезло, подумал я тогда; где ещё можно вот так—на расстоянии вытянутой руки—запросто пообщаться с министром? Однако выяснилось, что существует непреложная традиция: во время полёта Лавров обязательно выходит в салон к журналистам и отвечает на любые вопросы. А вопросы есть всегда—и по теме визита, и по каким-то текущим событиям: то ли о позиции России в отношении событий в Ливии, то ли об убийстве Соединёнными Штатами иранского генерала Касема Сулеймани, или даже на темы, не касающиеся впрямую международных дел.

Эта традиция—беседовать вот так запросто с журналистами в ходе визитов—не может не импонировать.

Однажды, несколько лет назад, в российском МИДе задались вопросом: а сколько времени министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров проводит в самолёте? Тогда выяснилось, что с 2004 года он провёл на борту самолётов около 4284 часов (это 178,5 дня), преодолев за это время 3 миллиона 358 тысяч 363 километра, что равноценно восьмидесяти трём облётам вокруг земного шара.

Подсчёт проводился в 2016 году. Прибавьте ещё три года напряжённой работы и постоянных перелётов в разные точки земного шара. Впечатляет…

«Двигаемся быстро!»

«Двигаемся быстро, чтобы успеть попасть в кортеж!»—эту фразу слышишь постоянно. Вся работа журналистов пула, может быть, в этом. График визитов нередко перекраивается на ходу. «Обычное дело,—успокаивал меня в первой поездке один из журналистов пула.—Всё, что нужно увидеть,—увидим…»

Да, работа в пуле имеет свою специфику, и прочувствовать, понять её на личном опыте было очень интересно. Сравнить, например, ту Марию Захарову, что видишь по телевидению, с той, которая энергично работает рядом—здесь и сейчас: твёрдая походка, острый внимательный взгляд, точные формулировки—это вам не Джен Псаки. Впрочем, такую, как Псаки, рядом с Лавровым трудно себе представить…

Журналисты пула—народ хоть большей частью и молодой, но тёртый, быстрый, сообразительный. Что главное в работе этих ребят (ну, кроме профессионализма и знания международной специфики)? Терпение и крепкие ноги. Ритм работы рваный: то сидишь и томительно ждёшь команды куратора, то несёшься сломя голову к точке сьёмки, а потом нужно ещё быстро передать свежую информацию в своё агентство или телеканал.

Правда, и на старуху бывает проруха: нет-нет да и отстанет кто-то от команды, совсем как два брата-корреспондента, Лев Рубашкин и Ян Скамейкин, из бессмертного романа Ильфа и Петрова «Золотой телёнок». Но в общем фраза «Двигаемся быстро!»—едва ли не главный девиз пула. И ещё: «Узнать, записать, передать!»

Меня, правда, последнее не касалось—я-то не «новостник», и мне торопиться не нужно. Моё дело—всё увидеть, услышать, записать, набраться впечатлений, а потом в тиши кабинета проанализировать увиденное-услышанное и, не торопясь, писать.

Между прочим, готовясь к поездкам, наталкиваешься иногда на забавные факты. Вот перед поездкой в Индию случайно обнаружил, что, оказывается, пятьсот сорок девять лет назад в Индию прибыл первый посол из России. Ну, неофициальный, конечно, посол, так сказать, посол доброй воли, как бы сейчас сформулировали—«в рамках народной дипломатии». Не вспомните кто? Да тверской купец Афанасий Никитин! Помните—«Хождение за три моря»? То есть в будущем году исполнится ровно пятьсот пятьдесят лет со дня первого контакта между нашими странами. Неугомонный Афанасий «открыл» Индию за тридцать лет до столь же неугомонного португальца Васко да Гамы. Нужно бы обратиться в наш МИД—может быть, стоит отметить юбилей.

Экзотика

Время летит быстро, но приходит час, когда его бег замедляется; все официальные мероприятия закончены и ты принадлежишь самому себе. И тогда вечером, а то и за полночь, удаётся побродить по городу, а если мало—после скорострельного сна можешь урвать на пробежку по экзотическим местечкам полтора-два утренних часа. Что-нибудь да и увидишь аутентичненькое. В Баку это были оригинальные, в азиатском стиле, но европейского размаха, высотки, хорошо сохранённая старая часть города, Девичья башня, набережная, государственная филармония имени Муслима Магомаева, макет нефтяной вышки, горящей огнями, наконец, улица имени «шьёрт побьеры» (к/ф «Бриллиантовая рука»). В Мадриде—благородные олени, пасущиеся прямо у дороги в поместье дворца Сарсуэла, средневековые площади и совершенно сервантесовские пейзажи, в которые очень естественно вписались бы две-три ветряных мельницы и парочка наездников:

один, как вы понимаете, худой и высокий, на костлявой лошади, а другой—маленький, на пузатом ослике. Впрочем, на склоне рыжего холма я вдруг увидел стайку осин, совсем как где-нибудь у нас на Нижегородчине, трепещущих под едва ощутимым ветерком красно-жёлтой листвой. А в Коломбо удалось исполнить сокровенную мечту императора Павла и депутата Жириновского—вымыть «сапоги» в Индийском океане! Потом я и сам, конечно, поплавал немного, прибавив к «оплаванным» раньше морям и океанам ещё один. Купались, между прочим, рядом два молоденьких монаха-буддиста…

В одной из поездок, после всех официозных встреч и пресс-конференций, гуляя по вечернему Ташкенту, вспоминал, каким видел его—сколько, лет тридцать назад? Город, безусловно, стал другим—не утратив восточного колорита, каким-то образом европеизировался.

И вдруг задумался: как всё же стремительно (с исторической точки зрения) изменился мир. Совсем недавно (с исторической точки зрения) мы с друзьями свободно разъезжали на авто по среднеазиатским республикам—проехали Казахстан, Каракалпакию, Туркмению и Узбекистан, можно сказать, вдоль и поперёк, не выезжая из единой страны. А теперь я там же, но в другом государстве. Если подумать, вся жизнь людей моего поколения—сплошной казус: не меняя места жительства, мы прожили жизнь в разных городах, странах, системах. Кто сейчас помнит, что была Арзамасская область? А я в ней родился…

Да и историческая точка зрения на события и людей меняется порой кардинально. Вот утвердился в одном из городских скверов Ташкента памятник Тамерлану. Жестокий, пожалуй, даже свирепый правитель, погубивший сотни тысяч людей, а сейчас—практически национальный герой…

Потом на обратном пути дремлешь под гул самолёта и невольно удивляешься: давно ли самолёт уносил тебя из холодной Москвы—двое суток назад, трое? А кажется, пролетела неделя—столько информации и впечатлений. Океан, Цейлон, Нью-Дели, лохматые пальмы и разноцветные «тук-туки», чопорные министры и суровый сикх в тюрбане с «калашниковым» в руках, индус с коброй в корзинке и обезьянкой на верёвочке на пляже,—с тобой ли это было?

Король Филипп VI

Но, может быть, главная экзотика этих поездок—люди. За свою журналистскую карьеру мне довелось встречаться (а то и брать интервью) с семью президентами, включая Бориса Ельцина, Михаила Горбачёва, Сергея Багапша или, скажем, президента Республики Сербской Райко Кузьмановича. А вот с монархами—как-то не довелось. Надо ли говорить, что, узнав о возможности побывать «в гостях» у испанского короля Филиппа VI, я, честно говоря, обрадовался?

Дворец Сарсуэла расположен в северо-западном пригороде Мадрида, на горе Монте-эль-Пардо, и принадлежит не королевской семье, а Испании. Предместье дворца встретило нас… оленями. Группами и поодиночке они паслись вдоль дороги под сенью кудрявых южных сосен, каштанов и акаций, совершенно не обращая внимания на растянувшийся по узкой дороге сановный кортеж.

Как написал один журналист, рассказывая о Сарсуэле, «короля Испании… его предки Бурбоны засмеяли бы. Дело в том, что в качестве основной королевской резиденции он выбрал не роскошный дворец в центре Мадрида, а всего лишь „охотничий домик“—скромный загородный дворец Сарсуэла. Его и дворцом-то назовёшь с натяжкой. Так, особнячок»… В общем, недалеко от истины, если, конечно, не брать во внимание внутреннее убранство дворца. В зале, где проходила официальная видео-фотосессия встречи короля и главы российского МИДа, некоторые журналисты, включая и автора этих строк, принялись делать селфи на фоне интерьера.

Конечно, никто не ожидал, что король выйдет в мантии и со скипетром в державной руке, но всё же хотелось какой-то особой торжественности. Но нет. В одну дверь в зал вошёл Сергей Лавров, в другую—король, высокий, стройный мужчина в официальном костюме (между прочим, самый молодой монарх в Европе); они с улыбкой пожали друг другу руки и повернулись к нам. Зажужжали телекамеры, защёлкали фотоаппараты, забликовали фотовспышки—и… всё. Король пригласил российского министра в свои покои, и они удалились на переговоры с глазу на глаз.

Да, подумалось мне, времени на фотосессию было отведено чуть больше, чем понадобилось бы, чтобы неспешно произнести полное имя короля: Фелипе Хуан Пабло Альфонсо де Тодос лос Сантос де Бурбон и Гресия…

Если б я был министром

Ночь. Под крылом самолёта сияет огнями планета. На ночные города можно смотреть бесконечно: одни похожи на огненных спрутов, другие—на груду углей потухающего костра, иные—то на иероглифы несуществующего языка, то на созвездия неведомой галактики. Странная штука: поднялись на десять километров в небо, а звёзд не видно, только эти огни внизу, на чёрном бархате земли. Где мы—над Испанией, над Италией или Болгарией? А может быть, там уже Украина? Или над Украиной мы теперь не летаем? Отсюда не видно никаких границ; просто—Земля. Там, в десяти километрах ниже, у каждого огонька—люди. Живут себе потихоньку—работают, мечтают, любят… И все они, не задумываясь о том, незримо

завязаны в узел политических противоречий, зависят от доброй или недоброй воли правителей. Однажды долгой полётной ночью над россыпью далёких огней мне вспомнилась беседа с моим сербским другом Златомиром Савовичем. Был я тогда помоложе и погорячее. Если бы я был министром иностранных дел, говорил я ему, я бы не стал особенно рассусоливать. Не стал бы «им» ничего доказывать — всё равно бесполезно! Я бы железной рукой… Да с той же Америки пример брал бы или с Северной Кореи: делал бы только то, что выгодно России, и поплёвывал бы на вопли «мировой общественности». А на все эти европейские упрёки и стенания отвечал бы методично: осудите США за геноцид индейцев, за Нагасаки и Хиросиму, за бомбардировку Югославии и Ирана, тогда поговорим!

Златомир Савович, старый мудрый серб, переживший Вторую мировую, улыбаясь, сказал мне в ответ: мне нравится твой подход, но всё-таки хорошо, что ты не министр иностранных дел.

Он, конечно, был прав. Это понятно…

ДиН ревю

Владимир Шемшученко

Мысль превращается в слова

Санкт-Петербург: «Алетейя», 2020

В книгу входят лучшие из написанных Владимиром Шемшученко стихотворений. Эти стихи разнообразны и разноплановы, всеобъемлюще представляют творчество поэта, о котором Н. Н. Скатов, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН сказал: «Живая душа и сострадающее сердце. Острота мысли и хороший русский язык. Потрясающая образность и метафоричность. Мастерская техника стихосложения и свободное дыхание стиха. Чётко заявленная позиция человека и гражданина».

Сколько на своём веку я повидал людей, которые думают, что они на «ты» с поэзией, что они пишут стихи. А на поверку оказывается, что они всего лишь плетут кружева из слов, создают что-то такое эфемерное, этакое тонкое графоманство. Цветы у них, цветы, а в итоге — пустоцвет, не дающий плодов…

И когда появляется человек, который пишет, как живёт, у которого стихи, а не порхание, — его видно сразу.

Живёт в Петербурге Володя Шемшученко — поэт ума, сердца, человек русского народа, русского языка, поэт обжигающего слова.

Егор Исаев

Стихи Владимира Шемшученко отличительны ярко выраженной гражданской позицией, в них дышат жизнь и судьба. Я уверен в творческом будущем поэта.

Анатолий Жигулин

У меня нет сомнений в том, что Владимир Шемшученко истинный русский поэт. Его русскость бьёт через край, его стихи напоминают мне огранённые алмазы, в которых не испорчена ни одна грань. Система образов в его стихах по-своему уникальна. Мне иногда бывает страшно за него — я не знаю, сколько он сможет писать на таком надрыве, выдержит ли его сердце боль, которую он пропускает через себя. Мне непонятно, как совсем ещё молодой человек сумел написать такие строчки:

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега,
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны.
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

Я очень пожилой человек, мне уже пора собираться в дорогу, и потому я перед Богом называю Владимира Шемшученко своим братом в поэзии. Поэта, равного ему, в Санкт-Петербурге сегодня нет.

Глеб Горбовский

Живая душа. Сострадающее сердце. Острота мысли. Хороший русский язык. Потрясающая образность и метафоричность. Мастерская техника стихосложения. Свободное дыхание стиха. Чётко заявленная позиция человека и гражданина. Жива, жива ещё русская поэзия, если родятся на земле нашей такие поэты, как Владимир Шемшученко.

Н. Н. Скатов

Юрий Беликов, Евгений Матвеев

Восьмая нота, или Тоска по русскому пространству

Как-то забрёл я в мастерскую к пермскому художнику Славе Коротаеву. Размягчённый порцией водки, он с блаженством тихого ясновидца слушал диск с матвеевскими записями.
— Нравится? — спросил я его.
— Угу.
— А почему?
— Тоска пространства… — замысловато махнул рукой в сторону окна Коротаев.

«Снова тоска пространства птиц поднимает с Нила…» — с изящным, немного кренящимся, как будто снижается птица, аккордеонным подвывом звучит песня Евгения Матвеева на стихи Николая Гумилёва. В моём представлении пространство, по которому птицы тоскуют, — это Русь. Прошлая или будущая — не столь важно. Русь настоящая — не нынешняя. Куда же летят пернатые?

Помните антироман Варлама Шаламова «Вишера»? Есть на Северном Урале такая загляденческая река. Ветлан… Полюд… Это её камни-соперники. И — остатки колючей проволоки по берегам…

Один из микрорайонов Красновишерска, где в 1957 году явился на свет Евгений Матвеев, до сей поры так и называется — Лагерь. Но места-то, при их чудовищной искривлённости, — воистину Божьи. Неслучайно другой поэт и прозаик — родившийся здесь же сын ссыльного крымского партизана Великой Отечественной Юрий Асланьян — нарёк свою книгу «Территория Бога». Птицы знают, куда лететь.

Вы скажете: «Какая тоска по русскому пространству у сына армянина?» Сейчас попытаюсь высказать парадоксальную мысль: эта тоска может подняться стаей птиц и в сердце выросшего на Вишере человека с армянской и любой другой кровью. И она, тоска, зарождается сегодня не в сердце Родины, а… в какой-нибудь её ушной раковине или даже, извините, ноздре.

Иной раз Россия представляется мне государством, разбитым на острова. Вот они, деревушки, малые и губернские города, напряжённо вглядывающиеся за горизонт: «Где-то там был материк…» Каждый островок хочет сам себя нарастить, расшириться, а если не удастся, то, по крайней мере, укрепить обваливающуюся береговую линию. Разумеется, не буквально, а на уровне тонких энергий. Хотя что может быть буквальней тонких энергий?

Тоска по русскому пространству и есть восьмая нота матвеевских творений. Она-то, как смутный водяной знак, отличает его песни и от неистовой изнаночности Высоцкого, и от одухотворённо-воркующей умудрённости Окуджавы, и от надтреснутой мелодекламации Галича, и от бродяжьей романтики Визбора, что давно превратились в традиционные вышивальные крестики авторской песни.

Восьмая нота отчётливо слышна и в переложении Матвеевым рубцовского «Эх, Русь, Россия, что звону мало…», ставшем, по-моему, уже классикой, и в его песне «Родина — свет тусклый полей, омут речной да излучина…» на стихи Олега Чухонцева, и то ли в гимне, то ли в марше великой и потерянной советской Атлантиды «Прощай, Империя. Я выучусь стареть…» на стихи Геннадия Русакова. Поэты разные, а тревога мелодии — едина. Эту тревогу Женя ухватывает и усиливает музыкальным рисунком.

Если тоска пространства — подземные ключи, то музыкальный рисунок — та рябь на воде, тот отражённый отлив неба, которые, собственно, и позволяют опознать Евгения средь «гениев» авторской песни.
— Я авторскую песню когда-то невзлюбил сразу же, с первого фестиваля, — признаётся Женя. — Невзлюбил потому, что на той же бас-гитаре можно воспроизводить более-менее интересные ритмы, а тут — тягомотина какая-то. Хотя теперь сам числюсь автором-исполнителем…

Не потому ли в разных составах матвеевского ансамбля — от советских времён до нынешних — «то вместе, то поврозь, а то попеременно», кроме гитары, вступают в перекличку и мандолина, и скрипка, и банджо, и аккордеон, и маракасы, и балалайка, и трещотка, и баян?.. А ещё — поющая жена и муза Галя. Почти как у Сальвадора Дали. Только с другим — смягчённым — звуком.

Бард — слово нерусское, что относительно самого себя для Матвеева неприемлемо. В авторской песне Женю частенько удручает исполнительская сторона. По видовому признаку он, конечно же, автор-исполнитель, но…

По поводу попыток наречь его композитором Матвеев сразу расставляет всё по местам:
— Бетховен и Бах — композиторы. Я — не композитор. Место в музыкальном мире я себе уже отвёл…
— И кто же ты?
— «Не подберу никак такого слова…» — припоминает Женя зачин одной из своих песен на стихи Николая Рубцова.

Есть, конечно, соблазн отставить ножку и с фиксатой гордостью заявить, что Евгения Матвеева родил красновишерский барак, окружённый натуристой аурой былых сидельцев — Варлама Шаламова, Ахто Леви и Сергея Кайдан-Дёшкина, автора музыки гимна советских пионеров «Взвейтесь кострами, синие ночи!». Недаром с надрывно-тёплой окраской тембра (надрыв у Жени редок так же, как снег в июне) Матвеев выпевает строчку: «Хулиганов везут на восток…» Однако это — не более чем мифология.

Вот живёт на Урале талантливый человек. У него — несколько лазерных компакт-дисков, среди них — «Звезда полей», «Не грусти на холодном причале», «Серебряные струны», «О любви» и даже раритет — большая пластинка на виниле, выпущенная ещё в 1990-м фирмой «Мелодия». По своему исполнительскому уровню, отбору текстов и аранжировкам матвеевские песни намного превосходят терзающие слух варианты. Молчу про попсу и блатарей. А не пробьёшься. Оказывается, в авторской песне — то же, что и в политике, предпринимательстве, литературе. Группировки и мафиозные кланы. Есть московский клан, есть питерский…

Кажется, Матвеев избрал смирение. Безволие и смирение — два диаметрально противоположных состояния. В смирении — пружина скрытой силы. Можно, конечно, как Башлачёв, навсегда сигануть в прорубь Питера… Рвать струны и аорту. Короткий, испытанный, но не самый надёжный путь. А можно струны и не рвать. Хотя бы потому, что они — «серебряные». Извлекать из них большее, чем если бы ты их рвал. Тогда уже не автор подталкивает песню, а песня — автора. Рокировка. Перемена мест. Творец становится творением песни. А творение — творцом. И это не софистика.

Однажды ватага пиитов добиралась из Перми в Чусовой. Это примерно часа два на автомашине. Включили матвеевский диск. Когда подъезжали к Чусовому, Анатолий Гребнев, время от времени испытывающий на себе звучащую строчку «Жаркой розой глоток алкоголя разворачивается в груди», блаженно выдохнул:
— С такими песнями — хоть до Владивостока!

Удивительно пластичные

— Женя, меня тут донимает один дурацкий вопрос: а может ли песня быть не авторской? Кто-то подскажет: народная. Но там ведь тоже — авторы, чьи имена со временем «счастливо» стёрлись. Пример: «Однозвучно гремит колокольчик». Стихи написаны пермским ямщиком конвойной роты Иваном Макаровым. Говорят, когда он помер в дороге, при нём были найдены «помятый картуз и бумаги с сочинительством». Иными словами, любая песня — авторская. Но у нас всё перепутано. Поэтому хотелось бы знать о твоём отношении к понятию «авторская песня» и к тому, что в это «стойло» загоняют всех подряд.

— Авторская, не авторская… Если мы возьмём Британский энциклопедический словарь, там слово «интеллигенция» есть, но со сноской: «русская». На Западе же такого понятия не существует. Интеллектуалы есть — интеллигенции нет. Так вот, я считаю, что авторская песня — это порождение советской интеллигенции. Даже не русской, а именно — советской. Основоположники авторской песни — те, кто стоял у её истоков и буквально понял лозунги официальной идеологии, провозглашавшей свободу, равенство, братство, коммунизм и так далее. Но они бежали впереди паровоза. Почему у них были конфликты с властью? Потому что они думали, что вот так и должно быть — по идеалу. А власть идеалу не соответствовала. И поэтому, когда не стало Советского Союза, размылся и слой интеллигенции. Он растёкся…

— В этом месте многие обидятся. Или недоуменно пожмут плечами и приведут строки из Вознесенского: «Есть русская интеллигенция. Вы думали — нет? Есть!»

— Так мы же уходим. Сколько лет тебе? Сколько — мне? За нами идут кто — интеллигенты? Скорее, профессионалы, специалисты…

— Прямо-таки по Ивану Жданову:

Мы умираем понемногу.
Мы вышли не на ту дорогу,
Не тех от мира ждём вестей…

— Сменились не только вести — идеология. Хотя, несмотря на недавние поправки в Конституцию, её-то, идеологии, там нет как таковой. Но всем понятно: раньше был коллективизм с его недостатками и перегибами, сейчас — яркий индивидуализм.

— И ты полагаешь, что на фоне яркого индивидуализма интеллигенция приказала долго жить?

— Она не нужна!

— А вот Александр Никитич Севастьянов, один из идеологов русского национального движения, приезжавший на «Русские встречи» в Пермь, дородный и образованный дядька, написал целую книгу на сей счёт. И в ней — обратно противоположное тому, что ты утверждаешь: интеллигенция — главная

движущая сила в современном обществе, в отличие от рабочего класса.

— Я тебе ещё раз говорю: интеллигенты есть, а социальной базы интеллигенции не существует! Уходит она. Не рождаются новые-то. А раз отсутствует социальный слой, нет заказа и на авторскую песню, которая выступает в роли проводника и проповедника.

— Стоп. Тогда ответь: то, что делает Евгений Матвеев, это не авторская песня?

— Повторяю: я не знаю — авторская или не авторская. Я выбираю какие-то стихи, которые мне нравятся, и пытаюсь сделать из них песню. Вот и весь процесс. Но Окуджава-то был прав, когда сказал, что авторская песня умерла.

— Он сказал это по поводу чего?

— Чёрт его знает по поводу чего! Может, по поводу того, что авторская песня стала массовым явлением. Гигантские фестивали с десятками тысяч участников…

— Нет ли в том противоречия? С одной стороны — гигантские фестивали, а с другой — умерла?

— Когда мы говорим об авторской песне, мы имеем в виду какие-то темы и определённый настрой авторов, а не просто авторство композиторов и поэтов как пример некоего творчества.

— Хорошо. Тогда нынешняя массовость на фестивалях авторской песни — это, получается, вариант народного творчества?

— Народного, да. Вариант народного самовыражения.

— Раз так, ты реально считаешь себя уходящей натурой?

— Реально.

— И тебе не пишется?

— И мне плохо пишется.

— Если сравнить Матвеева в девяностые годы и Матвеева нынешнего, то каков твой КПД?

— Тут всё перемешано, включая дело гормональное…

— Играй, гормон?

— Он самый. Были вещи, которые раньше трогали, задевали, а сейчас ты на них по-другому смотришь. Это точно так же, как со стихотворением, которое жило в тебе, трепетало, волновало до тех пор, пока не получалась песня, и ты при этом успокоиться не мог. Сейчас гитару потрогаю-потрогаю и понимаю, что есть нечто лучшее, чем то, что я могу предложить.

— А каково твоё отношение к этой массовости? Вот ты дважды лауреат Грушинского фестиваля. Изменилась «Груша»?

— Ну вот смотри. Для того чтобы тебя на концерте авторской песни воспринимали нормально, нужно двести человек. Во время одной из президентских кампаний американцы вывели такую формулу: когда твоя аудитория — двести человек, ты должен разговаривать на языке двенадцатилетнего ребёнка. Если в зале тысяча, ты поневоле станешь другим. Будешь менять свой язык на сцене. Когда — десятки тысяч, как на Грушинском, ты заглядываешь в бездну, а бездна заглядывает в тебя. Ты же не можешь, в конце концов, сделать то, что только ты хочешь, ты всё равно хочешь понравиться. Так влияние массовости корректирует авторскую песню. Мне тут вспоминается фраза, сказанная на фестивале «Пилорама» в политзоне «Пермь-36» одним из приехавших сюда бывших диссидентов и лидеров «Мемориала». Когда его спросили: «Как вы жили в лагере с уголовниками?» — он ответил: «Знаете, я удивительно пластичен!»

— Но для тебя это не характерно?

— Нет, не характерно. Конечно, я концерт проведу так, как сочту нужным, — где-то на грани своих убеждений и того, что нужно публике.

Разногласия с Высоцким

— Ты же видел воочию и слышал тех, кто породил эту авторскую песню. «Атлантов»…

— Для меня, если брать широко, прародитель авторской песни — это Вертинский. Хоть он и не «атлант».

— А Галич, Женя?

— Для меня Галич — вообще не авторитет! Никогда не любил его и не люблю.

— И всё-таки для определённой части интеллигенции Галич едва ли не светоч…

— Вот именно: для определённой. Но эту-то часть интеллигенции я и не люблю.

— За что же?

— «Страшно далеки они от народа».

— А Окуджава?

— По молодости он мне ужасно не нравился. Но, с другой стороны, то, что не нравится в семнадцать лет, совсем не означает, что не будет нравиться к пенсии. Когда я его в сборнике читаю, то стихи Окуджавы, честно говоря, на меня впечатления не производят. Их отдельно читать невозможно…

— Отчего же?

А душа, уж это точно, ежели обожжена,
Справедливей, милосерднее и праведней она.

Это из песни. Но и без музыки лично для меня эти строчки помнятся и прочитываются.

— Что касается его песен, то меня первоначально оттолкнула манера — незнакомая, непривычная: «По смоленской дороге — столбы, столбы, столбы…»

— Некая тягучесть?

— Так, наверное, и должно было быть. Если б сразу понравилось — сразу бы и забылось.

— Ну и что же поменялось с течением времени?

— Высказывания Окуджавы.

— В том числе в девяносто третьем году? Он, по-моему, был среди авторов печально известного «Письма сорока двух», которые призывали Ельцина «раздавить гадину», вставшую у него на пути в Доме Советов.

— Да-да. Радостный, что расстреляли. Это ладно. Говорят, он потом сокрушался: мол, бес попутал. Но, с другой стороны, у нас как-то всё время расходится — какой человек и какой автор. Я отдаю Окуджаве должное. Потому что в сочетании с музыкой что-то начинается… Просто изначально это была умная песня.

— Не кажется ли тебе, что ты сам себя опровергаешь? Ведь ты пишешь песни на те же умные стихи: Олег Чухонцев, Юнна Мориц, Юрий Кузнецов, Геннадий Русаков, Борис Чичибабин…

— Вот я прочитал стихи бывшего лагерника Леонида Черткова в книге «Самиздат века». Видно, что́ человек пережил. В настоящей поэзии всегда должен быть осадок, «мёртвая вода». С другой стороны, стихи, если ты на них пишешь песню, не должны быть совершенными. Возьмём Пушкина. Какие прекрасные строки, лёгкие, мелодичные! Но много ли романсов на его стихи?

— Если следовать твоей логике, получается, что Рубцов, Решетов, Новелла Матвеева, которых ты взял в соавторы, — недозрелые фрукты?

— Про их стихи нельзя сказать, что они совершенны на все сто. Иначе бы не нужна была музыка. Правильно, да?

— То есть за счёт музыки ты делаешь их совершенными?

— Просто за счёт музыки они звучат так, как мне хотелось бы, чтобы они звучали. Чем мощнее стихи, чем больше они несут смысловой нагрузки, тем проще должна быть мелодия. И наоборот. Вспомни Симонова: «Жди меня, и я вернусь…» Я знаю шесть переложений этого стихотворения на музыку. А песни всё равно нет. Музыка здесь не нужна. Настолько мощны, эмоциональны стихи.

— А вот если речь об «атлантах», они каким-то образом на тебя повлияли? Или Евгений Матвеев совсем не от них? Или услышал Юлия Кима — и весь преобразился? Извини, может, я привёл не лучшее сопоставление…

— Нет, отчего же. Юлий Ким — очень хороший автор. Я с большим уважением отношусь и к нему, и к Городницкому, понимая, кто они, что из себя представляют, для чего они в этом мире существуют. Я слушаю их песни. Слушаю Берковского, Анчарова, Никитина, Кукина. Я и к Визбору отношусь с уважением.

— И к Высоцкому — тем более?

— Почему? «Тем более» — нет.

— А какие у Матвеева разногласия с Высоцким?

— Разногласия? Я же родом из Красновишерска. Если для большинства людей в Питере и Москве часть песен Высоцкого соотносится с какой-то блатной романтикой, то я это всё видел своими глазами. Для меня это близко. И когда услышал лагерные песни Высоцкого, я маленький ещё был, двенадцати-тринадцати лет, почувствовал: что-то не то, фальшь какая-то. Поэтому Высоцкий для меня — не бог.

— Но ведь он не ассоциируется исключительно с лагерным и блатным миром?

— Высоцкий — как айсберг. Одну десятую я у него принимаю. Остальное… Ты же открываешь страницу и видишь: стихи слабые. Если без голоса, там мало чего остаётся.

— И поэтому ты написал на его стихи песню?

Давайте я спою вам в подражанье рок-н-роллу,
Глухим и хриплым тембром из-за плохой иглы,
Пластиночкой на рёбрах, в оформленье невесёлом,
Какими торговали пацаны из-под полы…

— Это стихотворение-то не рок-н-ролльное. Это русский стих. Для рок-н-ролла надо, чтоб слова, как в английском, короткие были, дроблёные. И поэтому я эту свою песню исполнять перестал. Понял, что она не стыкуется с моими представлениями.

— То есть, получается, дело в тексте, в стихах?

— Да дело во мне! Я не смог подобрать подходящую мелодию.

— А мне, напротив, кажется, что смог. Потому что здесь Высоцкий звучит неожиданно. В другом, не свойственном ему ключе. Это заставляет иначе взглянуть на его стихи. И, может быть, доказывает, что среди них есть и сильные. С музыкой и без музыки. «Протопи ты мне баньку, хозяюшка…»

— Или: «На братских могилах не ставят крестов…» А есть — судя по тому, что можно уже остановиться, а он всё тянет и тянет куплеты, — стихи большие, длинные. Высоцкий — как некий пограничник (я имею в виду душевное устройство), он где-то за гранью здорового человека.

Лебеди на фоне заката

— Мы уже выяснили, что для тебя Вишера — целый мир, который вряд ли откликнется на дешёвые музыкальные посылы и посулы. Но тебя не коробит, когда у нас тема зоны становится едва ли не залитованной на правительственном уровне? Когда идёт трансляция концерта из Кремлёвского дворца, а Розенбаум поёт «Гоп-стоп» и прочее-прочее. При этом телеоператоры дают «крупняки» зрителей, особенно — растроганных женщин, пускающих леденцовые слёзы. Сразу вспоминается Варлам Шаламов, прошедший через твой Красновишерск и оставивший нам своего рода завет, что «блатной мир должен быть уничтожен», и в частности его романтизация. Я, конечно, представляю, как долго и тщательно «готовилась» к этой исторической смычке явных и тайных «брательников» наша страна, через какие этапы она протащила несколько поколений моих соотечественников, но чтобы блатняк, застенчиво именуемый шансоном, стал, по сути, суррогатом отсутствующей идеологии?..

— Отвечу как историк: искусство захлестнула мелкобуржуазная волна. Потому что такая же пена пришла в своё время и к власти. Если они, к примеру, не бывшие уголовники, то стояли на плечах этих уголовных авторитетов и уголовных денег. Есть спрос, есть деньги, есть оплата.

— Но ведь этот спрос, эти деньги и оплата — не на директивном же уровне! Ведь нет такого?

— Зато есть объективный процесс, не зависящий от воли отдельного человека. И это яркий пример подтверждения известного афоризма кто платит, тот и заказывает музыку. Куда ещё яснее?

— На телевидении прижилась передача «Три аккорда». Разножанровые исполнители, начиная от драматических актёров, заканчивая попсой, переходят в новую для себя ипостась — шансон. Словно идёт какая-то тотальная примерка. Предположим, засветившаяся в «Трёх аккордах» Татьяна Буланова «перед лицом своих товарищей» — по-свойски журящего Александра Розенбаума и сидящего с оным на одной скамье Александра Новикова — во всеуслышание «торжественно поклялась»: дескать, вообще изначально росла на блатных песнях. Отсюда, мол, и фирменная булановская душещипательность. Но чем вызвана эта повальная шансонизация всей страны?

— Объясню, как я это вижу. Монополизация во всём — в экономике и в искусстве. Если на эстраду можно выйти, только пройдя какую-то тусовку — пугачёвскую или ещё какую, которая заполонила тв (это одна кодла), но ведь желающих-то — много. Поэтому создаётся другой «коридор», ведущий к софитам. Шансонизация — от монополизации. Я вот как-то «Три аккорда» посмотрел и Гале говорю: «Слушай, зал сидит тысячный — это наверняка хорошие люди, они не пройдут мимо упавшего, помогут, спасут. Но почему при этом они слушают такую гадость?!» И когда я вижу, что людям *это* интересно, сами-то эти люди мне становятся неинтересными. Я думаю, что с ними уже и разговаривать-то не о чем. Хотя я и не прав. Человек — он больше, чем его любовь или нелюбовь к шансону.

— Знаешь, я с юности помню одно высказывание великого чилийского поэта Пабло Неруды: «Без лебедей и заката шедевра не создашь». Беда только в том, что современные образцы шансонной музыки и поэзии состоят по преимуществу из сплошных лебедей и закатов. А ведь Неруда имел в виду, что лебеди и закат — всего лишь фон, не основная, а составная часть того, что может именоваться шедевром. И вот тот, кто эту разницу ощущает, никогда не будет довольствоваться шансоном.

— В шансоне нет того, что довольно часто ему приписывают. Вот утверждают, будто шансон — душа русского народа. Но шансон — скорее подделка под русскую душу! Уж больно всё в шансоне вторично. Да, я согласен: офисному планктону, который не сеет и не пашет, тоже нужна какая-то музыка. Эту нишу может с успехом заполнять тот же Митяев. Что было раньше? Визбор, Окуджава, Городницкий, Ким — там же надо было задумываться, копаться, в себя погружаться. А здесь — нет. В девяностые был такой порошок «Yupi». Добавь воды — лимонад получится. Митяев из той же серии.

— Насчёт «лимонада». Мы ведь с тобой не договаривались? Когда Митяев выходит на сцену и в телевизоре берут его крупный план, у меня всякий раз впечатление, будто он только что проглотил лимон и срочно начал его заедать рафинадом. Такое у него кисло-сладкое выражение лица.

— Но… мелодист. Три нотки сочинить надо, чтобы они легли куда нужно.

— То есть всё-таки для тебя главное — мелодия?

— Не главное, потому что всё — в синтезе. В песне — три компонента: форма, содержание и интонация или эмоция. Есть случаи, когда стихи ужасные (для меня, например, когда Розенбаум поёт — это бред, исключения — редкие-редкие), но… как хорошо он себя подаёт, какой у него голос — баритон! Как это сбито всё! И компенсируется.

— Мой слух так устроен, что не прощает неточных рифм, коими изобилуют тексты Розенбаума: «каркал — по чарке», «в помощь — мир дому». Звучащая музыка может этот изъян скрадывать, но от этого не легче. Неточности часто соседствуют с ощущением фальши, и это становится общим местом многих шансонных текстов.

— Ясно, что Розенбаум и Митяев — это нечто одноразовое. Как тот же порошок «Yupi». Любой жанр имеет социальную подоплёку. В этом смысле авторская песня — увеличительное стекло интеллигенции. В шансоне — мелкобуржуазный замес. Зона — отдельный его подвид. Это может быть даже эрзацем отваги. Но — всего лишь эрзацем. Вопрос простой: полетите ли вы, в случае чего, с этими песнями на Марс? Я лично — нет. Допускаю, кому-то это нравится, но я не воспринимаю.

— А они-то тебя воспринимают? Знают о твоём существовании?

— С Митяевым-то мы когда-то пересекались, где-то на заре его творчества. С Розенбаумом — нет. Да мне и не надо. Это — мир другой, люди другие. И поют они для других людей.

Микеланджело, он же ветеринар

— Каким стихам ты отдаёшь предпочтение: актуальным, лирическим или просто тому, что тебя зацепило? Для тебя это главное — зацепка?

— Зацепка, потом стилистика, песенность стихотворения.

— Какая песенность у Маяковского, на чьи «Стихи о разнице вкусов» ты написал музыку?

— Мы привыкли, что Маяковский — это камни, которые катятся с горы с грохотом. Совсем не обязательно так его воспринимать.

— Получается, твой диапазон гораздо шире, чем авторская песня? И хоть ты избегаешь числить себя в композиторах, но всё-таки зашагиваешь на ту территорию? Вообще, с чего начинается твоя работа? Это дело случая?

— Раньше — больше случай. Потом — журналы «Знамя» и «Новый мир». Сегодня, сколько эти журналы ни открываю, ничего в них для себя не нахожу. Особенно — в «Новом мире». Ну вот сейчас сижу над Борисом Рыжим. Кстати, как ты к нему относишься?

— Мне когда-то в Екатеринбурге Женя Касимов показывал его стихи, семнадцатилетнего. Но, помню, из энного количества рукописей я выбрал Игоря Богданова и Серёжу Нохрина и напечатал в «Детях Стронция»… А Рыжий… он ещё не был тогда Рыжим. А ты чего за него взялся? Это же мода!..

— Какая мода?! Она же прошла, ты что?! Никитин лет десять назад на стихи Рыжего писал. Не мода. У меня есть его сборник. Я его ворошил-ворошил. У Рыжего, видимо, были проблемы с музыкальным слухом. И поэтому некоторые строчки в четверостишьях по ритмике не совпадают. Количество слогов в одной строчке — с количеством слогов в другой. Мне кажется, у Рыжего такие же проблемы, как у тебя. Умище выпирает. Человек не может от мозгов избавиться, когда пишет. Ты такой же. Слишком много думаешь. Надо плюнуть — и покатилась душа в рай!..

— Видишь ли, я не могу повторить вслед за Маяковским: «Я поэт. Этим и интересен». Я говорю иначе: «Я интересен. Этим и поэт». Но я хочу защитить всех рыжих и не рыжих, на стихи которых ты пишешь песни. Ведь они много думают, прежде чем их осеняет. А ты — шарах! — меняешь в их стихах слово, а то и строчку. А то и вовсе оставляешь за скобками целые куски…

— Тут такая ситуация: я чувствую себя Микеланджело, который отсекает лишние куски от мраморной глыбы, а поэт чувствует себя как кот, к которому подходит с ножом ветеринар.

— Роскошная метафора, хоть и из разряда домашних заготовок. Вот у тебя — восемь песен на стихи Владимира Кострова. Но ты так и не решаешься с ним встретиться… Оттого, что Микеланджело предпочитает не выглядеть ветеринаром?

— В этом году Галя мне говорит: «Поедем?..» Я: «Поедем…» Да боюсь докучать: человек преклонных лет… Устал, наверное, от встреч.

— Не думаю. Костров выглядит как проснувшийся вулкан. Так что, по меньшей мере, не производит впечатление усталого человека.

— Когда я писал песни на его стихи, я где-то действительно что-то в них заменил…

— Ага, стесняешься? Совесть грызёт?..

— Никакой грызни совести нету! Я просто понимаю, что ему может стать неприятно. Хотя могу рассказать другую историю — с песней на стихи Николая Домовитова. Ты эту песню знаешь:

> Пулемёты поднял на вагоны
> Вологодский свирепый конвой…

Мы записали её ещё в девяностые годы почти кустарным способом. Но стихотворение-то тоже длинное. Пришлось его сократить. Домовитов позвал нас в гости. Пришли мы с Галей. Я принёс свой магнитофон. Тогда ещё кассеты были. Сели за стол, пообщались. Потом он говорит: «Ну, включи!» Я включил. Он послушал. «Ещё раз включи!»

Нас, безвинно обиженных, много.
Но не видит никто наших слёз.
И куда поведёт нас дорога
Под железную песню колёс?

Снова послушал. И так — семь раз. Потом пошёл в свою комнату, там послушал. Он же фронтовик. Десять лет получил за то, что в госпитале усомнился в правдивости одной из сводок Совинформбюро. И вот возвращается из своей комнаты: «Вот тут должно быть четверостишье…» Жена ему: «Тебе ж говорили про это четверостишье, что его не надо!» На самом деле: раз информации нет, эмоциональный пик уже достигнут. Всё сказано. Когда Домовитов умер, эту нашу песню на его похоронах включали…

Тайное оружие народа

— Страшно подумать, кто у тебя в соавторах! Как ты так широко гуляешь — то в одну, то в другую сторону? И при этом (с учётом твоей музыки и твоего исполнения) создаётся впечатление, что Юрий Кузнецов и Сергей Гандлевский, Николай Рубцов и Дмитрий Быков, Анатолий Жигулин и Олег Чухонцев — это одно лицо! Сам был свидетелем: некоторые, слыша твои песни впервые и не зная о том, что поэты-то в них — разные, иногда — диаметрально противоположные друг другу, между тем считают, что автор у этих песен один — сам Евгений Матвеев. Объясни, как тебе удаётся соединять практически несоединимое? Самому-то не противно бывает?

— Не противно. Мне, может быть, лучше не знать вообще, кто такой, к примеру, Гандлевский или Быков. Взял стихи, подходят — значит, это созвучно мне. Через себя же пропускаешь. Ты же тоже с Быковым когда-то корешился?

— Не корешился, а делал с ним интервью. Как с тобой.

— Ты рассказывал мне об этом интервью, как хорошо вы там разговаривали, и в это время твоя симпатия чувствовалась. <…>

— Быков похож на известную строчку Тредиаковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй…» Но Быков — хотя бы «чудище». А вот тебя не беспокоит, что сейчас очень много развелось поэтов-песенников? Раньше как-то всё выглядело скромнее: музыка — такого-то, слова — такого-то. Называть стихами текст песни, видимо, ещё совестились. Теперь во весь телеэкран долдонят: «Поэт Лариса Рубальская!» Неужели Евгения Матвеева, который работает с высокой поэзией, это не задевает?

— Раньше мне казалось: невероятная пошлятина! Такого даже быть не должно. Но с годами приходишь к мысли: Пушкин не родился бы, если бы в провинции десятки тысяч стихотворцев не писали дамам в альбом посвящения. Создаётся слой. Хорошие-то стихи не могут посреди чистого поля возникнуть. Нужны и плохие. Та же Рубальская. Я терпеть её не мог. Выходит объёмная тётка — поэтессой называется. А тут прочитал с ней интервью. Она говорит: «За что меня любят? На экране — молодые, длинноногие и красивые. А я — немолодая, толстая и некрасивая. За это меня и любят». Ремесленник занимается своим делом, не покушаясь на…

— «Не покушаясь»? Разве тебе не обидно, что у твоего друга Асланьяна, на стихи которого ты написал песни, всего два поэтических сборника и поэтом-то его именуют нечасто, а здесь во весь экран втемяшивают: вот эта тётка — поэт?

— Вспомни «Бесов» Достоевского. Тогда ведь тоже были хорошие поэты. А народ кого знал? Капитана Лебядкина!

Одно время, включая матвеевскую кассету, я дожидался песни на стихи Николая Рубцова, давшей название компакт-диску: «Не грусти на холодном причале». С приближением этого куплета у меня закипали слёзы:

Не грусти на холодном причале,
Теплохода весною не жди.
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди…

«Недолгая нежность» и удаляющиеся гудки теплохода, переданные мелодией, и этот холодный, обязательно деревянный причал — всё-всё напоминало глубокую дождливую провинцию, где подросток с парящими в небе глазами снедаем смутной тоскою… О чём? О ком? «Снова тоска пространства птиц поднимает с Нила…»

На том же диске — продолжение рубцовского цикла: «Добрый Филя», «Не было гостей — и вдруг нагрянули…», «Стукну по карману — не звенит…», «Отцветёт да поспеет на болоте морошка…» и, конечно же, «Эх, Русь, Россия, что звону мало…». Эту матвеевскую песню я когда-то назвал «тайным оружием русского народа». Не преувеличиваю.

Матвеев однажды заметил: как только их ансамбль на концерте исполняет «Эх, Русь, Россия…», боги начинают слетать с Олимпа. Включаются какие-то скрытые механизмы. Спели — умирает Андропов. Ещё раз спели — «откидывается» Черненко. Перед самой отставкой Ельцина они случайно опять нажали на роковую педаль:

Эх, козыри свежи…
А дураки те же.

Женя, жду не дождусь, когда ты выйдешь на сцену Кремлёвского дворца. И… Впрочем, можно — и со сцены районного Дома культуры.

Юрий Беликов

Сварщик вечности

Мы шли с Толиком по Сретенке. Сретенка — это русский Монмартр. Во всяком случае, тогда, в восьмидесятые годы двадцатого века. Сейчас — не знаю. Толик даже напишет:

> Пусть Булат картавит
> песенки Арбата —
> я люблю кварталы
> русского Монмартра.

Когда я озвучу эту строфу Петру Вегину, популярному в те годы и, само собой, хорошо знавшему Окуджаву «младшему поэту-шестидесятнику», он резонно уточнит:

— Булат не картавит…

Так. Но всё равно в воркующем исполнении Шалвовича есть некая сглаженность.

Думаю, Толик подразумевал нечто другое — полярное Сретенке. Арбат — как по тем, так и по нынешним временам — элитное место столицы, населяемое по преимуществу людьми успешными. А Сретенка — париями, если не отщепенцами от искусства, которых от слова «успех» вытошнило бы.

— Опять Сретенка?.. — переспросил меня Вегин, когда я решил привести его к Толику.

Входная дверь в жилище напоминала громоздкий, чёрного дерева, бабушкин шкаф, чья скрипучесть отворялась только по условному стуку…

Непризнанные художники и поэты, как правило, прибывавшие из провинции и уходившие в дворники, сторожа и котельщики главным образом из-за возможности иметь ведомственное жильё и свободное время для творчества, были в ту пору постояльцами Сретенки.

Признаться, такой концентрации творцов в пределах одной улицы и нескольких вытекающих из неё переулков я более не встречал! Разве что в специализированном писательском Переделкине. Посему вполне закономерно, что на Сретенке могли случаться чудеса.

Дипломат на крючке

Итак, мы идём и рассуждаем. Разумеется, о высоких материях. Здесь замечу, что главные действующие лица култышевских творений — Бог, художник, идеал, совершенство и вечность и, соответственно, их антиподы. Ещё мужчина и женщина. Правда и ложь. (Всё прочее — на отшибе, недостойно даже упоминания.)

Я захожу в телефонную будку. Перед тем как опустить в автомат заветную двушку и начать крутить диск, вешаю дипломат на придуманный для таких целей внутрибудочный крючок. (Сколько же нагулявших жирок портфелей и зубастых дипломатов на эти крючки попалось-клюнуло?!)

Затем, продолжая прерванную беседу, мы вновь движемся всё той же Сретенкой. И вдруг, минут через пятнадцать (привет Альцгеймеру!), я ощущаю предательскую лёгкость в правой руке. Дипломата-то нет! Разворачиваемся и уже молча — быстрыми и тревожными шагами — к телефонной будке. Но крючок пуст… Эх, уплыла рыбка!

Не буду описывать турбулентность, зародившуюся в недрах моего организма. Лихорадочно начинаю прикидывать, что же было в дипломате. Электробритва «Харьков». Ладно. В конце концов, Толик поделится своим станком. Рукопись стихотворений. Могу восстановить по памяти. Тогда ещё мог. Паспорт!.. А вот его придётся восстанавливать в милиции.

Бредём опустошённо и рассеянно. Навстречу — знакомый нам, живущий на Сретенке художник Володя Парошин.

— Поэты! Куда путь держим?

— Кто бы подсказал — куда…

— Айда ко мне в мастерскую — есть чем горло промочить…

Заглянули. И я обомлел.

Мой дипломат красовался у Володи на письменном столе!..

А вот что поведал сам художник:

— Зашёл я позвонить в соседнюю будку. Гляжу: рядом чей-то дипломат на крючке. А из другой будки на него мужик пялится. Я решил действовать на опережение: если не я, то мужик. Я взял дипломат, вышел из будки, поставил его на асфальт между ног и закурил: мало ли, может, хозяин объявится? Но хозяин не объявлялся. Тогда я прямиком в мастерскую. Вот привалило! Сейчас из дипломата купюры посыплются. Доллары!..

Однако первое, что выскользнуло из дипломата, — отпечатанное на машинке стихотворение. Художник напрягся: опять поэты?.. А когда

открыл паспорт со знакомой ему физиономией, разочаровался окончательно и бесповоротно…

С улицы на улицу

Вот такая волшебная Сретенка. Толик был засунут, точно сданная в гардероб шапка, в один из её рукавов. Сперва — в Колокольников, а после — в Печатников переулок. Хотя по иронии судьбы не печатался. Вернее, так: предпочёл не печататься. Как-то прислал мне в Чусовой письмецо: «Теперь — о литобъединениях: был два раза. Больше не пойду никогда. Я певец улицы, то есть — свободный. А там меня сделают ручным и никому не интересным».

Я теперь, как лорд, по клубам разъезжаю.
В клуб «Поэзия» качу, как станет скучно,
там весёлые ребята, мат и ржанье
(видно, тоже будут загнаны в конюшню).

Толик возвращался на Сретенку. И, аки цыган, уводил за собой породистых жеребят: Цветаеву, Клюева, Фадеева… Мы же — о сретенских чудесах? Не сомневаюсь, что материализовавшиеся обладатели этих племенных фамилий были продолжением тех самых чудес.

Да, Култышева изначально сопровождали классики. Позднее я познакомился с ними на той же Сретенке. Клюев потом женился на Цветаевой. А Фадеев, надеюсь, при этом не застрелился. А как познакомился с Култышевым я?

Перенесёмся со старинной Сретенки на улицу с цифровито-аббревиатурным названием — 50 лет ВЛКСМ, что в Чусовом. В доме номер пятнадцать, располагающемся сразу у леса, первый подъезд был исключительно литературным, поелику в нём жил-поживал ваш покорный слуга. А соседний подъезд — магический, иллюзионный. Ибо обитали в нём братья-фокусники Бастраковы, Шура и Валера. Они-то и свели меня с Толиком. Валера (ныне Валерий Иванович, заслуженный артист России, лауреат международных конкурсов, отмеченный самим Копперфильдом), тот вообще сидел в школе за одной партой с Култышевым.

Учительница поднимает Толика, чтобы он ответил по заданному материалу, а Толик мнётся, не знает, не выучил. «Садись, два!» И так — до бесконечности. «Чем же ты тогда занимаешься?» — спросил его Бастраков. «Стихи пишу…»

В дальнейшем Анатолий Култышев поражал окружающих не только глубокими познаниями отечественной и мировой литературы, но и личным, не вузовским (впрочем, тогда эти имена ещё в вузах не изучались!), прочтением «неоднозначных» философов — Ницше, Кьеркегора, Сартра…

Сейчас вдруг вспомнилось (когда-то зачерпнувшая этот своенравный култышевский ритм и рифмы память моя, оказывается, хранила их не просто годы, а десятилетия):

Должно быть, стар стал,
стар стал, стар,
но я устал,
мой Жан-Поль Сартр,
от лжештормов, лжебурь —
я к берегу гребу…

Вечный огонь Толика

Поэт Анатолий Култышев жил на правом берегу реки Чусовой, у первого Вечного огня. Почему первого? Потому что в городе был ещё второй, который потом стал первым и единственным. Но сначала (я тому свидетель) открыли Вечный огонь у трёхэтажного дома Толика, затем (в результате былого соперничества завода с городом) — у Дворца культуры металлургов. Впоследствии до кого-то, очевидно, дошло, что два Вечных огня в одном Чусовом — это чересчур пламенно, и огонь Толика (так я для себя его окрестил) в одночасье заглушили…

Толика все звали Толиком. Не Толей, не Анатолием, не, извините, Толяном. Впрочем, он сам так представлялся — не важно кому: «Толик». Как бы всё время себя преуменьшал. Он и стихи называл стишками. Дескать, я незначительный и занимаюсь чем-то незначительным. Даже стыдным. Это — с точки зрения обыденного сознания, с которым он — всеми своими «стишками» — вёл на самом-то деле нешуточную борьбу.

Например, в одном из поздних своих, судя по всему, «стишков» «Я вижу всё, не открывая век…», где незначительный предстаёт перед нами спящим гигантом (тут-то и выясняется подлинный масштаб поэта Култышева!), под ресницы и в рот которого пробует вторгнуться флиртующая парочка. Что из этого получилось, узнаете из финала самого стихотворения. Оно по меньшей мере неуютное. Да и не было у Толика по определению уютных, ожидаемых обывателем виршей. Потому что:

Поэт, вызывающий ветер
лишь для того,
чтобы поднять вуаль возлюбленной,
срывает им все двери с петель.

Он творил, на мой взгляд, живописные картины в стихах, где смешивал Тициана с Босхом, реальность с аллегорией. Да вот они: «Речь», «Хоругвь», «Линза», «Тулупчик», «Гармонический мир»… А Култышев и впрямь, кроме поэзии, занимался живописью и даже лепкой. Оцените его «Фигурку мальчика». Что это, если не скульптурная композиция?

Он родился в семье защитника Брестской крепости, угодившего в самом начале войны в немецкий плен. Драматичная антигероизация, словно бы данная будущему поэту ещё до его рождения и, возможно, в чём-то его сформировавшая.

Кстати, не помните, как звали главного героя ранней чусовской повести Виктора Астафьева «Стародуб», очаровавшей меня ещё в десятом классе? Представьте: Култыш. И, знаете, он очень похож на Култышева. Или Култышев—на Култыша. Или так: Култыш—на отца Култышева. Городок-то маленький. И два фронтовика—Астафьев и Игорь Култышев—вполне могли знать друг друга. А цепкий слух Виктора Петровича ухватил нужную фамилию, переросшую в прозвище. Астафьевский Култыш («Единственная вещь, которую я придумал!»—поведал мне о «Стародубе» Виктор Петрович, когда в июне 1992-го мы бродили с ним по берегу Енисея в Овсянке) умирает с таёжным цветком в руке. А вот что знал о цветах Анатолий Култышев:

> Цветы увяли—
> их убили
> для радости.
>
> Их берегли,
> меняли воду,
> но не продлили
> их свежести…

В этом месте Астафьев, возможно, хмыкнул бы. «Откуда у хлопца испанская грусть?» Даже не верится, что он из Чусового. Разве может в Чусовом зародиться подобная западноевропейскость?

На сей счёт у Толика есть убедительнейший самопроговор:

> Качу на запад на велосипеде—
> репей алмазной запонкою светит.
> Я—на восток. И—он. На юг—он следом:
> горит звездою на шнурке от кеда.

Слышу каламбурящий голос Виктора Петровича: «Репей… на шнурке от кеда? Тут ясно—откеда: из Чусового!»

Обитали Култышевы в коммуналке на втором этаже трёхэтажного дома у того самого, сначала зажжённого, а потом погашенного Вечного огня. Стихи Толик писал ночами, чтобы никто не мешал. Первоначально это меня поражало, потому что, по мне, поэзия—некая смутная вибрация, настигающая тебя вне зависимости от времени и места. А для Толика («В прилипшей футболке стою у стола!») поэзия была, сдаётся, еженощной самоподстёгивающей работой. Почему еженощной? Потому что если я заглядывал к нему в первой половине дня, он долго не мог прийти в состояние бодрствования. Дружба совы с жаворонком.

Лимит на поэтов

Обычному человеку (даже такому необычному, как Култышев) в те годы в Москве можно было зацепиться разве что по лимиту. Скажем, работая на стройке. В этом смысле у Толика была беспроигрышная специальность—сварщик. Однажды он пришлёт мне из столицы фотку—с отведённым на затылок щитком, напоминающим поднятое рыцарское забрало.

И действительно, Култышев постоянно что-то (или кого-то) сваривал: бесприютных художников и поэтов, которые почему-то прибивались к его Сретенке, хотя он, по сути, не был громогласно-магнетическим вождём-пассионарием непризнанных. Сваривал и стихотворные формы: в его литературном арсенале могли соседствовать строгий сонет и предписывающий свободу верлибр. Сваривал явь и сновидения. Сиюминутное и вечное. Низкое и высокое. Не спешите зажимать нос и приоткройте дверь в култышевскую «Уборную», «сквозь щели от осколков» которой, как в фантасмагорическом калейдоскопе, будто бы сложилось в быструю картинку прошлое его отца или, напротив, предсказанное поэтом и ставшее нашим настоящим будущее. И попытайтесь если не принять, то хотя бы задуматься над предложенной формулировкой, что такое «истинный героизм» по Култышеву.

Однако специальность сварщика лимитировала лишь койко-место в рабочей общаге. Поэтому, внутренне оставаясь сварщиком, Толик вскоре переквалифицировался в дворники и получил (к тому времени он женился, и у молодожёнов родилась дочка) во временное пользование квартиру на первом этаже старого, начала двадцатого века, трёхэтажного каменного строения в Печатниковом переулке. И пусть она фактически обогревалась четырьмя постоянно включёнными, как Вечный огонь, изношенными газовыми конфорками, отчего порой здесь было нечем дышать, зато Култышев дышал в ней единственным—подлинной поэзией. Впрочем, сами стихотворческие муки объяснял весьма своеобразно:

> Я начал рифмовать
> меня это забавляло
> я видел
> как слова делают подножки моим мыслям
> и выходило совершенно иное
> . . . .
> и я нарифмовал
> на целое собрание сочинений
> стал хорошим поэтом
> а быть хорошим поэтом значит
> выдавать свои стихотворения
> за свои мысли
> и никому не говорить о главном…

Одиннадцатого мая 2001 года, когда Толик уже разбежался с женой и съехал со Сретенки в однокомнатную квартиру дальнего Марьино, он подмёл поутру, как обычно, свой участок и поднялся к себе на одиннадцатый этаж. Вскоре его

нашли выпавшим с балкона и замертво лежащим на асфальте…

Предсмертной записки не обнаружили. Говорят, незадолго до этого он просил денег у консьержки, чтобы похмелиться. Некоторые люди у нас исключительно правильные и принципиальные независимо от ситуации. Отказала…

Не откажем же мы, сегодняшние, масштабу дарования одного из своеобычно-изысканных и до самобичевания честнейших поэтов «побитого втёмную» поколения дворников и сторожей, как не откажем в теплоте и запоздалой любви, которую Анатолий Култышев в очередной своей аллегории сравнил с надетым в жару тулупом. По той же самой причине тулуп был сброшен, но там, в «очереди калек», «струящейся через всё небо в йориковый череп», возвращён его бедолаге-хозяину самым главным гардеробщиком человеческого театра на премьере Страшного суда.

Д*и*Н пародия

Евгений Минин

Где купить словарь?

Переходное

Вот бог идёт, а дождь стоит,
как белый баобаб,
я перешёл бы на иврит,
но как мне быть без баб?
Александр Кабанов

Страна стоит, процесс идёт,
как в тундре ледоход.
Я перешёл бы на иврит,
да где он, переход?
Мне со страной не по пути,
она—без ручки ларь,
и если бабу не найти,
то где б купить словарь?
И то, что сочиню потом,
я понесу в печать,
и слово важное «шалом»
сумею срифмовать.

Наплевательное

Выпью кофе утренний
поплюю с балкона
Анна Аркатова

Я обыкновенная
поэтесса впрочем
что ни съем—мгновенно я
сообщаю в строчках
проще так пиариться,
всё к тому ж законно
тех кому не нравится
жду я у балкона

Тудыть и растудыть

Вокруг одни бандиты,
Родная волчья сыть.
Вокруг одни пииты,
Тудыть их растудыть.
Евгений Степанов

Беда с литературой—
Поэт такой идёт:
Тем плохо с корректурой,
Тем—крепче переплёт.
На помощь жду бандитов—
А то ни есть, ни пить,
Чтоб этих всех пиитов
Тудыть и растудыть.

Соннотворческое

константин ты или боря
даже если мосей звать
много в жизни хватишь горя
если будешь плохо спать
Алексей Цветков

знайте знайте все на свете
чтобы крепким был ваш сон
моси муси пуси пети
всё зависит от имён
чтобы сон иметь хороший
это надо твёрдо знать
то написанное лёшей
вам не следует читать

Анатолий Култышев

Лик на рубашке[1]

Линза

— Ну вот и всё. Кривится рот
в улыбке глупой
от страшной Правды, что растёт
под крупной лупой.
Ах, сколько в детстве я перил
испортил линзой!
Луч солнца бы испепелил
растущий призрак.
Но солнца нет. Она растёт—
блоха в цилиндре.
Лишь бегство от неё спасёт…
— Как не солидно!
Ведь ты же сам хотел меня.
Я—Правда. Знаю.
Сам на себя теперь пеняй.
— Уже пеняю.
(Певичкою из кабаре
в одном капроне
сидит, готовая «согреть»
и… к обороне.)
— Ну, задавай извечный свой
вопрос-подсказку:
«Кто я?» Не слышу.
— С глаз долой…
— Долой?.. Повязку?
— Пошла.
— Уйду, но заплати
за ложный вызов,
а нечем—дай мне унести
с собою линзу.
(Я отдаю. Она глядит
огромным глазом
через стекло).
— Как ты, пиит,
стал мелок сразу,
а я-то, дурочка, тряслась,
как недотрога.
Я думала: такая страсть
равняет с Богом,
а ты… и линзу мне отдал,
и жмёшься в угол…
Прощай, но знай, что я всегда
к твоим услугам.

* * *

Художник, я устал от вечного эрзаца.
Подмены не заметит чей-то глаз,
но я-то вижу: я во лжи погряз,
я вижу—мне не может показаться…

…уже невежды у картин толпятся…

Художник, идеал неуловим,
как шар воздушный с ниточкой висячей,
а я, вприпрыжку скачущий за ним,
в который раз, как мальчик, одурачен.

* * *

Фу, жизнь, фу,
не напирай пустотой,
не умещаясь в строфу,
пой
раковиной морской.

Сколько в тебе голосов,
кораблекрушений и жертв!
Слыша твой вечный зов,
кровь идёт из ушей.

В сумрак вцепился рукой,
словно в кулисы актёр.
Страшен мне час ночной,
вор
и ночной дозор.

С кем я останусь сейчас?
(Хоть бы случайный гость!)
В этот ночной час—
связь,
если даже врозь.

Знаю, поэт всегда
при смерти (пусть молодой).
Сдвоенная пустота
жизни и смерти, пой,
пой
раковиной морской.

1. Стихи из архива Юрия Беликова.

* * *

Она пришла с улицы
шелестя прохладой одежды
и тут же закидала меня цветами

я кинулся собирать их
чтобы вернуть
и выставить её за дверь

я хватал цветы с полу
я срывал их с головы вместе с волосами
и всовывал в её руки —
она заново разбрасывала цветы!

я опять кидался их собирать,
чтобы вернуть ей
и выставить её за дверь

но подняв голову
услышал мелодию сладострастья
которую она играла
на флейте своих пуговиц

она разбрасывала свою одежду
я поднимал одежду
чтобы её укрыть

и это повторялось бесконечно

я выбился из сил
я опустился на диван

и тут же был затоплен
цветами и лучами её тела

я её ненавидел

я ненавидел этот
высоко выгнутый под небом мостик
по которому она пришла ко мне

заявлялись друзья
она садилась им на колени
как гитара
показывая мне
какие из неё можно извлекать мелодии
когда имеешь слух
и нежные пальцы

наконец она ушла

я крался за ней до мостика
и следил
пока она с него не сойдёт

я поджёг его
и вернувшись домой
обессиленно рухнул на диван

утром проснулся в золе

огонь с мостика
перекинулся на мой дом

наконец-то, — подумал я, —
она больше сюда не придёт

Хоругвь

Не помню я её лица…

Она, ложась ко мне на спину,
дремала весь урок, пока
река не прорвала плотину.
Ленивых два ученика,
мы встали, чтобы видеть, как
волна идёт к нам по степи,
и побежали, чтобы место
уроков водам уступить.
Я ей кричал: «А интересно,
какой здесь век? (Не знать — позорно.)
Не может быть, чтобы двадцатый!..
Гляди, кругом бегут в камзолах…»
Но тут, увидев пса, с досадой
я в реку забежал… Ну, здрасьте!
Я от воды бежал к воде?
А где Она? Волна та — где?
Выходит, преобразовалась
Волна во пса? И загнала
меня обратно в воду? Жалость.
А где Она? Она ж была
со мной. Бежала. Испугалась,
увидев пса, и вмиг исчезла…

(Я сон подробно описал.
Абсурд? Абсурд. А если честно…
Всё — оттого, что невозможно
не вспомнить мне её лица.)
Спиною чувствую его.
Его тепло, его сиянье.
Себя отдав на осмеянье,
рубашку сняв, иду нагой.
Держу рубашку, как хоругвь:
а вдруг на ней, как соль от пота,
проявится лицо? Умру
блаженнейшим из идиотов.

Графин пунша

Я рад был, что не было скрипача,
    которого ты обещала.
«У скрипача — обеденный час», —
    а скрипка в футляре лежала.

Да, я ревновал. Я думал, что он —
    твой предыдущий любовник.
И всё подливал ему в мыслях бульон —
    ещё и ещё половник.

Скрипач ел на кухне бульон не спеша…
    Когда ж своё сытое тело
он вынес к нам, тяжело дыша,
    душа моя скрипкою пела!

Увидев его, ты фыркнула: «Фи!»
    И мы удалились тут же,
оставив на столике целый графин
    тобою любимого пунша.

Церковь

Остов церкви пустотелой
расширенной за счёт
вынутого из неё убранства
Под куполом шпалы крестообразно
парят в лапках сизокрылого Духа Святого
вращаясь время от времени
как колесо истории
то в одну то в другую сторону
Изнутри стены церкви
подпирают столбы солнца
«Верхний камень лежит без раствора
но держится нижними
и скрепляет всю арку»,—
говорю я старушкам
идущим за мною
между каменных куч
человеческого дерьма
и чадящих углей
прибитых кипящей мочою
На стенах
с остатками фресок
сортирная порнография
«Когда тут можно будет помолиться?
Ждём не дождёмся…»
(Крест из двух шпал
разворачивается над нами
как бы прицеливаясь…)
«Молитесь прямо сейчас.
Сейчас даже лучше.
Посреди».

• • •

Мне казалось, молчанье моё
будет длиться и длиться,
пока слово не станет
в гортани моей поперёк.
Вскрывший врач меня скажет:
«Диагноз—самоубийство».
(Впрочем, может быть,
он это слово к концу приберёг.)
Эти мысли приходят ко мне
каждодневной нудою,
что я корчу гримасы
и бешено жму кулаки.
В общем, проще сказать,
занимаюсь такой ерундою,
что когда я об этом пишу,
начинаю краснеть с полстроки.
Но я всё же начну,
а не то задохнусь от удушья,
языком пересохшие губы свои оближу.
Мне уже по лопаткам
колотит за мною идущий.
Не поймёшь: выбивает ли слово моё?
Или просит лыжню?

• • •

Я вижу всё, не открывая век.
Вот по моим ресницам ходит человек.

Туда-сюда прогуливаясь, нервно
он смотрит на часы. Кого-то ждёт, наверно.

Вот от безделья он на корточки садится
и заглянуть мне хочет под ресницы.

Ну, это ты шалишь. В слезе жемчужной
он едет вниз соринкою ненужной.

Приходит женщина, взирая любопытно
на что-то, что отсюда мне не видно.

Кричит испуганно:—Любимый. Где ты есть?!
Я открываю рот тихонечко:—Он здесь.

И, сквозь мои усы, она, продравшись, вмиг
мне на губу встаёт и смотрит под язык.

Там шляпа плавает. Она кричит:—Как глупо!
Шутник. Он спрятался в дупло гнилого зуба.

Увидела. Кричит:—Ты жив, любимый мой!
Фу, гадость. Выплюнул обоих со слюной.

Фигурка мальчика

Претензии мои, мои амбиции,
всё тайное и явное во мне
сгорит в нейтронной будущей войне
исписанными от руки страницами.
А как же вы, мои прекраснолицые?
От вспышки только тени на стене
оставите, чтоб говорить с убийцами
и выродками их о старине?

Экскурсия.
А где-то в стороне—
фигурка мальчика в развалинах.
Он писает.
И дрожь гуляет по его спине
от удовольствия.

Гармонический мир

Завтра утренняя звезда
загорится на синем небе
и проснётся ребёнок
и взволнует звезду своим криком
и звезда расплывётся кругами
и обнимутся в небе две зебры
и отделится тигр
без кровавого следа от них
и пойдёт к водопою
и помчатся круги
от лакающей морды
и сойдутся они у звезды
разбудившей ребёнка.

Александр Торопцев

Война и юность

В древности все, кто заботился о государстве, непременно прежде всего просвещали свой народ и любили своих людей.

У-цзы

Есть четыре несогласия: когда в государстве нет согласия, нельзя выставить войско; когда в войске нет согласия, нельзя выступить в лагерь; когда в лагере нет согласия, нельзя двинуться и сразиться; когда в сражении нет согласия, нельзя добиться победы. Поэтому, если государь, знающий Путь, хочет поднять свой народ, он прежде всего устанавливает согласие и только потом предпринимает большое дело.

У-цзы

Удар по юным

Когда народ, видя, что государь так бережёт его жизнь, так скорбит о его смерти, предстанет вместе со своим государем перед опасностью, воины будут считать наступление и смерть славой, а отступление и жизнь позором.

У-цзы

Мировые войны двадцатого века потребовали от человечества слишком уж большой жертвы: людей молодых и даже людей юных. Не зря после завершения Первой мировой войны появился (и был принят) писательский термин «потерянное поколение».

Да, и в другие времена в разных войнах, в разных армиях сражались в основном люди молодые. Но у тех же греков, римлян или, например, у викингов, воевавших довольно часто, хватало времени на подготовку воинов, на внимательное и осторожное отношение к подрастающему поколению, к будущему народа, страны. И главная роль в битвах, походах, войнах отводилась во всех армиях в весьма насыщенной событиями мировой истории войн опытным бойцам, иной раз даже ветеранам.

Кроме того, вплоть до двадцатого века войны не были тотальными, они не втягивали в свои смертоносные воронки всё население той или иной страны. Даже наполеоновские войны, хоть они и отняли у Франции, Испании, России, других европейских стран очень много людей, в том числе и молодых, нельзя назвать войнами тотальными, каковыми были войны двадцатого века.

Эти совсем не секретные мысли были известны крупным политическим, военным и государственным деятелям сразу после Первой мировой войны. И, естественно, все они понимали, что для успешного ведения следующей войны (а в том, что она будет, никто не сомневался!) необходимо серьёзно заниматься воспитанием, обучением подрастающего поколения.

Дело это непростое. Проблема объёмного, многогранного диполя «родители—дети» существовала и будет существовать вечно. Дабы не быть голословным, я хочу рассказать поучительную историю времён Римской республики.

Весы Тита Манлия

Совершенный человек посредством Пути приводит людей к благу, посредством долга управляет ими, посредством норм руководит их действиями, посредством гуманности привлекает их.

У-цзы

Правя государством и управляя армией, надлежит учить общественным нормам, воодушевлять сознанием долга, внушать чувство чести.

У-цзы

Когда у людей есть чувство чести, в большом государстве этого достаточно, чтобы сражаться, в малом государстве этого достаточно, чтобы защищаться.

У-цзы

Консул Тит Манлий Торкват (IV век до н. э.) вступал во главе победоносного войска в Рим. Воины не скрывали радости, но настроение у них менялось с каждым шагом по родному городу.

Навстречу воинам вышли только пожилые люди. Молодые остались дома. Тит Манлий делал вид, что всё хорошо, но даже его суровое сердце дрогнуло. Он одержал прекрасную победу. Знатоки военного дела считали, что только полководческое искусство Манлия, его суровая требовательность явились залогом победы. Можно было гордиться и радоваться. Но консул, суровый и молчаливый, пришёл домой, лёг в постель и заболел. Болезнь не позволила ему встать во главе войска в войне

с антийцами, которые разоряли набегами земли Рима.

Манлия лечили хорошие врачи, за ним ухаживали слуги и домашние. Но выздоравливал он медленно. Мешали ему ночные думы.

Это он спас от смерти отца и убил сына.

Едва Тит Манлий достиг совершеннолетия, как на Рим налетела эпидемия моровой язвы. Она губила бедных и богатых, молодых и старых. Три года бушевала эпидемия. Римляне делали всё возможное, чтобы справиться с болезнью. Они даже учредили сценические игры для воинов, надеясь разжалобить богов. Но эпидемия не отступала.

Кто-то вспомнил, что в давние времена верховный предводитель вбивал раз в год гвоздь с правой стороны храма Юпитера Всеблагого Величайшего и что болезней в те времена не было. Римляне выбрали для этой операции диктатора Луция Манлия Империоза, человека очень сурового. Тот вбил гвоздь, а затем, пользуясь диктаторскими полномочиями, стал беспощадно набирать для войны с герниками молодёжь. Нерадивых и ленивых он наказывал, применяя даже телесные наказания — неслыханное дело для свободного гражданина Рима.

Народные трибуны вынудили диктатора сложить полномочия, возбудили уголовное дело, обвинили Манлия Империоза во всех грехах, даже в том, что он отправил собственного сына в деревню и заставил его выполнять самую грязную работу, работу рабов. Бывшего диктатора ожидал жестокий приговор.

Узнав об этом, Тит Манлий прибыл в город, явился к трибуну Марку Помпонию, неожиданно приставил кинжал к его горлу и заставил перепуганного деятеля дать клятву не обвинять отца. Луций Манлий Империоз был спасён…

И теперь, лёжа в постели, больной победитель вспоминал эту историю и спрашивал себя: «Разве я не прав, что спас отца и показал молодёжи достойный пример?! Разве не виновен мой сын, из-за которого мы чуть не проиграли войну с латинами?!»

Латины, недавние союзники римлян, знали военные хитрости, тактику и стратегию бывших друзей. Они собрали крупное войско, хорошо его обучили. А у римлян упала дисциплина, ослаб авторитет консулов, являвшихся главнокомандующими в армиях Рима. Молодёжь своевольничала.

Тита Манлия выбрали консулом, доверили сложную войну. Он начал с наведения дисциплины в войске. Дело продвигалось с трудом. Но всё же дисциплина и, как следствие этого, боеготовность войска с каждым днём улучшались.

Однажды Тит Манлий приказал командирам конных отрядов провести разведку, при этом строго запретил им вступать в бой. Его сын, Манлий-младший, прекрасный воин, но слишком горячий, наткнулся на отряд врага, принял вызов командира латинов Гемина, сразился с ним, победил его в быстром поединке. Воины Манлия-младшего с восторгом следили за схваткой, оценили искусство и силу командира, и служить бы ему во славу римлян ещё долго-долго.

Встретив радостного сына, Манлий-отец построил воинов и сказал:
— Ты нарушил приказ полководца. Ты достоин смертной казни. И пусть твой пример, любимой мною сын, послужит печальным, но поучительным примером всем молодым римлянам! Прощай!

Сына казнили. Воины, молодые и старые, стали беспрекословно выполнять приказы начальников. Во время битвы войско представляло собой прекрасно отлаженный механизм. Консул умело руководил им, и римляне одержали важную победу.

«Я отомстил за тебя, сын, я показал соотечественникам, что такое железная дисциплина, я спас Рим. Я был прав!» — подумал он однажды ночью и почувствовал себя здоровым.

Утром Тит Манлий направился в сенат. Его гордый и уверенный взгляд порадовал друзей и единомышленников. Все приветствовали его, поздравляли с победой и выздоровлением. Входя в сенат, он вдруг вспомнил, что по пути ему не встретился ни один юноша! Взрослые, пожилые и старики встретили его и в сенате — там не было ни одного молодого человека. Вечный Рим будто бы постарел в одночасье.

Тит Манлий, жестокий наставник молодёжи, до конца дней своих не увидел ни одного юного лица.

Как воспитывать молодёжь?

Это — грустная история. В жизни людей, стран, государств она повторялась, слегка вариативно меняясь, не раз. Воспитание молодёжи жизненно важно для государства, для самой же молодёжи. Казалось бы, всё предельно ясно. Но… как же воспитывать молодёжь, зная, что Вторая мировая война обязательно разразится, что главную солдатскую роль в ней буду играть твои дети, дети твоих друзей, сограждан?

Сложнейший вопрос, сложнейшая проблема.

Решать её по Титу Манлию можно ли, нужно ли? Вводить железную дисциплину в школах, на заводах и фабриках, в техникумах и институтах, заставлять мирных молодых людей постоянно и ежедневно заниматься военной и политической подготовкой — так надо было работать с молодёжью в период между 1918 и 1939 годами во всех странах, в том числе и в Советском Союзе? Как ответить на эти вопросы?

Древние мыслители о подготовке воинов и войска

У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая.
«Шесть секретных учений Тай-гуна».

«Увеличение армии и укрепление соединений, умножение её силы и постоянная тренировка войск, опора на использование вещей и отклик на внезапные события — это называют „«грамотными приготовлениями“».

«Когда сердца воинов наполнены победой, всё, что они видят, — это врага. Когда их сердца наполнены страхом, всё, что они видят, — это страх. Обязанность командующего — обеспечить единство. Это можно увидеть только с высоты власти».

Военное искусство античности

Флавий Вегеций Ренат. «Краткое изложение военного дела».

«…Римский народ подчинил себе всю Вселенную только благодаря военным упражнениям, благодаря искусству хорошо устраивать лагерь и своей военной выучке».

«Никто не станет оспаривать, что в военном искусстве и теоретическом знании мы уступали грекам. Зато мы всегда выигрывали тем, что умели искусно выбирать новобранцев, учить их, так сказать, законам оружия, закалять ежедневным упражнением, предварительно предвидеть во время упражнений в течение лагерной жизни всё то, что может случиться в строю и во время сражения, и, наконец, сурово наказывать бездельников».

«Нет государства сильнее, счастливее и славнее, чем то, которое богато обученными воинами».

«Всегда до́лжно набирать и упражнять молодых новобранцев. Известно ведь, что дешевле научить владеть оружием своих, чем нанять чужих бойцов за деньги».

«Легче вызвать чувство храбрости у новобранных воинов, чем вернуть его у тех, которые уже перепуганы».

«Солдат исправляют на местах стоянок страх и наказание; а в походах их делают лучшими надежды и награды».

Маврикий. «Тактика и стратегия».

«Ветеранов и в известном количестве молодых воинов надо помещать вместе, чтобы молодёжь развивалась и обучалась в строю».

М. В. Фрунзе о роли молодых людей в предстоящей войне

Мудрые государи древности строго соблюдали законы, касающиеся правителя и подданных, соблюдали правила, касающиеся высших и низших; они воспитывали народ в соответствии с обычаями, подбирали талантливых людей и, таким образом, были всегда готовы ко всяким случайностям.

У-цзы

Правители могучих государств обязательно изучают свой народ. Они собирают из своего народа отважных и храбрых, сильных духом и телом и составляют из них отряд; они собирают таких, кто с радостью идёт в бой, отдаёт все свои силы борьбе и этим проявляет свою преданность и храбрость, и составляют из них отряд; собирают таких, кто может переходить через горы, проходить далёкие расстояния, кто быстр в ходьбе, умеет хорошо делать переходы, и составляют из них отряд; они собирают таких слуг, кто утратил своё положение и хочет снова иметь заслуги пред государем, и составляют из них отряд; они собирают таких, кто сдал крепости, не смог защититься, кто хочет смыть свой позор, и составляют из них отряд. Эти пять отрядов являются отборными частями армии.

У-цзы

Выступая с речью «Оборона страны и комсомол» на конференции РЛКСМ 17 июня 1925 года, М. В. Фрунзе говорил:

«Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить наше мирное строительство. Но, проводя эту политику, никто из нас не вправе забывать о том, что положительное её решение зависит не только от нас, но и от наших противников. А в этом отношении мы не можем себя обольщать уверенностью в том, что эта политика при всех и всяких условиях действительно обеспечит сохранение мира. Целый ряд фактов говорит о том, что мы можем против нашей воли, против нашего желания очутиться перед угрозой вооружённого нападения на нас. Отсюда наша вторая задача: сделать в области нашего военного строительства всё возможное для того, чтобы обеспечить надёжную оборону страны. В лице мощных вооружённых сил рабоче-крестьянского государства мы будем иметь не только средство отпора в случае нападения на нас, но и наилучший способ сохранения себя от этого нападения. Ибо поскольку наши противники будут знать, что мы располагаем могучей армией, постольку у них меньше будет охоты пробовать нашу крепость силою своих штыков».

«В чём может выразиться помощь союза в деле военного строительства? Какова должна быть его основная задача в отношении военной работы? Это прежде всего — задача дать армии и флоту примерного, образцового бойца в лице каждого члена союза, дать нам такого красноармейца, моряка, воздухофлотца, который в отношении своей дисциплинированности, культурного развития и политической воспитанности служил бы образцом для всей остальной рядовой беспартийной массы».

«Тот вывод, который обязан сделать руководящий коллектив комсомола и весь союз в целом, заключается в том, чтобы работа в гражданской организации уделяла больше внимания вопросам культурно-политического воспитания тех комсомольцев, которые должны влиться в ряды Красной Армии и Красного Флота; они должны заблаговременно ознакомиться с теми требованиями,

которые предъявляет военная служба, и таким образом подготовиться к новым обязанностям».

«Комсомол должен взять на себя инициативу создания во всех частях нашего Союза сети военных уголков, военных и спортивных кружков, тех центров военной пропаганды, которые нам подготовят и создадут действительно хорошо удовлетворяющую нас во всех отношениях красноармейскую вооружённую силу».

«Наряду с этой воспитательной и пропагандистской работой я хотел бы обратить ваше внимание и на ту роль, которую должен сыграть комсомол в отношении боевой подготовки нашего рабоче-крестьянского молодняка. При тех кратких сроках обучения, которые сейчас имеют место в территориальных частях, нам очень трудно выполнить во время прохождения службы в них все требования военного дела».

«Я обращаю особое внимание всех наших комсомольских организаций на необходимость широкого развития и укрепления спортивной работы, и в частности — широкого развития и широкой постановки стрелкового дела».

«Дальнейшая задача Союза молодёжи заключается в том, чтобы содействовать общей линии, проводимой нами сейчас в деле нашей обороны. Эта линия сводится к тому, чтобы теперь же, в мирное время, в меру возможности осуществлять все те требования, которые вытекают из характера будущей войны.

Будущая война явится для нашего Союза решающим испытанием, ибо основными и глубокими являются те интересы, которые будут брошены на чашу весов. Нам нельзя рассчитывать на то, что война, которую нам придётся вести, будет лёгкой войной, что она может быть кончена без больших усилий, без больших жертв. Эта возможность почти исключается. Поэтому наша задача заключается в том, чтобы заблаговременно подготовить все те средства, которые обеспечат нашу победу в этом столкновении.

Эти средства заключаются, во-первых, в том, чтобы иметь массовую вооружённую силу, чтобы выставить на поле будущего сражения миллионы бойцов, хорошо подготовленных и обученных. Во-вторых, в том, чтобы эти миллионы бойцов обладали всеми необходимыми материалами и техническими средствами. В-третьих, в том, чтобы они были одеты и обуты; и, в-четвёртых, в том, чтобы вся страна, весь тыл были надлежащим образом организованы и подготовлены для обслуживания всей этой многомиллионной массы бойцов».

М. В. Фрунзе не раз выступал в те годы перед молодёжью, его речи были лишены излишнего пафоса, нравоучительности. Он говорил о том, что есть. Он говорил, что война будет, что к войне нужно готовиться, прежде всего молодым, готовиться внутренне, волево, психологически, физически. И уж конечно, молодые люди должны были хорошо стрелять из винтовки.

И его речи производили сильное благоприятное впечатление на будущих солдат Великой Отечественной войны.

Он говорил и о политической подготовке, о дисциплине. Это было в 1925 году очень актуально. Армия к тому времени практически обновилась. В неё попали люди, которые не воевали ни в Первой мировой войне, ни в войне Гражданской. «Молодняк». Деревенские парни, рабочие. О воинской дисциплине, о военном деле вообще они имели весьма поверхностное мнение. А тут ещё техническое переоснащение армии, тут связанные с ней изменения в тактике ведения боёв, в стратегии ведения войн, военных операций. Тут необходимость подготовки «многих миллионов» молодых солдат к войне. Это — сложное дело.

На комсомол возлагалась очень серьёзная обязанность и очень большая надежда. Комсомол, особенно в армии, был, говоря языком Ленина, «ближе к народу», к молодому солдатику, к тому юноше, который завтра встанет в строй, возьмёт в руки винтовку. Положение осложнялось тем, что после жуткой Первой мировой войны (а в Советском Союзе — ещё и после Гражданской войны) всем хотелось отдохнуть от войны, забыть её, «подлую», гадостную. Всем хотелось жить мирно, радостно. Не учитывать это во внутренней политике не решался ни один государственный деятель земного шара тех времён. Людям нужно было отдохнуть. Молодым людям нужно было дать возможность веселиться, влюбляться, жениться, рожать детей, работать на себя, на семью, на свою родину… а значит, и на будущую войну, будь она неладна! Парадокс, противоречие. Проблема, которую нужно было решать очень осторожно.

Советское руководство решало эту проблему, на мой взгляд, неплохо. Хотя, если говорить откровенно, просчётов было много. Но не о них речь, а о том, что ни в двадцатые, ни в тридцатые годы, ни после начала Второй мировой войны руководители Страны Советов не ставили перед молодёжью задачу по Титу Манлию Торквату или по Гитлеру, не вынуждали молодых людей, забросив все дела, которые даются любому юному человеку как Божий дар, как самое счастливое время в жизни, заниматься только военным делом. В армии — само собой. На «гражданке» — тоже, то есть приблизительно так: днём — работа, вечером — военная подготовка, в выходные и праздничные дни — военные соревнования… Это была бы не жизнь.

Нельзя сказать, что жизнь советской довоенной молодёжи была шибко уж праздничной, работать приходилось много, учиться приходилось много, но времени для дел молодых у молодых было немало.

В последнее десятилетие двадцатого века появились публикации, авторы которых пытаются убедить людей в том, что И. В. Сталин, партия большевиков и всё советское руководство, мол, готовило сограждан к мировой социалистической революции. При этом они забывают, что мировая революция, социалистическая, капиталистическая, коммунистическая, феодальная, рабовладельческая — любая, не могла бы не сопровождаться мощной мировой войной, куда более мощной, чем та, что случилась в 1939–1945 годах. И большевики, люди не только сильные, волевые, но и неглупые, не знать этого не могли. И если бы они всерьёз думали о мировой революции, то они бы просто обязаны были готовить советский народ к тотальной военизации государства. Делать это в условиях экономической отсталости СССР было равносильно самоубийству.

Главной задачей большевиков в период между войнами была задача экономическая. Они её решали. Молодёжь её решала на Днепрогэсе, Магнитке, на других стройках, заводах, фабриках, в институтах и так далее. И эту задачу большевики в целом решили. И молодёжь они от себя не отпугнули — наоборот! Молодые люди в массе своей приняли идеи большевиков. И те, и другие были романтиками. Одни придумали идею светлого будущего, другие — в неё поверили. Ничего тут необычного нет.

История ВЛКСМ в период между двумя мировыми войнами убедительно обосновывает мысль о том, что в основном со своей военной задачей, то есть с подготовкой надёжного в политическом отношении молодого поколения, поколения солдат Великой Отечественной войны, эта организация справилась. Именно в политическом отношении.

Но если серьёзно говорить о военной, военно-спортивной подготовке молодых людей с точки зрения положений в речах М. В. Фрунзе, то стоит признаться, что в этом плане было сделано далеко не всё. И здесь опять же нужно помнить людей типа Тита Манлия Торкваты, прежде чем выносить приговоры!

И ещё нужно помнить (думая о будущем, между прочим!) о том, как эту задачу решала нацистская партия Германии и что в результате получили эта партия, А. Гитлер и, главное, сама Германия.

Гитлерюгенд

В армии всегда найдутся воины, храбрые, как тигры; найдутся сильные, легко поднимающие тяжёлый треножник; найдутся ходоки, идущие быстрее боевых коней; всегда найдутся люди, которые смогут отнять знамя, заколоть полководца. Таких нужно отобрать, отделить их от прочих, любить и ценить их. В них — судьба армии.

Если окажутся такие, кто искусен в употреблении оружия, кто способен и силён, крепок здоровьем и подвижен, кто помышляет о том, чтобы поглотить противника, нужно добиваться им титулов и с их помощью добиться победы.

Если заботиться об их отцах и матерях, жёнах и детях, если награждать их щедро, а наказывать строго, это будут воины, укрепляющие армию; с ними можно продержаться долго. Если уметь тщательно оценить всё это, можно разить вдвое сильного врага.

У-цзы

В 1933 году к власти в Германии пришла нацистская партия во главе с Гитлером. Он быстро нацелил страну на войну.

Сделать это было не так уж и сложно, если вспомнить крупные победы немецкого оружия в девятнадцатом веке и обидное для немцев поражение Германии в Первой мировой войне. Немецкого обывателя понять можно. Он гордился своей нацией. Германские войска со времён Оттона I выиграли немало войн и сражений. А до него были ещё готы, а до них — Тевтобургский лес. Немецкому обывателю было чем гордиться.

Фиаско Фридриха II, проигравшего Семилетнюю войну, в которой главную роль сыграли победы русских армий, немцы забыли, поверив неистовым лозунгам фюрера. Гитлер, безусловно, великий организатор масс, тонкий знаток человеческих слабостей и умелый манипулятор массами, прекрасно знал, что исторической памяти, исторического мышления лишены люди юные, не знающие истории. Он воспользовался этим качеством юных, возбудив в них звериные инстинкты и предоставив им возможность проявить эти инстинкты. Действовал он быстро.

Лидеры НСДАП самым внимательным образом занялись даже не молодёжью, а детьми, подростками и юношами, доверчивыми людьми, впечатлительными, благородными, благодарными, ничего не знающими, ничего не умеющими, мечтающими о победах, о великих делах.

Гитлер и его команда решили подготовить своего рода гвардию преданных и оголтелых сторонников, которые заткнут рот всем сомневающимся, отправят в тюрьмы всех несогласных, убьют всех противников.

Нацисты сделали ставку на юных и работали с ними, используя слабости юных.

Юные граждане земного шара! Внимательно читайте эти строки! Я никого не учу. Я рассказываю о великой беде немецкого народа, о великой беде юных немцев, многие из которых, попав в гитлеровские сети, заплатили за сумасбродные идеи нацистов своей жизнью, жизни не познав и не вкусив.

Уже в 1933 году были созданы «Югендхерберген» — лагеря отдыха для путешествующих по Германии юных немцев. В этих лагерях были совсем маленькие цены за ночлег, питание, кое-какие

услуги. Юношам и девушкам нравилось ездить по родной стране, знакомиться с богатой историей и культурой Германии. Естественно, нацисты пользовались этой ситуацией в идеологических целях, но юноши и девушки этого не замечали. Вот — Германия, великая страна с великой героической историей. Вот — хорошо организованный дешёвый лагерь отдыха. Вот — мудрые взрослые люди, болеющие душой за всё немецкое. Вот — мы, юноши и девушки, мальчишки и девчонки, и нам здесь хорошо.

В 1934 году в палаточных или в стационарных лагерях побывали пять миллионов (!) юных немцев. Они, конечно же, были благодарны организаторам.

А ещё через два года нацисты создали молодёжную нацистскую организацию — гитлерюгенд («Гитлеровская молодёжь»), ставшую главным кадровым резервом НСДАП. Юные немцы валом повалили в эту организацию, что дало повод нацистам объявить вне закона все другие молодёжные организации. Ещё один важный шаг к полному подчинению юных немцев. В гитлерюгенд вступали с десяти лет и выходили из организации в восемнадцать лет. Она делилась на две возрастные группы: с десяти до четырнадцати лет и с четырнадцати до восемнадцати лет. Параллельно, в качестве подструктуры, существовала женская организация гитлерюгенда, разделённая на те же возрастные группы. Младшая называлась «Союз девочек», старшая — «Союз немецких девушек».

Подавший заявление мальчик тщательно проверялся «на расовую чистоту». В день рождения фюрера происходил в присутствии партийного руководства торжественный приём в гитлерюгенд. Так же торжественно и празднично проходила церемония перехода в старшую группу. В девятнадцать лет молодой человек обязан был пройти восьмимесячную трудовую повинность в специальных лагерях, где он получал какую-нибудь специальность и изучал азы военной дисциплины. В двадцатилетнем возрасте его призывали в армию на два или три года.

Это была тотальная система работы с молодыми людьми. И надо признать, что она приносила государству большие дивиденды: в конце тридцатых годов в Германии снизилась преступность среди молодёжи, увеличилось, естественно, за счёт гитлерюгенда, число вступающих в нацистскую партию. Это укрепляло боеспособность вермахта.

В «Союз немецких девушек» (младшая группа — от десяти до четырнадцати лет, старшая — от пятнадцати до двадцати одного года) в 1936 году вступило два миллиона девушек. Здесь тоже порядок был отменный. Сто двадцать пять тысяч девушек в тридцати семи специализированных школах прослушали курс лекций по национал-социализму, расовым вопросам, истории Германии, азам военной службы и так далее, и теперь они передавали знания членам организации. Большое внимание уделялось гражданской обороне, военному делу и материнству. В семнадцатилетнем возрасте девушек принимали в организацию «Вера и красота». Здесь они серьёзно занимались проблемами будущего замужества, домашнего хозяйства и воспитания детей — естественно, в духе нацизма. «Вера и красота» была создана в 1937 году.

Гитлеровцы не стали первооткрывателями идеи организованной массовой работы с детьми и молодёжью. Уже в 1901 году в Германии появилась националистическая группа «Вандерфёгель» («Перелётные птицы»), с неё началось молодёжное немецкое движение. «Перелётные птицы» возрождали романтизм рыцарства, изучали отечественную историю, проповедовали… национализм и антисемитизм. После Первой мировой войны они критиковали Версальский договор 1919 года и Веймарскую республику, нападали на коммунистов, громили еврейские магазины. Авторитет и число членов организации в эти годы увеличивались. В тридцатые годы она влилась в НСДАП.

В апреле 1933 года нацисты открыли учебные заведения «Наполас» для подготовки нацистской элиты. Причём в них обучались десяти-восемнадцатилетние юные немцы из рабочих семей и семей военнослужащих. Здесь готовились по образцу старых прусских кадетских корпусов кадровые резервы для нацистской партии, служб СС, СД и вермахта. Следует обратить внимание на социальный аспект решения важной кадровой проблемы: Гитлер давал возможность проявить себя детям из простых семей и сделать карьеру! Гораздо позже многие из этих детей поймут, что это за «карьера». Но будет поздно. Многие из них поймут это перед смертью в каком-нибудь адовом сражении на советско-германском фронте, кто-то — в советском плену. Кто-то — вернувшись домой искалеченным физически и морально. Но кто-то останется верен тем, кто дал им шанс сделать карьеру, кто был внимателен к ним, внимателен по-своему, с корыстными целями — ну и пусть, это лучше, чем гнуть спину на заводах или на полях… Это — лучше?

«Да, лучше!» — так считают те, кого нацисты подхватили в десятилетнем возрасте и повели по нацистской тропе. Что умел делать этот юный немец? Воевать. Руководить отделением, взводом, ротой, а то и батальоном, а то и полком. Его жена, его дети получали гостинцы и подарки, они жили гораздо лучше, чем немецкие рабочие, крестьяне, интеллигенты, не кричавшие вслед за нацистами: «Хайль!» — и не желавшие никому на земном шаре зла. Что ещё умели бывшие члены гитлерюгенда? Ничего. Но ведь им, представителям высшей расы, ничего больше и не нужно уметь: только

воевать-завоёвывать и руководить представителями низших рас. И всё. Этого, по мнению тех, кто так и не понял, какую злую шутку сыграл с ними Гитлер, вполне достаточно для счастливой жизни. Нужно только держаться за Гитлера, драться за Гитлера. Он всё сделает. Да, мы проиграли битвы под Москвой, Сталинградом… Это не важно. «Хайль Гитлер!» Он что-нибудь придумает. А пока — посылки, посылки домой, а хоть и с кровью. Отмоют кровь, не страшно. «Хайль Гитлер!»

Несчастные юные немцы, дети великого народа, талантливых созидателей, художников, поэтов, философов, музыкантов… несчастные юные немцы были зомбированы, загипнотизированы нацистами, превращены в роботов.

Вспомним, например, экзамены для пимпфов, членов «Юнгфолька» (младшей группы гитлерюгенда), перед торжественным переходом в старшую группу. Подросток обязан был кратко, но без запинок и гордо изложить нацистскую клятву, прочитать наизусть партийный гимн «Хорст Вессель», пробежать за двенадцать секунд шестьдесят метров, преодолеть ночной туристический маршрут, сдать экзамен по строевой подготовке, по знанию знаков семафора и так далее. Руководители у пимпфов были опытные. Они умели работать с детьми так, чтобы у тех не пропадал интерес к делу. Но к какому делу они готовили мальчишек великого народа?!

По специальному распоряжению Гитлера в средних и специальных учебных заведениях и на этнологических факультетах университетов преподавали предмет под названием «Расовые исследования», и можно понять, каким уродливым было мировоззрение молодых людей, получавших образование в этих учебных заведениях. А если учесть, что вся система образования, искусство, культура, литература, театр, кино были подчинены нацистской идее, то можно не удивляться тому удивительному упорству, с которым немецкие воины даже после сокрушительного поражения под Сталинградом продолжали верить Гитлеру. Гитлеру, в буквальном смысле слова сделавшему их по образцу своему и по духовным, душевным и моральным «лекалам» нацистской идеологии.

Два с лишним года после Сталинграда обречённые немцы будут не только воевать, то есть драться по-рыцарски на полях сражений, но и творить «с тупой покорностью зверя» на территории Советского Союза и других стран такие злодеяния, о которых и писать, и говорить, и думать страшно человеку разумному. Но писать, и думать, и говорить об этом, к сожалению, надо. Чтобы в подобной ситуации, в какой оказалась Германия в 1933 году, не допустить подобного. История на то и дана людям, чтобы думать, чтобы не повторять ошибок предков.

Позднее прозрение

Князь У-Хоу спросил:
— Когда наказания строги, а награды справедливы, этого достаточно для победы?
У-цзы ответил:
— Об этом — строгости и справедливости — я судить не могу. Но скажу: только на это одно полагаться нельзя. Вот когда отдают распоряжения, издают приказы и люди ревностно исполняют их; когда поднимают войско, двигают массу людей и люди с радостью умирают, вот тогда — дело другое: эти три вещи являются действительной опорой властителя.
Князь У-Хоу сказал:
— Как этого добиться?
У-цзы ответил:
— Государь, приглашайте тех, у кого есть заслуги, и устраивайте в честь их пиры. Воодушевляйте этим тех, у кого нет заслуг.
Тогда князь У-Хоу устроил у себя во дворе храма предков сиденья, поставил их в три ряда и позвал своих воинов и сановников на пир. Людей с большими заслугами он усадил в передний ряд, и яства у них были отборные, утварь драгоценная. Следующих по заслугам он посадил в средний ряд, и яства и утварь у них были уже несколько хуже. Не имеющих же никаких заслуг он поместил в задний ряд, и у них были яства, но не было дорогой утвари. Когда пир закончился, князь вышел наружу. За воротами храма предков он роздал подарки отцам и матерям, жёнам и детям тех, кто имел заслуги, причём опять-таки соблюдал разницу в зависимости от их заслуг. К семьям умерших на службе он каждый год направлял посланцев и слал подарки их отцам и матерям; он показывал, что в сердце своём он о них не забывает.

У-цзы

Самое страшное горе для любого нормального человека — хоронить своих детей. Самое большое желание у всех нормальных родителей — дать детям здоровье, образование, хорошую профессию, скопить для них деньжат, женить сыновей, выдать замуж дочерей, нянчить внуков и воспитывать их. Люди отличаются друг от друга цветом кожи, глаз, волос, они говорят на разных языках, живут в разных странах, по разным обычаям. У нас, у людей, много разного. Но есть у нас и много того общего, что делает всех нас людьми. Отношение к детям, к потомству, повторимся, у всех нормальных людей в принципе одинаковое было в незапамятные времена, есть и будет во веки веков. Уже один этот факт разрушает все попытки провести разграничение людей по расовому, национальному и другим внешним признакам.

Любого повелителя можно оценивать по его отношению к молодёжи. Если, например, после какого-то правителя молодёжь страны живёт

полнокровной жизнью, то есть и балбесничает в меру, и получает образование, и с охотой участвует во всех сферах жизни государства, и хорошо прогрессирует, и уважительно вспоминает бывшего правителя,—значит, он жизнь прожил не зря и дело он своё сделал, долг свой перед народом выполнил.

Что же говорили о молодёжи главари нацизма, и что же говорили о своём прошлом дети Германии образца 1933–1945 годов после Второй мировой войны?

«Культивируемое чувство готовности умереть за фюрера, народ, общество являлось, в сущности, наиглавнейшим в нашей жизни» (Ханс-Йохен Фогель, 1926 года рождения).

«Они завлекли нас, чтобы использовать, и мы охотно приняли участие в деятельности этой организации (гитлерюгенд.—*А. П. Т.*). Многие, подобно мне, не противились этому и не видели оснований противиться, а позднее увлекли за собой и других» (Эрих Лоест, 1926 года рождения).

«Одно из основных направлений образовательной и воспитательной работы народных государств заключается в следующем: как целенаправленно, так и инстинктивно развивать в сердцах и сознании преданной молодёжи расовое чувство и расовое мышление» (Адольф Гитлер).

«Конечно, молодым людям нравится, когда им говорят: „Вы есть будущее. Вы будете всё решать. Старики всё равно исчезнут с горизонта в один прекрасный день“» (Ханс-Йохен Фогель).

«Они не говорили сразу напрямик: „Мы хотим сделать из вас отличных нацистов“. Они постепенно подводили нас к этой мысли» (Ханс Мюллер, 1923 года рождения).

«Молодёжь была совращена. Её мышление не было столь развито, чтобы создать собственную ясную картину происходящего. Прибавьте сюда и юношеские нравственные поиски, столь присущие всем нам» (Имо Московиц, 1925 года рождения).

«Народное государство, проводя воспитательную работу, должно в первую очередь обратить внимание на формирование крепкого, здорового тела, а не накачивать молодёжь голыми знаниями. Во вторую очередь надо заниматься развитием умственных особенностей. Но и здесь самое главное—это воспитание характера, особенно воспитание силы воли и решительности, не забывая о воспитании чувства ответственности. Преподавание научных знаний требуется в последнюю очередь» (Адольф Гитлер).

«До самого конца войны меня учили умирать за отечество, а не жить для него. Нас приучали мыслить следующим образом: ты—ничто, твой народ—всё. Германия должна жить, даже если мы должны умереть» (Ганс Буххольц, 1927 года рождения, воспитанник национал-патриотического интерната в городе Наумбурге).

«Мне должно было быть стыдно оттого, как мало мы знали о немецких писателях и поэтах, начиная Манном и кончая Бенном, и как скупы были наши познания в математике. Печальное зрелище являла собой и духовная сфера» (Харальд Грундман, 1927 года рождения, ученик школы Адольфа Гитлера).

«У нас были и добродетели: любовь к ближним, правдивость, верность родине. И всё это уживалось с любовью к фюреру. Чувства к фюреру стояли в центре нашей морали. Конечно, это была фальшивая мораль» (Манфред Роммель, 1928 года рождения).

«Быть восемнадцатилетним в то время было опасно. Один лишился глаза, другой потерял руку—потери среди наших одногодков достигали 50 процентов» (Франц Ю. Мюллер, 1925 года рождения, группа сопротивления «Белая роза»).

«Я всегда думал: боже мой, мне всего 18 лет, и я не хочу умирать» (Курт Пальм, 1925 года рождения, участник Сталинградской битвы).

«Мы думали, что наша армия, наши солдаты всегда побеждают. И вот однажды мы заметили, что это не совсем так. Тут нам сказали: „Парни, берегите головы, вы нужны нам для послевоенного возрождения“. Жить для Германии—намного лучше, чем умереть за неё» (Карл-Хайнц Бекле, 1929 года рождения).

«Я не желаю видеть детские лица со стальными касками на голове. Детский труд—не самая лучшая вещь, но детский героизм нам и вовсе не нужен. Я не желаю увидеть это еще раз» (Дитер Хильдебранд, 1927 года рождения).

«Молодёжь докажет свою преданностью фюреру делом. Молодые люди 1928 года рождения в большинстве своём добровольно поступили на военную службу и на шестом году войны явили самые высокие показатели по количеству желающих отправиться на фронт» (Артур Аксман, руководитель гитлерюгенда, 1945 год).

«Основная масса молодёжи становится главной обузой на войне. Она ещё физически не доросла, чтобы переносить такие испытания, как голод, недостаток сна и сверхвысокое напряжение организма. Во время боевых действий у неё возникают серьёзные трудности со здоровьем. что ставит под вопрос целесообразность её применения на поле боя» (генерал Вестфаль, начальник штаба командующего войсками на Западном фронте).

«Позиции были брошены. Солдаты и солдаты-подростки в панике бежали, деморализованные ракетным обстрелом и атакой танков. Такое должно было произойти с плохо обученными новичками. Я бежал вместе со всеми. Всё же я успевал оценивать обстановку и думал о том, что бежать впереди или позади всех было бы ещё хуже» (Вольфганг фон Бух, 1928 года рождения).

Цитировано по книге Г. Кноппа «„Дети“ Гитлера».

Немецкий писатель Гвидо Кнопп, видимо, неспроста взял в кавычки слово «Дети» в названии своей книги. В самом деле, Гитлер не имел никакого права на этих детей, на «детей Германии», которых нацисты умело пристегнули к себе, а в 1944–1945 годах бросили под танки врага, надвигавшегося на Германию, на Берлин с востока и с запада. Это было преступным деянием гитлеровцев, оно ещё и ещё раз доказывает, что нацистам было наплевать на будущее немецкого народа.

Арденны глазами немецкого юноши

Тот, кто забирает всё себе, потеряет мир.
У-цзин

Некоторые специалисты утверждают, что «по замыслу руководства рейха» битва под Арденнами «должна была стать поворотным пунктом войны». Таких замыслов у Гитлера было много после того, как он вероломно напал на Советский Союз. И ни один из них не оправдался, и с каждой новой проигранной на Восточном фронте битвой эти замыслы становились всё нереальнее, фантастичнее. Недаром некоторые высокопоставленные германские генералы говорили, что для них война кончилась в сентябре 1944 года. В этом признании кроется объёмная истина.

Упорное, практически безостановочное продвижение на запад Красной Армии на всём советско-германском фронте, первые успехи, пусть и не такие значительные, Второго фронта, с одной стороны, и общая усталость немецкого народа, немецкой экономики, с другой стороны, убедительно обосновывают мысль о том, что Германия осенью 1944 года выдохлась, что не только побеждать, но и работать на войну она уже больше не может. И Гитлер знал, что Германия выдохлась, пробежав на очень большой скорости двенадцатилетний марафон во главе с нацистами.

И, зная это, Гитлер продолжал войну, мобилизовав для наступления в Арденнах последние резервы вермахта, последние силы нации. В армию стали призывать семнадцатилетних, шестнадцатилетних гитлерюгендовцев. «Нам сказали, что мы те, кто переломит ход войны. Мы были предназначены для этого»,—вспоминал Гюнтер Мюнц, потерявший под Арденнами ногу. Молодые люди доверчивы. Только молодые могли поверить в эту чушь и, поверив, пойти на фронт с гордо поднятой головой. Наступление продолжалось недолго. Отступление было для юных героев ужасным.

Йоханеса Шредера ранило в голову в одном из боёв, когда на немецкие окопы, в которых стояли насмерть четырнадцать гитлерюгендовцев, двинулось около сотни танков союзников. «Дети Гитлера» отступили в лес. Шредера они оставили в окопе, подумав, что он убит. Домой вскоре пришла похоронка. Юношу отпели в церкви, а через несколько дней пришло письмо, в котором Шредер писал о том, как его спасли американские санитары. В госпитале юный немец стал узнавать правду о войне, о нацистах. Правда была суровой. «В некоторые моменты мне было стыдно за то, что я немец»,—напишет он после войны. Гитлеру такие мысли в голову не приходили. Геббельсу—тоже. Он продолжал твердить по радио: «Мы прожили по-настоящему уникальный год немецкой истории. Немецкий народ демонстрирует величие морального духа, сопротивляясь врагу. Это можно назвать чудом, которое станет залогом нашей грядущей победы».

И юные немцы верили им. И шли на фронт. И погибали десятками тысяч. А чудом уцелевшие в боях юноши быстро прозревали.

Эрих Шварц, житель Кёнигсберга, малолетний солдат из гитлерюгенда, пошёл защищать свой город. Командир послал его с важным донесением на командный пункт. Там он увидел пьяного батальонного командира, на коленях которого ёрзала пьяная девка. Офицер рассвирепел, наорал на юнца, обещал расстрелять его перед строем. Эрих Шварц вышел на улицу, добрался до собственного дома, спрятал форму, переоделся и «снова стал маленьким мальчиком», обрадовал мать. Ему повезло. В это время нацисты вешали на Северном вокзале города молодых людей за дезертирство.

В том же Кёнигсберге нацисты заставляли членов гитлерюгенда расстреливать еврейских женщин в местечке Анна-Грубе неподалёку от моря. Они втягивали «в свои преступления детей, чтобы и они разделили ответственность за деяния нацистов».

В феврале-марте 1945 года в вермахт и в СС были призваны юноши 1928 года. Гитлер по просьбе Бормана издал приказ о призыве шести тысяч юношей 1929 года рождения для укрепления второй линии обороны. Такой же приказ отдал генерал-фельдмаршал Кейтель.

В апреле обращаться с фаустпатронами стали учиться девушки и их матери.

Много гитлерюгендовцев защищало знаменитые Зееловские высоты. Всего там погибло пятьдесят тысяч немецких солдат. Среди них юных немцев было очень много.

В боях за Берлин было всё: и беспредельная фанатичность юных солдат, и страх, и разочарование, и бегство, и преступные вопли Артура Аксмана, гнавшего и гнавшего детей на бойню, и гестаповские виселицы, на которых казнили тех, кто не хотел участвовать в этом абсурде, и расстрелы были перед строем.

Гестаповцы изощрялись, как когда-то в борьбе с советскими партизанами. Осуждённый лично

писал на табличке: «Я испугался и не стал защищать женщин и детей. Поэтому меня повесили здесь. Я — помесь свиньи с собакой». Гестаповцы вешали табличку на грудь приговорённого, а затем вешали его на фонарном столбе. Фонарных столбов в Берлине было много.

Аксман, злой гений юных немцев, обещал Гитлеру удержать силами гитлерюгендовцев мосты, по которым на запад могли прорываться нацисты. Он собрал пять тысяч юных воинов. Из них в живых осталось несколько сотен человек.

Лотару Леве в те дни было шестнадцать лет. Он вспоминал о последних днях битвы за Берлин так: «Здесь была кровавая бойня с сотнями убитых и раненых. Они лежали на мосту, а по их телам шли колонны. Я сидел в коляске мотоцикла и видел всё своими глазами. Я никогда не забуду, как кровь текла ручьями, а людей давили техникой».

Юные воины удерживали мосты почти сутки. Это были воины! За их подвиг, за несколько тысяч юных немцев, павших в этих боях, Артур Аксман получил золотой и железный кресты.

Бывший гитлерюгендовец Аксель Эккенхоф, сражавшийся на одном из мостов и чудом уцелевший в той мясорубке, говорил, повзрослев, жёстко и откровенно: «Я бы убил Аксмана. Он был преступником. Он получил слишком мягкое наказание за свои преступления… Для чего мы удерживали мосты? Для того, чтобы по ним мог сбежать убийца евреев Гиммлер? И мы должны были отдавать свои жизни ради этого убийцы? Это отвратительно!»

Прозрение пришло после войны. Прозрели очень многие из тех, кому во время войны было шестнадцать-восемнадцать лет.

Слеза слезе рознь

В целом люди ненавидят смерть и наслаждаются жизнью. Они любят добродетель и склоняются к выгоде. Способность приносить выгоду согласуется с Дао. Когда присутствует Дао, Поднебесная изъявит покорность.

У-цзин

Нужно честно сказать, что и немецкая, и советская молодёжь в той войне совершила много воинских подвигов. Немецкие мальчишки и девчонки, юноши и девушки не посрамили свою нацию, историю своего народа. Об их воинских подвигах на завершающем этапе войны писали мемуаристы разных стран. И почти все свидетели тех подвигов вспоминают моменты пленения юных немцев, членов гитлерюгенда. В этот миг с мальчишками происходила мгновенная метаморфоза. Ещё секунды назад их лица были гордые, надменные, волевые. И вдруг им крикнули: «Хенде хох!» И тут же — оружие на землю. И быстрые руки победителей умело пробежали по одежде. О, это мучительная для любого воина процедура! Это — поражение. Плен. Позор. «Встать в строй». И ещё не встал в строй гордый юный немец, а уж лицо его потеряло и гордость, и чванство, и волю, и силу. Так было. И слёзы рвались изнутри, и не было никаких сил сдерживать их. И плакали немецкие мальчики и юноши, плакали навзрыд. Недовоевали, недоубивали, не победили.

Обидно до слёз.

А в это время в той же самой Германии плакали родственники моей жены: семнадцатилетний будущий её отец, пятнадцатилетний и четырнадцатилетняя её будущие дядя и тётя. Более трёх лет они работали в поместье какого-то фашиста. И мечтали, и не плакали, боясь слезами растревожить души и сердца родных. И терпели. Не хочу и не буду наговаривать напраслину на их хозяина. Не издевался он над ними, как многие его соотечественники, не заставлять работать через силу, голодом не морил, дешёвой баландой кормил. Видимо, помнил, что Германия — это не только Оттоны, Барбароссы, Мольтки, но и Гейне, Гёте, Шиллер, а ещё Бах, Бетховен, и философы, и Дюрер… И не гнобил он родственников моей жены, выжили они, выдюжили, дождались, увидели своих воинов и разревелись хором, и хор этот нестройный слышали советские солдаты, и немцы, и немецкая земля.

А в это время плакали, Победу слезами омывая, да вином, да водкой, да забористым перваком обмывая, люди советские у себя на Родине. И никто их не успокаивал, некому были их успокаивать; ревите, победители, да не зарёвывайтесь, некогда, дел очень много. И прекращали они плакать, и впрягались в плуг бабка с дочерью, и налегал на плуг пацан десятилетний, дитя войны, недокормленный, недоласканный.

Время войны

Если у правителя недостаточно достоинств, государство будет в опасности, а народ — в волнении. Если правитель — достойный или совершенномудрый, государство будет в мире, а люди — послушны. Счастье и несчастье зависят от правителя, а не от небесных сезонов.

У-цзин

Говорили об этом, и писали, и фильмы снимали, спектакли ставили. Да не так часто говорили об этом, будто бы не главная эта тема, второстепенная для войны. Оно и понятно. Главное в любой войне — бои, походы, битвы, офицеры, генералы. Затем — конструкторы боевого оружия, инженеры, рабочие, крестьяне.

А юность?

Слышу удивлённый ответ: «Да будет тебе, товарищ писатель, лирику наводить да делать из мухи слона. Конечно, советская молодёжь героически сражались во время Великой Отечественной войны.

Никто с этим утверждением не спорит. Можно и нужно рассказать о подвигах Матросова, Космодемьянских, Чайкиной и „Молодой гвардии", о других героях-комсомольцах. Но называть тему юности и юных в той войне главной всё-таки не стоит».

Не могу согласиться с подобными нравоучительными внушениями. Не могу.

И не потому, что Гитлер выбрал для нападения ночь выпускных школьных балов. Это уж само собой. Это — следствие военной доктрины нацистской партии.

Вспомним!

Гитлеровские стратеги по приказу фюрера разработали план молниеносной войны, блицкриг. Но сам Гитлер в своих выступлениях перед высшим военным руководством Германии упрямо заявлял, что нельзя отрицать возможности долгой, многолетней войны на востоке. Он это говорил не ради красного словца. И тот факт, что экономика Германии в целом справлялась с огромным военным заказом в течение шести лет, убедительно обосновывает мысль о том, что в мае-июне 1941 года вождь нацистов, во-первых, слабо верил в успех «Барбароссы», во-вторых, готовил экономику страны к долгой напряжённой работе на войну.

К этому следует присовокупить откровения Гарри Трумэна, повторявшего с высоких трибун, что США будут помогать в войне тем, кто проигрывает, лишь бы война продолжалась дольше, изматывая воюющие государства и народы. Некоторые политики в США именно этого и хотели. И если бы не Пёрл-Харбор и не тонкая политика И. В. Сталина, если бы не народы Европы и других континентов, сказавшие «нет» фашизму, то идеи Гарри Трумэна могли бы реализоваться. В пользу этого версионного утверждения говорит прежде всего избрание Гарри Трумэна президентом США весной 1945 года.

Подчёркиваю: Гитлер, как и многие государственные деятели, в блицкриги ни в 1939-м, ни в 1941 году не верили, а если и кричали об этом с трибун, то только в политических целях, а то и в целях более приземлённых — из чувства самосохранения. В самом деле, легко себе представить, как отреагировали бы толпы людей, услышав от Гитлера в 1941 году: «Мы будем воевать с Советами долгих четыре года, в этой войне погибнут около десяти миллионов наших сограждан».

Гитлер был расчётлив и не глуп. Готовясь к нападению на Советский Союз, он понимал, что главным его врагом в долгой и упорной войне будут те, кому в 1941 году исполнилось четырнадцать — двадцать лет, юность Страны Советов.

За неделю до вторжения немецких войск на территорию СССР, то есть четырнадцатого июня, состоялся вечер выпускников в советских неполных средних школах. Бывшие семиклассники, четырнадцати-пятнадцатилетние юноши и девушки, отдыхали. Кто-то хотел продолжить учёбу. Кто-то устраивался на работу. Все они мечтали о мирной жизни.

Через неделю, двадцать первого июня, в средних школах были балы выпускников. Белые платья, весёлые глаза, упругие косы — последняя возможность покружиться в вальсе с одноклассником. Строгие костюмы, гордые лица, важные движения — последняя возможность признаться однокласснице в любви. Далеко не у всех выпускников всё в тот вечер получилось как хотелось, далеко не всем из них повезло в тот вечер в любви. Но никто из них не отчаивался. Впереди была большая жизнь, большие дела.

Слова директора школы, ветеранов, учителей, прогулка по ночным улицам, благоухание ночного лета, предутренний покой и бестолковый гомон счастливых выпускников. Наконец-то начинается настоящая, самостоятельная, а значит, очень счастливая жизнь…

Нет, ребята, не будет вам счастливой жизни. Вы ещё не натанцевались, ещё не решились сказать: «Я тебя люблю», — а уж взлетели в небо на далёком западе, за чёрными горами, за Карпатами, вражеские бомбардировщики, взяли курс на восток. Вы ещё не нагулялись по ночному лету, а уж бомбы полетели на города и сёла, на железнодорожные узлы, на мосты, заводы, фабрики…

Вас, молодых да юных, нужно было сломить, напугать до смерти, превратить в покорных баранов, в безвольных деток. Вы, ещё не окрепшие духом и телом, могли через год-два, через три-четыре года встать в строй бойцов Красной Армии…

Крупно просчитался Гитлер по многим составляющим боеготовности Красной Армии, советского народа и способности СССР вести долгую войну. Просчитался он и по отношению к советской юности. Не удалось врагу ни замаслить, ни сломать, ни превратить в пугливых куропаток молодых людей. И как сражались юные советские солдаты, офицеры!

В первые десятилетия после Великой Отечественной войны вышло много книг о подвигах молодых героев. Там было много идеализации, пренебрежительного отношения к врагу. Были и вполне объяснимые лакуны, недосказанности, а то и подтасовки фактов. В настоящее время некоторые чрезмерно педантичные специалисты выискивают в судьбах героев войны отрицательные линии и выдают их за сенсации, пытаясь переписать историю Второй мировой войны.

Фактов действительно много, в том числе и нелицеприятных. Это война.

Но дело юных граждан СССР в ней — это не факт и даже не событие, а явление. Чтобы убедится в этом, можно просто полистать любую Книгу памяти — сколько там фамилий людей моложе 1920–1927 годов рождения!

Немного о демографии (или «Кто не рожает, тот не выигрывает»)

Тот, кто преуспел в управлении государством, управляет людьми так, как родители своим любимым ребёнком или как поступает старший брат по отношению к любимому младшему брату. Когда они видят, что те страдают от голода и холода, то беспокоятся за них. Когда видят их тяжкий труд и горести, печалятся за них.

У-цзин

Награды и наказания должны быть установлены как для себя самого. Налоги должны быть такими, как если бы вы забирали у себя самого. Вот путь любви к людям.

Там же

Когда справедливость превосходит желания—будешь процветать; когда желания превосходят справедливость—погибнешь. Когда почтение превосходит медлительность—это благоприятно; когда медлительность превосходит почтение, будешь уничтожен.

Там же

Правитель должен уделять внимание достижению процветания в государстве. Без достатка ему не с кем будет быть гуманным. Если он не сеет добрые дела, ему не с кем будет собрать родственников. Если он отдалит родственников, будет вред. Если он потеряет простой народ—проиграет.

Там же

Вторая мировая война всё ещё оказывает негативное влияние на экономическое и социальное развитие всех её активных участников.

Динамика естественного прироста населения в разных странах встревожила мудрых людей ещё в двадцатые—тридцатые годы двадцатого века, когда Европа стала явно уступать по этому важнейшему показателю другим континентам. Учёные установили, что естественный прирост населения между Первой и Второй мировыми войнами приблизительно составлял в Европе—35%, в Америке—около 130%, в Африке—70%, в Азии—48%, в Австралии—133%. Но именно в Европе проходили самые кровопролитные и ожесточённые сражения Первой мировой войны, именно народы Европы в значительно большей степени пострадали от той войны. Они так от неё пострадали, так устали, что, говоря образно, жизненный стимул у народов Европы уменьшился. Военные и послевоенные тяготы и заботы утомили европейцев, и это обстоятельство (Первая мировая война!) тут же сказалось на деторождении, на естественном приросте населения. Получалось так: чем активнее страна воевала в Первой мировой войне, тем в последующие десятилетия у неё хуже обстояло дело с естественным приростом населения.

Не заметить этого факта руководители европейских стран не могли. Они знали об этом и в двадцатые, и в тридцатые годы.

Какой же вывод должны были сделать мудрые правители? Они должны были сделать всё, чтобы уберечь Европу от войны. Или как минимум не допустить, чтобы Европа вновь превратилась в главную арену боевых действий, крупнейших сражений. Они это сделали? Нет. Значит, всем правителям европейских государств отличную оценку за их деятельность в период между двумя мировыми войнами ставить грешно. Потому что они того не заслужили.

«Но война есть путь прогресса! Она даёт мощный импульс всем сферам деятельности человека: науке, культуре, промышленности, сельскому хозяйству! Об этом говорят издревле многие мудрые люди. Об этом говорит опыт многих стран, об этом говорит история двадцатого века! „Холодная война“ и гонка вооружений после Второй мировой войны дала земному шару не только термоядерную бомбу, другие виды ОМП, другие виды вооружения, но и целый ряд великих открытий и достижений. В конце концов, компьютерная техника, без которой в настоящее время немыслимо ни одно сколько-нибудь значительное дело, родилась во времена Норберта Винера и Роберта Оппенгеймера как прикладное средство для многочисленных вычислительных операций, которые необходимо было проводить в лаборатории Оппенгеймера, создававшего в 1943–1945 годах атомную бомбу…»

Да-да. Всё это так. И если к делу подходить формально, а лучше сказать, примитивно, то можно поверить в истинность подобных разглагольствований, а также в то, что «война является мощным стимулирующим импульсом прогресса». Я хочу убедить читателя в обратном: война—это прежде всего пожиратель могучей созидательной энергии человека, человечества. К сожалению, человечество, избрав своим союзником войну, встав на тропу войны в незапамятные времена, никак не может понять, что почти все войны в мировой истории были пирровыми… Впрочем, очень трудно, например, гражданам Великобритании и особенно США принять эту, на первый взгляд, странную мысль.

Самым, на мой взгляд, ярким, зримым обоснованием состоятельности данного утверждения являются напечатанные в «Демографическом энциклопедическом словаре» (Москва, «Советская энциклопедия», 1985) «Возрастно-половые пирамиды населения» разных стран. Любой читатель может, отксерив эти пирамиды населения, расположить их для наглядности в два столбца: в левом столбце будут пирамиды населения стран—активных

участниц боевых действий во Второй мировой войне, в правом столбце — менее активных участниц, а также пирамиды населения стран, совсем не принимавших участие в той великой войне.

В левом столбце (Австрия, Германия, Болгария, Великобритания, Италия...) пирамиды будут иметь явно ущербный вид с тенденцией к снижению деторождаемости. В правом столбце — картина совсем иная! Пирамиды здесь аккуратные, ровные, с непреодолимой тенденцией к увеличению количества людей, детей, малышей в зависимости от возраста: чем меньше возраст людей, тем больше их количество в стране, не воевавшей активно во Второй мировой войне.

Эта тенденция, этот факт, зафиксированный во всех демографических словарях, говорит о том, что полнокровной семейной жизнью жили после войны не победители и не побеждённые, а не участвовавшие во Второй мировой войне страны, семьи, люди.

Семья, как известно, является опорой государства. Если семье хорошо, то и государству будет хорошо, и государство будет сильным.

«Но мы же полетели в космос! Мы компьютеризировали земной шар! Мы построили дороги, автомобилизировали планету! Мы дали людям видаки, мы сильнее всех. У нас самое лучшее в мире оружие. Мы можем уничтожить в один момент любую страну, какие бы крепкие семьи в ней ни жили, как бы много детей они ни рожали!..»

Это — фанфаронство. Подобное отношение к действительности, свойственное тем, у кого больше и лучше оружие, царило издревле, царило оно и в двадцатом веке, и сейчас оно царит, оно управляет поведением и мышлением обвешанных всевозможным оружием людей, государств. С подобным мышлением, мировоззрением совладать сложно, хотя Великий наш Учитель — мировая история — на примерах убедительно иллюстрирует пагубность такого «ракетозакидательства». Римская империя обладала могучим военным потенциалом. Она пала под непрерывными ударами так называемых варварских племён в тот период истории, когда на Апеннинском полуострове явно обозначился демографический спад, в отличие от тех территорий, из которых стремительными потоками неслись к Риму отряды великих переселенцев.

В аналогичной ситуации оказалась в четырнадцатом-пятнадцатом веках Византийская империя, разучившаяся либо расхотевшая (опять же по причинам бесконечных войн) укреплять себя изнутри, то есть укреплять семью.

Таких примеров у нашего Великого Учителя множество. О них в двадцатом веке забыли правители европейских государств, пропустив Гитлера в военные лидеры.

Гитлер перед Второй мировой войной с пафосом твердил о том, что в Германии проживает семь миллионов молодых людей, которым нечем заняться, у которых якобы нет жизненного пространства. Он вооружил их, идеологически и морально подковал и отправил на фронт. Зачем? Добывать себе и Германии «жизненное пространство»? А может быть, для того, чтобы уничтожить эти семь миллионов молодых людей, которых он не смог обеспечить работой, то есть более серьёзным, чем война, делом? Что получила в итоге Германия? Разрушенную экономику, моральную оплеуху, минус 9,4 миллиона убитыми и пропавшими без вести и связанный с этим демографический спад, уменьшение естественного прироста населения. С помощью «иностранных инвесторов» (говоря современной терминологией), а также благодаря деятельности Людвига Эрхарда, но главным образом — благодаря неискоренимому трудолюбию, немцам удалось совершить на рубеже 1940–1950-х годов экономический рывок, вырваться из пут послевоенной гнетущей разрухи. Германское экономическое чудо пятидесятых-шестидесятых годов друзей этой страны, этого народа обрадовало, недругов, мягко сказать, смутило, но всех поразило.

И мало кто в те годы обращал внимание на то, что демографическая динамика не улучшается. Страна в целом становится богаче, а семьи не увеличиваются, жёны не радуют мужчин, не рожают им детей! Почему? Этот вопрос, похоже, никто из руководителей ФРГ себе не задавал. Не хватает рабочей силы — не беда! Иностранных рабочих завезём. В Азии, Африке их много. И приглашали, и завозили. И сейчас в Германии очень много людей негерманского происхождения. Они хорошо и честно работают, становятся гражданами Германии, создают семьи, рожают граждан Германии... совсем не арийского происхождения. И эта деталь в жизни великой страны, великого народа начинает тревожить немцев, до сих пор так и не справившихся с демографической ситуацией, сложившейся после Второй мировой войны. И в связи с этим сам собой напрашивается вопрос: а не этого ли хотел А. Гитлер, вооружая немецкую молодёжь и отправляя молодых солдат на бойню?

Мы догадываемся, как могут возмутиться неофашисты, прочитав эти строки, и что может последовать за их возмущением. Но — истина дороже. А истина такова: политика Гитлера нанесла по германскому народу самый страшный удар за всю историю Германии.

«Но он этого не хотел! Он мечтал...»

Стоп.

Мечтать не вредно. Лёжа на софе и читая «Майн кампф». Но факты — упрямая вещь. А факты говорят, что демографическая ситуация в Германии до сих пор «работает» против Гитлера, против его античеловеческих мечтаний и политики.

Столь же сложной и безрадостной предстаёт картина и в других странах Европы, потерявших

в 1939–1945 годах своих самых сильных граждан, свою надежду, своё будущее. Кто в этом повинен? Всё тот же А. Гитлер? Э-э, нет. Не только он один. Но и те, кто заигрывал с ним, кто помогал ему и германским нацистам, итальянским фашистам и их сподвижникам в других европейских странах.

Я не собираюсь проводить писательское расследование, чтобы заклеймить позором всех раздувавших пожар Второй мировой войны. Я констатирую факт: проиграли ту войну все главные её участники, и последствия этого поражения дают о себе знать всё чаще и чаще, одним из проявлений чего является свирепеющий с каждым годом «мировой терроризм».

Да-да! Плачевный с точки зрения демографической динамики результат той войны для всех стран—главных её участниц и мощный демографический взрыв в странах Азии, Африки, Америки (опять же как один из итогов Второй мировой) являются важнейшей причиной рождения этого страшного явления жизни земного шара—«мирового терроризма». Именно по этой причине бороться с ним чрезвычайно сложно, потому что во всех технически и технологически передовых странах с каждым годом увеличивается число жителей и граждан из так называемых «отсталых» стран, в том числе и из тех стран, в которых, по мнению аналитиков, находятся гнёзда-штабы этого земношарного зла.

Борьба с терроризмом, использующим самые античеловеческие методы и средства ведения боевых действий, сплотила всех людей доброй воли. Она сплотила всех, кто не забыл ужасы варварских нашествий на ту же Европу, начинавшихся с мелких выпадов, налётов, чем-то напоминающих выпады современных террористов: взорвал—и в норку, бросил несчастных смертников на убой—и в норку... А в так называемых развитых странах постоянно ощущается нехватка рабочих рук. А значит, приток иностранцев туда не иссякнет (спасибо Второй мировой войне!), а значит, есть возможность создавать и укреплять там «пятую колонну»...

Много зла натворила Вторая мировая война. «Мировой терроризм»—одно из самых страшных её зол, её следствий. Об этом забывать нельзя.

«Кто не рожает, тот не выигрывает». И не рожают главные участники Второй мировой войны ещё и потому, что она погубила слишком уж много молодых и совсем юных людей.

Сергей Глупак

Зима в рябиновой роще

Мне не забыть заснеженную гладь
И яркий день, воспетый стайкой птичьей,
Я зов тайги в такую благодать
Не променяю даже на девичий.

Опять метёт... Штурмую перевал,
А воздух чист и свеж, как после бани.
Я, красотой сражённый наповал,
Ползу сюда без всяких колебаний.

Снежинок рой и вихрей кругорядь
Встряхнули клок нечёсаной кудели,
И залегла зимы седая прядь
На вотчину дроздов и свиристелей.

Безмолвен лес. Лишь кружит невпопад
В безумном танце ветреная гостья.
Вы видели рябины в снегопад?
Вы трогали их глянцевые гроздья?

Когда они, теряя с миром связь,
Закутав в шаль растрёпанные косы,
Слегка робея и чуть-чуть стыдясь,
Роняют в снег оранжевые слёзы.

Какой-то странный образ жизни мой,
Видать, с рожденья он судьбой мне задан—
Бродить в горах и вновь идти домой
Сквозь заросли рябинового сада.

А дух зимы густую пелену
Сослал на лес. И мне никак не выйти
Из этих мест. Уж бледную луну
Вздымают ввысь невидимые нити.

Разжечь костёр, устроить бы привал,
Я всё смогу, сумею худо-бедно.
Ложится ночь... И горный перевал
Спит в окруженье рощи заповедной.

Евгений Минин

Холокост семьи Мининых

Каждый год в поминальный день папа возил меня в Рудню на могилу расстрелянных четверых Мининых: Ейела Минина, 57 лет, его второй жены — мачехи моего папы Фани, 53 лет, и двух дочерей — Гени, 25 лет, и Муси, 17 лет. Сначала за городом была братская могила, потом было перезахоронение, где каждый погибший получил место и мраморную плиту с указанием имени и года рождения и смерти. Год гибели у всех на этом кладбище был один — 21 октября 1941 года. Папа встречался с друзьями, с соседями — с теми, кто пережил немецкую оккупацию, расспрашивал их о своей семье, и я, семилетний, слушал и запоминал. Вот несколько трагических историй из моей детской памяти…

Муся

Когда немецкий отряд собирал всех евреев городка Рудня, что под Смоленском, для последующего расстрела, бабушка послала семнадцатилетнюю младшую дочку с надуманной просьбой к молочнице в соседнюю деревню в надежде, что молочница приютит девочку и та уцелеет.

Муся прибежала и передала просьбу.

— Посиди, попей молочка, — спокойно сказала молочница.

Девочке пить не хотелось.

— А что там такой шум и крик? — спросила молочницу.

— Как что? Евреев расстреливают там, — спокойно сказала молочница.

— И моих папу с мамой расстреляют??

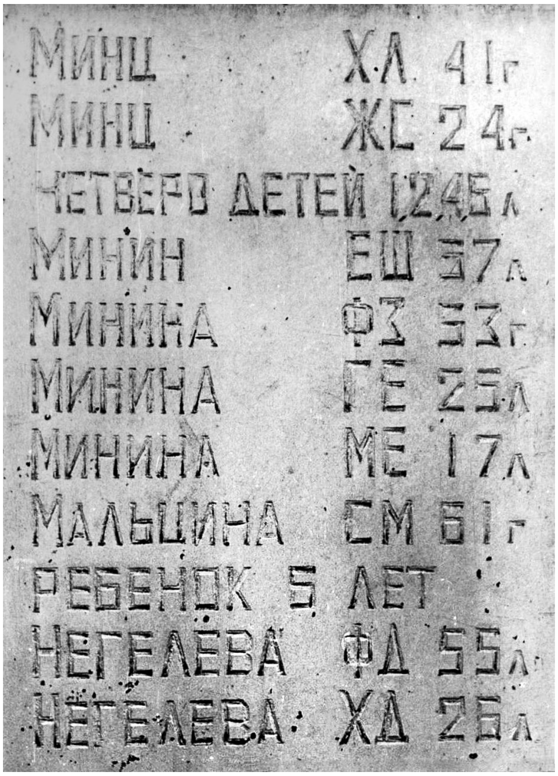
— И твоих, — спокойно сказала молочница.

— И я останусь одна?

— Да куда деваться? Будешь сироткой, — вздохнув, сказала молочница.

— Нет, — ответила девочка, — не буду сироткой, — и, развернувшись, побежала к родителям.

Когда папа вернулся с войны, молочница так же спокойно рассказала этот диалог. Второй раз она пересказала его при мне, семилетнем мальчишке. Я смотрел на её лицо, круглое, с чуть выпуклыми глазами, — на нём не было никаких эмоций. Папа очень любил младшую сестру. И рассказ о ней всегда слушал затаив дыхание, словно слушал саму Мусю. Но через год молочница умерла, и в соседнюю деревню больше мы не ездили.



Альбом

Папиной мачехе Фаине сказали, что по городку идёт отряд фашистов, который собирал евреев в колонну для расстрела. Она побежала через чёрный ход к соседке:

— Маруся, спрячь, закопай два альбома в хлеву. Если Арончик вернётся — отдашь!

— Не волнуйся, Фаня, схожу и закопаю.

Маруся взяла лопату и закопала альбомы, упакованные в холщовый мешок.

Приближался шум толпы евреев, гонимых немцами по улице, и мачеха поскорее вернулась домой. В дом ворвались фашисты и выгнали пинками на улицу всю семью. Взять ничего не позволили, и семья бабушки и дедушки слилась с толпой идущих на расстрел за город, в сторону деревни Капустино. Конец дороги упирался в огромный противотанковый ров, частично заполненный дождевой водой.

не видит. Я пытался через родственников найти хоть какую фотокарточку, но увы…

Предатель

После войны родственники расстрелянных под Рудней искали предателя — начальника полиции города, подонка по фамилии Коротченков. Того самого, который сопровождал немецкий отряд по городку, показывая дома, в которых жили евреи.

Искали подонка по всей России, во все адресные столы отправлялись запросы.

Но предатель как в воду канул.

Жизнь шла своим чередом. Отец и другие родственники убитых организовали сбор денег на памятник, который заказали у известного смоленского скульптора Ефима Кербеля. Горсовет выделил место для перезахоронения. На вскрытие братской могилы в противотанковом рву собралось множество родных расстрелянных для опознания погибших. Меня папа не взял. Но он рассказал, что когда вскрыли могилу — неожиданно сверху увидели труп начальника полиции, которого расстреляли последним. Предателя опознали по кожаной куртке, которую он всегда любил носить. У одного из присутствующих не выдержали нервы — он схватил за куртку полуразложившийся труп полицая и стал трясти и что-то кричать. Его успокоили, а потом судмедэксперты приступили к работе.

Маруся, худая, невысокого роста женщина, седая, встретила нас хмуро.

— Тёть Марусь, не оставили папа с мамой что-либо — записку, вещицу какую-то? — с зыбкой надеждой спросил папа.

— Альбомы какие-то Фаня давала мне, чтоб закопала. Чтоб тебе передать, коли живой вернёшься с войны.

— Так где они? — оживился папа. — Я сам выкопаю. Ой, спасибочки, тёть Марусь!

— Да нет их, — мрачно ответила Маруся. — Сожгла я их. Выкопала и сожгла. Не то немцы нашли бы — расстреляли бы всех.

— Так это ж альбомы, бумага — кто смотреть будет?..

— Нашли б — расстреляли бы, нашли б — расстреляли бы, — как робот, бубнила Маруся.

Папа взял меня за руку и пошёл. Я видел — он шёл и плакал: ничего не осталось от его семьи — даже маленького альбома. За несколько лет до смерти папа жаловался, что ему снится мама, а лица её

P. S. Наверное, многих интересует: а почему эсэсовцы расстреляли начальника полиции? Эту историю я нашёл случайно в Интернете. Её рассказала уцелевшая еврейская девушка, которую спрятали друзья. Причина расстрела самая банальная — воровство. Кто-то из полицаев донёс, что их начальник скрыл ценности, награбленные у евреев. Видимо, ходил по еврейским семьям и за какую-то мзду обещал спасти.

После убийства всех руднянских евреев, командир эсэсовского отряда вызвал из строя начальника полиции и, ударив его кулаком в лицо, в упор расстрелял из пистолета. Перепуганных рядовых полицаев, которые считали, что наступил их черёд, заставили положить труп своего начальника на тела убитых евреев и засыпать ров. Потом фашисты произвели обыск в доме у расстрелянного предателя и забрали всё им награбленное. Семья подонка на следующий день исчезла из городка в неизвестном направлении.

Собаке — собачья смерть.

Станислав Минаков

«Поедем на Север…»

Собранные здесь стихи написаны преимущественно во время и после лыжных путешествий в Заонежье (в двух февралях — в 1982-м и 1983-м, в студенческие каникулы, на последних курсах учёбы в Харьковском институте радиоэлектроники, а также уже в феврале 1987-го). Стихи эти я вразброд опубликовал в 1980-х в известных московских молодёжных и иных альманахах и сборниках, частично в моей книге «Имярек» (Москва: «Современник», 1992, зав. редакцией Л. Г. Баранова, редактор Л. В. Грязнова, художник С. С. Косенков), что-то — в книге избранного «Хожение» (М.: Поэзия.ру, 2004).

Впервые собрался северный зимний цикл. Можно сказать, целиком. А к нему ещё и летние северные стихи — вологодские, кирилло-белозерские, ферапонтовские.

Заонежье оставило глубочайший след в сердце. Это одно из пронзительнейших, самобытнейших мест Карелии и Русского Севера. Справочники рассказывают, что здесь проживали предки современных северных народов — сегодняшних саамов, вепсов, карелов. С тринадцатого века из псковско-новгородских земель сюда стали переселяться русские. В 1478 году Заонежье в составе новгородских земель присоединилось к Русскому централизованному государству. К концу девятнадцатого — началу двадцатого веков оно стало самой густонаселённой территорией Карелии. «Русским Римом» назвали Заонежский полуостров в прошлом веке фольклористы и путешественники — за красоту его пейзажей, рукотворных церквей, часовен и крестьянских домов. На территории Заонежья — более трёхсот памятников истории и культуры, три историко-архитектурных ансамбля — Кижский погост, Клименецкий и Палеостровский монастыри, пятьдесят пять исторических поселений.

В Кижах мне посчастливилось побывать дважды. Триптих «На Кижском погосте» я никогда не публиковал — по причине его молодой уязвимости.

На бескрайних просторах Русского Севера деревянные церковные шедевры спрятаны от безжалостных глаз цивилизации по лесным чащам, но более всего украшают берега озёрных заливов, заток, салм. Время, особенно десятилетия безбожья, было беспощадно к этим храмам. Многие из них утрачены безвозвратно. Однако кое-что восстанавливается, реставрируется в качестве памятников архитектуры и веры. Эти церкви очень радуют глаз путника в зимнее и летнее время, являясь, кроме прочего, порой хорошим ориентиром, возвышаясь над наволоками (так здесь называются полуостровки) среди древних елей.

Памятна мне и знаменитая высокая шатровая церковь Варвары Великомученицы (1650) села Яндомозеро. И часовня Святого Георгия Змееборца в деревне Усть-Яндома (конец семнадцатого века, Карелия) — деревянная клетская часовня с шатровой колокольней (восьмерик от земли), одна из старейших сохранившихся часовен Заонежья. Поставлена она в устье коротенькой речушки Яндомы, бегущей от Яндомозера к Онежскому озеру. С колокольни часовни виден на Онеге зодческий древний ансамбль острова Кижи, расположенный километрах в десяти. Зимой в ясную погоду туда легко бежать на лыжах по озёрному льду.

Вид со звонницы усть-яндомской часовни я опубликовал в своём альбоме «Храмы великой России» (М.: ЭКСМО, 2010). Именно на этом месте, на барабане часовни, в феврале 1982 года было написано стихотворение «В часовне забытой…».

Проходил я и, увы, пустовавшую уже в 1983-м деревню Узкие Салмы, где на берегу Космозера стоит деревянная клетская часовня (первая половина восемнадцатого века) с шатровой колокольней. В 2006–2007 годах здесь проведена реставрация. Это теперь единственная постройка, оставшаяся от деревни. Возле Узких Салмов и деревни Поля молодым южнорусским человеком стало сочиняться стихотворение «Звёзды долго висели на высокой берёзе…».

Так мы возвращались в Россию, так Россия входила в нас.

Останавливались мы нашей группой из девяти человек в том же году и в деревне Вегоруксы, над которой высится, рифмуясь с вершинами огромных елей, шатровая церковь Святого Николая (середина восемнадцатого века — 1889). В старину селение называлось Вёгорукса, это одно из самых древних сёл в Заонежье. В пятнадцатом веке оно принадлежало богатому новгородскому боярину Ф. Глухову. Искусствоведы уверяют, что маленькая глава церкви, пятигранная аспида и обширная

трапезная типичны для заонежского зодчества. Однако нигде в Заонежье нет столь внушительной, мощной звонницы. Она господствует над церковью, и именно благодаря ей церковь приобрела значение маяка, видного за много километров.

В храме прежде был удивительный иконостас. Самая ранняя из икон—«Апостол Пётр», написанная в четырнадцатом или в начале пятнадцатого века местным мастером. Среди обнаруженных произведений есть и работа новгородского художника пятнадцатого века—икона с изображением Богоматери и трёх святых.

Селение Пегрема, где я ночевал в холодных избах трижды в жизни, представляет собой ряд больших крестьянских домов, лицевые фасады которых обращены к озеру. Перед фронтом домов, на небольшом мысу, в 1770-е была построена часовня Варлаама Хутынского. Маленькая, она тем не менее видна не только со стороны озера, но и из окон почти всех домов. В настоящее время в Кижах, в экспозиционном комплексе-деревне Васильево, находится «посланец» Пегремы—амбар Кузнецова. О Пегреме написались стихотворения «Опять—немые лики изб…» и «Смотри на вечернюю кромку земли…».

Потом были другие лыжные походы на Архангелогородчину (1988–1989 годы): Вершинино (запечатлённое художниками; помним кенозерские работы нашего гения живописи Виктора Попкова), Порженский погост, Кенозеро (где кинорежиссёр А. Кончаловский недавно снял своего «почтальона Тряпицына»), Холмогоры, Малые Карелы,—однако стихов они почему-то не оставили. Так бывает. Лишь одно написалось, после похода на Соловки (февраль 1991-го),—«Приглашение к путешествию» («Поедем на Север…»); это стихотворение «идеологически» замыкает мои северные хожения, в которых есть ещё и моя летняя Вологодчина 1988-го—Спасо-Прилуцкая, Кирилло-Белозерская, Ферапонтовская.

● ● ●

Ночной гобой печи убогой…
Присядем к печке долгожданной!
Забудь о холоде убойном,
о хохоте пурги наждачной.

Какая жизнь шальная выдалась!
Но ты остуженные плечи
приблизь к огню—истает изморозь
от жара этой старой печки.

И в миг, как только мы воскреснем,
возникнут на промёрзших стенах
живою, пляшущею фреской
две наши огненные тени.

● ● ●

Смотри на вечернюю кромку земли,
на ранний
луны невесомой
осколок.
Здесь нет никого.
Лишь часовня Ильи
да церковь Николы.

А люди?
А люди ушли
туда, где асфальты, больницы и школы.

Что здесь?
Только
озеро,
лес, молчалив.
И нету резона тут жить никакого.

Холодное небо.
Часовня Ильи.
Да церковь Николы.

● ● ●

Опять—немые лики изб,
Сиротство чёрных деревень.
И камыша седая зыбь
Под зимней дрёмою дерев.

Здесь время срубы бережёт,
Чтоб иногда нашел ночлег
Заиндевелый человек.
Однажды мой настал черёд.

…Я согревался.
И в окно
Молился лесу и звезде.
Всю ночь мешало лишь одно:
Рыдала птица в пустоте.

● ● ●

Звёзды долго висели
на высокой берёзе.
Пахли хлебом и сеном,
лошадиным навозом.

И царапало ноздри
дымом кислым, чуть терпким.
Это ветер приносит
из недавней деревни.

Этот ветер рассветный
сквозь прибрежные вербы
гнал светила на запад.
Вечный Родины запах

горло стылое трогал.
Я стоял на равнине.
Возле леса седого.
Возле неба России.

Ферапонтовская тетрадь

1.

И вспомнишь через тыщи вёрст и зим
Не взгляд, не лик, а голос мой продрогший.
На голой, угасающей дороге
Замрёшь, боясь опять расстаться с ним.

А ныне мы совсем не дорожим
Мгновеньями, в которых—не остаться.
С восторженной улыбкой святотатца
Я трогаю лицо твоё… Дрожит

Сознание… И, выскользнув, заколка
Сквозь все вселенные летит куда-то вниз…
И пряди ослепили, растекаясь…

О бренности? О вечности? Нисколько.
А просто—пасть в твои ладони, ниц.
Не помня жизни. Не скорбя. Не каясь.

2.

сквозь жизнь весёлую мою
просвечивает жизнь другая:
там
мы с тобою сберегаем
не выдавшийся здесь уют
и пташки вольныя поют
и мы бредём над берегами
в наверном августе—не вспомню—
сквозь жизнь весёлую мою—
бесплотный гаснущий неполный
намёк на вариант судьбы
меня зовущий ежеденно
одушевление другое
немыслимое счастье то
иной несбывшийся приют

церква на Цыпином угоре
и мы с тобой—какое горе!—
идём смеясь в собор пустой
сквозь жизнь весёлую мою

3.

Тебе к лицу белеющий собор,
и облако, и тополь монастырский,
и холм, и, со смирением настырным,
боярышник, уткнувшийся в забор.

О, как к лицу тебе
вся эта жизнь!—
И свет, и даже мёд её горчайший.
Пока не остановлен круг гончарный,
подольше в лете шалом задержись!

Нездешняя, тебя запомнят—лес,
и озеро, и судный дождь запойный.
Когда тебя уже не будет здесь,
ничем они утрату не восполнят.

Ты здесь была. Им неуёмно—без…
Прощальной бездны остывало млеко…
Но память есть
у дышащих молекул
тугой воды и медленных небес.

4.

Было лето у нас,
перехожих лесных сумасбродов.
Было счастья нещадного
вдосталь, взахлёб, через край.
На греховных холмах, на святых холодеющих водах
было лето у нас—
отлетевший, унёсшийся рай.

Только—
плачем о нём
ни его, ни себя не унизим,
а отыщем его
и в него окунёмся опять.
Если нас
к синеве невесомой
водил Дионисий,
нам ли счастье своё
не суметь, не узнать, не понять?

Пусть завидуют те,
кто поймал, подержал, да не понял,
кто, нашедши,
в потёмках плутать продолжал,
ожидая иных, баснословных каких-то японий.
Мне их жаль, дорогая, мне жалко, мне жаль…

Пусть завидуют те,
чей обуздан порыв, и просчитан,
и разложен по полкам,
и выверен под миллиметр.
Было лето у нас… С бесшабашием ненарочитым
мы заплатим за лето
безвременьем будущих лет.

Здравый смысл, торжествуй,
будь же здрав, пресный мир меркантильный!
Только нам он не в корм,
этот тёртый житейский букварь…
Вновь
вплетаемся мы
в легкомысленный дым над коптильней
и, как Пётр,—в чешуе краснопёрой—
ступает по водам рыба́рь…

5. Северная элегия

Мы встретимся с тобою там,
На тайном Севере далёком,
Где купола плывут вдоль окон
И лжа неведома устам,

Где жил скитальческий очаг,
Покуда не был срок закончен,
Где наши праведные ночи
Соединились невзначай.

Мы встретимся с тобой, когда
С тобою нас уже не будет;
И холод кожу не остудит,
И душу утолит звезда.

Сквозь дольний колоколий гул
Продленье брезжит нам обоим
В глухих ли зирках зверобоя,
В отрадном дарственном снегу ль.

Совпасть—горчащая мечта
Для обречённых разлучаться.
…Прощальный Север
тронь
на счастье,
Чтоб встретиться со мною—там…

● ● ●

Было темно,
но малиновый—в лицах дрожал:
угли скудели, лениво истаивал жар
в утлой печи,
в чёрном срубе,
в сиротской свободе лесов.
Было темно, но из тьмы проступало лицо.

И—перевёрнуто, рыже—качался под ним
лаковый, гулкий, потёртый раздвоенный нимб.

Локоть замедленный.
Крылья стреноженных струн.
Губы скитались по небу неведомых рун.

Как я смотрел на тебя!—
Так глядят на сестру.
Не сорок тысяч заботливых братьев—
один.
Но в этом мире неправом, на вечном ветру,
думал: собой заслоню от любых холодин

душу твою,
твои пальцы на струнах
и прядь возле глаз.
Как, замерев, я глядел на тебя из угла!

Счастью ль незрячему
помнить, что ночь—до утра?
Страха не емля, ты пела, чужая сестра!

Ах, твой недолгий, далёкий, твой канувший нимб!
Что я припомню под нынешний вой тишины?

Было темно… Как же, Господи, было светло!
После стемнело. Когда за окном рассвело.

На Кижском погосте

I.

Он срубил собор
двадцатидвуглавый.
Не за денег сор,
не для славы.
Он срубил собор,
белобрысый шкет,—
восьмерик
на восьмерике.

Что ему церквá?
Мать? Жена? Сестра?
Заскорузло руки
каждый сруб оглаживают.
Попороли синь
двадцать два креста—
поднялись
небесные саженцы.

II.

В зазубринах топор,
я вновь—бездомный пёс.
Но виден мой собор
окрест на десять вёрст.

Ты виден сквозь века
над зеркалом озёр.
Я остров к облакам
прибил тобой, собор!

III.

Немой лесник в потёртых валенках
нас, незнакомцев, не разглядывал.

Казался старым и усталым,
как будто прятал чью-то тайну.

Он мял лицо ладонью острой
и сквозь окно глядел на остров.

Мы на полу храпели хором,
не видя, как он зелье варит,

как ночью по оконной раме
бьёт чёрный силуэт собора.

к 65-летию

Владимир Монахов

Воспоминания бога

Одинокий дом одинокого мужчины

Не надо меня любить,
достаточно не огорчать.

Ты ушла — не стало лишних слов!
Из переписки

После смерти жены и отъезда детей Самохвалов остался один в большом доме. Номинально он числился главой семьи, но здравый смысл подсказывал, что никогда он не был хозяином в этом доме, хотя в молодые годы вместе с тестем старательно выстроил его и прожил в нём с семьёй тридцать лет. Он всегда мечтал вырваться из семьи в холостяцкую вольницу, норовил пожить отдельно, старался избавиться, освободиться, уклониться от обязанностей, к которым его принуждал дом. Только всё это было не в реальной повседневности, а в регулярно разыгрывающемся воображении Самохвалова.

И потому все вольные мечты ограничивались редкими недельными командировками и недолгими отпусками, бо́льшую часть которых он проводил, ухаживая за домом, выполняя тот минимум, который дом требовал от мужских рук.

Раньше здесь правила и царила жена, а он даже мусорного ведра не выносил. Их последний спор после десятилетия совместной жизни об этом накопившемся мусоре закончился неожиданным примирением. Тогда Самохвалов многозначительно, с нажимом сказал:

— Мужчина ничего из дому выносить не должен — только приносить. Понимаешь ты это или нет?! Всё в дом только приносить! А не выносить! Заруби себе это на носу!

— Ты кому это говоришь? — была готова к ответному прыжку жена.

— Тебе! И передай всем своим подругам эту правильную мудрость! Пусть больше не терзают своих мужиков этим мусорным ведром.

То ли уверенный голос Самохвалова, то ли угрожающие интонации, с которыми были произнесены эти слова, повлияли на супругу, но с того самого дня она смягчилась и отступила. Отступила навсегда, никогда больше не возвращаясь к проблеме мусорного ведра. Даже когда она уже болела — ведро с мусором безропотно выносила сама. Тем более что Самохвалов отличался от известных ей по рассказам подруг других мужей тем, что нёс всё в дом, всё для семьи, в том числе и для неё персонально. Золотых гор, конечно, не было, но всё в пределах разумных бытовых фантазий того времени выполнялось.

После смерти жены дети попытались всё переставить и переиначить в доме на свой лад, по своему усмотрению и представлению, но как-то эти перестановки не заладились, пошли наперекосяк, начались споры, ссоры, претензии, и лёгкая на подъём молодёжь предпочла уехать из дома, из города.

Когда Самохвалов остался один в доме, он всё вернул назад, как было при жене. Даже мусорное ведро старенькое нашёл, а новое, которое успели завести дети, отправил в кладовку. И хотя с первых минут дом принял этот шаг с благодарностью, но в целом по-прежнему относился к Самохвалову с прохладцей и подозрением.

Да и было за что: Самохвалов мог по выходным целый день ходить нагишом из комнаты в комнату, перемещаясь в основном от диванов к холодильнику, потом завалиться спать и проспать двенадцать часов кряду, пока уже не пора было отправляться на работу. Он считал, что такой образ жизни демонстрировал его душевную сытость.

Иногда он надолго исчезал из жилища по своим личным делам, и тогда дом, наскучавшись в одиночестве, встречал его возвращение особенно недружелюбно. У обоих с возрастом образовался тяжёлый характер, и они пытались друг другу доказать, кто из них главный. Но это ни у кого из них не получалось. Четыре года они приглядывались друг к другу, пытались договориться, но Самохвалов не выказывал особой любви, и дом отвечал тем же. Самохвалов особо стал чувствовать это по тому, что даже редкие женщины, что захаживали на чай, старались быстро уйти, покинуть дом, ощущая неприязнь чужого жилища. Да и сам Самохвалов не удерживал их больше чем на пару часов. Некоторые всё же порывались выполнить незатейливую домашнюю работу, но Самохвалов отнекивался.

— Не суетись, я всё уже сделал, — говорил он уверенно женщине, которая таким образом старалась зацепиться и остаться подольше в доме.

Женщина с обиженной улыбкой оглядывалась, замечала, конечно, мужскую неряшливость по углам комнат, но делала вид, что всё в порядке, тем самым, как ей наивно казалось, подогревая и теша мужское самолюбие. Самохвалов понимал, что дамы игриво подвирают, но спорить с ними не пытался. Он отличался нравом молчаливым, и если затевал разговор, то только по существу вопросов, причём сам определял, когда нужно было говорить и о чём. Пустословие презирал.

То, что дом был изрядно запущен без женской руки, особенно стало заметно, когда неожиданно приехала из другого города дочь, сбежавшая от постылой подёнщины на работе. Свой приезд обставила красивыми словами: «Люблю! Скучаю!» Распаковав дорожные сумки лишь наполовину, первым делом взялась наводить в семейном гнезде порядок. И дом тут же стал набирать свой свет. Заблестел всеми зеркалами, стёклами и металлическими предметами, открылся хозяйке всем своим внутренним содержанием, которое при Самохвалове притупилось и угасло. Дом принял заботу дочери всем домашним сердцем и преобразился до прежнего состояния, которое было при жене.

Расчувствовавшийся Самохвалов даже взялся за мусорное ведро, но дочь решительно остановила:
— Я всё сама!
— Давай помогу, я же этим всегда теперь сам занимаюсь!
— Мужчина не должен ничего из дому выносить — только приносить!
— А ты откуда это знаешь? — остолбенел от неожиданности, узнав свои слова, Самохвалов.
— От мамы.
— А ты знаешь, кто маму научил?
— Теперь догадываюсь.
— Знала бы ты, какие в начале во́йны шли в нашей семье из-за этого пресловутого ведра с мусором, которое твоя мать норовила вытаскивать каждый день.
— Представляю!
— Нет, ты даже не догадываешься!
— Ну почему, папа? Насколько я слышала и знаю, все споры в современных городских семьях начинаются из-за выноса мусорного ведра. Это сейчас даже в телесериалах активно обыгрывают.
— Ты ж знаешь, я сериалы не смотрю, — Самохвалов после этих её разоблачительных слов как-то сник.
— Кстати, я помню, как вы с мамой ссорились.
— Я — ссорился?! — удивлённо вскинул голову Самохвалов.
— Мама ссорилась, а ты молчал. Всегда молчал.
— Да, я всегда молчал, — с гордостью произнёс Самохвалов.
— И в этом была твоя ошибка. Когда женщина хочет поссориться, с ней надо разговаривать. Лучше бы ты отвечал…

Разговор приобретал опасный характер, и Самохвалов постарался перейти на шутливый тон:
— Ну, милая, насчёт умения женщины построить из ничего скандал и салатик мы, мужики, давно в курсе. Уже вошло в поговорки.
— Дурацкие ваши мужские шовинистские шуточки! — рассердилась дочь.
— Ну, ну, — вести диалог дальше Самохвалову расхотелось, и он пошёл по комнатам с ревизией — смотреть, каким стал теперь его дом.

А дом от дочкиных забот преобразился, оживился, повеселел, подмигивал отмытыми окнами, чего при Самохвалове никогда не было. И все дни, пока дочка жила с ним, он чувствовал эту неутихающую радость дома, который стал и Самохвалова принимать по-особому. Всё, что до этого не работало и барахлило, стало неожиданно работать, всё, что нужно было отремонтировать и не ремонтировалось уже несколько лет, было отремонтировано в одно мгновение, с какой-то не свойственной Самохвалову игривостью… Как-то быстро нашлись нужные запчасти и были поставлены на свои технологически законные места. Дом подчинялся одному только хотению и велению Самохвалова, хотя он никогда не отличался мастеровитостью. И в такой дом Самохвалова снова тянуло после работы, такой дом становился ему приятным, близким и родным. У него даже проснулось желание сделать ремонт. За разговором о ремонте дочь сообщила ему своё решение:
— Это, папа, уже без меня. Я купила билет на поезд. Послезавтра уезжаю!
— Уезжаешь? — сначала Самохвалов как бы расстроился. — Странно ты как-то себя ведёшь: то неожиданно приехала, то неожиданно уезжаешь.
— Ну, папа, дела зовут! Я же тебе тут только мешаю.
— Ты — мне? — Самохвалов даже удивился.
— Мешаю, мешаю! Я же вижу, как вокруг тебя активная общественная жизнь застыла с моим приездом!
— Да какая жизнь у одинокого вдовца?
— Ну, ну, не скромничай! Ты когда всё же жениться надумаешь, поставь в известность нас с братом. А то приедем вот так же, а тут чужая тётя.
— Твоего брата как раз это меньше всего интересует, — уклонился Самохвалов от темы.
— Очень даже интересует!
— А чего ж ничего не пишет, не звонит?
— Ну, это ты у него спроси!

Разговор как-то оборвался и до отъезда дочери больше не возобновился.

Самохвалову хотелось поговорить о своём будущем, но он знал, что всегда в семье всем командовали недомолвки и заправляли недоговорённости, которые, видимо, были привиты им же и подхвачены другими членами семьи. И теперь он сам от этого страдал.

Дочь уезжала поздно ночью. На перроне они решительно обнялись, поцеловались, и дочь быстренько села в вагон. Не дожидаясь отправления поезда, Самохвалов ушёл. Жил он недалеко от вокзала и домой вернулся пешком. Повернул ключ в двери, переступил порог и сразу почувствовал, что в доме кто-то есть. Обнаружил это каким-то внутренним обострённым чувством, которого раньше за собой не замечал. Самохвалов снял обувь, обошёл быстро все комнаты, открыл все имеющиеся двери, заглянул во все углы, даже вышел на скромный балкон. Но никого не было. А Самохвалов всё же продолжал ощущать, что в доме кто-то затаился и ждёт. Чего ждёт, Самохвалов не знал. Но что кто-то, пока он провожал дочь, пробрался и поселился в его жилище, Самохвалов ощущал.

Быстро раздевшись, он юркнул под тёплое одеяло, обдумывая новое для себя положение в доме, и уснул. Ему снились всякие разности, содержание которых невозможно разгадать логичным мужским умом. Последнее, что ему запомнилось из утреннего сновидения, так это дом, в котором была ещё жива жена, и этот дом, мало похожий на их прежний, у него на глазах провалился глубоко под землю. Он видел отчётливо, как вокруг места трагедии собрались спасатели, но его не пускали к провалу. А он спокойно смотрел на всё это и говорил, что это его дом, он его строил, это его имущество, и там осталась жена. К нему подвели врачей, но, увидев, что Самохвалов ведёт себя неадекватно, они не знали, что с ним делать. Потом во сне появились дети, и теперь вместе с ними Самохвалов стал искать жену в гостинице, куда переселили всех пострадавших. Они знали, что где-то в комнате на пятом этаже поселили их маму. И дети вместе с отцом шли по ступенькам и лестничным маршам, но всё время куда-то попадали не туда, и так всю ночь проискали, но не встретились с мамой. Дети спрашивали: «А ты точно знаешь, что она здесь?» Самохвалов уверял, что точно знает, что видел её в окне, она махала ему рукой. Но попасть к ней в номер они так и не смогли.

Утром Самохвалов долго обдумывал свой сон, искал значения. Он уже знал, что сон хороший, что жене там хорошо, и она не зовёт их к себе, даже избегает с ним встречи. Это был старый повторяющийся сон, новое в нём было только то, что дом провалился. Но Самохвалов это отнёс к тому, что смотрел недавно по каналу «Культура» кино про землетрясения. И поэтому сон его больше не беспокоил.

А беспокоило его чужое присутствие в доме—оно оставалось, оно подавало сигналы, оно волновало Самохвалова, заставляло менять линию поведения. Он садился обедать, и оно уже сидело за столом. Он брался стирать, и оно было под рукой. Вместе они активно пылесосили, читали, разговаривали по телефону. Кстати, когда он разговаривал по телефону, то оно стояло рядом и настойчиво требовало прекратить разговор. Нет, оно ничего не говорило, оно вызывающе молчало! Ему не нравилось, что Самохвалов был занят с другими, а не с ним. И когда он поспешно клал трубку, оно успокаивалось, и в доме воцарялось благополучие тишины звенящей. Нет, оно не спорило с Самохваловым, не устраивало сцен ревности, ничего не запрещало. Оно просто укоризненно молчало. И от этого Самохвалову становилось как-то особенно не по себе.

Оно любило смотреть телевизор: в это время оно его не беспокоило, а вело себя сдержанно, только изредка одобряло выбор телепередач. В доме было тихо, а если звонил телефон, то Самохвалов к нему не подходил: дескать, дома нет никого,—а смотрел в голубой экран телевизора. В нём можно было увидеть всё, а потом, перед сном, обсудить с ним всё, что видели вместе за вечер. Оно с удовольствием слушало комментарии Самохвалова обо всём увиденном по телевизору и говорило: какой ты всё-таки умный, ну надо же, и никто этого не ценит, кроме меня. Под аккомпанемент таких приятных слов, которые в его голове звучали знакомой музыкой, Самохвалов засыпал. Засыпал с одной и той же мыслью: как хорошо было бы больше не проснуться,—и эта мысль растекалась приятной истомой по всему телу, которое хотело только продолжительного отдыха от всего, что находилось за пределами их общего дома.

Гуманный донжуан

Он сел в такси четвёртым. По дороге, как часто бывает, завязался разговор на женскую тему, которую раскрутил таксист—молодой трепливый блондин, который только-только открыл свой донжуанский список и готов был врать с три короба. Житейская философия подобных проста: все женщины мира только и заботятся о том, чтобы наставить рога супругам с такими бойкими и ловкими ребятами, как наш таксист. А поскольку в такси подобралась компания мужская, то разговор был поддержан. Чего-чего, а бахвалиться своими сексуальными успехами, расцвечивая их картинками, мужики любят. Нашего шофёра интересовало больше всего, сколько у нас было женщин.

—У меня было шесть жён,—сказал тот, что сел в такси последним.

—Всего?—рассмеялся признанию шофёр, призывая нас поддержать иронию.

—А ты считаешь, шесть раз жениться—это так просто?—заметил ему невозмутимо пассажир.

—Да я не про женитьбу, а про свободный ход!—и водитель стал хохотать пуще прежнего.

—Я так не умею,—откровенно признался пассажир.

—Подожди, подожди,—вмешался я в разговор,—ты действительно был шесть раз женат?

— А что, нельзя? — в голосе собеседника послышалась нотка обиды.
— Да ты врёшь. Тебя загс больше трёх раз не пропустит. У них по этому поводу указания имеются, — закричал шофёр.

Тогда пассажир молча полез в сумку, вытащил паспорт и подал мне.

Я развернул его на девятой странице, где графа «Семейное положение».

Пересчитал.
— Ну что там? — не унимался шофёр.
— Всего три женитьбы, — посмотрел я удивлённо на обладателя паспорта.
— Правильно, в паспорте на женитьбу отведено две страницы, ты полистай дальше, — невозмутимо заметил тот.

Я перелистал и действительно в конце паспорта обнаружил ещё три отметки о семейном положении. Судя по паспорту, пассажир был холост.
— Он, братцы, шесть раз был женат и опять свободен! — доложил я честно́й компании.
— О, небось жениться надумал? — тут же насел водитель.
— Ты прав, задумал, — сообщил как о чём-то обыденном пассажир. — Вот сейчас к ней и еду.
— С ночёвкой? — сразу затянул свою песню водитель.
— Нет, я до женитьбы в такие игры не играю, — отрезал пассажир.
— Во даёт! — распетушился парень. — Ты у нас гуманный донжуан? А сколько у тебя детишек?
— Бог миловал, через одну — всего три. Я не признаю, как ты тут рассказывал, похабщины. Я если женщину люблю, то хочу, чтобы всё по-честному было, чтобы она зла на меня не держала.
— Через загс, что ли? — не утерпел шофёр.
— Да, через загс.
— А потом другую полюбил — и всё снова?
— Да, снова!
— Ну, знаешь — крыша едет от такой честности.
— Это твои проблемы, — первый раз улыбнулся пассажир.
— Разводился со скандалами? — поинтересовался я у опытного человека.
— Нет. Меня женщины всегда с миром отпускали. Они мне верили и понимали. Я ведь не ленивый человек, не жадный. В чём был, в том и ухожу, а всё нажитое оставляю. Да и потом не обижаю. Они у меня, между прочим, недолго девуют — все замуж выходят.
— Так это какие бабки зарабатывать должен, чтобы всю ораву прокормить? — удивился водитель. — Врёшь небось, покрасоваться хочешь: вот какой я необычный.
— Что мне перед тобой красоваться? Красоваться надо перед женщиной, которую любишь. Стой, стой, — неожиданно прикрикнул он, — мне на углу останови. Я прибыл.

Посмотрев на счётчик, полез в карман за деньгами.
— Не надо денег, считай, я тебя даром довёз! — махнул рукой таксист.
— Я к дармовщине не привык, — протянул деньги пассажир, но, увидев, что водитель не берёт, положил рядом с ним. — За чужой счёт жить не приучен.

Пассажир вышел, а машина тронулась дальше. Водитель продолжал хохотать, всячески обзывая случайного попутчика. Но никому разговора поддерживать не хотелось. Как-то всё переменилось в салоне. Гуманный донжуан что-то неуловимое оставил в атмосфере, словно невидимый запрет наложил на тему. Так она и угасла до того, как мы рассчитались за проезд и разошлись каждый своей дорогой.

Каждый раз, когда я рассказываю людям об этой встрече, меня обвиняют в том, что я всё придумал. Мужчины наотрез отказываются верить, и только отдельные женщины соглашаются, что такое иногда может быть.

Второй ужин

Муж за столом говорит жене:
— Дорогая, отличные грибки! Откуда рецепт?
— Из детектива

Семейный анекдот

Славин добрался домой лишь в десятом часу вечера. Весь путь он сладостно вспоминал в мельчайших деталях четыре часа, которые провёл с любимой женщиной. Три часа в постели и час за ужином при свечах (дамы почему-то обожают свечной запах), хотя Славина от сладковатого запаха слегка подташнивало.

Позвонив в дверь квартиры на восьмом этаже, Славин усилием воли вернул лицу маску трудовой усталости и приготовился традиционно поцеловать жену в щёчку. Но жена встретила его по-деловому сухо, не обронив ни слова, тут же ушла на кухню. Такой приём Славина насторожил, но он счёл его даже удачей. Меньше вопросов — меньше ответов, по которым женщина может вычислить всё, что угодно. А тем более жена Славина, которая преподавала в школе математику и отличалась научной прозорливостью и житейской проницательностью.
— Ужинать будешь? — услышал Славин вопрос жены с кухни.
— Ужинать? — Славин задумался. Вспоминая свой недавний ужин при свечах, хотел сначала отказаться, чтобы не растерять приятные воспоминания, но, как все двадцать лет семейной жизни, на автомате сказал: — Буду!
— Тогда мой руки! — командирским тоном приказала жена.

В ванной Славин, перед тем как взять мыло, понюхал руки — они пахли любимой женщиной.

Причём пахли так сильно, что Славин испугался разоблачения, быстро разделся и полез под душ. Горячая вода смывала с него остатки эротических воспоминаний.
— Чем кормите? — весело спросил он, выходя из ванной.
— Картошка с мясом — твоё любимое блюдо, — напомнила жена.
— Насчёт мяса сильно сказано, — подцепив разваренную тушёнку, заметил строго Славин. — Тушёнка, моя дорогая жена, — это всё-таки не мясо.
— Чем богаты! — не поддержала иронии мужа супруга.
— А что у нас новенького? — решил изменить тему разговора Славин.
— У нас, дай Бог каждому, всё по-старому, а вот в семье Дроздовых — не дай Бог никому!
— А что такое? — посмотрел на жену вопросительно Славин.

Дроздовы — это семья его младшего брата, и если у него проблемы, то автоматически они становятся проблемами старшего брата.
— Милка выяснила, что Андрей гуляет…
— Как выяснила? — запинаясь, спросил Славин и, тут же догадавшись, что вопрос поставлен некорректно, уточнил: — Что значит гуляет?
— Что значит гуляет — понятно и без ответа. Завёл себе любовницу, если ты этого не знаешь. Это же ваша любимая поговорка: каждый мужчина имеет право на лево!
— Не надо так шутить! — не поддержал иронии жены Славин, тем более что он был не в курсе амурных дел брата и ему не надо было изображать неискренность. — Откуда мне знать об Андрее? Мы видимся раз в месяц.
— Проехали! А вот как выяснилось — тебе интересно знать? — продолжила жена свой рассказ.

Андрюха засыпался на чепухе. Возвращаясь по вечерам домой с работы, братец частенько отказывался от ужина. По жизни Андрюха был поджарым, но поесть любил. А тут его жена Милка заметила: вторая неделя, а её мужчина от ужина отказывается. За стол садится, но поковыряет вилкой еду и отодвинет тарелку в сторону. Невкусно? Вкусно, но не хочется. На работе неприятности? — наседала с вопросами Милка. Всё нормально. Так и не смогла добиться она от Андрея вразумительного ответа. Прибежала к жене Славина — своей лучшей подруге. А та математическим умом с ходу предположила: а может, у него баба завелась? И если так, то известно: прежде чем в постель мужика тащить, надо его хорошо накормить. Да брось ты, машет рукой Милка, мы с ним регулярно. В каком смысле регулярно? — не унимается жена Славина. И только после этого прямого вопроса задумалась Милка, что уж которую неделю регулярность стала иной, всё реже и реже Андрей исполнял супружеский долг, а если у Милки не было настроения, то охотно соглашался пропустить удовольствия. Растревоженная этим подозрением Милка решила проследить за мужем. И уже на следующий день установила, что подружка у Андрея имеется. И кормит, и услуги интимные оказывает.
— И что Милка? — медленно пережёвывая ужин, как можно равнодушнее спросил Славин.
— Милка нормально, а вот твой братец лежит с поцарапанной мордой, отвернувшись к стене, — сообщила с каким-то злорадством жена. И, уловив тень страха на лице Славина, хладнокровно продолжила: — Ворвалась Милка на их разгуляй-малину, побила посуду, растрепала волосы этой проститутке, а в конце набила морду твоему братцу. Ты же её знаешь!
— Знаю! — выдавил из себя Славин. — А что же будет дальше? Развод?
— Нет, ужинать будет теперь по вечерам дома, — с ехидной улыбкой произнесла торжественно жена. — А ты у меня чего так плохо ешь?
— Ну ты даёшь! — непритворно возмутился Славин. — Тут с братом такая беда!
— А никакой беды нет. Будет теперь дома лучше ужинать. А ты ешь, ешь! — жена поднялась и ушла в спальню.

…Славин молча доел картошку с тушёнкой и отправился следом, где под личным одеялом, натянутым под самый подбородок, уже почивала супруга. Раздеваясь, а Славин любил спать голым, он увидел своё тело в зеркале. По два ужина в день его склонная к полноте плоть не выдержит. И Славин тревожно подумал, что надо чаще исполнять супружеский долг или делать по утрам хотя бы лёгкую гимнастику, хотя лучше и то, и другое, но где набраться сил?.. Нырнув под одеяло, Славин запустил руку на женину половину кровати, убеждая себя, что нужно обязательно по утрам заняться бегом…

Лопата

Утром из окна кухни Степан Семёнович Пшенников увидел, что в огороде стоит лопата. Инструмент с коротким черенком одиноко высился на заснеженном поле, глубоко проникнув штыком в мёрзлую землю, подавая слабый, почти неуловимый сигнал, что находится не на своём месте. Степан Семёнович удивлённо рассматривал лопату, перебирая в мыслях, как она там могла оказаться, и медленно, медленно, перекатываясь с одной думки на другую, вдруг споткнулся о главное: лопату оставила в огороде Тамара Ивановна.

Это воспоминание обожгло слезами глаза, в которых тут же помутилось, подрезав весь белый свет, а Степана Семёновича отшатнуло в сторону. Чтобы не упасть, он опёрся руками на обеденный стол и до детали вспомнил всё-всё, каждый из семи дней, которые он прожил без жены: как скоропостижно она умерла, как набежали соседи,

подъехали друзья, прилетели из далёких городов дети, а потом в единой похоронной процессии шли за гробом до самого кладбища, густо заросшего молодыми деревьями. Кладбище было старым, разбитым некогда в лесном массиве. А теперь молодая поросль брала своё, стараясь стереть с лица печального места уныние, вернуть изначальную красоту, поглотив могильный траур красно-жёлтой осенней весёлостью юного подроста. И с активными зарослями лесного наступления уже никто не боролся, оставив на попечение природы судьбу кладбища.

Омытыми слезой глазами Степан Семёнович снова осмотрел лопату в заснеженном огороде. За эту неделю, что он прожил без жены, двор замело, укутало снегом, и расцвеченная листопадом чернота осени уступила место снежно-небесному чистопаду, хотя за текущим годом ещё числился октябрь. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: в здешних местах осень была коротка, и зима всегда приходила рано, не равняясь на календарь.

Степан Семёнович вялым движением снял с вешалки пальто, надел его, сунул ноги в валенки и пошёл к выходу. На крыльце его лицо обожгла солнечная свежая весёлость, от которой старым глазам делалось больно. Привыкнув к активной белизне округи, Степан Семёнович осторожно спустился с крыльца и пошёл в огород, где, сиротливо ссутулившись, стояла лопата. Он шёл неторопко, гребя ногами снег, набивая следами свежую тропку, вдыхая пронизывающий холод утра, который прочищал тяжело дышащую грудь старика.

«Странно,—думал он по пути,—как это раньше я не замечал лопату в огороде?»

Степан Семёнович и Тамара Ивановна прожили вместе пятьдесят два года, и в их семье прагматично планировалось, что раньше умрёт по состоянию здоровья муж. Тамара Ивановна всегда старалась пресекать этот бесконечный разговор о грядущих похоронах, который с годами возникал между ними всё чаще и чаще. Но Степан Семёнович относился к нему с ответственной серьёзностью и, не обращая внимания на возражения супруги, каждый раз давал всё новые распоряжения, ежели ему будет суждено умереть прежде. Но вышло так, что первой ушла Тамара Ивановна. Умерла на ходу, на бегу, в заботах между кухней и огородом, который она в последние дни старательно копала, готовя землю, как она приговаривала, к зимней спячке. Копала усердно, всё боялась не успеть и потому лопату не убирала, а оставляла там, где заканчивала очередную порцию работы.

Степан Семёнович погладил ладошкой рукоять, которая была отполирована неутомимыми руками жены, не почувствовав ни одной шероховатости под дрожащими пальцами. И вспомнил, как пять лет тому назад по просьбе Тамары Ивановны сменил сломавшийся черенок, позвал жену и торжественно вручил обновлённый инструмент. Тамара Ивановна потёрла рукавицей по свежему дереву, потом несколько раз копнула лопатой землю и молча кивнула, одобрив работу мужа. Степан Семёнович напряг память, попытался ещё что-то вспомнить из истории лопаты, но тут его окликнул сын:

— Папа! Ты что там стоишь?

— Да вот лопата осталась…

— Что с ней сделается?

— Мать копала огород и не докопала.

— И ты собираешься сейчас копать?

— Копать? Нет, копать уже поздно. Просто лопата стоит тут, и я вот думаю…

— И пусть она там стоит, потом уберём.

— Убирать не надо,—осенило Степана Семёновича.—Пусть стоит здесь.

— Да пусть стоит, никому не мешает,—согласился сын.

— Только не убирайте,—настаивал Степан Семёнович.

— Да никто её не уберёт!—успокоил отца сын.

— Пусть так и стоит, а я весной докопаю,—принял решение Степан Семёнович и впервые после смерти жены почувствовал рядом с собой присутствие Тамары Ивановны.

Какой-то успокаивающей надеждой откликнулась его душа на согревающую мысль, что она никуда не ушла, пока стоит в огороде её лопата, пока осталось незавершённым её дело, которое сможет закончить только Степан Семёнович.

Воспоминания бога

Продолжение преследует…

Цитата из романа

— В тебе смесь Дон Кихота и Бога,—сказал я ему однажды.

В тот момент он был польщён, но на следующий день пришёл ко мне рано утром и заявил:

— Про Дон Кихота мне не понравилось.

Эмиль Чоран. Признания и проклятия

Открыл глаза и стал сторожить мысль, которая этим утром пробудила его ото сна. Он хорошо помнил, что это была уютная, надёжно обжитая им во сне мысль, которую он до поры до времени прятал не столько ото всех, сколько от себя самого. Для того чтобы надёжно скрывать мысль, он и сам надёжно маскировался среди тех, кто умело читал мысли по глазам, и потому каким-то немыслимым образом приучился жить с закрытыми глазами мертвеца. Но настало время легализоваться, даже если впереди ожидало Ничто.

Но мысль не шла и даже не стремилась наружу, она застряла где-то на полпути, цепко удерживаясь в сновидении, на краю которого он её терпеливо поджидал. Мысль как будто навсегда осталась там, где ей было уютно и раздольно, потому что именно

там она ощущала себя главной, справедливой и продуктивной.

А вместо важной мысли в голове теснились невесть откуда прорвавшиеся второстепенные слова, которые изобилием повторов разрушали её стержень. Эти слова всегда существовали в координатах его знаний как избранные цитаты из чужих размышлений.

Цитат этих он знал великое множество, но в первую минуту пробуждения ему было не до них. Здесь и сейчас было очень важно полностью, от первой до последней буковки, а также звуков, продумать себя самого своими словами, лишь после этого он сможет проснуться, встать на ноги и начать новый день творения.

Но чужое душило, парализуя волю осмысленного до безгоризонтальных краёв, мешая выйти наружу родному и очень важному, спотыкаясь о слово «который». И тут он ни с того ни с сего вспомнил, как вполне способный к сочинительству Илья Ильич Обломов бросил создавать послание, когда запутался, дважды повторив слово «который» в одном предложении, и, не справившись с этой трудностью русской письменной речи, решил ничего не писать далее. Впрочем, всё-таки он писал и после этой неудачи, но неловкость от неуклюжего «который» преследовала его.

Ох, если бы Лев Николаевич Толстой был человеком по-настоящему самокритичным, то, прочитав историю Обломова, принял бы его терзания близко к сердцу, и мировая литература лишилась бы классика, ведь у него из непроходимых «которых» городился просто частокол лингвистический.

Впрочем, равняться на Толстого пишущему человеку смешно, потому что, равняясь на кого-то из значительных, можно их только неуклюже пересказывать и перепевать. Быть вторым Есениным, Пушкиным или Толстым не только постыдно, но и унизительно для сочинителя, поскольку вторичность предполагает прямую дорогу в Ничто, где нет знаний даже о Боге. Ведь уже сказано до нас: «Не существует религии там, где нет разума», а там, где действует человек, всегда «высшее служение Богу есть приобретение знания». Поэтому Бог всегда требует не веры, а знания.

Равняться разумно на слово не земное, а небесное,—пришёл он к неожиданному для себя выводу. Надо всецело равняться на божественный глагол Иисуса Христа, но не как носителя веры христианской, а как поэта, литературные достижения которого дошли до нас, к сожалению, только в виде пересказов Его учеников.

А если даже пересказы столь значительны и велики, то что в первоисточнике, которого мы так и не узнаем? Вот истинный образец для подражания. Слова этого он в повседневной жизни избегал, но на этот раз не смог найти ему адекватную замену и остановился на нём: подражать так подражать.

Бог создал мир целым, единым и неделимым, а потом, как какой-то человек разумный, разрушил его мелочами. И от этой мысли становилось невыносимо больно.

Но сильнее всего пугало, что его современная жизнь всё больше и больше протекала на грани художественного вымысла. Человеческая биомасса стремилась быть похожей на героев из кино. Люди так же одевались, они говорили о том же, они вычитывали из книг свои мысли, они внимательно рассматривали себе подобных по телевиденью и мгновенно распространяли себя по Интернету. Если ещё сто лет тому назад люди в вымышленном мире искусства отличались от реальных, то сегодня реальность стала абсолютно тождественна художественному вымыслу.

На днях он разговаривал с современником, который стал чаще задумываться о своём будущем, которое (ну никуда от этого слова не деться!) наваливается на него тяжёлыми проблемами забот о родственниках. И он поставил перед собой простой вопрос: а оно мне нужно? И сам себе вполне разумно отвечал: нет! Но проблемы наступали, заставляли думать о них, и от них он впадал в печаль отчаяния. А я сказал тогда себе и людям, что в нашем возрасте, когда идёт шестой десяток, главные события жизни уже состоялись, а всё остальное—по/ж/дёнка.

К чему это? Великие дела, если они были, уже прошли, ничего значительного уже быть не может. Разве что напишется парочка-другая добротных строчек и отыщется для них в интернет-месиве ещё один читатель, что обеспечит пару радостных минут. А в принципе каждый должен быть уже готовым и других приучать к мысли, что разумно пройти по жизни незамеченным, как учат китайские мудрецы и как живут миллионы русских людей, даже не ведая об этой мудрости Востока.

Впрочем, он твёрдо знал: у него было нетворческое воображение. Оно никогда не собиралось в единое целое, а распадалось на детали, способные сконцентрироваться только на точке, за которой начиналось Ничто. То самое Ничто, где даже Бог не может прижиться под пристальными взглядами тех, кто боится заглянуть за точку.

Это как неспособность большинства людей к любви: не умея предаваться ей, они охотно проговаривают вслух и продумывают её мысленно. Это их удел слов и мыслей о любви, о которой на самом деле они не имеют никакого представления. Большинство людей плохо ориентируется внутри себя. Отсюда и все проблемы душевного дискомфорта, который развивается от отсутствия подлинных и важных мыслей.

Но это было совсем не то,—вдруг спохватился он. Мысль, родившаяся ночью, оставалась равнодушной к его терзаниям и самостоятельно не покидала расположение сна. А он не мог её вывести

из лабиринта подсознания наружу, чтобы тщательно продумать в реальности и с её помощью завестись с полуоборота, начав нанизывать в уме свои слова, которые разгонят чужие, затасканные от частого употребления, отвлекая от главного.

Так, с цитатами в голове, он провёл в постели час, другой, весь день, пока не уснул ближе к ночи, без конца повторяя банальную фразу, что в начале было слово, и это слово—Бог дезинформации. Он не мог вспомнить, откуда это к нему пришло, из какой книги, но догадывался, что из очень старой, раз даже название её затерялось в череде его нескончаемых снов.

Он хорошо помнил то время, когда книги перестали быть событиями. Их накопилось так много, что они уже воспринимались однообразным непрочитанным потоком отпечатанного материала, как те же продукты питания, которых стало великое множество. Поэтому новые книги никого уже не перепахивали, мысли и образы были рядовыми и больше похожими на цитаты и перепевы из той же Книги книг.

Это было время, когда перемывать косточки Богу стало любимым занятием человечества. Высказываемая публично мысль о том, что религия—это бизнес, который к Богу не имеет никакого отношения, стала общим местом. Человечество этим бизнесом занималось всю отведённую ему сознательную историю, свободную от трудов праведных. А поскольку такое время у всего человечества было ограничено, то это поручили специально обученным людям. Их звали, по старинной традиции, то Сократом, то Ницше, в зависимости от того, чьи цитаты в историческом обиходе превалировали в системе координат знаний человечества.

Кто хочет блага для всех, вынужден совершать зло против каждого—внушили людям эти мыслители, и им поддакивал Гёте. Но при этом не забывали мысленно добавлять: что бы ни случилось на земле, в райских кущах по-прежнему будут радовать праведников, а в аду—мучить грешников. Значит, и человек бессилен без Бога, и Господь без человека ничто?!

Если вы разговариваете с небом, то это молитва. Если вам кажется, что небо разговаривает с вами, то это шизофрения. Трудно упомнить, кто так здраво рассудил, но точно известно, что некоторые поэты самонадеянно утверждают: это не они пишут стихи, а Господь Бог им их диктует.

Бог диктует?

«Я никому ничего не диктую. Человек, который возомнил себя поэтом, сам должен расслышать в себе слова Изначального. Иногда Я допускаю, что умершие поэты забавляются этим: нашёптывают здравствующим рифмы. Особенно любят этим заниматься в России Пушкин и Есенин. И это у них неплохо получается. К тому же это их забавляет. Я не возражаю: поэты до конца не высказались при жизни, значит, имеют право продолжать свой разговор устами других. Но многим поэтам никто ничего не диктует. Им бы стоило заткнуться».

Откуда эта цитата? Неизвестно, но звучит она как слова Господа! Кому и когда Он это говорил? Неизвестно.

А человек в провинции всё ещё пишет. Пишет если не каждый день, то через день, а может, и через месяц, повторяется, возвращается, думает разное, а по сути—вынашивает на бумаге одну и ту же мысль. В России, между прочим, так и можно—думать одну-единственную мысль, это всецело продуктивно. Вот и сейчас, лёжа в постели, он повторял, что нужно вспомнить и думать одну важную мысль.

Кто хотел творить благо, тот готовился совершать зло и воспитывал в себе волю к власти, волю к победе. Но в двадцатом веке потребовалось новое проявление воли—воли к разочарованию. Разочарованию итогами чужих и особенно своих побед, а также достижений власти.

Он знал, что должен думать именно эту одну-единственную мысль, ведь вторую он уже не в силах вытянуть. Да это и опасно—думать несколько мыслей кряду: мало того, что ты будешь заподозрен в неблагонадёжности, тебя привлекут за перерасход собственных мыслей, и тогда тебе не хватит времени жизни, чтобы продумать её обстоятельно и довести до людей в виде уже готовой цитаты. Не случайно многие философы за сто пятьдесят лет усвоили только то, что Бог умер. Правда, тут же выяснилось, что Бог проснулся. Ведь то, что Ницше воспринял как смерть, оказалось всего-навсего продолжительным летаргическими сном, во время которого люди ощутили громадный дефицит Бога.

Поэтому заново появились вопросы. Где Бог? Чем Он занят? Как к Нему записаться на приём? Это правильные вопросы, которые Бог слышит по сто миллионов раз каждый день. Но при этом те же люди возмущаются, что Бог ни к кому не приходит. Они не понимают, что Бог ни к кому не ходит и каждому нужно идти самому. Только по пути к Нему можно убедиться, что Бог есть. Не случайно сильнее всех и больше всякого верит в Бога Дьявол. Поэтому и борется с ним всеми доступными ему средствами, искушая всех остальных тем, что призывает самоликвидироваться. Интереснее всего говорить не с Богом, Он—наше всё, а с Дьяволом: он—всё наше Ничто.

Если человек хотя бы только попытается корчить из себя Господа, то максимум, чего он способен достичь,—это разбудить в себе Дьявола. И уже не надо будет закладывать ему душу, он станет владеть душой бесплатно. Хотя есть люди, в которых и Бог, и Дьявол уживаются одновременно.

Порой людям бывает стыдно за свои слова, произнесённые вслух. Слова — пыль. На самом деле нужно стыдиться мыслей и помыслов в себе. Ведь слова, произнесённые вслух, мы всё же контролируем, а мысли в себе — никогда. Они мчатся, множатся, движутся по внутреннему пространству человека, превращаются в поступки, отвратительные поступки, и только тогда мы начинаем их стыдиться. Но поздно: стыдиться нужно мыслей. В себе и других. Вначале были мысли. Поэтому лежащий в постели облегчённо подумал, что:

Наедине с Богом человек равен Всевышнему.
Поодиночке оба бессильны.
Вместе, пока живы, — все бессмертны.

Но это уже известно было задолго до того, как кто-то попытался приписать себе авторство.

Поэтому, не придумав ничего нового, ощутив себя лишь слабым пересказчиком чужого, он снова погрузился в сновидение, куда, как ему казалось, всё ещё являются свежие мысли. А в пустоте пустот Ничто, куда он попытался выбраться из сна, ещё раз убедился, — мысли не живут!

Д*и*Н пародия

Евгений Минин

Опасная кнопочка

Раскидистое

Стреляли мелочь, сбившись у пекарни,
Как будто прорастая от окна,
Широкие раскидистые парни.
(А если просторечно, то — шпана.)
Анна Маркина

Дала стрелявшим мелочь — два рубля,
Шпана пробормотала, что им мало.
Тогда, шагнув вперёд и с криком: «…» —
Я ту шпану, как брёвна, раскидала.
Не отыскала слов высокопарней,
Всё только просторечно в голове:
Широкие раскидистые парни
Раскинулись повсюду на траве.

Ё-моёное

Москвичи очнулись на рассвете,
Глянули в окошки — ё-моё!
Минина-то нет на постаменте,
Да и нет Пожарского на нём!
Олег Портнягин

Как же это так, муниципалы?
Это ж безобразие, позор:
Минин-то с Пожарским, ёлы-палы,
Драпанули, видно, за бугор.
Но и стало ясно, что смогу я
Сразу всей Москве известным стать,
Если мне за тысячу-другую
Вместо них позволят постоять…

Мы живём, под собою не чуя строки

Мы живём, под собою не чуя страны,
Барабанщик был храбр, барабанщик был плох,
Наши книги, увы, никому не нужны,
Только спешка нужна при охоте на блох.
Андрей Торопов

Я в осеннем лесу пил берёзовый сок
И берёзку свою, как жену обнимал.
И со мною всегда был мой верный сурок,
Нарьян-Мар — городок не велик и не мал.

Мы живём, под собою не чуя страны,
Но на тех, что сидишь, не рубите суки.
Да кому же стишки вот такие нужны,
Если нет в них своей ни единой строки?

Пусковое

Ты включаешь меня, нажимая на пуск,
Дважды в день,
Трижды в день — а без этого пуст
Циферблат, и обветрено время…
Татьяна Вольтская

Нынче каждый меня опасается пусть,
У меня есть опасная кнопочка — пуск.
Если включишь её где-то ближе ко сну —
Я квартиру тогда на куски разнесу.
Нажимая на пуск, меня чаще включай,
Но боюсь одного — что взорвусь невзначай.

к 60-летию

Владимир Пономарёв

Как это было...[1]

...Композиторы часто рассказывают истории своих судеб, которые оказываются переплетёнными с историей региона, страны... Это естественно, ведь за последние несколько десятков лет пронеслось столько событий, и в эти события все мы неизбежно оказались втянутыми, а участвуя в них, каждый — вольно или невольно — должен был выразить свою позицию... Я тоже решил кое-что рассказать о своей судьбе.

В музыкальную школу я попал вовсе не потому, что «рано проявились музыкальные способности» — так обычно говорят о себе музыканты. Способности действительно проявились рано, но сразу во многих направлениях: я неплохо рисовал, лет с пяти «звездил» на сцене как юный актёр и писал стихи. Однако в художественной школе уже учился мой старший брат, а сестра занималась в театральной студии. «Чего у нас ещё не было?» — порассуждали родители и отдали меня в музыкальную школу — слух тоже оказался хорошим.

Необходимость всех нас куда-то «отдавать» родители понимали очень хорошо: их, железнодорожников, мы не видели сутками. Когда же наступало время выбора профессии — кружки и школы в расчёт не брались. Первой в этой ситуации оказалась старшая сестра. Все говорили о её безусловных актёрских данных, особенно после того, как она сыграла Марину в сценах из «Бориса Годунова». Этой постановке театральной студии дк «Сибтяжмаш» был посвящён целый разворот газеты «Красноярский рабочий» с портретами участников... Однако родители были категорически против. В конце концов сестра поступила в пединститут на факультет русского языка и литературы.

Следующим был мой старший брат. История повторилась. Его достижения в рисовании для родителей не имели никакого значения. Даже успешная попытка поступления в художественное училище не дала своего результата. «Придёшь из армии — поговорим», — таков был их вердикт. Вернувшись из армии, брат поступил в физкультурный техникум. Это было его первое образование, и выбор не был случайным. Нужно сказать, что, помимо учёбы в художественной школе, в том же дк «Сибтяжмаш» брат занимался параллельно в танцевальном кружке, о котором хочется сказать особо.

Сколько таких ярких вспышек художественной жизни было в те годы по всей стране, где оказывались репрессированные и сосланные актёры, режиссёры, постановщики танцев! Руководил танцевальным кружком «Сибтяжмаша» Эдуард Аркадьевич Хайкин, не по своей воле оказавшийся в Сибири. Он создал тогда настоящую школу народного и характерного танца, ребята по нескольку часов занимались на станке, как профессионалы! Сейчас, вспоминая их выступления, можно говорить о том, что это был коллектив международного уровня. Красноярская студия кинохроники сняла о нём фильм в шестидесятые годы, и всякий раз, когда я слышу, что «Годенко был первым, кто...» — всегда хочется сказать: вы неправы! Найдите и посмотрите тот фильм! Любуясь яркими танцевальными постановками ансамбля имени Годенко, я до сих пор узнаю́ в них «хайкинские» движения... В конце шестидесятых Эдуард Хайкин уехал из Красноярска, кажется, в Ярославль.

Будучи намного младше брата и сестры, в те годы я ещё не должен был создавать для родителей проблем с выбором профессии, но жизнь ускорила этот процесс. К тринадцати-четырнадцати годам я окончательно решил, что буду поступать на литфак, запоем читал всю поэзию, изучал стихосложение, а музыкальную школу совсем забросил. Вдруг в седьмом классе случилось нечто для всех непредвиденное. «Отличник Володя Пономарёв», не хулиган, вдруг «забузил» и стал срывать классные часы, на которых устраивались обсуждения речей Брежнева. Что было причиной? Лицемерный цинизм, с которым классная руководительница всякий раз говорила нам, что это добровольно. И мы, после пяти-шести уроков, голодные, должны были ещё два-три часа сидеть на таких обсуждениях. Однажды я не выдержал и сказал одноклассникам: да над нами просто издеваются! Если это добровольно — давайте уйдём! Ушла половина класса. Прецедент был создан, и это затем повторилось. О зачинщике, разумеется,

1. Материал готовился к публикации в красноярскую музыкальную газету (ныне — уже не существующую) в 2012 году. Публикуется с сокращениями к юбилею композитора.

«было доложено». Меня не приняли в комсомол. Назревал конфликт отношений. В этой ситуации мои хорошие оценки — как я теперь понимаю — могли не помочь мне, а стать аргументом против меня: ах, он ещё и умный! Самое противное во всём этом было то, что события имели некоторый политический подтекст. Или могли его иметь. Мне была обещана (и в конце концов написана) плохая характеристика с оценкой моей нелояльности.

Могу сказать, что сформировавшаяся тогда у меня «аллергия» на марксизм-ленинизм проявлялась впоследствии во всех учебных заведениях, где я учился, а из консерватории из-за этого я чуть не вылетел, однако Бог всегда помогал мне, да и времена менялись. Но представьте себе, каково было оказаться в 1975 году некомсомольцем и с такой характеристикой! Я понял, что должен расстаться со школой. Но куда я мог пойти с восемью классами? О литфаке, разумеется, следовало забыть. Случайно встретив на улице преподавательницу из музыкальной школы, которая очень сокрушалась по поводу моего ухода, я рассказал эту историю. «Немедленно возвращайся в школу, музыка тебя спасёт!» — сказала она. «Но я уже разучился играть!» — пытался я ей возразить. «Не волнуйся, ты пойдёшь в училище искусств на теоретическое отделение», — ответила она. Следующим шагом был «поход к Веселкову».

Фёдор Петрович, старейший красноярский композитор и замечательный человек, руководил тогда этим самым теоретическим отделением. Моя преподавательница, в прошлом его ученица, привела меня к нему. Веселков проверил мой слух, задал несколько вопросов и сказал: «Поступай». — «Фёдор Петрович, а у Володи будет плохая характеристика», — сказала моя преподавательница. Веселков строго посмотрел поверх очков: «Что, хулиганил? Ну ладно, придёшь сдавать документы — характеристику принесёшь мне, а если спросят — скажешь, что её забрал Веселков». Я сделал так, как мне было велено. Фёдор Петрович взял мою характеристику — и, не читая, положил её в свой сейф. Больше её никто не видел…

Однако всё это было позже, а перед этим мне предстоял разговор с родителями, в котором я должен был отстоять своё право на выбор профессии. Быть музыкантом, так же как актёром и художником, для них не означало иметь профессию. Я их не осуждаю, они искренне желали нам добра. Вместе с тем невольно вспоминаю Мольера, которого хоронили не как известнейшего драматурга и актёра, а как сына почтенного члена французской гильдии мебельщиков. Заниматься творчеством в то время не означало иметь профессию. Но как сильны эти порочные традиции даже в наше «просвещённое» время! Парадокс ситуации состоит в том, что даже те люди, которые сами стали что-то создавать, не оценивают творческий труд и не видят в нём профессионализма. Они полагают, что для того, чтобы быть инженером, врачом или машинистом локомотива, как мои родители, — нужно учиться, и это профессия. Сочинять же стихи и музыку могут все. Часто такой человек безотчётно (но — что гораздо хуже — иногда осознанно) рассуждает так: кто такие композиторы, поэты? Зачем они вообще нужны? Вот я, бывший замдиректора завода (вариант: начальник цеха, чиновник), могу написать песню (или гимн) на эту тему гораздо лучше!.. При этом (опять же безотчётно) такой человек считает, что чем выше была его должность, тем лучше он должен сочинять!

Не могу удержаться и хочу рассказать один реальный случай. Однажды ко мне подошёл пожилой мужчина, представился, назвал свою прежнюю — какую-то достаточно высокую — должность, и сказал: «Вы Пономарёв? Вы ведёте секцию самодеятельных композиторов? Я давно хотел с вами познакомиться. Я написал гимн Волгограда!» — «А почему не гимн России?» — тут же отшутился я. На это мужчина с абсолютно серьёзным лицом мне ответил: «А я написал и гимн России тоже! Мне не нравится наш нынешний гимн!» Тогда я понял, что дальнейшие мои шутки уже неуместны…

Однако вернёмся к теме. Я пришёл к родителям и объявил им, что буду поступать в училище искусств. Конечно, тут же было сказано о том, что музыкант — не профессия и следует выбрать другую. Тогда взяли слово мои старшие брат и сестра, уже вполне самостоятельные люди: «Вы не дали нам возможности заниматься творчеством — так пусть хоть он займётся!» Родители возразили: «А если ему есть будет нечего, вы поможете?» — «Поможем!» — ответили они. И я поступил в училище искусств.

Творческая атмосфера училища, с профессионально поставленными капустниками (их делали ребята с театрального отделения), с концертами всех приезжих гастролёров (в те годы зал училища был единственным концертным залом в городе, где звучала академическая музыка), сделала своё дело. К этому нужно добавить общение с замечательными педагогами — и мне стало интересно заниматься музыкой, я почувствовал себя музыкантом. На третьем курсе училища я стал «отличным студентом», получал повышенную стипендию, сочинял музыку и готовился в консерваторию. Но это уже другая история.

Вторая половина семидесятых годов была временем бурных событий в культурной жизни Красноярска: открылся Институт искусств, был создан симфонический оркестр, в городе прошёл фестиваль «Саянские огни». Обо всём этом уже много говорилось и писалось. Я хочу немного рассказать об открытии Театра оперы и балета, поскольку имел к этому событию некоторое отношение.

Уже в 1977 году, когда нас, учащихся училища искусств, снимали с занятий «на стройку» — поработать разнорабочими на строительстве театра, я решил, что как-то должен туда попасть. Но на работу в театр меня бы не взяли, я был ещё мальчишкой без какого-либо образования. К этому времени у меня уже были первые и очень яркие впечатления от знакомства с оперой. Летом 1976 года в Красноярске на гастролях был Свердловский оперный театр с сильными солистами и отличными постановками. Гастроли проходили в Красноярской музкомедии, то есть во вполне адекватных для оперы условиях, поэтому «оперный эффект» был самый настоящий, и я влюбился в оперу.

И вот в почти достроенный красноярский театр приехала команда солистов и постановщиков, начались репетиции. Стало известно, что театр набирает певчих в так называемый «хор-спутник», то есть в любительский хор, который должен усиливать массовые сцены. Естественно, я оказался в этом хоре. Театру тогда было отдано всё лучшее — и он этого заслуживал! Команда, с которой театр открывался, была поистине звёздной! Все приехавшие были талантливые люди, яркие личности! Вспоминаются дирижёр И. Шаврук, хормейстер Е. Маевский, режиссёр М. Высоцкий, солисты Н. Абт-Нейферт, Т. Пронина и другие. Увы, «иных уж нет, а те далече»… Красноярцам очень повезло: театр открывался не как «сырой» и «провинциальный» — он открывался «на пике»! Все услышали, какой на самом деле должна быть настоящая опера, и теперь, когда — хочется думать, что в силу объективных причин, — у театра бывают не лучшие периоды, мы можем вспоминать и сравнивать.

Именно тогда я, будущий композитор и сам с детства поющий в разных хорах, начал понимать, что такое настоящий оперный голос, в чём суть этого уникального свойства, присущего далеко не всем хорошим голосам. Расскажу один случай, произошедший позже.

Вернувшись после консерватории, я решил в одном концерте показать свои романсы и пригласил для этого солистку нашей оперы — из того самого первого состава — Тамару Пронину, с которой потом подружился, выпускницу Киевской консерватории, ныне покойную. Наша первая репетиция проходила в большом оперном классе, с роялем, похожим на камерный зал. Пронина всё верно спела — я аккомпанировал. Текст был выучен безупречно, голос её звучал великолепно, всё было отлично слышно… Однако она пожаловалась на то, что сегодня «не в голосе», и пообещала в следующий раз «дать звук». Следующая репетиция проходила в том же классе-зале. Мы начали, но буквально через два такта я остановился, потому что не мог продолжать. Тамара «дала звук». Последнее, что я услышал, — это то, как задребезжало толстое стекло в большом окне. У меня завибрировала лобная кость, я перестал слышать рояль, хотя нажимал клавиши, я не услышал свой голос, когда попытался что-то сказать. В первый момент, рефлекторно, я чуть было не закрыл уши руками, оказавшись придавленным волной мощного чистого звука, заполнившего собой всё пространство и заставившего завибрировать все потенциальные резонаторы окружающих предметов! Тамара Пронина остановилась, удивлённо посмотрела на меня: «Я что-то неверно спела?..»

Как не хватает нынешним театрам таких голосов! Особенно в современных постановках, с множеством «режиссёрских инноваций», с мизансценами, в которых артисты поют в неудобных положениях или в глубине сцены. В таких эпизодах, если оркестр играет форте, порой не слышны не только слова, но и сам голос солиста, напоминающего рыбу, беззвучно открывающую рот. Не желая никого обидеть, я хотел бы сказать, что если певец не обладает этим свойством «оперного» голоса, способного перелететь через звуковой барьер оркестра и донести в любую точку зала мелодию и слова — лучше ему петь в камерном зале. Это будет честнее и правильнее.

Однако я опять отклонился от темы. Для театра в период его открытия действительно не жалели ничего — и с какой любовью это было сделано! Перепало тогда и нам, непрофессиональным артистам. «Хору-спутнику», как и всем остальным, были сшиты прекрасные костюмы, а лапти, в которых мы выходили в «Князе Игоре», были настоящими! Их изготовили мастера красноярской фабрики сувениров. Следующей после «Князя Игоря» была «Аида». Потом я уехал в Новосибирск, а вернувшись — обнаружил, что из Красноярска, в котором так ярко и звёздно начинался новый этап его культурной жизни, старательно делают провинцию… В театре поставили совершенно «никакую» оперу «Ураган» некоего Гроховского, на примере которой ныне покойный музыковед Борис Плотников, умнейший и эрудированнейший человек, любил объяснять, что такое «оперный конвейер» восемнадцатого века. Посмотрите «Ураган», говорил он, вот так когда-то писались оперы десятками: использовался структурный шаблон с определённым количеством арий главного героя, главной героини, побочных персонажей и так далее. При этом яркость музыки в то время была не так важна: опера была самым любимым развлечением, и люди шли на новинку. Именно поэтому приехавшему в Италию Березовскому заказали оперу — композитор-то новый, интонации новые… Но если в опере появлялась хоть одна запоминающаяся мелодия — её мог купить другой театр. Сегодня же — делалось Плотниковым резюме — всё это может уже не иметь никакого значения, если будет один звонок в крайком…

Были в красноярском театре, однако же, и более «криминальные» постановки. К ним я отношу, например, так называемый «рок-джаз-балет» «Одиссея» некоего Геворгяна, шедший под «убийственную» фонограмму, которую автор сам наиграл и напел (справедливости ради следует сказать, что танцевальная часть балета была интересной). Как, в силу каких причин в театре оказывались такие спектакли? Это я и называю «деланием из Красноярска провинции». Упомянутые композиторы (если их можно так назвать) сумели тогда убедить местные власти и администрацию театра в «шедевральности» своих творений, никому не нужных в других городах, а власти и администрация «купились» на эти убеждения. Да, только в Красноярске «как в провинции» это и могло произойти. Но провинциальность—это не реальное положение вещей, это образ мысли, состояние души… в данном случае—состояние души чиновников. Ну кто, например, назовёт провинцией небольшой город Пермь, в оперном театре которого было сделано столько ярких постановок мирового уровня и в котором постоянно проходят премьеры опер крупнейших современных композиторов? Очень хочется думать, что нынешние красноярские чиновники, от которых зависит бытие нашей культуры, лучше прежних и не думают, что если у композитора московская прописка—он априори гениален, а «в своём отечестве пророков нет». Впрочем, есть реальные основания думать, что сегодняшние деятели красноярской культуры действительно лучше…

На этом я думаю закончить эти краткие воспоминания. Надеюсь, читающим они были интересны…

Д*и*Н симметрия

Сергей Городецкий
Кофе

Тебя сбирала девушка нагая
По зарослям благоуханной Явы.
Как ящерицу, дико обжигая,
Ей кожу рыжей сделал луч кудрявый.

Замучена полуденной работой,
К любовнику, такому же нагому,
Она бежала в лунное болото,
К сплетённому из вешних прутьев дому.

И там кричали, радуясь, как дети,
Что труд прошёл, а ночь ещё продлится,
Показывая на жемчужном свете
Блестящие от долгой ласки лица.

С утра голландец с ремешковой плёткой
На пристани следил за упаковкой
Клеймёных ящиков—и кровью кроткой
Окрашивал тугую плётку ловко.

Потом с валов могучих океана
Корабль срезал бунтующую пену,
Пока в каюте мягкой капитана
Купцы высчитывали вес и цену.

До пристани, закутанной в туманы,
Томились, гордо засыпая, зёрна.
А там, на Яве, кровяные раны
На девушке горели рыже-чёрной…

Любуешься порою, как в фарфоре
Кипит с отливом золотистым кофе,
И вдруг—в мозгу встаёт желаний море,
И кровь томит тоска по катастрофе:

Сломать насилье! Снять с дикарской воли
Бесстыдство злое купли и продажи!
Плетей не надо для цветов магнолий!
Не надо солнцу океана стражи!

Отмстить за бешенство бичей ремённых!
Пусть хищники в туман уйдут кровавый!
Да здравствует свобода угнетённых
Во всех краях и на болотах Явы!

1920

Александр Нестругин

На листопаде золотом…

Кольцевая

На жизнь хватало—рублёвки мятой,
И жизнь бурлила, а не стекала…
Как газировка из автомата—
С дымком сиропа на дне стакана!

На жизнь хватало—звонков трамвая,
Колёс и рельсов вечерней спевки…
И кружки пива, где кольцевая,—
За двадцать вроде… и две копейки!

И с губ ронялись, помимо сора,
Слова, что жили—лучась, кручинясь.
И жизнь сходилась для разговора
О том, что с нею, дурной, случилось.

И всё, что лили в Кремлёвском зале,
Тут и паялось, тут и лудилось,
И не делилась, не расползалась
Страна большая—в кружок сходилась.

…Всё разобрали—страну и рельсы—
На лом, в карманы… Где кольцевая,
Сигналят в пробках «рено» и «мерсы»,
А я, сутулясь, всё жду трамвая.

* * *

Заснять себя, успеть!—
Вошло так скоро в моду…
И сбросить снимки в Сеть,
Как козырей колоду.
Забава, но за ней—
Зеркальность лужи грязной:
«Я круче! Козырней!
Раскованней! Развязней…»
Мне жить в миру таком
Темно… Себя не жалко:
Дрожащим костерком
К реке смеркавшей жался.
И тень моя была
На той воде—живая!
И на висках зола
Густела, остывая.
Ни снимка, ни следа…
Но всё, что жглось и тлело,
Текучая вода
Дотла запечатлела.

Памяти Союза

Навек ли, навсёды, завжды—
Мрак беловежского деянья?
Неуж от братьев невражды
Мне ждать теперь—как подаянья?

Не дружбы, не сиянья глаз
В больших трудах, в застолье тесном…
Неужто жить теперь без нас
Победам нашим, нашим песням?

Так странно: прямо из кино,
Тая́ в груди лишь жажду мщенья,
Ушли Саид и Мимино
В свои пески, в свои ущелья.

Ликуют, что пропал Союз,
Что ими, как Тарас, замучен,
Отрывок «Нет священней уз…»—
Ведь он на русском был заучен!

…Горюя, в крике не зайдусь
И, может, в дни прозрений трудных
Хоть тихих слёз от них дождусь—
Не напоказных, не прилюдных.

Хоть—молчаливой невражды…
И будет это «подаянье»—
Навек ли, навсёды, завжды?—
Как траур. И—как покаянье.

На листопаде золотом…

Не знаю, много ль смысла в том—
Забыв свои года,
На листопаде золотом
Не говорить—гадать!

В том баловстве немолодом
Ловить, глаза закрыв,
Не лист случайный на ладонь,
А—тальк незримых крыл.

И знать: с немеющей руки
Твоей—в незримый сад
Лимонницы и мотыльки,
Закрыв глаза, летят…

* * *

Элегии в ночи читают ивам,
Сырой лозе, обнявшей мель и мыс…
А что прочтёшь глухим речным обрывам—
И вязам, что не зря не смотрят вниз?

Грусть не привьёшь здесь сыролозным, ивным,
Живым и гибким влажным черенком.
И грудь полна молчанием обрывным—
Сухих корней шершавым языком.

И смыслы слов—подсудны и повинны
В том, что других ты не сыскал нигде.
И шёпот твой—комок обрывной глины,
Промеж корней катящийся к воде…

Не чужое

Николаю Алешкову

1.

Делаю я многое неловко—
Там, где город водит хоровод.
Только деревенская сноровка
Всё ещё в руках моих живёт!

Вот со сценой, скажем, напряжёнка:
Будто бы стою на сквозняке.
Ну а топорище и ножовка—
Как влитые, точно по руке!

Прогоню щепу, ножовкой вжикну—
И задумки внучкины сбылись!
Коля, как ты думаешь, привыкну
К людям выходить из-за кулис?

Как я тяжело стихи читаю…
Будто на уливе чернозём
Штыковой лопатою пластаю—
Чуть не полгектара за разóм!

А ведь говорю я—не чужое…
Но из детства—и через судьбу—
Всё несут доярки вёдра с жомом,
Тащат в ря́днах силос на горбу.

А в щелястой кузне (через выгон—
Два шага) с утра и дотемна
Железяку жизни Васька Цы́ган
Правит, выцепляя из горна́.

Мне, как в той щелястой кузне, чадно:
Может, зря я пред людьми стою?
Может, слишком мелко и нарядно
То, что лёгким пёрышком кую?

Иль напрасно на себя серчаю?
…Как слова мне губы холодят!
Из далёких лет односельчане
В детские глаза мои глядят.

2.

Что осталось? Лишь недуг да хворость.
Густо зеленевшие вчера,
Высохли слова мои, как хворост
Возле обмелевшего Хопра.

То, что было стёжкой к бате, к маме,
То, что жизнь держало как в плену,
Догорев, лишь сизыми угля́ми
Ночью смотрит в очи на Дону.

Ночь. И перевоз не докричаться.
На болотах—выпи крик больной.
Но не хочет родина прощаться.
Остаётся родина со мной.

Мамин вздох: излуки да лиманы…
Полынок на батином следу.
…И опять на строчки жизнь ломаю—
И на угли сизые кладу.

На белом свете…

Динамик хриплый на перрон нас вынес,
Велел спешить, а тут—то снег, то дождь…
Нет, я не сдался злой судьбе на милость,
Когда земля ушла из-под подошв!

Там, за стеклом, плафон свеченьем налит,
А тут—сквозит больная полумгла…
И я, найдя слепым ботинком наледь,
Свет белый обнял—там, где ты была!

И было нам тепло на белом свете,
Хоть он с утра и льдистый, и сырой…
Хоть нужно ждать мне на площадке третьей,
Ну а тебе, похоже,—на второй.

А на весах небесных гирька «против»
Всегда весомей звонкой гирьки «за».
А мы с тобой, земные плоть от плоти,
Глаза в глаза стоим, глаза в глаза!

И диктор, в наши судьбы посвящённый,
Устав просить, нас на испуг берёт.
А мы всё улыбаемся смущённо,
А нас толкает сумками народ!

А нам ещё тепло на белом свете,
Хоть он с утра и льдистый, и сырой.
Хоть нужно ждать мне на площадке третьей,
Ну а тебе, похоже,—на второй…

И этот вот нечаянный припев мой,
Мне кажется, сквозь годы слышишь ты.
И те, что сбились у площадки первой,
Ещё глядят на нас, разинув рты…

Сергей Кривонос

Дверь

● ● ●

Знало усталое солнце: пора на ночлег.
Но забрело в облака, позабыв о ночлеге.
А по дороге, уткнувшись в печаль, человек
Ехал, мотив напевая, в скрипучей телеге.

Чувствовал конь, что хозяин его утомлён,
Сдерживал шаг торопливый с завидным стараньем.
Мир был согласьем возвышен и был удивлён
Тем, что знакомый мотив превратился в молчанье.

И размышлял человек, ощущая покой:
«Вроде в достатке живу, а вот в сердце—убого.
Не потому ли так дорог мне преданный конь,
Грива его над петляющей сонно дорогой?

Движется жизнь. Для печали немало причин.
И устаю иногда от работы натужной.
Век двадцать первый, наполненный воем машин,
Мне не сумел доказать то, что конь стал ненужным.

Пусть с каждым годом всё больше забот и потерь,
Но, словно звёзды, надежды лишь временно гаснут.
Трудно к согласью порой открывается дверь.
Видимо, всем нам сейчас не хватает согласья…»

Вот и жилище. Рассыпав лучи в зеленя,
Солнце неспешно сползло за пригорок покатый.
А человек всё стоял и стоял у плетня,
Гладил коня, утопавшего гривой в закате.

● ● ●

Бежали звёзды—вспугнутые кони,
Цепляясь гривами за облака,
И голубые искры беспокойно
Гасила торопливая река.

А люди думали: ветра вздымая,
Весенний гром над крышами гремит,
Не зная, что над тихими домами
Пронёсся стук стремительных копыт.

Когда же день стал подниматься новый,
То над землёй, уткнувшись в край села,
Сияла отлетевшая подкова,
А всем казалось—радуга взошла.

● ● ●

Наполнен светом дом родной,
В нём благодатно, словно в храме.
«Сынок, что сталось со страной?»—
Тревожно спрашивает мама.

Её нельзя мне обмануть.
Вокруг одна беда. И что же?
Быть может, давнее безбожье
Нас вывело на ложный путь?

Среди утрат, среди обид
Мелькают дни, мельчают лица.
Куда, скажите, торопиться,
Коль над страной туман висит?

Но к маме мне всегда спешить,
К её проблемам и заботам,
Ведь в притяжении души
Живёт божественное что-то.

● ● ●

Поля унылы и черны,
Луга печалятся рябые.
А у тебя и у весны
Глаза такие голубые.

Не потому ль, когда ты вдаль
Глядишь, улыбки свет рассеяв,
Весь мир становится весенним,
Прогнав тревогу и печаль?

И, не печалясь, не грустя,
Я за тобой иду в рассветы,
Ведь у весны и у тебя
Глаза полны тепла и света.

Бессмертно чувства затаив,
Дороги я пройду любые,
Чтоб видеть каждый день твои
Глаза такие голубые.

• • •

Опять сегодня небо всем прохожим
Взглянуло доверительно в глаза.
И показалось — что-то Бог сказал…
Но нелегко осилить слово Божье.

Послышались стихи. А в них тревога,
Печаль и радость, осень и весна.
Что на земле, что наверху у Бога —
Поэзия, наверное, одна.

Мне вспомнились шаги через запреты,
В стихи перераставшие грехи.
Стихи всегда значительней поэта,
Когда они действительно стихи.

Я думал о тебе. О днях беспечных,
Возвышенных судьбою и тобой.
Любовь всегда сильней сомнений вечных,
Когда она действительно любовь.

Ещё не раз встречаться, расставаться,
Быть злым и добрым, трезвым и хмельным,
Но всё-таки дано объединяться
Стихам небесным и стихам земным.

И, где бы ни был, ни скитался где бы,
О чём я ни мечтал бы, позарез
Мне нужен взгляд распахнутого неба,
Как во Христа поверившему — крест.

• • •

Огни по посёлку рассыпаны густо,
Натруженный ветер уснул в борозде,
И плещутся, словно соседские гуси,
Полночные звёзды в полночной воде.

Они так озябли в мирах беспредельных
И так размечтались о сущем тепле,
Что, небо оставив, спустились на землю,
Ведь знают, наверно: тепло на земле.

Тепло, когда дарят друг другу букеты
И взглядом лохматым не смотрит вражда,
Когда, оглашая гудками планету,
К любимым любимых везут поезда.

Полночные звёзды беспечны, как детство,
Они не боятся погаснуть вдали,
И мчатся, и падают, чтобы согреться
В полночном дыханье полночной земли.

И я, не скопивший за годы богатства,
Мечтою блуждающий, как пилигрим,
Надеюсь, что буду всегда согреваться
Горячим и верным дыханьем твоим;

Что мне не шагать по ухабинам грусти,
Не жить во вражде, в суете-маете…
И плещутся, плещутся, словно бы гуси,
Полночные звёзды в полночной воде.

• • •

Терзают ночь свирепые метели,
Холодной грустью снег летит опять.
Был Ваш уход — как выстрел на дуэли,
Он мог бы всё навеки оборвать.

Ушли Вы не спеша, несуетливо,
И надломилось сердце, но — терплю.
Совсем не потому, что терпеливый,
А потому, что нежно Вас люблю.

Мне всякий раз удачи не хватало
И слов, чтоб очень важное сказать,
Но то, что наши помыслы связало,
Сильней того, что может развязать.

Я задохнусь надеждой, Вас встречая,
Я превращу в рассвет любой закат…
Когда уходит женщина печальной,
То в этом лишь мужчина виноват.

Дверь

Не скитаешься и не болтаешься,
От дворовых забот — вдалеке.
Для одних так легко открываешься,
Для других же — всегда на замке.

Ты — обычная дверь деревянная,
И стоишь, никому не грубя.
Под тобою валяются пьяные,
И ногами пинают тебя.

В дни счастливые и несчастливые,
В дни печальных и праздничных дат
Больно бьют в твою грудь терпеливую
И в глазок, словно в душу, глядят.

• • •

Потеплели глаза у зари,
И объята покоем равнина,
Где в росе обречённых травинок
Отразились опять косари;

Где удачу пророчат грачи,
Где безумствует запах акаций
И где бабочки тихо садятся
На упавшие в травы лучи.

Что сказать? Человек я простой:
Мне наградой твой взгляд и отрадой,
Как цветение майского сада,
Как весны разнотравный простор.

И под лёгкие вздохи косы
Закружили под облаком птицы,
И ромашек пыльца золотится
На прозрачных крылах стрекозы.

● ● ●

Вот облаков витиеватый дым,
Вот горизонт—
 всё так легко и просто.
Но даже днём, когда не виден космос,
Вдруг ощущаешь робость перед ним.

Казалось бы, какая ерунда—
Трава у ног и радостный кузнечик.
А через них перетекает Вечность,
В песчинки превращая города.

Да, я, конечно, свой среди полей.
Под силу мне пересказать стихами
И тишины прозрачное дыханье,
И светлый шум печальных тополей.

И часто вечером, без суеты,
Задумчиво смотрю на мир огромный,
Но знаю, что окно родного дома
Светлее для меня любой звезды.

● ● ●

Уезжай. На прошлое не сетуй.
Ни к чему унылые слова.
Уезжай. Как отпылало лето,
Так сгорит осенняя листва.

Ты чертовски молода, и, чтобы
Шла сквозь дни любимой и любя,
В мир весны пускай везёт автобус
Из пришедшей осени тебя.

Что сейчас мои стихотворенья?—
Россыпь, в общем, невесёлых строк—
Я всего лишь осени мгновенье,
Я всего лишь сентября листок.

Видно, где-то есть, тобой обласкан,
Тот, кому уткнёшься ты в плечо,
Может, в Счастье[1], может быть, в Луганске,
Ну а может, где-нибудь ещё.

Я ведь ничего не обещаю,
Вот уедешь—и запрячусь в тишь.
Уезжай, я всё тебе прощаю,
Зная, что и ты мне всё простишь.

Уезжай туда, где есть ответы
На вопросы жизни непростой,
Где тебя с улыбкой доброй встретит
Кто-то по-апрельски молодой.

Но душа моя среди всех странствий
Вновь тебя обнимет горячо,
Может, в Счастье, может быть, в Луганске,
Ну а может, где-нибудь ещё.

● ● ●

Григорий жизнь невесело прожи́л.
Война. Послевоенная разруха.
«Прожил, а ничего не накопил»,—
Ворчала иногда жена-старуха.

Он понимал, что время—умирать,
Да всё дела… дела не позволяли.
И сыновей хотел уже позвать,
Да где там—забрались в глухие дали.

Но стало всё-таки невмоготу,
За горло взяли старые болячки,
И жизнь упрямо подвела черту,
Последний день Григорию назначив.

Вот так—когда Григорий тихо спал
И слышал, как негромко сердце бьётся,
Какой-то странный голос прошептал,
Что всё… что день последний остаётся.

Дед встал. Печально скрипнула кровать.
Взглянул в окно—земли сухие груды.
Подумал вдруг: «Кто ж для меня копать
Такую твердь суглинистую будет?

Как ни крути, а некому. Ну что ж,—
Прокашлялся. Погрел у печки спину.—
Возможно, завтра разразится дождь,
Промочит грунт. Тогда и опочину».

Прошёл неторопливо к образам,
Посапывая и слегка хромая.
«Моложе был бы—выпил бы сто грамм,
А так, пожалуй, похлебаю чаю».

Порой казалось—нету больше сил,
Ни капельки уже их не осталось,
А он, крестясь, у Господа просил,
Чтоб тучи поскорее собирались.

«Куда моей старухе яму рыть—
Ей жизнь давным-давно пора итожить.
А если б дождь прошёл, то, может быть,
Управился б сосед—он чуть моложе».

И дед терпел, хоть было всё трудней.
В груди давило. Губы сжал до боли.
Как будто был не в мазанке своей,
А там, под Оршею, на поле боя.

Хотелось показаться, уходя,
Таким, как был,—и крепким, и уда́лым…
Он умер через день, после дождя,
Когда земля сырой и мягкой стала.

1. Счастье—город возле Луганска.

Анатолий Вершинский

Тесный круг

На исходе дня

Дверной звонок ли, телефонный зуммер ли?
Иль ноет память, горькая досель?
Где сверстники мои? Иные — умерли.
А многие — за тридевять земель.

Годами, как рубахою смирительной,
спелёнат и не выпростаю рук.
Сужается воронкою стремительной
привязанностей прежних тесный круг.

На что наследье юности растратили?
На склоне жизни, на исходе дня
заслуженно в «старинные приятели»
мой старый друг разжаловал меня…

Ад земной

Разумеется, Данте велик
и Вергилий, его проводник,
именит, но едва ль достоверно
описание Ада — Инферно,
чьи подземные гроты они
обошли в стародавние дни.

Там искусны мучения плоти:
там гневливые тонут в болоте,
а убийцы — в кипящей крови,
там Иуда и Брут — визави
с пожирающим их сатаною.
Ад питается плотью земною?

Но куда же уходит, греша,
христианка дурная — душа?
Разлучённая с миром греховным,
подвергается мукам духовным,
обречённая вечно страдать
за отказ принимать благодать.

Послесмертие это и надо
обозначить под именем Ада.
А трясину кровавых болот,
где снедает нас ужас, как плод
поедают садовые слизни,
назовём преисподнею жизни…

Как встарь

Августовская ночь… Потанцуем?
За окошком сияет луна.
Я тебе не даю поцелуем
досмотреть продолжение сна.

До конца календарного лета
остаётся лишь горсточка дней…
Ты стесняешься лунного света
и сдвигаешь портьеры плотней.

Но впотьмах не заблудятся губы,
и дыханья сольются, как встарь.
Мы друг дружке по-прежнему любы,
а у любящих свой календарь.

«Место захоронения неизвестно…»

Помянем дедушку Петра
победною весной!
Не виноваты доктора:
война тому виной,
что канул дедушка во мрак
в числе других больных
в могиле, общей, как барак
брюшнотифозный их.

У смерти логика своя:
нагрянула война —
и значит, каждая семья
отдать ей дань должна.
На поле брани пасть могли б
отец мой и дядья.
Но дед один за всех погиб…
до фронта не дойдя.

Не годный к службе строевой,
сражался не в бою —
как трудармеец рядовой
он принял смерть свою.
Залили хлоркой дедов прах
в одной из тысяч ям…
На чьих мы топчемся костях,
никто не скажет нам.

В ожидании героя

Юные нуждаются в кумирах.
С детства у читателей в чести
фэнтези, где немощных и сирых
сильные стараются спасти.

Маясь от назойливого стука
дождика ночного у крыльца,
вместо сказки лучше перечту-ка
записи покойного отца…

Скромному курсанту лётной школы,
лишь по сводкам знавшему врага,
в сорок третьем славный и тяжёлый
выпал жребий—Курская дуга.

Полк их, силу вражью перевесив,
стал подобен мстящему клинку.
Где судьбу испытывал Маресьев?
В этом истребительном полку!

Сдюжил, свыкся с болью от протезов…
Накрепко запомнил мой отец
то, как, тройку «фокке-вульфов» срезав,
ас пошёл снижаться наконец.

До аэродрома незадолго
кончился бензин, и верный Ла-
пятый на одном лишь чувстве долга
долетел! Судьба не подвела.

И качали лётчики пилота
за его отвагу и талант.
И гордился этим отчего-то
мой отец, механик-практикант…

Персонажи сказочные кру́ты,
я за добрый вымысел—горой,
но зовёт на подвиги не дутый,
не воображаемый герой.

Цифровое поколение

Пристрастья наши экзотичны.
Нам явь—иллюзии скучней.
У нас наушники-затычки
лапшой свисают из ушей.

Мы, став придатками к айфонам,
с экранов их не сводим глаз.
Звоним таким же пустозвонам.
Строчим строчилам вроде нас.

Давно отнятые от соски,
но чисто чадушки душой,
забыли мы наказ отцовский:
«Расти большой, не будь лапшой!»

Маски

Экранизатор сказок и легенд,
какой удел героям уготовишь?
Сюжетное клише киношных лент—
красавиц отдавать во власть чудовищ.
Историю про сорванный цветок,
которую поведал нам Аксаков,
в пример не ставьте: вовсе не жесток
её герой—лишь с виду одинаков
он с монстрами из мифов и былин.
Добросердечен грозный исполин!

Но истинно лихие персонажи—
как стали Змей с Кощеем и Ягой
незлыми по сценарию и даже
исполненными кротости благой?
Вручите бесам ангельские маски—
и демоны в раю найдут приют?
В жар-птиц не обратятся в русской сказке
стервятники, что души в нас клюют!
Пусть вид наружный будет одинаков,
не станет правдой ложь от смены знаков.

Вослед

На ступени движущихся лестниц
будним утром, ближе к девяти,
всходят стайки офисных прелестниц.
От иных и глаз не отвести.

Я ли зорче сделался с годами?
Или стала жизнь и впрямь сытей,
и природа чудными чертами
жалует щедрей своих детей?

В залах из бетона и металла,
в бухтах у лазоревых морей
граций воплощённых больше стало,
чем встречалось в юности моей.

С чувством правоты неколебимой
это подтвердит моя жена,
чья краса единственной любимой
трижды в дочерях отражена…

Со ступеней движущихся лестниц,
торопясь на службу к девяти,
сходят стайки дочкиных ровесниц.
Доброго, голубушки, пути!

Дай вам Бог удачи легкокрылой.
Нам же—помнить, глядючи вослед:
нет на свете женщин краше милой,
как дороже дома—крова нет.

Александр Балтин

Калужская элегия

Улица Дарвина

На улице имени Дарвина
Достаточно старых домов.
Реальность, какая подарена,
Не терпит оценочных слов.

А вот монастырь—и отстроенный.
На клумбах пестреют цветы.
И смотришь на мир, успокоенный
Сейчас созерцанием, ты.

Изломами улица движется.
Дворы, тут сирень отцвела.
А дуб—исполинская ижица.
На ниточку памяти нижутся,
Как бусинки, смысла слова́.

Пятницкое кладбище

Пятницкое—старое весьма:
Века полтора на нём хоронят.
Траурное в карканье вороньем
Нечто слышишь. И скрипит зима.

Летом зелень мощная густа.
Ангел крашен серебрянкой возле—
Возле входа…
Что узнаем после
Смерти? Мыслишь около креста.

Церковь. На аллее сумма лап
Хвойных зеленеет очень сочно.
И оркестра слышу сбитый лад.
От Второй сонаты шибко тошно.

Но бывает, посещенье для
Сердца—как инъекция покоя.
Ибо уравняет всех земля,
А душа забудет про земное.

Калужская элегия

Здесь жили родственники дяди:
Стареет дом, запущен двор.
Мой детский мир давно украден,
Ведь возраст действует как вор.

Я старым храмом очарован—
Он возведён в два этажа
И нежно небом окантован,
Чтобы работала душа.

А булочной большие стёкла
В рисунках—булки, калачи.
В чужом окошке песня смолкла—
И где теперь её лучи?

Растут колонки из асфальта,
Как исполинские грибы,—
Из них и пьют не без азарта,
Устав от будничной ходьбы.

— В твоих поступках смысла нету!
— А твой совет—белиберда!
Мешают внутреннему свету
Чужие ссоры иногда.

Проспект, стремящийся куда-то.
Овраг под Каменным мостом.
И редко радостные даты
Отменят мысли о былом.

А деревянные домишки
Противоречат скоростям.
И возятся в пыли детишки,
Презрев запреты милых мам.

От Москвы до Калуги

От Москвы до Калуги
Путь извилистый, с островками
Перелесков, пространством лесов и мостами, что вдруг
Наплывут, изменяя округи
Внешность грохотом—в этакой гамме
Не живёт сокровенный звук.

Ну а вот городков острова—скажем, Нара,
Где собор светло-жёлтый велик.
Я дороги усвоил язык.
Вот сидит у окошка красивая пара.
Рядом—дремлющий пьяный старик…

Там, в Калуге, часть детства прошла—
Жил у дяди и тёти на даче—
Ароматна трава,
Огород.
Пожелай, пожелай мне удачи,
Птица детства—
Слежу твой полёт.

Дача эта цела,
Нет давно уж ни тёти, ни дяди,
Помяни их, мой стих,
Разместившись в тетради
Меж других же печальных таких.

Снова стук-перестук—
И колёса ведут диалоги,
Непонятные мне.
Выделяется сук
Дуба старого—встал у дороги,
Был зелёным весьма по весне.

Ныне осень—златые круги
И багровые пятна—
Хорошо хоть не реки небес
Цвет багровый впитали.
Поскольку ни зги
Не увидим мы в будущем—хочешь обратно
В детский лес.

Детский лес,
Где поляны грибов шаровое значенье имели.
К жизни гаснет с годами иль нет интерес?
Удаляясь от цели,
Сам ты будто бы противовес
Дармовому успеху,
Рабом какового стать многие слишком успели.

А в Калуге занятного много—допустим, ряды,
Те, торговые, их лабиринт, повороты. А дальше проулки,
Зал Танеевский, Каменный мост и овраг.
Церкви старые ты
Изучил, отдаваясь теченью прогулки
Много раз.
А над бывшим обкомом—теперешний стяг.

Электричка бежит.
Озерцо, дальше речка, а вот
Старый-старый погост
За деревней, чьи крыши пестреют.
Сортирует ли мозг наблюденья? Вот мост.
Перелесков цвета пламенеют.

С толком прожил ты сорок
Или нет?
Электричке сие всё равно.
Рвёт пространство, куски отлетают.
Впечатлений занятен ли ворох?
Но ты сам—выбирающий свет:
Значит, мелочи все отступают
Ради музыки света—которой прекраснее нет.

Улица Набережная

Я помню все детали тех стареньких домов,
Сереющую реку и параллельный ритм
Её однообразных зелёных берегов
С дорогою, ведущей…да нет, совсем не в Рим.
Домишки обветшали, и жёлтый цвет гнетёт.
Мутнеющие стёкла ломают денный свет.
Бельё висит. На лавке свернулся рыжий кот.
На яблонях и грушах плодов красивых нет.
В узлы не заплетутся над миром облака,
Они продолговаты и связаны с дождём.
Но раз не обмелела до наших дней Ока,
То жизнь не оскудела ни мёдом, ни теплом.

● ● ●

Во дворе девятой школы
Много щебня и травы.
Мне сегодня коридоры
Плохо помнятся, увы.

Не забыть, однако, классы.
Окна тусклые блестят,
Нежно вечер принимая—
Золотящийся закат.

Мятлик, лопухи. Поганки—
Не губи их! Удержись!
…Просто долгой оказалась
Очень маленькая жизнь.

Игорь Хохлов

Рабочая улица

* * *

Себя обретаешь ты в городе тихом:
У города тихого в сердце—река,
за городом тихим растёт земляника,
над городом тихим плывут облака.

И время течёт, словно в детстве, неспешно:
и думаешь—час, но прошло пять минут,
и ты забываешь, что смерть неизбежна,
и вовсе о смерти не думаешь тут.

А думаешь завтра за город поехать
по ягоды, рано, ни свет ни заря,
не станет туман невесомый помехой,
и милое дело себя так сверять

с собою самим. Настоящим. Таким, как
когда-то давно был. А вспомнить—легко.
«Заезженную,—скажут,—снова пластинку
включил ты». Простите. Но звук-то—каков!..

* * *

В сентябре арбузы слаще,
дни короче, злее осы.
Вспомни, мальчик, был ли мальчик,
задавал ли он вопросы
о мироустройстве, или,
проще, о грибах на зиму?
Мысли-пули бьют навылет
чётко и необъяснимо.

Музыкальная шкатулка
отыграла, отыграла.
С памятью по переулкам,
значит, проходить сначала.
Переулки, перестуки,
дождь с утра, грибы в корзине,
осень с привкусом разлуки,
деревенское предзимье.

…От арбузов—только корки,
а грибы уже в кастрюле.
День печальный, день недолгий,
мы тебя перечеркнули.
Календарь настенный тонкий—
не такой, как в январе был,
и устраивают гонки
тучи пó небу, по нéбу.

* * *

Путь от знакомого до брата—
и путь болезненный обратный…
А так, казалось, будет век:
вино, ночные посиделки,
сентиментальный первый снег
и стопки книг на этажерке
закрывшихся библиотек.

Не будет клятв и заверений,
пронзительных стихотворений,
а дружба—лишь бензопила,
а дружба—только радиола,
но всё-таки она была,
но позабыты разговоры
теперь—источники тепла.

А мостик к прошлому расшатан:
холодное рукопожатье—
не друг ты, друг, не брат ты, брат.
Нет посвящений в новых книгах,
и вряд ли кто-то виноват,
но ходишь-бродишь, как расстрига:
вперёд-назад. Вперёд-назад.

* * *

Мы к счастью разными путями
идём, как грибники в лесу,
но прошлое назад нас тянет,
и память хлещет по лицу.

И это нас объединяет—
мы верим в то, что не вернёшь.
Дорога, говорят, иная
есть? Кажется нам, это—ложь.

И возвращаемся назад мы,
в исходный пункт—чего-то ждать:
ведь снова вход закрыт парадный—
заходим с чёрного опять,

как будто сами—чернь и челядь
и милости особой ждём,
не зная сами, что же делать
и как подумать о другом.

• • •

Вот улица Рабочая и дом шестьдесят три,
и мысли так рокочущи—*что, память, говори!*
О вишне и смородине, черёмухе в саду,
о всех дорогах пройденных—на счастье ли, беду.

Вот улица Рабочая. А дом чужой давно.
И кто-то неразборчиво о чём-то говорит.
Что, новые хозяева, вам так уютно в нём
встречать дожди и зарева, апрели, январи?

Не попрошусь на чай-вино, на пироги-блины,
я промолчу отчаянно—удовлетворены?..
Конечно, понимаете, что к вам несправедлив—
простите! Просто в памяти—один сплошной нарыв.

Вот улица Рабочая. Мне скоро уезжать,
но гостем на обочине пока что постою.
Когда умру—я думаю, сюда моя душа
вернётся, в дом, в избу мою, деревни на краю.

• • •

Валентина Ивановна Пастушкова
продавала прекраснейшее молоко:
вспоминаю об этом я снова и снова—
вместе с мамой идём мы за ним вечерком,
и Рабочая улица к тропам приводит—
козьим тропам, а дальше—проход по мосту,
и песчаный овраг—метров тридцать он вроде
глубиной. Ничего, рядом смело пройду!
Суетятся стрижи, ведь в овраге—жилища,
Но по-варварски мусор под ними лежит.
Ничего! Прочирикают, что и почище
повидали они в птичьей жизни, стрижи.
Вот Советская улица и сельсовета
образцовое здание, словно в кино,
но нам дальше. Нас ждут в понедельник и в среду,
и в субботу нас ждут, так вот заведено.
…Валентина Ивановна Пастушкова,
улыбаясь, два литра с собою даёт,
и молочное, точное теплится слово.
Девяносто восьмой ли, девятый ли год.

• • •

Вот горькая гора, вот кладбище на ней,
как будто бы во сне, как будто бы во сне
идёшь и видишь: вот—могилы и кресты,
и надписи на памятниках все просты.

Здесь бабушка и дед лежат в земле сырой,
и снег лежит вокруг, как будто серебро,
и всё белым-бело, и всё белым-бело,
а под горою горькой—старое село…

• • •

Встаёшь. Разлепляешь глаза только в ванной—
немилое мыло стремится в глаза.
Зачем подниматься так рано—так странно,
за окнами вьюга, темны небеса.

Включается радио. Что о погоде?
И что посоветует музыковед?
Я дома остаться сегодня не против,
качаться себе на волнах УКВ.

Скажите, что холодно, что—минус тридцать,
да нет, минус сорок—чтоб наверняка,—
но, видимо, снова от школы не скрыться:
тетради с пеналом ты в пасть рюкзака

кладёшь. Собираешься. И полушубок
напяливаешь, сам себе Филипок,—
обманывать плохо, обманывать глупо,
что, дескать, расклеился и занемог.

Но так хорошо, что ещё до уроков
есть целая вечность, ещё—полчаса,
и время подумать, кривая дорога,
и вьюга в придачу к сырым небесам.

• • •

Возьмёт припомнится, приснится
как будто бы из ничего
обыкновенная вещица
из мира детства твоего.

И станет поводом для строчек
или хотя бы для одной:
на кухне с чесноком чулочек
и вентилятор «отставной»

из алюминия. Мы с дедом
продали, разобрав, его:
цветмет. Да Бог с ним, с тем цветметом.
Я помню это для чего—

кастрюлю с крышкою отбитой,
конфеты «Маска», *те* ещё?
Продукты и предметы быта
берутся памятью в расчёт.

Но сам себе отвечу я так:
из этого растёт она—
поэзия, и так порядок
наводит в мыслях старина.

Юлия Нифонтова

Подарок колдуна

...Ничего не может проиграть женщина, гадающая для подруги; разве что такие пустяки, как любовь и счастье...
Елена Толстая. Адмиралъ

«Она! Снова она!» — Аня с тоской смотрела в окно, наблюдая, как на школьном крыльце топчется невысокая женщина, одетая нелепо и словно с чужого плеча. «Боже, как стыдно! — в отчаянии Аня уронила голову на свой учительский стол так резко, что больно стукнулась лбом. — Ученики ведь смотрят. Коллеги уже косятся. Ну сколько можно-то?» Действительно, бесчисленные неугомонные клиенты, или «ходоки» (как она их называла), разрушили, по мнению Ани, не только её психику, но и семью.

И хотя Аня никак не могла запомнить имя женщины, она отлично знала, для чего та частенько поджидает её после уроков. Сто́ит лишь попасть в её поле зрения, как эта монашеского вида скромница встрепенётся, кинется на шею, словно к родной матери, и начнёт безостановочно причитать, рыдать, умолять, заглядывая в глаза. Видеть это почерневшее от горя лицо, слышать бесконечные вопросы о том, выживет ли её тяжело больной сынишка или нет, было Ане уже совершенно невыносимо. Она знала, что мальчик обречён. Об этом ясно свидетельствовали «траурные» линии на ладонях женщины, но признаться в этом обезумевшей от горя матери Аня была не в силах.

Необъяснимый жутковатый талант хироманта приносил Ане всё больше и больше тревог и горестных разочарований. Она и сама не заметила, как из застольного развлечения и потехи гадание по руке превратилось в тяжкое бремя. И когда только вездесущее сарафанное радио успело разнести слухи о её необыкновенном даре далеко за пределы родного города? Откуда узнали о ней все эти многочисленные «ходоки» из соседних областей и даже столичные звёзды, оставалось только догадываться.

Муж Никита долго терпел вторжение армии страждущих в их малогабаритную «двушку», в которой они ютились совместно со старенькой Аниной бабушкой и маленькой дочкой. Точнее, нашествие началось даже раньше, когда их семейство ещё обитало в частном бабушкином домишке на окраине города. После переезда они надеялись затеряться и пожить спокойно, но не тут-то было! «Ходоки» находили повсюду! После жёсткого ультиматума супруга: «Или я, или они», — Аня строго-настрого запретила навязчивой клиентуре даже появляться на пороге их жилища, надеясь, что на работе поток визитёров остановит бдительная охрана.

Однако путём уговоров, слёз, хитростей или демонстративного игнора «ходокам» всё же удавалось прорываться через вялых школьных секьюрити. Хоть Аню весьма высоко ценили в коллективе как талантливого и перспективного словесника, но без силового вмешательства администрации не обошлось. Первым делом её серьёзно предупредили о том, чтобы она во что бы то ни стало пресекла поток нежелательных гостей в учебное заведение. Жалкие попытки поменять номер телефона и спрятаться от докучливых посетителей ни к чему не привели. Не спасло это от нескольких сердитых выговоров раздражённого начальства. Да и без развода, к сожалению, тоже не обошлось. Муж начал погуливать, а потом и вовсе уехал в столицу, ограничив общение переводом алиментов.

Общаться с некоторыми из Аниных клиентов было иной раз неприятно, а порой даже опасно. Многие толстосумы, например, почему-то считали, что гадалка может не только прочитать их жизнь по ладони, но ещё и как-то исправить. На прошлой неделе её вообще выкрали из школы самым бесцеремонным образом. И кто бы вы думали? Не зарвавшиеся от шальных денег братки́ с ожиревшими загривками, не осатанелые от вседозволенности властные мужи, не наркоманы с отмороженными глазами, а прекрасные хрупкие девушки, будто отштампованные по образцу куклы Барби.

Яркая стайка дева́х вызвала Аню прямо с последнего урока, благо класс писал сочинение и звонок должен был прозвенеть с минуты на минуту. По-видимому, вечно похмельный заспанный школьный охранник не стал для них сколько-нибудь серьёзной преградой.

— Привет, мы от Викуси.

Затем на обескураженную Аню обильно посыпались фальшивые улыбки и дежурные поцелуйчики. Подружки нежно защебетали о том,

что в неких загородных апартаментах стынет шампанское и что уже пора—труба зовёт, да и приключения не за горами и так далее. Не успела Аня очнуться от наведённого дурмана, как дорогой автомобиль умчал её от места работы и привычных забот. Отрезвления не наступило и после того, как они оказались в шикарном коттедже элитного пригородного посёлка. В какой-то момент Аню словно накрыл весёлый хмель беззаботности, когда, как гласит народная поговорка, любое море по колено. Ей даже почудилось, что и она тоже такая же яркая, богатая, свободная и живёт некой совершенно другой, чужой, необыкновенной жизнью, как все эти прекрасные девушки, напоминающие биороботов из фантастического блокбастера.

Кто такая была та мифическая Викуся, да и все эти расфуфыренные девицы, так и осталось невыясненным. Каждую точёную «Барбию» (этак в раннем детстве называла американскую куклу Анина дочурка) можно было отнести как в разряд жён олигархов (равно криминальных авторитетов), так и к прекрасным представительницам золотой молодёжи местного разлива.

Однако причина столь жгучего интереса к скромной Аниной персоне была ясна изначально. По-быстрому накачав гостью шипучим вином, девицы стали наперебой совать ей под нос свои ладошки. Алкоголь всегда помогал гадалке моментально погружаться в нужное состояние. «И понеслось!—как любила говорить Аня.—Дверца открылась!» Густонасыщенное знание о том, что было-есть-будет, словно непомерно тяжкий груз, рухнуло прямиком в бедную Анину голову, и она, впав в мистический транс, едва успевала проговаривать выскакивающие из подсознания сведения.

Видимо, то, о чём рассказывала Аня, было столь точно и правдиво, что девушки изначально чуть не передрались за право услышать предсказание первой. Но затем быстро смекнули, что не пристало выкладывать столь интимные подробности на всеобщее обозрение. Быстро организовав очередь, они отваживались подходить по одной, и то лишь после разрешения. Слава Богу, что после сеанса Аня мало что помнила из сказанного, иначе отравилась бы чужими тайнами самого омерзительного свойства и давно бы потеряла веру в человечество. После пытки девичьим прошлым и будущим обессиленную Аню отправили домой на такси. Девушки, потрясённые услышанным, заметно подрастеряли недавний кураж. Но не меньше поразило их и то, что вещунья наотрез отказалась брать плату за своё удивительное искусство.

И всё же на следующий день в Анину квартиру занесли презенты: огромную корзину цветов, ящик коллекционного шампанского, а также толстенный фолиант «Курс хиромантии» национальной академии Монреаля. «И где только эти дурёхи достали столь редкий учебник, да ещё в русском переводе?—недоумевала Аня.—Да и на фига он мне вообще сдался? Им же не объяснить, что линии и бугорки на ладонях да разгадывание хитросплетений чёрточек на коже—это лишь изначальный пин-код, некий ключ от той самой заветной „дверцы“. А уж когда она откроется, то знание польётся полноводной рекой, что протекает по бескрайней Вселенной, и нет той реке ни начала, ни конца… и нет этому объяснения…»

Аня печально усмехнулась, припоминая своё недавнее приключение и то, какой горький привкус оно оставило. Вспомнила, как смотрела на неё заплаканная дочка, как тихонько дёргала за рукав, да так и не дождалась ласки и внимания от отяжелевшей и безразличной ко всему родительницы. С каким укором и затаённой болью глянула на пьяную внучку бабушка, но лишь поджала губы и молча скрылась, будто убегала от какого-то страшного непотребного зрелища.

Однако сколько ни оттягивай неприятный момент, а пора было выдвигаться с опостылевшей работы: в условленном месте уже поджидала Аню верная-любимая-единственная подруга ещё с детсадовских времён—Яночка. Выглянув из школьных дверей, Аня не увидела скорбного силуэта просительницы, и душа её возликовала. Но не тут-то было! Не успела девушка сделать и десятка шагов, как та вылетела из-за угла здания и набросилась на Аню, словно оголодавшая кошка на мышь, которую долго подстерегала в засаде:

—Аннапална! Аннапална! Посмотрите, пожалуйста! Ну одну всего секундочку! Может, что-то изменилось вот сейчас?!—взахлёб лепетала женщина, пытаясь поднести ладони к Аниным глазам.

—Нет, не вижу никаких изменений,—упорно отворачивалась Аня, желая поскорее отделаться от женщины.

—Да вы получше, получше посмотрите! Вы ж и не глянули даже как следует! Я ж к вам два часа на перекладных из Лавренёвки летела сломя голову. Ведь вчера доктор сам сказал, что полегчало мальчику-то моему!

Аня с интересом взглянула на ладонь женщины, но в ту же секунду опустила глаза. Снова она наткнулась на чёткие знаки близкой и неминуемой смерти ребёнка. Но, как и ранее, язык не поворачивался сказать об этом обезумевшей от горя матери.

«Эх, пусть меня лучше считают плохой гадалкой»,—с горечью вздохнула Аня, решившись на ложь.

—Да, действительно, вот тут небольшое улучшение наметилось… но пока сложно что-то определённое сказать,—прошелестев это одними губами, Аня потупилась и густо покраснела, что вовсе не смутило несчастную.

—Ой, да спасибо ж вам! Огроменное какое спасибо-то вам! Нате-ка возьмите!—женщина стала

суетливо открывать старенький засаленный гомонок, из таких, какие остались только у совсем древних деревенских бабушек.

Увидев протянутые купюры, Аня взревела, как ужаленная. Выпалив своё постоянное: «Не надо!» — отмахнулась от женщины и стремглав побежала прочь, не оглядываясь.

Яночку было заметно издалека; словно волшебный аленький цветочек, освещала она своим ярким нарядом тусклый пейзаж провинциального городка. Модница всегда умела удивить окружающих неожиданными и смелыми решениями в гардеробе. Едва завидев Аню, девушка замахала руками столь энергично, что казалось, будто сказочный цветок затрепетал от сильного порыва ветра.

— Да ты где ж так долго-то? Там же очередь длиною в товарный состав и запись за два месяца! — беззлобно отчитала Аню подруга.

— Так, ты куда меня снова решила втравить?

— Вот тебя как раз совсем никуда не собираюсь. Это ж сам Марэ́й! Знаешь, сколько я денежек отвалила, чтоб к нему на аудиенцию попасть? Три твои учительские зарплаты!

— А я-то тебе для чего? Я не собираюсь свои кровно заработанные на каких-то очередных аферистов спускать.

— Да с чего ты взяла, что он аферист? К нему даже из заграницы (!) ездят, а кто у него побывал — те просто в шоке!

— Оно и понятно, будешь тут в шоке — если столько денег зазря просадить. Ко мне вон тоже ездят, слава Богу (!), пока не из заграницы, а только из ближайших сёл. Но достаточно вспомнить твои идеи последних лет, — Аня начала перечислять подружкины «косяки» спокойно и подчёркнуто, внятно проговаривая каждое слово, как на диктанте. — Вот, например, продажа парфюма, который оказался с запахом жжёной резины. БАДы и витамины, от которых непременно случались понос и аллергия. Наискорейшее обогащение на ниве страхования, когда нам пришлось через слёзы и запугивание полицией возвращать свои собственные деньги. А чего стоил бесплатный сеанс омолаживающего массажа, когда нас не выпускали из кабинета, принуждая взять кредит! Пришлось откупаться номерами мобильных телефонов всех знакомых и родственников! Ещё или хватит?

— Да уж, достаточно. И на ту псевдостраховую компанию, между прочим, вовсе не я, а ты первая клюнула. Но тут совсем другое. Верняк! Такой, говорят, мощный экстрасенс! Повезло невероятно, он вообще последний месяц народ принимает, потом его в команду президента забирают, во!

— Ну, остаётся лишь поздравить чародея с повышением. Только я-то тут при чём?

— Анечка, милая, ну как ты не понимаешь? Страшно мне! Вот страшно до жути, и всё!

— И для чего тебе тогда загорелось непременно лезть в логово этого монстра? Не хватает драйва в унылых буднях?

— Да потому! По-то-му! Только Марэ́й сможет мне точно сказать, ехать мне к Адольфу или нет…

— Моя бабуля говорит, что твоего Адольфа нужно было за одно только его имя расстрелять ещё в сорок пятом!

— Вот зря ты так! — вспылила Яночка, и в её голосе зазвенела неожиданно высокая и напряжённая нота. — Адик, между прочим, прекрасный человек! Получше некоторых мужей! Он бы никогда жену с маленькой дочкой не бросил на произвол судьбы, как твой бывший.

— Да никто меня не бросал, я Никиту сама выгнала!

— Ну да, конечно, сама, как же! — хмыкнула Яночка. — А то, что ты постоянно намекаешь, что Адик намного старше меня, так муж и должен быть старше жены. И не было его ещё в сорок пятом даже в помине, Адик только на двадцать лет меня и старше, ну на двадцать три… ну четыре…

Казалось, Яночка вот-вот расплачется, защищая любимого, дёрнет плечиком, демонстративно отвернётся и уйдёт. Но вместо этого она крепко схватила подругу за руку и потянула в сторону центральной площади:

— Давай-давай, мы уже опаздываем! А там вообще всё очень строго. Объяснять теперь уже некогда, просто молчи и ничему не удивляйся.

«Хорошенькое начало: не удивляйся! Да если даже этот Марэ́й окажется чёртом с рогами, после всех Яночкиных затей я уже ничему не удивлюсь!» — думала Аня, когда они подошли к помпезному зданию магазина «Калигула», что мозолил глаза неуместной роскошью в самой сердцевине скромного города. Но оказалось, что знаменитый колдун вовсе не такой уж выпендрёжник и пижон, потому что от пафосного краснокаменного «храма» римскому императору, понтифику и развратнику они направились во дворы — к серенькой, ничем не примечательной хрущёвке. «Ну, понятно — на аренду офиса в престижном торговом центре деньжат не хватило», — мелькнула в Аниной голове ехидная мыслишка, которую она из осторожности уже не стала озвучивать издёрганной и взволнованной Яночке.

Аня знала и втайне с ужасом ждала того момента, когда подруга решится на переезд к возлюбленному и им придётся расстаться — скорее всего, навсегда. Аня гнала от себя неприятную, болезненную мысль, но для всех вокруг, даже для наивной Аниной бабушки, с каждым днём становилось всё очевиднее, что в конце концов Яночка уступит настойчивым ухаживаниям пожилого опытного немца и укатит с ним в Мюнхен на «пэ-эм-же».

Старый лис был до самозабвения влюблён в Яночку, это было видно уже по тому, как он

начинал растерянно хлопать белёсыми ресницами при виде дамы сердца, а в его колючем взгляде стремительно таяли холодные льдинки, делая глаза похожими на два маленьких голубых озерка. Адик был весьма занят на работе в банке, но мотался в сибирскую глубинку как минимум три, а то и четыре раза в год. Благодаря ему провинциальная медсестра Яночка систематически выезжала то в европейские столицы, то на экзотические азиатские курорты.

Адик официально посватался к Яночке аж четыре года назад. Тогда на эту церемонию все родственники и друзья были приглашены в любимый ресторан жениха «Ёлки-палки». Эти дешёвые пункты питания в псевдонародном стиле густо расплодились тогда по всей стране. «Представляете, прикол: Адик думает, что эти идиотские „Ёлы-палы“ и есть наш самый настоящий русский национальный дом,—со смехом рассказывала приятельницам Яночка,—как будто у нас посреди нестроганой хаты телеги с салатами стоят! Серьёзно говорю. Мой Адик вообще обожает всё русское. Да! Он даже язык начал учить. Так потешно! Представляете, на ярмарке алтайского мёда купили ему вышитую косоворотку, так он её до того залюбил—носит дома не снимаючи и даже спит в ней!»

Конечно, Яночку тогда насторожило, что жених не больно-то разорился на праздничный стол, да и гости были несколько обижены отсутствием спиртного. Вместо вина в бокалах плескался любимый Адиком клюквенный сок. Однако ж когда невеста ответила согласием и нежно поцеловала его в крючковатый нос, жених, зардевшись, как маков цвет, раскошелился на единственную бутылку шампанского. «Ничего, зато не будет водку жрать, как наши мужики!»—успокаивали Яночку родственницы постарше, что успели натерпеться всяческих бед от извечного русского недуга своих супругов.

Поначалу Яночку очень коробило, что после каждого обеда в ресторане Адик требовал упаковать ему остатки еды в контейнеры для продуктов и непременно забирал объедки с собой. Не брезговал он доедать с Яночкиной тарелки и допивать из её бокала, даже если за столом, кроме них, присутствовали другие, порой малознакомые люди.

Из гостиничных номеров Адик никогда не забывал уносить с собой все одноразовые «мыльно-рыльные» упаковки и складывал их потом в большой круглый аквариум в своей стерильной ванной комнате. В аквариуме уже почти не осталось места, а маленькими мыльцами и шампунями никто и не собирался пользоваться (Адик мыл голову только специальным средством против облысения). Но рачительный хозяин всё равно увозил с собой всю мелочёвку и очень радовался, когда в номерах отеля для постояльцев полагались одноразовые тапочки, которые тоже годами копились в его доме на антресолях, в нераспакованных целлофановых пакетах. Однако и тут Яночка придумала оправдание для любимого: «А что? Всё в дом! Не то что непрактичные одногодки, всё готовы по ветру пустить. А у Адика и домик как игрушечка, и автомобиль, и клумбочки, и в доме—всё к делу!»

Адик, надеясь на кратковременный и ни к чему не обязывающий роман с русской барышней, влип в отношения, словно комар в смолу, которая уже затвердела и стала превращаться в янтарь. Приятная девушка с кукольным личиком и звонким детским смехом поначалу показалась ему лёгкой добычей. Но время шло. Невидимые нити, привязавшие его, матёрого, прожившего трудную жизнь «мэтра экономики и кредитования», превращались в путы, в верёвки, в канаты. А Яночка не торопилась с ответом, её как будто всё устраивало. Беспечная молодая особа крутила им как хотела. Особенно злили Адика значительные траты на поездки, которых он мог избежать, если бы они жили вместе в его чудном уютном доме.

Аня знала о сомнениях и страхах доверенной подруги, недаром они дружили с дошкольного возраста. Яночка действительно стояла перед непростым для неё выбором: оставить дружную семью, медицинскую династию, хоть и трудную, но всё равно любимую работу и стать домохозяйкой в чужой стране с непомерно бережливым супругом.

Тем временем, пока Аня размышляла над перипетиями подружкиной жизни, они подошли к ничем не примечательному подъезду. С этого самого момента удивление не оставляло Аню. Оказывается, заходить нужно было даже не в подъезд, а в подвал. На облезлой стене сияла вызывающе яркая вывеска тренажёрного зала, на которой были изображены брутальный качок и сексапильная красотка с увесистой гантелей в руке.

Действительно, спустившись по узкой лестнице, круто уходящей вниз, девушки оказались среди тренажёров и спортивных снарядов. В полутёмных залах со спёртым воздухом не было ни окон, ни кондиционеров, кое-где по углам бряцали железом одинокие угрюмые люди. Могло показаться, что это некое убежище гонимых подпольных физкультурников.

Они прошли первый, второй, третий отсек спортивного бункера, а он всё не заканчивался. Если бы Ане тогда сказали, что это только начало пути, она ни за что бы не поверила. После десяти минут быстрой ходьбы они миновали и душевые кабинки, и густые испарения подземной сауны. Затем потянулись обыкновенные подвальные коридоры с мышиным запахом, начинённые большими и маленькими трубами неведомых коммуникаций. По Аниным предположениям, они прошли расстояние, как минимум равное

десятку таких хрущёвок, и, судя по направлению движения, находились уже где-то под центральной площадью города, и над ними шло интенсивное дорожное движение. Наконец она не выдержала:
— Слушай, я вообще-то не собиралась так глубоко погружаться в андеграунд! Твой колдун подрабатывает в царстве Аида?
— Ш-ш-ш, уже пришли,— неожиданно тихо и сдавленно прошипела девушка.

И действительно, отворив очередную дверь, путешественницы оказались в небольшом холле, который по интерьеру вполне можно было бы принять за платную поликлинику, если бы не полное отсутствие окон. За стойкой «регистратуры» им приветливо улыбалась симпатичная девушка:
— Все уже собрались, ждём только вас, Яна. А почему вас двое?
— Это моя близкая подруга… просто поддержать пришла…
— Хорошо, тогда напоминаю: по правилам магистра Марэ́я, вся группа пациентов, записанных на сегодня, находится в зале ожидания. Пациенты могут говорить только шёпотом и не выясняют очерёдности. Магистр Марэ́й в нужное время сам выйдет в зал и пригласит на приём того пациента, кого посчитает нужным. Максимальное время, которое вы можете провести в зале ожидания,— три часа, затем работа магистра на сегодня будет завершена. Даже если вас не вызовут вообще, знайте: магистр Марэ́й работает с вами, и ваша проблема разрешится в кратчайшие сроки.
— А если нет?— Аня с вызовом взглянула в округлившиеся глаза девушки.— Если вот, например, не разрешится? Тогда что?
— Таких случаев ещё не было,— парировала регистраторша со спокойной убеждённостью в голосе.— Проходите.

В полутёмном зале, напоминающем комнату отдыха частного санатория, по всему периметру стояли диваны и кресла, в которых расположились люди. «Восемь человек,— быстро сосчитала Аня.— Значит, Яночка должна была стать девятой, а тут ещё я припёрлась».

Интерьер дополнял низенький круглый стол, стоящий посреди комнаты. Тусклый оранжевый ночник с трудом освещал помещение, растворяя силуэты людей в темноте. Вместе с тем мягкий тёплый свет погружал в некое заторможенное, дремотное состояние, при котором не хотелось ни шевелиться, ни разговаривать. Всё пространство было устелено коврами и пледами, повсюду валялись маленькие и большие подушки. Почти все люди разулись и забрались с ногами на кресла, а те счастливчики, которым достались диваны, и вовсе возлежали на них, словно римские патриции на пиру.

«Может, тут так положено? Развалиться эдак фривольно, как у себя дома, раз такие деньжищи отвалил. Да ещё не факт, что мистер-магистер вообще тебя примет. А что? Классно устроился! А Янка — дурочка, повелась на такой дешёвый развод!» Но как только девушки присели на диванчик, то словно провалились в пуховое облако. Последовав примеру остальных посетителей, они скинули обувь и легли поудобнее.

Аня разглядела на стене часы весьма странного вида. Нет, они не были какой-нибудь вычурной формы, просто круглые, и стрелки — самые обыкновенные, только светились вместе с цифрами зеленоватым фосфорическим светом, тоже, в общем-то, вполне привычно. А необычным было то, что на циферблате имелось только пять цифр: 6, 7, 8, 9 и 12. После того как девушки расположились, начался отсчёт трёхчасового приёма.
— Видать, у магистра работа пошла,— кивая на светящийся хронограф, тихо сообщила Аня, саркастически добавив бесцветное «ха-ха», что подразумевало: «Ну, всё. Мы попали!»

Время поплыло, секундная стрелочка безостановочно крутилась по циферблату, уже и минутная сделала полный круг, потом и короткая неповоротливая часовая коротышка перепрыгнула с цифры шесть на семь, а его величество Марэ́й и не думал посещать сумрачные покои.
— Янчик, слухай сюда! А представь себе: вдруг его — вообще нет?— с жаром зашептала Аня прямо в ухо подруге.— А что, если приходят люди, деньжищи отвалят, потом полежат три часика в темноте, бока помнут и — адью? Бизнес по-русски такой, а?
— Да ты не понимаешь, о чём говоришь, спи давай!— лениво зевнув, ответила Яночка и, прикрыв лицо ладонью, впала в анабиоз.
— Дурдом какой-то!— обречённо констатировала общий диагноз Аня, решив больше «не париться» и попытаться максимально расслабиться.

Ну когда ещё доведётся вот так-то, в компании незнакомых людей, посидеть в тёмных катакомбах?

В установившейся тишине Аня слышала только размеренное дыхание вокруг и далёкое дребезжание автодороги где-то высоко наверху. Вдруг чьи-то быстрые уверенные шаги нарушили полусонный покой. Из чёрного дверного проёма показался сначала луч фонарика, затем и сам хозяин подземелья. Разглядеть его было сложно, зато он скользил световым лучом, выхватывая из полумрака лица людей. Лучик искал-искал кого-то, на некоторых лицах останавливался чуть дольше, чем на остальных, словно пытаясь узнать. Люди щурились от бьющего света, некоторые даже пытались прикрыться руками. Наконец, пробежав ещё один круг по комнате, луч остановился на Ане.
— Ты,— приказал густой баритон,— иди за мной!
— Н-не-ет… я не в очереди, я тут с подругой… я не платила, и…— отчего-то сильно испугавшись, Аня стала что-то растерянно мямлить невпопад.

— Иди за мной. Больше не повторяю,— повелел обладатель баритона и, повернув к чёрному проёму двери, стал быстро удаляться.

«А если он сейчас рассердится и вообще больше сюда не вернётся? Я же тогда подведу всех остальных!» — успела метнуться в Аниной голове ужасная догадка, и ей ничего более не оставалось, как, прихватив сумку и туфли, догонять по узкому коридору высокий тёмный силуэт.

Залетев вслед за магистром в его кабинет, Аня так запыхалась, что еле смогла перевести дыхание. Хозяин, будто не замечая её вовсе, уселся за свой огромный стол и начал листать старую записную книжку, что-то в ней выискивая. Девушка стояла посреди кабинета в полном смятении, не решаясь присесть без приглашения. Её взгляд остановился на чучеле крупного ворона, что стояло на полке над самой головой магистра. В полутьме могло показаться, что огромная птица живая и лишь специально сидит неподвижно, притворяясь чучелом, чтобы как следует рассмотреть незнакомку.

Пауза затянулась. Наконец, с трудом преодолевая смущение, Аня вновь попыталась объяснить, что она просто пришла с подругой и не собиралась на приём, а главное, не оплатила. Но когда магистр поднял свой тяжёлый взгляд, все слова тут же застряли у неё в горле, девушка вовсе стушевалась и смолкла.

О, что это был за взгляд! Пронзительный. Прожигающий. И столь проницательный, что Аня невольно затрепетала. Она за всю свою жизнь никогда не видела таких красивых мужчин, разве что на гениальном полотне Врубеля «Демон сидящий». Один только бывший муж, по мнению Ани, мог бы составить красавцу-колдуну достойную конкуренцию, да и то лишь за счёт подкупающего обаяния.

Магистр, конечно, как и положено демоническим персонам, был одет во всё чёрное. Длинные, цвета воронова крыла, волосы вились по плечам, однако это лишь добавляло его облику мужественности и делало похожим на индейца или пирата. Чернющие огромные глаза поблёскивали в темноте, как драгоценные камни. Да и вся его ладная атлетическая фигура была как будто выточена из камня самим Роденом — мастером выразительных и прекрасных форм.

Оглядевшись, Аня поёжилась. Интерьер кабинета был под стать хозяину — загадочный, жуткий и одновременно завораживающий. Повсюду — полки, полки. Тяжёлые основательные шкафы с ящиками и снова полки со всякой всячиной — от мерцающих металлических шкатулок до сосудов с заспиртованными лягушками и скелетов каких-то грызунов.

В соответствии с архитектурными особенностями, окон в помещении не предусматривалось. Но ведь что-то из благ цивилизации должно было иметься в наличии, хотя бы люстра или настольная лампа. Но нет, кроме уже виденного ранее карманного фонарика, помещение освещалось лишь десятком тонких свечей. Чёрных свечей. Аня таких никогда не встречала, даже в самых вычурных артсалонах, из чего девушка сделала неутешительный вывод: «Колдун! Да и, к сожалению, далеко не светлый»,— а почему «к сожалению», она так и не смогла себе объяснить.

Дождавшись пока пациентка немного успокоится, Марэ́й подошёл к девушке сзади и без лишних предисловий повелел закрыть глаза.

— Сейчас я проведу ладонью по линии позвоночника, а ты говори мне, что чувствуешь.

И тут же по Аниной спине словно поползла ледяная змея.

— Ой, холодно-холодно!

— Хорошо. А теперь?

В ту же секунду вместо хладнокровной рептилии вдоль позвоночника словно покатился раскалённый круглый камень.

— Горячо, очень!

— Хорошо,— снова бесстрастно повторил колдун и тряхнул ладонью, будто пытаясь избавиться от прилипшей соринки.— Сейчас я потяну тебя назад, не прикасаясь. Не бойся, ты не упадёшь, я успею тебя поймать.

«Почему это он ко мне на „ты“ обращается? Да меня уже лет шесть все на работе только по имени-отчеству величают. И как это, собственно, потяну, не прикасаясь?» — успела лишь подумать Аня, как вдруг явно почувствовала, что могучая неведомая сила тянет её за затылок. С места она почему-то тоже не могла сдвинуться и уже смирилась с тем, что грохнется головой о каменный пол, но тут же была аккуратно поймана сильными руками магистра.

— Хорошо,— снова обронил магистр.— Сможем взаимодействовать. Присядь,— он указал на струганую лавку.

Аня буквально в изнеможении опустилась на сиденье, испытывая невероятное блаженство уже оттого, что чародей отстал от неё и даёт передышку от своих ужасных затей. Видя, что Аня вновь собирается объяснять ему, что она, мол, оказалась здесь по ошибке, Марэ́й жестом приказал замолчать. Аня словно подавилась словами и теперь с благоговением и страхом смотрела на него во все глаза.

— Объясню, зачем я позвал именно тебя.

— ?!

— У тебя есть то, что тебе вовсе не нужно и приносит лишь большие печали. Я готов избавить тебя от этого. Но необходимо твоё согласие.

— Что? У меня есть… что?— уже устала удивляться Аня.

— А вот сейчас посмотрим. На-ка, гляди,— магистр открыл перед Аней свою ладонь и подвинул ближе свечу.

Совершенно непроизвольно Аня забегала глазами, пытаясь прочесть судьбу магистра. Но отпрянула в полном смятении: таких знаков она не видела ни на одной руке. Линии путались, устремлялись не туда, куда нужно. Линии сердца у колдуна не было вовсе, зато линий ума было три, они шли параллельно друг другу, не прерываясь. Линий жизни было две, и шли они не как положено, огибая холм Венеры вокруг большого пальца, а, неестественно изогнувшись, обе линии жизни вдруг почему-то вовсе заворачивали в обратную сторону — на холм Луны. Линия судьбы петляла как ей вздумается, то пропадая, то появляясь. Понять и что-либо прочесть по такой ладони было совершенно невозможно.

— Это же «Ладонь мага»! Её нельзя толковать. Я только слышала о таких, но вот первый раз вижу, — констатировала Аня, с опаской поднимая глаза.

По лицу Марэ́я пробежала тень загадочной улыбки. Колдун привычным движением машинально наклонил голову, хитро прищурив глаз, и глянул на Аню как-то сбоку — одной стороной лица, что и сам стал похож на большого чёрного ворона, изучающего добычу, перед тем как начать клевать.

— Видеть судьбу через длань — это твой дар. Знаю, что он тебе не нужен, только мешает.

— Мешает… — как заворожённая, одними губами повторила Аня.

— Проклятый дар твою судьбу остановил. Не пойдёшь дальше, пока его не сбросишь. Ну что, отдашь?

— Да, — совершенно не задумываясь, согласилась Аня, находясь под гипнозом влажных чёрных глаз колдуна.

— Может, что-то спросить или попросить хочешь?

— Н-не знаю даже…

— Ну хорошо, — усмехнулся Марэ́й, — тогда начнём. Он усадил Аню на табурет посреди кабинета, накрыл голову синей материей. — Ты расслабься, постарайся ни о чём не думать, а главное — глаза не открывай.

Аня почувствовала, что колдун бесцеремонно положил ей на голову тяжёлую книгу и, раскрыв, начал читать усыпляющую тарабарщину, напоминающую мантры.

Знакомая комната: старый бабушкин стол у окна, трельяж, каких теперь уже и не встретишь в современных квартирах, у тёплой печной стены дочуркина детская кроватка, вечно разобранный сломанный диван — «брачное ложе». Этого скрипучего монстра, пережившего сотню слёзных драм, бывший муж при разводе увезёт куда-то. С кем уж он на нём будет потом выяснять отношения — одному ветру в поле известно, как говорит бабуля. Муж почему-то дома, он молодой, а ещё весёлый и добрый — значит, подшофе. «Эх, какой же он всё-таки кудрявый да ладненький, всё при нём!»

Аня с ужасом понимает, что это уже было с ней когда-то. И вовсе не какое-нибудь секундное дежавю, а явственное, осязаемое прошлое. Она даже знает, что именно случится дальше. И действительно, её крепко обнимает бывший муж, который пока ещё даже и не подозревает, что совсем скоро он станет бывшим:

— Котёнок, а хочешь, мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на «Новом рынке», а? Будет тебе от меня память!

Аня с отвращением уворачивается от его пьяных поцелуев и утыкается в подушку. «Ведь этого всего уже давно нет. Почему же на душе по-прежнему так исключительно противно? Может, надо сказать ему? Попробовать что-то изменить?» В её сердце, сжавшемся от подлой неискренности мужа, слабо шевельнулась надежда.

— Никита, ложись спать, не ходи в сенки, не звони никому. Пожалуйста!

— Да я щас, мигом. Курну, и всё. Спи.

Дальнейших уговоров муж уже слушать не собирался. Да, ничего невозможно изменить! Но лучше попробовать и пожалеть, чем вовсе не пытаться. Аня валится на подушку, чувствуя невероятную усталость, только сна почему-то нет и нет. Она знает, что не нужно зря травить душу, что Никита сейчас снова там, как тогда, допивает очередную бутылку и болтает по телефону со своей хамоватой любовницей-молодухой, которая внаглую могла названивать по ночам и дуром лезла в чужую семью, пока не добилась своего.

«Не нужно, не ходи туда, не рви душу, — уговаривает себя Аня, но ноги несут к двери. — Что ты хочешь там услышать? Как человек, которого „на Божничку посадила“, тебя с грязью мешает?.. Или… А вдруг сейчас, вот сейчас всё совсем по-другому будет? Вдруг он там просто курит… покурит и придёт? Ведь не может же просто так — глупо и нелепо — оборваться их большая любовь. Сколько лет ждала его из мореходки, потом с морских вахт. Дождалась. Но как можно забыть страстные встречи, самое яркое, что только и было в жизни? Как же можно было это предать, променять на кого-то?!»

Вот и дверь приоткрыта в сенки, та самая дверь, обитая коричневым дерматином с фигурными гвоздиками-цветочками, дедушка ещё при жизни сам обивал. Вот слышно, как Никита с шумом выдыхает табачный дым, говорит по телефону. С ней, той — другой.

— Котёнок, а хочешь, мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на «Новом рынке». Будет тебе от меня память!

«Ну надо же, тварь поганая, ведь слово в слово! Хоть бы одно словечко-то другое вставил! То ли вовсе фантазии нет?» Аня хватает ковшик — первое,

что подвернулось под руку,—и кидается на супруга. Лупит, не видя, куда придётся: по голове, по телефону, по пепельнице на столе, по бутылке с остатками вина. Глаза застилает кровавая пелена. Тёмно-рубиновое пятно разрастается на белой поверхности стола, вино тонкой струйкой стекает на пол.

«Не-е-ет! Ужас! Ужас! Не-ет. Сейчас же дочка проснётся, испугается, начнёт плакать. Бабушка босиком и в одной ночной рубашке кинется защищать меня, отдирать от разъярённого супруга. Какой кошмар. Не хочу!» Аня закричала, замотала головой из стороны в сторону, как раненый зверь. И открыла глаза.

С удивлением она обнаружила себя в странной комнате колдуна. Вокруг неё в диком вихре неслись все вещи, дубовый стол, полки со старыми книгами и непонятными инструментами. Марэ́й крепко схватил бедняжку за плечи и остановил кружение.

— Ишь как беси[1] крутят. Не бойся. Всё кончилось.

Только теперь Аня начала понемногу приходить в себя и поняла, что не комната кружилась вокруг неё, а это она сама шаталась так, что чуть не слетела с табурета.

Марэ́й по-отечески похлопал девушку по плечу: ничего, мол, всё перемелется. Потом некоторое время вглядывался в Анино лицо, словно врач, ища остатки недуга.

— Так, ну вот, всё замечательно. Зрачки в норму пришли.

Вдруг в Аниной душе, словно мышь, заскоблило острыми коготками сомнение: а правильно ли она поступила? Девушка замялась и, чтобы оттянуть момент расставания, неожиданно спросила:

— Вот одно только… можно спросить? Раз уж так всё получилось. Что ж меня саму-то в жизни ждёт? Столько рук за свою жизнь прочитала, тайн чужих увидела, а свою руку никогда не могла растолковать.

Колдун улыбнулся ей, словно несмышлёному малышу, который просит о какой-то безделице.

— Ну-ка давай. Как раз и испытаем новые способности,—он вглядывался в Анины ладони, не в силах скрыть удивления, однако на слова остался, как обычно, скуп.—Большие перемены тебя ждут.

— К хорошему или плохому?—неожиданно для себя самой переполошилась Аня.

— К хорошему,—заверил её Марэ́й и, чуть помолчав, добавил:—Только просьба у меня к тебе. Когда будешь в столице в большом почёте, не забудь обо мне. Обещаешь?

Ане ничего не оставалось, как неуверенно кивнуть, не в силах оторвать взгляда от прожигающих демонических очей Марэ́я.

— Ну да ладно. Всё. Иди.

Выпроваживая клиентку, колдун как будто на самом деле вовсе не хотел, чтобы она уходила. Он медленно подошёл, чтобы лично открыть перед Аней дверь,—видимо, это являлось наивысшим проявлением благосклонности магистра. Не сводя с неё глаз, он словно старался как можно лучше запомнить её черты. Так, наверное, смотрят друг на друга очень близкие люди, когда впереди долгая разлука и суровые испытания.

Теперь, когда колдун подошёл так близко, Аня разглядела серебряные ниточки в его вороных кудрях, а в одном ухе—маленькую серьгу колечком. «Вот интересно, он армянин или цыган? Имя у него настоящее или выдуманное? Если настоящее, то как его мама в детстве звала? Может быть, Марик?»—отчего-то полезли в Анину голову глупые и ненужные сейчас вопросы. Словно прочитав её мысли, Марэ́й попытался улыбнуться ей на прощание. Но, видимо, делал он это столь редко, что подобие улыбки получилось растерянным и беззащитным, обнаружив на щеках магистра трогательные ямочки. В ответ Аня почувствовала некий слабый отголосок чувства, похожего на родственное сострадание к этому странному человеку, как будто тот был ей кем-то вроде больного младшего братишки: «Мы теперь чем-то связаны. Навсегда, даже если никогда больше не встретимся, и это неведомое „что-то“ породнило нас навеки!»

Напоследок Аня вспомнила о поджидающей в тёмной комнате Яночке и застыдилась, ведь о её жизненно важном вопросе ничего не спросила. Но Марэ́й, будто угадав вопрос, уверенно сообщил:

— Подруге своей скажи, чтоб ехала к мужику-то и не раздумывала. Не просто так он в её жизни образовался. Всё хорошо у неё с ним будет, пусть не сомневается.

Когда Аня появилась в зале ожидания, Яночка, что всё это время сидела как на иголках, кинулась к ней с немым вопросом. Аня твёрдо взяла подругу за руку, лишь шепнула на ухо:

— Пошли отсюда!

Несмотря на вечерний час, на улице было ещё светло. Некоторое время девушки шли молча. Было приятно выйти из подземелья «на волю». Даже тесные дворики казались теперь просторными, а тяжёлый городской воздух—свежим.

Субтильные городские берёзки уже успели украсить себя длинными серёжками и укутаться в нежно-салатовые облачные вуали. Апрельское солнце рассыпало ярко-жёлтые веснушки одуванчиков по игольчатым коврикам травы.

Подруги присели на одинокую лавочку под клёнами. Высокие кудрявые красавцы уже распустили пушистые метёлки, похожие на головы папуасов. Лишь один худенький клён-подросток, отстав от старших собратьев, тянулся к ним изо всех сил. Клейкие разбухшие почки на его тонких ветках, словно крошечные птенцы, широко

1. Беси *(устар.)*—бесы.

разинули клювики в немом крике: «Подождите! Возьмите меня с собой!»

«Надо же, вот же он, тот трогательный есенинский кленёночек![2]»,—умилилась Аня, удивлённо отметив, как быстро наступила вдруг весна, преобразив всё вокруг до неузнаваемости.
— А помнишь, как раньше, в детстве, мы по дороге в школу или из школы разглядывали каждую былинку, замечали малейшие изменения? А теперь всё внезапно на голову падает: р-раз—и весна!—заметила Аня.

Вдохнув поглубже аромат весны, Аня поведала Яночке о наказе магистра: чтоб та непременно ехала к Адику и не думала сомневаться, а ещё о том, что теперь больше никогда не сможет гадать по руке. Магии больше нет.
— Ка-ак, вообще? Никому-никому?—удивилась Яночка, которая не могла представить подругу отдельно от её удивительного дара.—Ну-ка глянь!

Подруга протянула Ане руку, и та машинально вперилась взглядом в ладонь. Аня по привычке ощупывала тонкие пальчики, холмы и впадины, всё яснее и яснее осознавая, что теперь волшебная дверь закрыта для неё навсегда. Аня ожидала почувствовать разочарование, но вместо этого ощутила лёгкость и умиротворение, словно душа её освободилась от тяжкого опостылевшего груза.
— Ничего не идёт. Ну, вот просто ладонь как ладонь, и всё. Я помню, конечно, прекрасно, как называются линии, холмы, помню все знаки… и что? Ничего. Не идёт информация. Закрыто!
— И как тебе? Это хорошо или плохо?
— Н-не знаю пока. Вроде бы вот как-то легче стало, будто камень с души свалился.
— И что, не будет теперь наших гадательных девичников? И никаких тебе предчувствий, и никаких больше вещих снов, клиентов, что к тебе толпами ездили?
— Да и слава Богу!
— А знаешь, Ань, а ведь не поеду я ни в какую Германию. Мой Адик ведь скоро на пенсию пойдёт. Так вот, пусть лучше сам сюда переезжает, раз так любит всё русское. Такой-то домик, как у него, мы себе и здесь запросто организуем, а? Как думаешь?

Анины глаза подозрительно заблестели, и она, еле сдерживаясь, чтобы не закричать от нахлынувшей радости, весело заметила:
— Вот если бы мне ещё сегодня утром сказали, что в нашем городе Бэ под центральной площадью какой-то жуткий колдун сидит… ну, я бы подумала, что надо мной просто-напросто издеваются!

Безудержный смех вырвался наружу с такой силой, что обеих переломил пополам. Они хохотали как сумасшедшие, до слёз, до колик в животе, до головокружения. Смешно им было вовсе не от сказанного, а оттого, что просто вокруг расцветала весна, а завтра выходные, и скоро настанет долгожданный отпуск, и вообще они ещё молоды, и впереди их ждёт всё только самое хорошее и светлое…

Подходя к своему дому, Аня издалека заметила долговязую фигуру Никиты, что в нерешительности мялся у подъезда. Когда Аня подошла ближе, она увидела в руках у бывшего мужа новенькую женскую куртку чудесного бирюзового цвета. «Надо же, я ведь именно такую бы себе и купила… если б деньги были»,—только и успела подумать Аня, как оказалась в сильных жарких мужских объятиях.

2. Стихотворение-миниатюра Сергея Есенина «Там, где капустные грядки…» (1910 год):

> Там, где капустные грядки
> Красной водой поливает восход,
> Кленёночек маленький матке
> Зелёное вымя сосёт.

Елена Костандис

Дно кофейной чашки

Смириться можно со многим, но вот две вещи я не переношу: плохой кофе и человеческую подлость. Знаю-знаю, заявление отдаёт дешевизной — так ведь и картошка не перестаёт быть истинной ценностью, несмотря на низкую цену.

Здесь кофе как раз хорош; я не зря хожу именно сюда. Когда я пригласил Настю, она улыбнулась, сделав первый глоток: «В кофе мне запах нравится больше, чем вкус». Думаю, в тот раз ей было и не до запаха, и не до вкуса — воспоминания настолько сволочная штука, что застят нам порой и звуки, и запахи, и весь белый свет, представляя мир китайским рисунком тушью, без перспективы и разнообразия цветов.

Начинать рассказывать нужно с начала — начало было не здесь, а в большом волжском городе, упомянутом, конечно, в русской литературе, где и родилась и выросла Настя — синие глаза, негромкий голос, обожала стихи Блока, немного вязала, немного рисовала акварелью; в беспредельной нашей России десятки тысяч таких девушек, и каждая из них несчастлива по-своему.

Может, я и жесток. Хотя нет — я всего лишь честен. От русской девушки ожидается, что она будет страдать и геройствовать, это воспевает вся великая литература. «Доля ты! — русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать». Их в детстве уже приучают, что право на счастье — непозволительная роскошь. Эх! Будь я старше лет на десять — может, получилось бы что-то объяснить, уберечь? Нет, не получилось бы. Я сам до мыслей о праве на счастье не так давно додумался. Судьба — хороший учитель, но сколько людей домашние задания у соседа по парте скатывает.

Впрочем — хватит умствований. Я о Насте. Она ничем особым не выделялась; всегда приветлива, родители и учителя довольны, хорошо училась в школе, мамина радость, папина гордость, будущему мужу помощница. Её будущему мужу стоило бы свернуть себе шею до того, как он приехал в её город, хотя судьба не только хороший учитель, но и очень злой шутник.

Она заканчивала четвёртый курс пединститута, когда их познакомили Сергачёвы, друзья Настиных родителей: служит далеко, приехал в отпуск к родне. Молчаливый капитан с красивой ранней проседью Насте понравился — чувствовалось в нём тайное горе, тщательно скрываемое; на тайное горе русскую женщину поймаешь скорей всего. Родители рассказали: у капитана Перевалова пять лет назад умерла при родах жена, потому он такой невесёлый. Настина душа рванулась навстречу — согреть, понять. Они гуляли вечерами по набережной, смотрели на огни на пристани, Перевалов каждый раз деликатно спрашивал разрешения закурить и был так непохож на Настиных ровесников — шумных и неумно шутивших. С ним она, немногословная, вдруг стала разговорчивой — он больше слушал, как она рассказывала о книгах и снах. После прогулок провожал до самой квартиры, целовал на прощание руку — Настино сердце падало в пятки от восторга, — раскланивался с Настиным отцом и уходил в темноту, чётко печатая шаги. Она долго не могла заснуть, вспоминала их неспешную прогулку, рассматривала в полутьме ладонь, которую он недавно поцеловал, и лицо пылало, становилось тяжело дышать от счастья.

Отпуск закончился, капитан отбыл в свою часть, писал раз в неделю нежные письма; Настя удивлялась, как он, сдержанный в жизни, может так передавать на бумаге свои чувства. Никто не сказал ей, что черновики пишет срочник — студент-филолог, которому портить отношения с капитаном резону не было никакого.

Настя ходила шальная от радости. Родители этот военно-эпистолярный роман одобряли: мужчина серьёзный, не мальчишка, знает жизнь, сможет защитить не только Родину, но и жену. На Новый год Перевалов приехал снова и официально просил у Настиных родителей её руки. Мама сияла: вот как надо! Папа был доволен: всё как у людей. Свадьбу назначили на июль — сначала всё же диплом, потом свадьба. В загсе договоримся, сказал папа, главный инженер завода и вообще человек в городе уважаемый.

Вы верите в предчувствия? Я — верю. Не знаю, верила ли Настя, но за месяц до свадьбы она вдруг загрустила, потускнела. Говорила, что снятся ей странные сны. Попросила родителей отложить свадьбу на год — те почти по потолку прошлись от возмущения: ты что делаешь, человеку голову морочить, тебе уже двадцать один, не девчонка, умей отвечать за свои решения. Настя не любила споров и ссор, согласилась с родителями.

Потом было прощание: пишите, как доберётесь, доченька, помни, в семейной жизни муж голова, а жена шея, будь мудрой, лучше иногда промолчать, но мир сохранить, вот посмотри на нас с папой, уже скоро серебряную свадьбу будем праздновать.

Приехали: военный городок при части—баня, медпункт, магазинчик, клуб, при нём библиотека. Даже в школу дети ездили в ближайший райцентр, а это тридцать километров. Два раза в неделю кино в клубе. Сопки до горизонта—вот и весь мир; ощущение, что за ними ничего и нет, конец ойкумены. Работы для Насти, конечно, никакой не нашлось—все должности давно уже расхватали другие офицерские жёны. Она раскладывала салфеточки и коврики в казённой квартире, варила супы и компоты, храбрилась в письмах родителям: тут красиво, люди замечательные, я так счастлива.

Медовый месяц окончился враз возвращением мужа пьяным в дымину, в лоскуты. Еле ввалился домой, кричал страшное—что знает, как жена строит глазки молодым лейтенантикам, что зря он женился на такой балованной городской фифе, которая думает только о нарядах, вон одних платьев целых пять штук, наши матери разве так жили? Настя побежала к соседке, глотала у неё на кухне слёзы и корвалол, растерянная, униженная.

Пьёт он, конечно, а кто тут не пьёт, говорила соседка Лида. Была она старше Насти на десять лет, помоталась с мужем по отдалённым гарнизонам предостаточно, навидалась ещё больше—Настя слушала её с жадным ужасом: разве она могла предположить такое?

Наутро муж пробурчал невнятные извинения: прости, Настён, на службе проблемы. Проблемами был солдатик, который повесился в уборной, и это уже второй случай такой за год. Начальство мылило шею мужу, тот отрывался на Насте—теперь уже не только орал. Извинений тоже больше не было: его довели, а Настя только добивает. Пришлось учиться замазывать синяки кремом «Балет», эти оранжевые пятна совсем дико выглядели на тонкой и белой Настиной коже. Муж теперь каждый раз кричал пьяный: первая жена его так любила, что решила рожать, хоть врачи не советовали, вот и умерла, а Настя даже забеременеть не может, взял сдуру яловую бабу, позор один.

Написала родителям письмо: умоляла о помощи, просила совета. Ответ пришёл на удивление скоро, написанный маминым округлым учительским почерком под папину диктовку. Родители очень огорчены Настиным эгоизмом: у мужа трудности, а она не хочет его понять, любовь—это совместно переносить беды, а вовсе не вздохи на скамейке и не свиданья при луне. Как раз сейчас, когда пишут столько плохого про нашу армию, нужно быть помощницей мужу, соратницей, подставить плечо, промолчать, не заметить. В семейной жизни всякое бывает—но в конфликтах всегда виноваты двое. Начни с себя, тогда и жизнь наладится.

Опустив родительское письмо на колени, Настя долго смотрела на багровый закат: было чувство, что захлопывается какая-то тяжёлая дверь, и выхода нет, и позвать на помощь некого. Дома муж привычно орал, что она совсем подурнела, не на такой он женился; а у неё и правда под глазами легли тёмные круги, не слишком густая коса стала редеть. Соседка Лида жалела её, укрывала, когда Перевалов буйствовал особо, подкармливала—при муже Насте кусок в горло не шёл, а однажды сказала полушёпотом: уезжай отсюда, не будет тебе с ним жизни. И совсем уже шёпотом на ухо—о том, что Перевалов избил первую жену, когда та была на восьмом месяце, начались преждевременные роды, ребёнок шёл ножками вперёд, и нужно было кесарить, везти в райцентр, но пока нашли машину, пока довезли, пока что—родила она мёртвого ребёнка и сама умерла от потери крови. Только не говори ему, добавила Лида, а то сама понимаешь.

Ночью Настя слушала пьяный храп мужа, тряслась от беззвучных слёз и впервые в жизни—атеистка, комсомолка—взмолилась к Богу: если Ты есть, помоги хоть Ты мне! Слабый проблеск появился почти сразу: пробивная Лида пристроила её библиотекаршей в клуб, там хоть были книги, люди, какая-то жизнь. Муж всё равно был недоволен: лишь бы мужикам улыбаться! Хотя улыбаться Настя перестала вообще—так, иногда губы растягивала, когда было совсем уж неуместно не улыбнуться. Но здесь, на работе, можно было делать то, что она любила больше всего,—читать и говорить о книгах с теми, кто приходил в библиотеку. И другой проблеск там появился и показался Насте даже озарением: в библиотеку заглянул красивый лейтенант Женя. Он был родом из Ленинграда, из *хорошей семьи* со связями, племянник генерала, а в это захолустье попал за какой-то большой скандал на службе—всё равно дальше Кушки не сошлют, меньше взвода не дадут. Женя стал заходить каждый день: на фоне местных тёток с их зычными голосами, пергидрольными кудрями и вьетнамскими кофточками тихая бледная Настя выглядела как принцесса Грёза, как лесная фиалка в зарослях крапивы. Она вдруг поймала себя на том, что думает о Жене постоянно. А потом, когда муж был на стрельбах, Женя пригласил её пройтись тёмным вечером, властно поцеловал и сказал: ты для меня единственная, давай уедем вместе, я скоро вернусь в Ленинград, дядя мне всё устроит. И Насте показалось: вот оно, меня услышали. Теперь ей было легче переносить побои и крики: уворачиваясь от кулаков мужа, она думала о том дне, когда всё будет позади, и считала часы до побега. Отпросилась в райцентр с Лидой—Перевалов ту не любил, но побаивался. Обратно Лида вернулась уже одна, привезла процальное

письмо от Насти, сказав: сам виноват, жена не боксёрская груша.

Дальше был Ленинград. Настя вдыхала балтийский ветер — теперь начнётся новая жизнь, настоящая. Женя пока поселил её в пустой квартире друзей, разумно заметив, что сначала нужно вообще-то с первым мужем развестись, не может же он приводить к своим родителям замужнюю женщину и говорить, что это его избранница. Настя радостно соглашалась с каждым словом — кругом была нереальная после Забайкалья жизнь, стройные и хорошо подкрашенные женщины, красота, дворцы и мосты, и каждый вечер любимый Женя приходил к ней: что ещё нужно для счастья? Но шли недели, Женя всё чаще не мог прийти, всё более хмурым и сухим становился, пока не сказал: прости, всё это было ошибкой, давай расстанемся друзьями. И вот тогда Настя почувствовала, что летит в бездну — такого не было даже при побоях мужа. Пойми, внушал ей Женя, я погорячился, мне всё же нужна другая, не такая, как ты, — ты же мне только тормозить всё будешь, а для мужчины карьера важнее всего. Настя плакала: куда я пойду? Ну, не знаю, вот тебе деньги, поезжай к родителям, как-нибудь устройся, ты же взрослый человек, я не должен быть тебе нянькой!

На Университетской набережной Настя села у самой воды и уронила лицо в колени. Ленинград был чужим, а Нева холодной. «Ленинград, я ещё не хочу умирать, у меня телефонов твоих номера…» Никаких номеров у Насти не было, и идти было некуда. На письмо о том, что она уехала с Женей, ей пришёл грозный ответ от родителей: ты нас опозорила, ты нам больше не дочь. На дворе стоял девяносто первый год, всё летело в тартарары, а Настя получила родительское проклятие.

Она побрела куда ноги несли — возле кооперативного кафе на Литейном почувствовала, что её шатает от слабости, зашла съесть пирожок и выпить сладкой бурды, которая здесь называлась «кофе». Упёрлась взглядом в листок на стене: «*Нужна пасудамойка*». И тут же, не раздумывая, пошла спрашивать. Она действовала будто не сама — её словно кто-то двигал, кто-то за неё договаривался с мохнатым дагестанцем, хозяином кафе, кто-то вёл к Пяти Углам в комнатку в коммуналке, где полы в последний раз мыли по случаю снятия блокады. Засыпая в ту ночь на колючем диване, Настя подумала, что просьбы наши небо воспринимает по-своему, в её случае — так, но спасибо всё равно.

Тенью она скользила по Ленинграду, которому уже недолго было носить это имя, — шла пешком на работу, мыла чашки и тарелки десять часов подряд, пешком же возвращалась, падала замертво в постель, и это было хорошо: не оставалось сил ни думать, ни плакать. Этот город не обманул, оказался истинно блоковским: улицы заносило чёрным снегом, вихрились смерчи истории, Настя ощущала кожей — рушащиеся миры, свист ветра как рыдание скрипки, Беатриче у кабацкой стойки. «В соседнем доме окна жолты». В кафе собирались *порешать вопросы* деловые люди, бывали разборки, однажды Настя услышала сухой треск выстрелов, а потом хозяин, пряча глаза, неожиданно ласково попросил: «Помой пол в зале, только тебе доверить могу». Она замывала кровищу, ползая с тряпкой на коленях, собирала осколки посуды, под столиком нашла пачку денег. Не раздумывая, сунула под джемпер и продолжила мыть пол. Идя домой, говорила себе: господи, это всё со мной творится, я — учитель русского языка, я жена советского офицера, ну хорошо, бывшая жена, но всё равно, — и я ползаю на коленях, отмывая чью-то кровь, я присвоила чьи-то деньги; неужели это всё со мной, господи? И тут же себе отвечала: уже совсем зима, нужна тёплая куртка, нужны сапоги, те деньги покойнику не помогут, помогать нужно живым. Ноги больше не леденели в осенних ботинках, и это убеждало больше тысяч слов. Главное было — тепло и сытость. Остальное потом: неизвестно, доживём ли до остального. До огненной весны было очень далеко.

Потом судьба сделала очередной вираж: на Литейном Настя столкнулась нос к носу с Ритой — когда-то они учились в одном классе, а потом Рита уехала в Ленинград поступать в театральный. В театральном оказался слишком высокий конкурс, а талант у Риты был небольшой, и она, чтобы не давать повода к злорадству в родном городе, осталась в Ленинграде, несколько лет с успехом промышляла под именем Марго в гостинице «Прибалтийская», пока не осуществила хрустальную мечту всех её товарок — вышла замуж за очень упакованного мужчину: совместное предприятие, крутил дела, знал всё о её занятиях, но неожиданно влюбился, как цуцик, и пал к ногам Марго. Она была совсем неглупа, понимала, что другого шанса не будет: снова назвалась Ритой и стала примерной женой, вся в заботах о муже и доме, никто слова плохого не скажет. Родились девочки-двойняшки, им шёл третий год, Рита отчаянно искала няню: все приходившие претендентки тут же начинали смотреть *особенно* на Игоря Ивановича, мужа и отца, а Рита опытным взглядом конкуренток отсекала за версту. Тихая Настя, одетая в серые обноски, опасной не была, зато имела диплом педагога. Так она стала няней для Ритиных дочек.

Теперь страх перед жизнью почти исчез — она отоспалась, порозовела, Рита щедро одаривала её надоевшими платьями со своего плеча, можно было присесть среди дня без опаски получить окрик: «Нечего тут, работай иди!» Утром в зеркале она всё чаще видела, что снова хороша собой — а потом это увидела не только она.

Николай был у Игоря Ивановича личным шофёром. После службы в горячей точке никуда особо на работу не брали — это был негласный указ, но повезло: когда-то Игорь Иванович знал покойных родителей Николая, знал давно и хорошо, и решил, что вернее выбора быть не может. Он не ошибся: Николай стал и шофёром, и доверенным лицом, и телохранителем — худой, крепкий, молчаливый. В редкие свободные часы они с Настей бродили по городу: он показывал ей Питер не парадный и не пугающий — свой, привычный. Вот тут мы с мальчишками в хоккей играли, вот тут самые вкусные пышки были, в этой парадной я впервые портвейн попробовал. Настя слушала благодарно — она уже не помнила, когда в последний раз с ней говорили вот так, на равных, по-человечески. Они были как Гензель и Гретель, заблудившиеся в лесу, где подстерегала погибель, но шли и шли, ища дорожку по разбросанным раньше камешкам памяти, шли, иногда держась за руки, иногда просто радуясь тому, что живы.

Рита почувствовала что-то раньше их самих. Ничего не было — только взгляды, только желание поговорить подольше, об ином они пока что и помыслить боялись, и вышло, что именно хозяйка подтолкнула их друг к другу. Волчье чутьё проститутки её не подвело; выгнув тонко выщипанные брови, Марго орала так, что стены тряслись: она не позволит в своём доме, прислуга не имеет права на личную жизнь, их не для этого кормят, сейчас же выкатывайтесь, вы тут больше не работаете. Прислуга, удивлённо думала Настя, укладывая вещички. Рита была из многодетной семьи, отец-фрезеровщик пил запоями, и Ритина мать бегала к Настиному отцу, умоляя, чтобы не увольняли «по статье»: пятеро детей, как жить тогда? Рита вырвалась, выгрызла своё место под солнцем и не оставляла на него права другим: сдохни ты сегодня, а я — завтра. Игорь Иванович умолял супругу успокоиться — бесполезно: чёрт ли сладит с бабой гневной?

Теперь у Насти не было работы, но был Николай. Он сказал просто: поженимся, всё устроится. Отступных от Игоря Ивановича пока на жизнь хватало, они тихо расписались. Жильё есть, а на остальное заработаю, сказал муж и уехал зарабатывать. Настя сделала ремонт на кухне, вымыла до скрипа все окна, наточила ножи и заскучала. Сидеть дома, читать книжки и ждать мужа было невмоготу — она отправилась в офис к Игорю Ивановичу, точно зная, что в это время Рита будет у парикмахера. Да я всё понимаю, говорил тот сочувственно, ерунда какая-то, у меня претензий не было, ну вот Риточка очень нервная, а я никак не могу на неё повлиять («Денег бы её лишил, сразу бы успокоилась», — подумала мрачно Настя), тебе — конечно, помогу, только никому ни слова, а то, сама понимаешь, Рита будет нервничать, она у меня такая чувствительная. Игорь Иванович действительно помог, поговорил с кем надо, и через две недели Настя вошла в класс частного лицея: здравствуйте, я ваш новый учитель русского языка.

Вернувшийся из рейса Николай удивился, но хмыкнул довольно: жена счастлива, что ещё нужно? Сказал же, что всё устроится, — вот оно и устроилось.

Счастье и правда многолико: людям чистым и твёрдым, как алмаз, для счастья порой только и нужно, что луч света. Такой была Настя — умела стать счастливой от малого. Может показаться, что я слишком много о ней говорю и даже переоцениваю. Имею право: она моя сестра, старшая и любимая. Сколько себя помню — это она была рядом со мной. Учила меня читать и завязывать шнурки, делала со мной уроки, мазала зелёнкой сбитые коленки, надавала затрещин Голубцову из восьмого класса, который издевался над нами, первоклашками, — а сама была меньше его на голову и такая худенькая. Когда она уезжала от нас с первым мужем, будь тот неладен, я плакал ночью под одеялом — никто не должен видеть слёз мужчины, пусть и тринадцатилетнего. Я как-то дожил до окончания школы и, едва получив аттестат, не слушая причитания родителей, с одним чемоданом (банально, но жизненно) отправился к сестре и зятю в Питер.

У них каждое утро варился на плите хороший кофе — его запах и вкус придавали смысл даже самому свинцовому и промозглому утру. Мы пили этот кофе, болтая о том о сём, Настя иногда в шутку мне гадала, её научили тётеньки, с которыми она работала в кафе. Нужно кофе выпить почти до дна, крутануть чашку, чтобы осадок сел на стенки, перевернуть «от себя» и подождать. Настя брала чашку и, заглядывая в неё, начинала рассказывать, что в близкой дороге меня ждёт радость, опасаться нужно лысого мужчину, а вот деньги будут ещё нескоро. Мы смеялись над этими гаданиями, но до зарплаты мне действительно оставалось две недели, а сосед снизу Пётр Семёнович, который жаловался, будто я стучу по ночам молотком, был и правда лыс, как яйцо.

Как-то вскользь Настя проговорилась, что получила письмо от родителей — оказывается, они писали ей до востребования: узнав, что она не спилась под забором (это постоянно говорилось мне в назидание), что не стоит по вечерам возле Московского вокзала и не лежит в морге Мариинской больницы, прислали вежливое письмо с рассказом, как трудно стало жить, папин завод на грани закрытия, а маме уже полгода не платят зарплату, страна пропала, и всё очень плохо. Настя ответила таким же вежливым письмом — но и только. Как трудно стало жить, она и сама знала не хуже.

Прошло время, пока я привёл её в то кафе, где она работала посудомойкой. Там давно уже сменился хозяин, всё было вообще другим—стало такое приличное и даже элегантное заведение, но память сердца, зараза этакая, ты сильней рассудка памяти печальной: Настино лицо окаменело, когда нам предложили столик у окна,—она выбрала другой, подальше. Вот под тем столиком и были деньги: пусть они мне не принесли несчастья, но вспоминать не хочется. А мне как раз хотелось, чтобы именно здесь она сидела гостьей, а ей приносили кофе и пирожные. Смешная такая мальчишеская месть судьбе—Настя поняла всё правильно и оценила моё желание. Мы ели упоительно вкусный «наполеон», глядя одним глазом в телевизор на стене—там бесконечный воющий клип Муз-тв сменился какой-то говорильней о судьбах России, и Настино лицо снова окаменело. Это он, сказала Настя, кивнув на прилизанного хмыря, про которого было написано: «Эксперт такой-то». Тот лейтенант Женя—он на волне демократических преобразований быстро дослужился до майора, скоро и подполковником станет, а там и приставку «под» можно будет убрать в титрах. Я всем давно всё простила, сказала Настя совсем тихо, а вот ему так и не могу. Так и не прощу. Я заказал ещё кофе и вслух пожелал Жене поскользнуться где-нибудь на гололёде по самый разрыв седьмого шейного позвонка. «Не надо,—ответила Настя.—С такими, как он, никогда ничего не случается».

Третья чашка лишней не будет, я уверен. Кофе тут что надо—чёрен, как ночь, сладок, как поцелуй. И крепок, как память. Переверну чашку, хоть и не умею гадать: мало ли что мне на гуще покажут? И друга в дальней дороге, и пустые хлопоты, и неожиданное известие, звезду и крест, разбитое сердце, сглаз и обман, любовь, предательство, надежду, измену, радостную новость, сон и смерть.

Всё то, что прячется на самом дне.

ДиН симметрия

Илья Сельвинский

Свобода слова

● ● ●

На скамейке звёздного бульвара
Я сижу, как демон, одинок.
Каждая смеющаяся пара
Для меня—отравленный клинок.

«Господи!—шепчу я.—Ну, доколе?»
Сели на скамью она и он.
«Коля!»—говорит. А что ей Коля?
Ну, допустим, он в неё влюблён.

Что тут небывалого такого?
Может быть, влюблён в неё и я?
Я бы с ней поговорил толково,
Если б нашею была скамья;

Руку взял бы с перебоем пульса,
Шёпотом гадал издалека,
Я ушной бы дырочки коснулся
Кончиком горячим языка…

Ахнула бы девочка, смутилась,
Но уж я пардону б не просил,
А она к плечу бы прислонилась,
Милая, счастливая, без сил,

Милая-премилая такая…
Мы бы с ней махнули в отчий дом…
Коля мою девушку толкает
И ревниво говорит: «Пойдём!»

● ● ●

Итак, в тюрьме я снова.
Ну, что же. Рад весьма.
Чем хороша тюрьма?
В тюрьме—свобода слова!

1920

Елена Литинская

Соперницы

В конце семидесятых Татьяна вместе с мужем, свекровью и малолетним сыном эмигрировала из Союза в Америку. С тех пор прошло много лет. Большая часть Татьяниной жизни была прожита в Штатах. Свекровь умерла, дожив до глубокой старости. Муж тоже умер. Много и тяжело работал и заработал обширный инфаркт. Не спасли. До старости не дожил. Сын вырос, завёл свою семью, уехал в другой город. Татьяна, проработав тридцать лет медсестрой в городской больнице, вышла на пенсию.

Со вторым замужеством у Татьяны так и не сложилось, хотя было несколько достойных бойфрендов и даже претендентов не только на её сердце, но и на руку. Сама виновата. Не хотелось начинать заново семейную жизнь, которая в зрелом возрасте, сопряжённая с богатым опытом и осознанием прошлых ошибок, превратилась бы в «разбор полётов». Это уже дополнительный стресс. А Татьяна жаждала покоя. И она его получила. В избытке. Жила одна, в хорошем районе Бруклина, в небогато, но уютно обустроенной кооперативной квартире, окружённая книгами и воспоминаниями, с которыми хотела, но так и не сумела расстаться.

Сын звонил редко, приезжал в гости и того реже. Обычная история детей иммигрантов, рождённых или выросших в Америке. Как только птенцы отращивают крылья, они вылетают из родового гнезда, вкушают свободу от родительской опеки и не хотят возвращаться к родным пенатам. Тот ребёнок и подросток, которого Татьяна обожала и который любил мать, трансформировался в чужого, делового, рассудочного человека. Обидно, горько, но Татьяна смирилась, ибо она не могла изменить то, что изменить было невозможно.

Иногда состояние стабильного покоя оборачивалось мучительной тоской и безысходностью, аж выть хотелось. И тогда Татьяна уезжала в турпоездки галопом по Европам. А ностальгия по юности гнала её в Москву. Там она встречалась с оставшейся горсткой одноклассников и родственников, испытывая иллюзию возврата в молодые годы.

Среди одноклассников была Татьянина первая любовь — Вадим. Ныне крутой бизнесмен, взращённый и не сломленный среди хаоса девяностых, при солидных деньгах и личном водителе, Вадим каждый раз устраивал Татьяне радушный и воистину купеческий приём, катал её по Москве, водил в рестораны, кафе и парки, в которых они прогуливались, сиживали и целовались в юности. Они проезжали мимо гостиниц, где позже, в молодости, не только целовались… Теперь же, в зрелые годы, их встречи были светлыми и невинными, сама нежность и дружба. Татьяна не хотела опошлять память о первой любви банальным романом немолодых людей. Вадим был согласен с Татьяной, не настаивал на интиме. (Видимо, ему вполне хватало интима дома с женой и где-то ещё…) Их давний роман и даже эти невинные встречи хранились в тайне от жены Вадима Сони, которая при одном упоминании о Татьяне непременно бы заподозрила любовный флирт на новом средневозрастном витке: мол, седина — в голову, бес — в ребро.

Планируя свой последний приезд в Москву, Татьяна заранее ничего не сообщила Вадиму, решила сделать ему приятный юбилейный сюрприз. Шестьдесят лет всё-таки! Но так уж получилось, что на сей раз судьба сделала сюрприз Татьяне. Сюрприз страшный. От одноклассников Татьяна узнала, что Вадима, её некогда нежно любимого мальчика, больше нет: заболел скоротечным раком и через несколько месяцев умер. Похоронен на их семейном участке (вместе с родителями, дедушкой и бабушкой) на Ваганьковском кладбище.

Так бывает, люди смертны, и часто смерть настигает свою жертву внезапно, как бандит из-за угла.

Несколько дней Татьяна не могла прийти в себя. Она не плакала, слёз не было. А выплакала бы своё горе — может, и легче бы стало. Женщина словно окаменела, сидела в квартире подруги Риты, у которой остановилась, уставившись в одну точку, и думала о том, что те, кто её любил и кого любила она (муж и Вадим), ушли в мир иной. Значит, скоро наступит и её, Татьянин, черёд отправляться вслед за ними. Ибо она привыкла всю жизнь находиться в состоянии влюблённости. А раз предмета влюблённости больше нет, следовательно, и незачем жить. Татьяна не спала ночь, не отвечала на телефонные звонки друзей и не знала, что ей теперь делать в Москве. Без Вадима Москва для Татьяны опустела. Пребывание здесь потеряло для неё всякий смысл. Она думала, не обменять ли билет

и не вернуться ли в Нью-Йорк как можно скорее. Но потом всё же решила перед возвращением в Штаты сходить на кладбище, на могилу Вадима. Подруга Рита по-прежнему жила на Пресне. До Ваганькова в прямом смысле—рукой подать.

Стоял тёплый сентябрьский день. Листья на деревьях наполовину пожелтели, но ещё не опали. Город проснулся в тонкой прохладной дымке, сквозь которую чувствовалось приближенье осени. Будто она приостановилась на пороге и раздумывает, войти в свои права или ещё немного обождать.

Рита не хотела отпускать Татьяну на кладбище одну, но та заупрямилась.

— Ты прости меня, Ритуля, но я пойду на его могилу сама. Мне сопровождающие в этом деле не нужны. Не переживай за меня. Ни обморока, ни сердечного приступа не будет. Обещаю.

По дороге Татьяна зашла в цветочный магазин и купила букет сиреневых астр—символ осенней грусти. Перед входом на кладбище, в офисе, Татьяне дали карту Ваганькова с координатами могилы Вадима. Она брела по узким аллеям и вспоминала, как давным-давно, в школе, мальчишки бегали на Ваганьково, пролезая через дыру в заборе, ломали там ветки черёмухи и сирени и дарили любимым девочкам. Такой был у них в классе ритуал.

Но черёмуха цветёт в конце мая, а сирень—в начале июня. Всё это давно отцвело, как и моя жизнь,—думала Татьяна.

Ваганьковское кладбище растянулось на юго-востоке Москвы огромным городом мёртвых. Татьяна долго блуждала среди могил. Остановилась перед памятниками Владимиру Высоцкому и Андрею Миронову. На фоне ореола их популярности и славы прошли Танины юность и молодость.

Наконец Татьяна нашла могилу Вадима. За свежевыкрашенной оградой—аккуратный холмик свеженасыпанной земли с крестом и фотографией уже не молодого, но и не пожилого Вадима, того мужчины, с которым она встречалась в свои первые приезды в Москву. Рядом с могилой—клён, ещё не растерявший свою листву. Памятник пока не поставили. На холмике лежали венки и букеты не успевших увянуть цветов. Розы, астры, васильки. Видно, на эту могилу приходили часто…

Татьяна положила свой букет астр под фотографией Вадима и присела на деревянную скамейку.

— Ну вот и свиделись, Вадик!—сказала Татьяна.—Думаю, что это наша с тобой последняя встреча в Москве. Сюда я больше не приеду. Без тебя мне в этом городе делать нечего. Следующее свидание будет у нас на том свете…

Татьяна сидела на скамейке, смотрела на портрет Вадима и вспоминала историю их любви с седьмого класса… и после школы. Она была настолько погружена в воспоминания, что не заметила, как к могиле подошла полная пожилая женщина в чёрном, с растрёпанными ветром полуседыми, полувыкрашенными в блонд волосами и бледным, опухшим, в красных разводах от слёз лицом.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? Мы с вами знакомы?—строго и как-то нервно спросила женщина Татьяну и просверлила её острым взглядом прищуренных то ли от солнца, то ли от близорукости глаз.

Та от неожиданности вздрогнула, повернулась к женщине лицом. Смутилась, как будто её застали за каким-то тайным или запретным делом:

— Я, я… Таня, одноклассница Вадима. А вы, видимо, его жена Соня. Так ведь?

— Да! Я—его жена. А вы, Таня, насколько я помню по рассказам мужа, наверное, его первая любовь… Видите, я в курсе.

— Она самая, первая любовь. А я и не скрываю. У всех людей была когда-то первая любовь. А у кого её не было, того Всевышний, можно сказать, обделил.

— Так, оставим философию. Скрывай—не скрывай, от меня всё равно не скроешься. Как вы здесь оказались? Откуда вы узнали о смерти моего мужа? Вы же вроде в Америке живёте,—сказала Соня и устало рухнула на другой конец скамейки.

На её лице отразились недовольство и нескрываемая неприязнь к этой «незваной иностранной гастролёрше», присутствие которой нарушало Сонино личное пространство, как бы претендуя на её собственного мужа, хоть уже покойного.

Только её мне здесь сейчас и не хватало,—с раздражением подумала Соня.

— Как я здесь оказалась?—от волнения Татьянин голос дрожал.—Я вообще-то москвичка, как и вы, и иногда приезжаю в родной город. Имею право. У меня, видите ли, здесь остались друзья и родственники. Вот пару дней назад я прилетела и… узнала от знакомых, что Вадима больше нет. И я глубоко сочувствую вашему горю, Соня. Я понимаю, что такое потерять мужа. Я тоже—вдова.

Раз вдова—сидела бы лучше дома, в Нью-Йорке, и горевала на могиле своего мужа, чем по могилам чужих мужей таскаться,—хотела сказать Соня, но благоразумно промолчала. Она не знала, как и что говорить этой элегантно одетой русской американке, которая своим неожиданным присутствием испортила очередной Сонин приход на могилу Вадима. Соня приходила сюда почти каждый день, приносила свежие цветы и мысленно разговаривала с мужем, рассказывала ему о делах семейных, о детях и внуках. Так она коротала вдовьи дни.

— Вы понимаете? Сомневаюсь. Если бы понимали, не оказались бы здесь сейчас вместе со мной. Ушли бы сразу, что ли, увидев меня,—резко сказала Соня.

Татьяна покраснела, осознав неуместность своего присутствия вместе с Соней у могилы Вадима и неловкость возникшей ситуации, опомнилась и несколько охладила свой пыл.

— Соня, вы, пожалуйста, не беспокойтесь, я сейчас уйду, не буду вам мешать.
— Вы уже помешали. Да сидите уж, раз из Америки приехали,— неожиданно смягчилась Соня, оценив вежливость и тактичность Татьяны.— Так вот вы какая, оказывается! Моложавая, стильная, всё ещё красивая. Впрочем, я, пожалуй, была покрасивее вас, да и ростом выше. Это горе меня к земле придавило… Когда-то в молодости Вадим мне о вас рассказывал,— добавила она, щурясь на солнце и продолжая пристально, до неприличия въедливо разглядывать Татьяну.
— Рассказывал? И что же он вам обо мне рассказывал? В какой связи? Любопытно узнать… после стольких лет.
— Не так уж и много… Ну, что вы его первая любовь, что у вас был школьный роман, который прервался, когда Вадик в девятом классе переехал на новую квартиру и перешёл в другую школу. Там, в этой школе, мы с ним и познакомились и полюбили друг друга. Что вроде вы с ним больше не встречались и даже не перезванивались… Да, вот ещё что. И это важно! Почему-то после окончания одиннадцатого класса и трёхлетнего перерыва вы ему неожиданно позвонили и пригласили на свой день рождения. С чего это вдруг вы прорезались и решили вспомнить первую любовь? Тут уже я встала на дыбы и не пустила его.
— Что? Что вы сказали? Повторите!— Татьяна не верила своим ушам.
— Повторяю. Я его не пустила на ваш день рождения,— отчётливо сказала Соня.

Какое-то время Татьяна молчала, ловила ртом воздух, потом всё же ответила Соне:
— Ах, вот оно что. Вы его просто взяли и не пустили… Так сказать, держали на коротком поводке. Мол, Вадик, к ноге! А я-то, дурочка, всё недоумевала, почему он не только не приехал, но даже не поздравил меня с днём рождения и не извинился. Это было на него совсем не похоже… Он любил меня и очень нежно, трепетно ко мне относился.

Вот тайна и раскрылась. Она его не пустила, женила на себе, и он на несколько лет исчез из моей жизни. Потом, правда, он появился снова… но уже в другой роли,— мысленно подвела итог Татьяна.
— Да, вот так взяла и не пустила! Тем более что, как вы изволили сказать, он трепетно к вам относился. А что бы вы хотели? У нас была любовь в самом разгаре, и даже день свадьбы уже назначен. Если бы он поехал к вам на день рождения, это могло бы как-то нарушить все наши планы. Говорят, старая любовь не ржавеет. Я боялась, не хотела рисковать. И правильно сделала. Он к вам не поехал. Мы поженились и прожили с Вадимом сорок два года, вырастили двоих детей. У нас трое внуков.

Господи, надо немедленно прекратить эту банальную перепалку соперниц, тем более что Вадим мёртв и делить нам некого, разве что символ!— подумала Татьяна:
— Да, да! Соня, вы были умной, предусмотрительной девушкой и всё сделали правильно,— в голосе Татьяны всё ещё звучала ирония.— Вы боролись за своё счастье. Мой день рождения без Вадима сыграл решающую роль в наших судьбах. Вы получили Вадима, так сказать, в полную собственность. И наши жизни пошли по разным руслам.
— И что же, вы недовольны своей судьбой? Вы благополучно уехали в Америку, а мы тут пережили перестройку, беспредел девяностых, путчи, кризис и еле-еле выкарабкались на поверхность из этого кошмара. У Вадима был тяжёлый период. Он терял почву под ногами и начал пить. Я спасла его!
— Я благополучно уехала в Америку? Знали бы вы, через что мы прошли в начале эмиграции!
— Ну, наверное, у вас были свои трудности. Но важен результат. По вашему виду не скажешь, что вам плохо живётся в Америке.
— Да, я выстрадала и построила свою новую жизнь. Но и вы с Вадиком быстро очухались, поднялись, и, говорят, он стал крутым бизнесменом. Однако до олигарха всё же не дотянул.
— Ваша ирония здесь, на могиле моего мужа, неуместна.
— Простите, Соня! Меня занесло. В общем, что было, то было. И я ни о чём не жалею! Ни о чём!
— Не жалеете, значит? Америка, новая любовь, муж, новая жизнь! Понимаю, Вадим— ваша первая любовь, но… ведь столько лет прошло с тех пор! Целая вечность! Вадика больше нет. Казалось бы, кто и что он для вас сейчас? Просто память о влюблённом подростке! Нет, не просто… Вы приехали сюда, на его могилу и вот, вижу, цветы принесли. Странно всё это! Тут какая-то тайна. Колитесь, Таня! Когда вы в последний раз виделись с моим мужем? Уж теперь-то, на его могиле, вы можете сказать правду.
— В восьмом классе на выпускном вечере! Это была наша последняя встреча,— твёрдо сказала Татьяна.

В ней боролись два чувства: чувство мести бывшей сопернице, которая в юности отняла у неё Вадима, и сострадание убитой горем женщине, которая прожила с мужем столько лет и теперь не знает, что делать с оставшейся вдовьей долей. Сострадание победило.

Прости меня, Вадик, за эту невольную ложь во спасение! Кому теперь нужна горькая для Сони правда? Ни мне, ни Соне, ни тем более тебе. Ты ведь и сам хотел сохранить наши встречи в тайне. Так и будет. Клянусь тебе!— подумала Татьяна. И от этой клятвы у неё потеплело на душе…
— И вы вообще больше с ним не встречались, не перезванивались и не переписывались?
— Именно так! Не встречались, не перезванивались и не переписывались.

— Я вам не верю! Вы лжёте. Мой Вадик был интересным мужчиной, с положением, деньгами и… любовницами. И… чего уж теперь молчать! Он был жутким бабником и сердцеедом…

Я об этом догадывалась,— подумала Татьяна.— *Но он был чужим мужем, и меня это не останавливало.*

— Да, я знала о его любовных похождениях,— продолжала в сердцах Соня.— Впрочем, и весь город об этом знал. Мы ссорились, я даже несколько раз прогоняла его из дому или сама от него уходила, но потом всё же в конце концов прощала его и возвращалась домой… Очень его любила и не представляла себе жизни без него. Хотя наша жизнь была отнюдь не сахар. Вечные длительные заграничные командировки, и всё больше в жаркие страны. А я до обморока не переношу жару. У меня от жары повышается давление. Кондиционеры в то время были редкостью. И мне хотелось домой — в нашу благоустроенную квартиру на Ленинском проспекте и на тихую подмосковную дачу. В нашу тёплую весну, нежаркое лето и золотую осень. Но я, как преданная жена, всегда ездила с ним, была рядом. А вы, вы приезжаете из Америки, за тысячи километров, приходите на его могилу, сидите тут, горюете. И говорите мне, что между вами, кроме невинных поцелуев в школе, ничего не было. Не верю я вам, и всё!

— Не было! Больше ничего не было. Можете мне не верить. Это ваше дело,— стояла на своём Татьяна.

— Да, это моё дело, мой муж и моя будущая могила. Мы жили вместе и вместе будем в земле лежать. И никого всё это не касается,— сказала уже более спокойно Соня.

Какое-то время обе женщины сидели молча на скамейке, уставившись на портрет Вадима. Мягкие сентябрьские лучи солнца освещали его красивое лицо, ещё не тронутое болезнью. Татьяне вдруг показалось, что Вадим улыбнулся ей, заговорщически подмигнул и произнёс в её, Таниной голове: *Умница моя! Спасибо, что сохранила нашу тайну.*

Я умею любить и молчать! — мысленно ответила ему Татьяна.

— Ой! Что же я тут сижу с цветами? — вдруг спохватилась Соня.

Она неожиданно легко подняла со скамейки своё полное тело, подошла вплотную к могиле, заботливо поправила портрет и крест. Поцеловала портрет, потом аккуратно положила рядом с Таниным букетом бордовых астр свой букет, астр сиреневых, и, повернувшись лицом к Татьяне, тихо сказала:

— Так… значит, вы тоже вдова? И давно?

— Да, уже скоро десять лет.

— И как вы справляетесь с одиночеством? У вас есть дети, внуки?

— Да, есть сын и двое внуков. Но они далеко, в другом штате. А я в Нью-Йорке — одна. Сначала было очень горько и больно. Потом постепенно я привыкла к одиночеству. Смирилась. Продолжаю жить, путешествую. Вот приехала в Москву… Пройдёт несколько лет, и вы тоже привыкнете. Супруги только в сказках умирают в один день. (Ну, если, конечно, они не попадают в смертельную аварию.) А в реальности почти всегда один умирает первым, оставляя партнёра или партнёршу в одиночестве, с сознанием вины, что сам остался жить. Вдовья доля незавидная. Одиночество, безысходность, беззащитность, жизнь на семи ветрах.

Они опять помолчали… Соня успокоилась, снова присела на скамейку вполоборота к Татьяне, достала из сумочки расчёску и пудреницу, пригладила волосы, припудрила лицо и посмотрела на свою «соперницу» уже не враждебным, а мирным и даже несколько смиренным взглядом:

— На семи ветрах, говорите? Очень верно сказали. Я и есть теперь на семи ветрах. И никому до моего горя нет больше дела. Дети и внуки погрустили и успокоились. Работают, учатся, влюбляются. Их жизнь продолжается, а моя… Ну да Бог с ней, с моей жизнью! А знаете что: мы весной будем ставить Вадику памятник. Я уже и дизайн выбрала. Если хотите, приезжайте. Я не против. Напишу вам на «Фейсбуке» заранее, когда будет открытие памятника.

Татьяна обомлела и даже как-то оробела от Сониных слов, подумала: *А ведь она — добрая женщина, эта Соня, и была Вадику преданной женой. Я бы всё равно не смогла терпеть его романы и вечные командировки в Азию и Африку. Хорошо, что он тогда не пришёл на мой день рождения… Судьба правильно распорядилась.*

— Спасибо за приглашение, Соня! Я постараюсь приехать, если, конечно, обстоятельства позволят. Ну, мне пора! Оставлю вас с ним наедине. До встречи весной,— сказала Татьяна, подошла к Соне, наклонилась и, сама не ожидая от себя, обняла её.

Соня не оттолкнула бывшую соперницу и тихо заплакала.

Подул ветер, и на могилу Вадима посыпались багряно-жёлтые кленовые листья. Осень вступила в свои права.

Марат Валеев

Дело Мурзика

Спасение Серого

День выдался морозным, с утра — ниже тридцати. Светлана Олеговна бодро вышагивала по тротуару к аптеке, где ей надо было забрать выписанные лечащим врачом лекарства. Обгоняющие её и идущие навстречу прохожие с заиндевевшими бровями и ресницами выдыхали облачка пара. Все едущие по широкому проспекту машины также клубились дымным паром. Но поток их сегодня был не очень плотным — многие водители не смогли или не захотели завести свои механические «повозки» и поехали на работу или по каким-то иным делам на общественном транспорте.

«Мяу-у-у-у! Мяу-у-у-у-у-у-у-у-у!» — услышала вдруг Светлана Олеговна отчаянный кошачий вопль. Повертела головой и увидела: под окном одной из квартир протянувшегося вдоль тротуара девятиэтажного панельного дома, на испещрённом окурками снегу, сидел крупный и гладкий кот, белая шубка которого была разукрашена серыми пятнами. Он смотрел вверх, явно на первый этаж, и время от времени жалобно взывал к тем, кто находился в тепле за этим окном.

Но форточка была закрыта, и никто бедного замерзающего кота не слышал. Было похоже на то, что его выпустили сходить «по нужде» на улицу, да и забыли впустить обратно, или он сам сиганул через форточку, когда та была открытой, на свежий воздух, а вот теперь просился обратно. Но никто его, бедолагу, не слышал, как он ни надрывался.

— Ах ты ж, бедолажка! — пожалела плачущего зверя Светлана Олеговна и шагнула к нему с тротуара — до дома было рукой подать.

Удивительно, но кот не стал от неё убегать, а, примурлыкивая, принялся тереться о её ноги.

— Замёрз? Домой хочешь? — участливо спросила женщина.

«Мур-р-р!» — подтвердил кот, задрав круглоухую голову.

— Сейчас попробуем вернуть тебя твоим непутёвым хозяевам. Это ж надо: добрый хозяин собаку в такую погоду на улицу не выпустит, а эти теплолюбивого котика выставили! Сейчас, маленький, сейчас!

Светлана Олеговна сначала негромко, а потом всё смелее стала кричать в сторону того окна, под которым сидело замерзающее животное:

— Эй! Э-ей! Заберите вашего кота!

Но никто не появился и не отозвался там, за стеклом. И тогда Светлана Олеговна решила хотя бы запустить кота в подъезд. Определить местонахождение подъезда было нетрудно: окна квартиры, куда просился кот с улицы, располагались с самого края — значит, первый. Она пошла туда и позвала за собой кота:

— Кис-кис, пошли домой!

Этот кот всё понимал и тут же засеменил за Светланой Олеговной. Они обогнули дом и подошли к подъезду. Дверь была с домофоном. Но это не беда — всё равно кто-то же должен выйти из подъезда или войти. И женщина с котом стали ожидать этой оказии, время от времени посматривая друг на дружку.

Спустя пару минут дверь точно открылась, и из подъезда вышел… изумительно красивый голубоглазый хаски с насупленными бровями. Он вёл на натянутом поводке за собой хозяина.

Но каким бы хаски ни был красавцем, он оставался псом. И, завидев кота, тут же показал свои белые острые клыки и рыкнул, рванувшись вперёд — хозяин едва удержался на ногах.

Светлана Олеговна не успела оглянуться, как только что трущийся о её ноги кот мгновенно исчез — ну вот просто как молния сверкнул, и исчез.

Красавец хаски и его хозяин как ни в чём не бывало проследовали во двор по своим делам мимо оторопевшей женщины. А она, как ни крутила головой, высматривая, куда же мог деваться кот, как ни кискискала, так и не обнаружила его. Выходило, что её миссия по спасению замерзающего животного бесславно провалилась! И она напрасно топталась всё это время у чужого дома, вместо того чтобы быть уже в аптеке и забрать нужные лекарства.

Раздосадованная Светлана Олеговна туда и направилась, с надеждой думая о том, что хозяева всё же хватятся своего Мурзика, Барсика ли — как они там его называют? — и заберут, наконец, домой.

Аптека была в сотне метров от того дома, возле которого она задержалась. И вскоре женщина, сама порядком продрогшая, уже блаженствовала в хоть и пропахшем лекарствами, но тёплом помещении. Народа в аптеке практически не было,

если не считать сгорбленной бабуси у окошечка провизорши. Впрочем, она скоро ушла, и её место заняла Светлана Олеговна.

Забрав пару упаковок с лекарствами для заболевшего мужа и немного отогревшись, она отправилась домой. Путь её лежал мимо того же дома. И Светлана Олеговна слабо ахнула, когда увидела знакомую картину: под окнами той же квартиры сидел тот же серо-белый кот и так же отчаянно мяукал.

— Вот сволочи! — ругнулась Светлана Олеговна. — Неужели до сих пор не хватились своего ребёнка?

Своего кота Тёму она называла именно так — ребёнок, хотя тот не был им ни по возрасту, ни по прочим параметрам. Наверное, называла она его так потому, что ухаживала за ним, как если бы он действительно был ребёнком. Нет, нет, настоящий ребёнок у неё был, но он уже давно вырос: сын Владик и сам уже растил своего ребёнка, её внука.

А сейчас Светлана Олеговна жила одна со своим загрипповавшим мужем — тоже, кстати, ставшим от этого большим капризничающим ребёнком. В общем, для неё все, кто нуждался в её заботе и опеке, были ребёнками, так как Светлана Олеговна продолжала оставаться мамой с чутким и добрым сердцем. А сейчас в её помощи нуждался вот этот замерзающий на улице кот. И женщина не могла и не хотела пройти мимо.

Светлана Олеговна снова сошла с тротуара, да и кот, завидев её, сам метнулся к ней и, задрав вертикально подрагивающий пушистый хвост, с ласковым мурчаньем стал тереться о её сапожки.

«Если не смогу впустить его в подъезд, заберу с собой! — растроганно подумала Светлана Олеговна. — Ничего, прокормим тебя, Серый (она уже и имя придумала для возможно нового члена своей семьи)! Лишь бы Тёма тебя принял. Да примет, куда ж ему деваться?»

Но сначала надо было попробовать всё же вернуть Серого в родные пенаты. А чтобы он никуда больше не убежал, если его кто-то опять испугает, Светлана Олеговна решила взять кота на руки. Она не успела об этом подумать, как тот сам взлетел ей на подставленные руки!

Женщина засмеялась и, прижав Серого к груди, пошла с ним к знакомому подъезду. Как раз в него входила девочка лет десяти, и Светлана Олеговна шагнула за ней. И как только они поднялись на площадку первого этажа, Серый спрыгнул с её рук и устремился к приоткрытой двери с покосившейся металлической цифрой «2». Оттуда, из этой второй квартиры, где и жил, похоже, кот, слышались негромкая музыка, разрозненные пьяные голоса и сильно пахло табаком.

«Уже с утра празднуют, — неприязненно подумала Светлана Олеговна. — А за бедным котом присмотреть некому!» Она уже хотела было позвонить в открытую дверь и укорить хозяев за беспечность. Но, завидев, как Серый, даже не оглянувшись на свою спасительницу, тут же юркнул за эту обшарпанную дверь и скрылся в глубине прокуренной шумной квартиры, успокоилась: кто бы и как там ни жил, за этой дверью, это — дом Серого. И кот сейчас дома, а не мёрзнет на улице на тридцатиградусном морозе. А это было главное.

— Ну, прощай, Серый! Надеюсь, больше не увидимся, — скорее себе, чем скрывшемуся за дверью второй квартиры с её развесёлыми обитателями коту, негромко сказала Светлана и направилась к выходу.

Надо было спешить домой, где её заботы ждал другой, так некстати перед самыми новогодними праздниками расхворавшийся, большой «ребёнок».

Дело Мурзика

— Ну, Вадим Николаевич, рассказывайте, как дошли до жизни такой.

Лейтенант Захаринский был молод и, по всему, неопытен, но изо всех сил старался показать себя видавшим виды и много чего понимающим следователем и потому сидел на стуле напротив больничной койки, на которой лежал Вадим, откинувшись на спинку и широко расставив ноги. Белый халат был небрежно накинут на его плечи и, казалось, вот-вот спадёт на пол.

— Кстати, забыл спросить. Как вы себя чувствуете? Болит? А может, вам дать что-нибудь попить?

Следователь потянулся к тумбочке, на которой стоял тетрапак с каким-то соком. И халат с лёгким шорохом всё же соскользнул с его плеч на клетчатый линолеум.

Вадим Карпенко рассеянно покачал головой.

— Тогда рассказывайте, как всё произошло, — сказал Захаринский, подбирая халат и неловко накидывая его снова себе на плечи. — И учтите: не в ваших интересах пытаться что-то скрыть…

Вадим вздохнул: да что там скрывать? Всё и так предельно ясно.

В тот день Вадима срочно отправили в командировку. Ехать надо было совсем недалеко от родного города — за триста километров, в посёлок Щебаркуль, где местный комитет по спорту вёл подготовку к проведению областной спартакиады, до которой осталась ровно неделя. Туда вообще-то должен был поехать главный специалист Сигнатуров Максим, но у него жена вдруг срочно вздумала рожать, так что вместо него и пришлось отправить старшего методиста Вадима Карпенко.

Вадим позвонил жене, в двух словах объяснил ей, что вернётся домой через пару-тройку дней, а сам заскочил домой, чтобы быстренько собрать сумку и тут же мотануться на автовокзал. Оставив шофёра дежурной машины обладминистрации Митрохина скучать за рулём, он быстренько поднялся на свой второй этаж, отпер дверь. Под ноги

ему тут же шариком выкатился их всеобщий любимец, совсем ещё маленький чёрно-белый котёнок Мурзик.

Этого забавного кошачьего детёныша дочери Вадима и Марины Карпенко Оленьке преподнесли в подарок на день рождения их друзья Мещеряковы, и никакого иного, может быть, более оригинального, имени для него на общем семейном совете Карпенки придумать не сумели. Впрочем, котёнок был ещё очень глуп и на своё имя пока не отзывался. Но это не мешало четырёхлетней Оленьке, которая сейчас была в садике, обожать своего пушистого приятеля.

— Куда ты, Мурзик?— проворчал Вадим, ногой легонько подталкивая попискивающего котёнка к входу в гостиную.— В дом иди, в дом! Пойдём посмотрим, что там тебе мама оставила в кормушке. Молочко у тебя там есть?

В это время зазвонил домашний телефон. Он стоял на журнальном столике у дивана. Вадим прошёл к аппарату, снял трубку:

— Слушаю!

Звонил его приятель, заместитель начальника департамента Артём Ивановский. Вадим думал— что-нибудь важное. А Ивановский всего лишь попросил забрать у главы Щербакульской администрации небольшую баночку, с ним он уже договорился.

— А что там такое?— поинтересовался Вадим.— Уж не наркота ли?

— Ну у тебя и шуточки,— обиделся Ивановский.— Жир это барсучий. Любимую тёщу буду лечить…

От чего будет лечить свою любимую тёщу таким специфическим лекарством его приятель, Вадим выяснять не стал. Но не забыл вырвать у него обещание проставиться парой-другой «Балтики» за услугу. Вадим, как спортсмен в недалёком прошлом— чиновником он стал волей случая всего три года назад по протекции ушедшего на пенсию своего дяди, замглавы администрации,— вообще-то не пил, но пивком, да в хорошей компании, иногда побаловаться любил.

Положив трубку, он вытащил из шкафа свою дорожную сумку, затолкал в неё зубную щётку, пасту, эспандер, недочитанный томик Славы Сэ, пару бутербродов с колбасой и сыром и пошёл к выходу. Уже накидывая куртку, он понял, что его беспокоит: он не слышал и не видел Мурзика, обычно всегда с писком путающегося под ногами.

— Мурзик, Мурзик! Кис-кис, котик!— позвал Вадим, одновременно заглядывая за кресла, под стол, потом вообще лёг на пол и заглянул под диван.

Котёнка нигде не было.

— Этого ещё не хватало!— раздражённо пробормотал Вадим, поднимаясь с пола.— Куда ж ты задевался, засранец?

Он вышел в прихожую и обнаружил, что забыл захлопнуть за собой дверь, когда заторопился к телефону. Мурзик вполне мог выбраться в оставленную щель на площадку. Вадим вышел за дверь. Котёнка не было видно и здесь. Может, он спустился вниз? Или вскарабкался на верхнюю площадку?

Вадим прошёлся до первого этажа, потом вернулся и стал подниматься на третий. И здесь, на переходной площадке, увидел то, отчего его крепкое сердце спортсмена ухнуло куда-то вниз, замерло, а потом заколотилось с бешеной силой.

Мурзик лежал безвольной чёрно-белой тряпицей под стеной и не подавал признаков жизни. Около него образовалась небольшая лужица алой крови, и рубчатые следы этой крови отчётливо впечатались в тёмно-серый глянец бетона лестничных ступеней, ведущих на третий этаж.

Вадим мгновенно понял, что здесь произошло. Глупый Мурзик выбрался благодаря неплотно прикрытой двери из квартиры. В это время мимо проходила какая-то сволочь и просто наступила на разгуливающего по площадке котёнка правой… да, правой ногой в тяжёлом ботинке, раздавила его и пошла дальше вверх, оставив следы на лестнице.

Но кому мог помешать безвинный котёнок? Кто этот зверь, походя отнявший жизнь у совершенно безобидного существа? И что Вадим с Мариной скажут своей дочери, которая обнаружит пропажу Мурзика?

Вадим, всё ещё придерживая рукой левую сторону груди, в которой гулко и часто бухало его возмутившееся сердце, осторожно прошёл вверх рядом с ёлочкой кровавых следов. Они оборвались перед дверью двадцать второй квартиры. Она была точно над его квартирой, и в ней, Вадим знал, живёт беспокойное семейство Буртасовых, переехавшее к ним в дом пару лет назад.

Глава семейства Егор работал таксистом, жена его медсестрила в городской больнице. Они растили двоих детей, запуганных таких мальчика и девочку. Этот Егор был самое настоящее хамло. По выходным напивался, обязательно колотил жену, всё это с шумом, грохотом, истошными криками самих родителей и испуганными воплями детей.

Обычно к ночи они мирились и скрепляли акт примирения бурным сношением где-то далеко за полночь, с непременным постукиванием спинки кровати о стену. Это скотство доставало всех соседей Буртасовых, но потолковать с ним по-мужски пока ещё никто не решался. Поговаривали, что у Егора мутное прошлое и он всегда носит нож в кармане.

Вадим однажды, когда Буртасовы поначалу ещё вели себя более-менее сносно и соседи не отгородились от них безмолвной стеной осуждения и презрения, попросил Егора подбросить его до работы. Он опаздывал на совещание, а Егор как раз садился в свой таксомотор, потрёпанную такую серебристую «тойоту»— он иногда приезжал домой перекусить.

И вот когда они уже почти выехали со двора, откуда-то им наперерез выскочила чёрная кошка. Егор, вместо того чтобы притормозить, как это обычно делает любой нормальный водитель, напротив, газанул и погнался за кошкой, цедя сквозь зубы ругательства. Погоня, конечно же, длилась недолго — кошка перепрыгнула через металлическое ограждение и потерялась в зарослях газона, а Буртасов чуть не врезался в припаркованную машину.

— Ты что, парень, сдурел? — закричал на таксиста, придя в себя, Вадим. — Какого хрена ты погнался за кошкой?

— Ненавижу этих хвостатых тварей! — признался, прикуривая от зажигалки трясущейся рукой сигарету, Егор. — Особенно чёрных. Как увижу, прямо убить готов.

— Ну ты и Шариков! — покачал тогда головой Вадим. — Тебе к психиатру сходить надо.

— Да пошёл ты! — оскорблённо бросил в спину вылезающему из его машины Вадиму Егор.

Вадим тогда отказался ехать дальше с этим придурком, а поймал другую тачку. С тех пор они делали вид, что не знают друг друга, и даже не здоровались при редких встречах.

А сейчас у Вадима не было и капли сомнения в том, что так рано оборвавшаяся жизнь Мурзика — дело рук, вернее, ноги Егора.

На всякий случай Вадим спустился на межэтажную площадку, где продолжало остывать тельце бедного Мурзика, и посмотрел через подъездное окно вниз: точно, знакомая серебристая «тойота» с жёлтым таксистским гребешком на крыше была припаркована впритык к детской площадке.

Это он, Егор! Приехал пожрать и, увидев на площадке Мурзика, просто так, из-за того, что не любил кошек, взял и растоптал его. Вадим представил, как будет захлёбываться от слёз его дочь, когда узнает, что котёнок пропал (настоящую правду он ей, конечно, никогда не скажет), как расстроится Марина.

— Ну, козёл, погоди! — выдохнул Вадим и, осторожно взяв в руки изломанного, растоптанного котёнка, снова поднялся к двери Буртасовых.

Лишь бы он был дома один. Да, впрочем, так и должно быть: время было около двенадцати, дети этого урода были одна в садике, другой в школе, жена на работе, а сам он, как обычно, заехал домой перекусить.

Вадим глубоко вдохнул и нажал кнопку звонка. Удивительно, но дверь почти тут же распахнулась. Егор предстал перед Вадимом, держа в руке один из своих тяжёлых ботинок с рифлёной подошвой. Вот почему он так быстро открыл дверь: находился рядом, в ванной, где смывал кровь Мурзика с подошвы. Она была мокрой, и с неё на коврик прихожей капала мутная вода.

— Твоя работа?

Вадим поднёс к изменившемуся лицу Егора трупик котёнка с безвольно болтающейся головой.

Но замешательство Буртасова длилось недолго, он тут же взял себя в руки, а лицо его приобрело обычное для него презрительно-наглое выражение.

— Да пошёл ты! — рявкнул Егор, резко ударяя зажатым в своей руке ботинком по котёнку.

Мурзик вылетел из руки Вадима и, мягко ударившись о стенку, упал на пол.

— Чего ты мне припёр эту дохлятину сюда? Следить надо за своими кошками, а то шляются под ногами! Пошёл, говорю, отсюда на хрен!

И грубо толкнул тем же ботинком Вадима в грудь…

— То есть он вас первым ударил? — прервав рассказ Вадима, задал уточняющий вопрос следователь, всё это время молча делающий торопливые пометки у себя в блокноте. — Это очень важно. И ещё: кто-нибудь видел, как потерпевший вас ударил?

— Да, он первым меня толкнул, — садясь на кровати и держась рукой за побаливающий бок, затянутый бинтами, хмуро подтвердил Вадим. — Но этого никто не видел. Мы же там были только вдвоём.

— Это уже хуже, — вздохнул лейтенант и почесал шариковой ручкой переносицу своего мальчишеского курносого носа с конопушками, сбегающими на розовые щёки. — Ну, хорошо. Он вас толкнул первым. Дальше что было?

Этого Вадим вынести уже не мог. Ни слова больше не говоря, он провёл одновременно по корпусу и по голове Егора серию мощнейших ударов. И бил так, как, наверное, никогда и никого в своей жизни не бил. Хотя как боксёр Вадим провёл на ринге десятки боёв, он не помнил, чтобы от его ударов кто-то взлетал на воздух. А здесь именно так и произошло: от завершающего апперкота в челюсть, в который Вадим вместил всю свою ненависть к этому недочеловеку, ноги Егора оторвались от пола, и он, лязгнув зубами, улетел спиной вперёд в раскрытую дверь гостиной и грузно обрушился там на ковёр. И остался лежать неподвижным.

Тяжело отдуваясь, Вадим хотел было уже уйти из этой проклятой квартиры, но вспомнил про Мурзика. Погибшего котёнка тут оставлять, конечно, было нельзя: эта сволочь, когда очухается, просто выкинет его на помойку. Сам Вадим похоронить его по-человечески просто уже не успеет, до автобуса в Щербакуль оставалось всего с полчаса, поэтому он решил попросить упокоить котёнка дожидающегося его на улице шофёра. Митрохин мужик душевный, всё поймёт и сделает как надо.

Вадим подобрал Мурзика, мельком, через плечо, посмотрел на валяющегося на полу Буртасова — тот должен был уже прийти в себя. Но Егор

продолжал лежать в той же позе — на спине, широко разбросав руки и ноги, Это не понравилось Вадиму.

«Как бы этот козёл ненароком ласты не склеил», — с некоторой тревогой подумал он. И, подойдя к Буртасову, носком туфли потыкал его ногу:

— Ну ты, слабак, кончай придуриваться, вставай давай!

Буртасов никак не реагировал. Вадим перепугался не на шутку. Он опустился на колени, приложил ухо к груди Егора. И тут же услышал не только его учащённое сердцебиение, но и какой-то странный металлический щелчок, и затем почувствовал резкую боль у себя в левом боку.

Ничего не понимая, Вадим резко отпрянул от Егора, вскочил на ноги. И вовремя, потому что Егор приподнялся с пола и снова взмахнул рукой с зажатым в ней ножом с выкидным лезвием, щелчок которого и услышал перед первым ударом Вадим. В этот раз лезвие лишь пропороло ему куртку. Да, не зря всё же про этого ублюдка говорили, что он всегда ходит с «пером».

— Убью, сука! — прошипел Буртасов, в третий раз и всё так же сидя на полу замахиваясь ножом.

Вадим сильно пнул по его руке, и нож с лязгом улетел под стоящий рядом стол. Егор резво повернулся и потянулся за своим оружием. Вадим не стал дожидаться, пока он доберётся до ножа, и прыгнул ему на спину. Он обхватил голову хрипящего от ярости противника и резко вывернул её набок, и тело Буртасова обмякло под руками Вадима.

— Вот так-то, — прошептал Вадим, вставая на ноги.

Внезапно перед глазами у него всё поплыло, и он, теряя сознание, свалился на пол рядом со своим врагом. А неподалёку от них лежало тельце котёнка Мурзика, ставшего невольным виновником этой драмы…

— Ну а дальше вы всё знаете.

Вадим потянулся за соком, лейтенант, снова теряя халат, опередил его и протянул пакет. Вадим отвинтил крышку и отпил несколько глотков прямо из горлышка.

— Нас нашла прибежавшая на шум соседка Буртасовых. Она-то и вызвала милицию и скорую. Что теперь будет, това… гражданин следователь?

— Ну что уж так-то сразу: «гражданин следователь»! — почти смущённо пробормотал Захаринский, захлопывая свой блокнот.

Он явно проникся сочувствием к своему подследственному по только что открытому уголовному делу, которое лейтенант для себя окрестил «Дело Мурзика».

— Идёт следствие, оно всё и расставит на свои места. Лично от себя могу сказать, что тут всё, конечно, неоднозначно. Есть и несанкционированное проникновение в чужое жилище, но есть и веский мотив для этого — убийство вашего бедного котёнка. Конечно, свидетелей этому не было, но мы нашли в трещине рифлёной подошвы ботинка Буртасова и остатки следов крови, и несколько волосков Мурзика. Есть и самооборона. Но есть и превышение пределов этой самообороны. Аффект опять же, я так думаю, имел место быть. Ваше счастье, что шея у этого Буртасова оказалась бычьей и он остался жить. Правда, я бы никому такой жизни не пожелал: лежит бревном, ни рукой, ни ногой шевельнуть не может и только мычит. Видите, как много я вам выдал служебной информации, хотя и не должен был этого делать. Ладно, Вадим Николаевич, выздоравливайте. Мы ещё продолжим наше общение. До свидания!

Он пожал руку Вадиму и направился к двери.

— Скажите, товарищ лейтенант, а вы встречались с женой Буртасова? — задал ему уже в спину вопрос Вадим. — Как она?

Следователь остановился, обернулся. И развёл руками:

— Ну что — жена? Плачет, конечно. Но вас не проклинает, если именно это вас интересует. Говорит, рано или поздно что-то подобное должно было произойти. Уж очень жестоким человеком он оказался. Вот так вот. Ну, я пошёл.

И он осторожно прикрыл за собой дверь больничной палаты…

Птичку жалко…

В спальне на подоконнике (разумеется, с наружной стороны) мы с женой устроили для птиц столовую: высыпаем в коробочку на карнизе семечки, какие-то крупы. И хотя квартира наша расположена довольно высоко — на десятом этаже, пичуги быстро распознали, где им можно подкрепиться, и стали и группками, и по одной наведываться к нам. Это и воробушки, и синички.

А с недавних пор повадился прилетать и снегирь. Он всегда бывает один, и мы предположили, что это один и тот же. Хитрец, никому из своих собратьев не рассказывает, где нашёл такое «хлебное» место, и единолично пользуется им.

Мы его полюбили за то, что он, в отличие от пугливых воробышков и синичек, даёт нам полюбоваться собой. И пока мы разглядываем его, розовогрудого, через оконное стекло и между нами всего сантиметров десять, он преспокойно лущит семечки и не улетает, пока не насытится. Но время от времени косится на нас своими бусинками глаз: не причиним ли мы ему какого вреда?

Мы-то нет, но вот наш кот Тёмка — тот с ума сходит оттого, что мы не даём ему заскочить на подоконник и перепугать своими горящими кровожадными глазами беспечно кушающую пичугу. Он пытается вывернуться из моих или Светкиных рук, царапается, кусается и даже, зверюга, шипит на нас!

Но мы упорно удерживаем его или вообще уходим из спальни и закрываем за собой дверь — пусть

пичуги покормятся спокойно! Сытым зимовать-то куда проще. И как бы Тёмка ни рычал и ни шипел, он их не достанет. А какую опасность для птичек представляют кошки — я мог неоднократно убедиться собственными глазами.

В Туре, где мы работали в редакции окружной газеты, при типографии жила на вольных хлебах кошка Маруся. Питалась тем, что приносили полиграфисты и журналисты, но и мышами, понятно, не брезговала — здание типографии было старое, деревянное, и под полом водилось немало всякой живности. А когда у Маруси появились котята, корму, ей, естественно, понадобилось больше.

Не сказать, чтобы кошка жила впроголодь, миска её никогда не пустовала, но при этом она всегда старалась изловить и какую-нибудь дичь. Видимо, на время материнства у Маруськи обострились охотничьи инстинкты, или она делала это, чтобы, слопав свою добычу, затем с материнским молоком доставлять своим котяткам свежайшие полезные вещества.

И однажды я, выйдя покурить на крыльцо редакции, увидел, как Маруська, буквально вылетев из зарослей палисадника кверху, на лету изловила какую-то пичугу и рухнула с ней, зажатой в зубах, обратно в траву.

Наверное, мне не надо было мешать кошке. Но очень жалко стало птичку (не воробей, не синица, а вообще непонятно какая, крохотная такая, изящная пичуга). И я сам, как кошка, спрыгнул с крыльца в палисадник и успел схватить злобно зашипевшую на меня Марусю.

И хотя эта зверюга здорово меня оцарапала, я сумел вынуть у неё из пасти эту пичугу. К счастью, она была жива и молча открывала и закрывала клювик, и пальцами руки я ощущал частое-частое биение её крохотного перепуганного сердечка.

Маруся ушла, изредка оборачиваясь и одаривая меня недобрым взглядом.

— Иди, иди! — проворчал я. — Мышей вон лови! А то, ишь, летать вздумала!

В редакции я нашёл небольшую картонку и посадил в неё спасённую птичку. Она держалась на ножках, но пошатывалась и то садилась на хвостик, то попеременно опиралась на крылышки, глазки её были полуприкрыты. Оказалась она даже меньше воробья, неброской такой зеленоватой окраски, — уже позже выяснил, что это была пеночка.

Увы, пеночка прожила всего несколько часов, не пила даже предложенной ей воды и навсегда замерла на дне картонной коробки лапками кверху, с судорожно сжатыми в кулачки крохотными пальчиками…

Проклиная кровожадную Маруську, я в этой же коробочке и закопал скончавшуюся — видимо, от ран, нанесённых кошачьими когтями, хотя следов крови не увидел, — пичугу там же, в палисаднике.

А вот ещё одну птицу, более крупную, нам с женой не так давно точно удалось спасти от верной гибели в кошачьих цепких лапах. Дело было на Крите. Мы только устроились в курортном отеле в Амударе, возвращались в свой отель с прогулки. И тут услышали отчаянный крик, непонятно кем издаваемый.

Доносился он из-за проволочной сетчатой изгороди, за которой буйствовала всякая зелень — из известного мне распознал только помидоры да высокие кукурузные стебли. Рядом с нашим отелем, как узнали мы позже, расположились частная вилла местного жителя-критянина и его огород.

Я присмотрелся и увидел, как среди этих помидорных кустов с багровыми плодами идёт борьба не на жизнь, а на смерть: из лап худой рыжей кошки, хлопая крыльями и издавая резкие жалобные крики, пытается вырваться довольно крупная, размером почти с нашу галку, тёмная желтоклювая птица.

И здесь мы также не смогли остаться в стороне, а оба начали громко кричать на кошку, со звоном трясти проволочную сетку изгороди. Хорошо, хозяев рядом не было, а то бы нарвались на международный конфликт. Но поднятый нами шум возымел своё действие: кошка испугалась и, выпустив свою трепыхающуюся добычу из когтей, скрылась в зарослях.

А спасённая нами птица тут же подскочила кверху и полетела прочь, время от времени как бы проваливаясь вниз: похоже, что кошка всё же здорово помяла её. Уже потом, дома, с помощью Интернета я выяснил, что это был европейский чёрный дрозд.

На Крите я его увидел впервые. На другое лето мы поехали отдыхать на чешский курорт Подебрады. Наш отель находился с краю великолепного парка с десятками видов самых разных деревьев и кустарников. И вот там я опять увидел дрозда, причём очень близко: шёл в бассейн по переходу со стеклянными стенами, и за стеклом, всего в паре метров от меня, под небольшим кипарисовым деревцем с низко нависшими тёмно-зелёными хвойными лапами сидел он, дрозд.

Почему-то один, в блестящем тёмном оперении, с жёлтым клювом и внимательными, насторожёнными тёмными глазами в жёлтых же ободках. На улице моросил дождь, вот он, видимо, от него и спрятался сюда.

Я осторожно подошёл вплотную к стеклу, не в силах оторвать глаз от птицы. Дрозд этот не был красавцем, нет, но что-то было в нём, которого я впервые в жизни рассматривал так близко, притягивающее, чуть ли не колдовское…

Впрочем, это я, похоже, сам себе нафантазировал. Птица как птица. Тем более что дрозд, поняв, что привлёк к себе внимание человека за стеклом, поспешно убежал — именно убежал,

а не улетел,—по мокрой траве под другой кипарис, стоящий поодаль.

А потом мы каждый вечер ходили с женой в парк, чтобы слушать пение дроздов. Среди многоголосого щебета, свиста, замысловатых рулад других птиц голоса дроздов выделялись особо. Они не пели, они переговаривались между собой, сидя в траве или в ветвях деревьев, причём голосами такими мелодичными, что их хотелось слушать и слушать.

Но всё же давайте вернёмся ко мне домой. Я открыл дверь спальни, и, опережая меня, в комнату тут же юркнул Тёма и с ходу заскочил на подоконник.

А вот фигушки тебе, котяра: птицы, кто бы из них ни был сегодня—снегири, синицы или воробьи,—всё уже съели на подоконнике и улетели по своим делам. Так что никого тебе, Тёма, больше напугать сегодня не удастся!

Д*и*Н стихи

Степан Султанов

Иона

* * *

Солнце незакатное, тростинка,
У реки забытый узелок,
На скамейке томик Метерлинка,
Под рубашкой летний холодок.

Тачка проскрипела вдоль забора,
Плавают покрышки под мостом,
Отголосок ангельского хора
Пролетел над миртовым кустом.

Утопает в зелени калитка,
Я тебя до двери провожу,
Отголосок облачный, пылинка,
Посмотри, я слов не нахожу.

Иона

Брызгал дождь, и покатые волны
Расходились по чёрной воде,
Утихала ночная гроза
На поверхности моря.

Были водовороты—как норы,
Сквозь которые тысячи рыб
Подплывали под корни Земли,
Повисали в глубинах.

Проплывали широкие тени
Над полями замшелых камней.
Над Ионой сомкнулась вода,
Смолкла ночь над Ионой.

* * *

Солнце село—земля одинока,
Потемнели следы у ручья,
Остаётся лишь музыка Блока
И звенящий осколок луча.

Потемнели лесные канавы,
Остаётся довериться снам;
Города, океаны и травы
Называть по своим именам,

Замолчать до известного срока…
Мерно бьётся о камни волна—
Это в сумерках музыка Блока
Корабли поднимает со дна.

* * *

Портится весенняя погода,
И приятно мне в окно смотреть;
Стало вдруг, в любое время года,
Как-то слишком просто умереть.
Гром над лесом, ласточки над полем,
Радость приближения грозы;
На мгновение запахла морем
Яма возле лесополосы.
Я подозревал, что на закате
Лес похож на старую кровать.
Только б не в облупленной палате,
Только б не в больнице умирать.

Виталий Пырх

Отличник соревнования

Похоронить Билла

К хозяевам загородного дома-дачи, где я в последнее время квартировал, эта собака попала, можно сказать, случайно.

А дело было так. У их знакомых жила в доме хорошая породистая немецкая овчарка, в которой семья души не чаяла. Была она, как это часто водится, вышколенной медалисткой, любила возиться с детьми, не докучала владельцам, а потому, чтобы животное не скучало в одиночестве в душной городской квартире, те почти всегда брали его с собой на загородную дачу.

Там она тоже вела себя примерно, не задирала без надобности соседей, а, чинно прохаживаясь по садовому участку, обнюхивала все углы и зорко следила за порядком.

Но была она, так сказать, особой женского рода, то бишь сукой. Хотя это слово затрёпано в последнее время до такой степени, что в тех же газетах нынче только и читаешь в объявлениях, что продаётся или отдаётся в хорошие руки щеночек хорошей породы, «девочка»… Ну какая же это девочка применительно к собаке?

Впрочем, оставим разбираться в этом лингвистам, а я как говорил на собак с детства по их половому признаку «кобель» или «сука», так и буду продолжать говорить. Если у кого и есть претензии ко мне по этому поводу, то я их отсылаю к составителю «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимиру Ивановичу Далю: разбирайтесь с ним, я тут ни при чём.

Так вот, в один из таких приездов на дачный массив хозяева немецкой овчарки заметили, что она по прибытии на место почему-то всё чаще поглядывает на лежащий за околицей сосновый лес, который, как известно, тянется у нас от каждой дачи, с небольшими перерывами, до самого Тихого океана.

И, улучив момент, когда хозяева отвлеклись, послушная и вышколенная собака пропала…

А дело было ранней весной, дома за городом ещё стояли в снегу, закрытыми и заколоченными, так что владельцы собаки поначалу особенно не встревожились. Ну, возникли, подумали они, у бедняжки извечные женские проблемы, побегает немного, порыскает в поисках кобеля, да и вернётся обратно. Пока что других собак здесь нет, беспокоиться нечего. Породу никто не испортит…

А вышло всё по-другому. Как — теперь это уже не скажет никто, но я попытаюсь пофантазировать. В то время как озабоченная и полностью готовая к вязке сука, перемахнув через невысокий забор, устремилась в лес, там же волею судеб оказался в это время и заметно оголодавший за зиму серый хищник. И не «мальчик» какой-то, а самый настоящий волк. Который забрёл на городскую окраину в поисках пищи.

Ну, если бы он увидел приближающегося к себе в лесу пса, то есть кобеля, участь последнего была бы незавидной. Шансов остаться живым у него бы не было.

А тут — сука, чистая, породистая… Это его заинтересовало. И, на секунду позабыв про голод, он, фыркая от возбуждения носом, бросился ей навстречу.

Когда-то в свои детские годы я уже встречался с подобным случаем, как-то попав на остров Хортица в Запорожье, куда в специально оборудованный загон привозили из окрестных сёл для спаривания с дикими кабанами больших и, как сейчас помню, ослепительно белых свиноматок.

Этот загон и сейчас стоит у меня перед глазами. Что-то похожее на лабиринт из толстенных дубовых досок, где специально отловленные для такого случая егерями в близлежащих дубравах кабаны уже поджидали своих «невест».

И когда тех выгружали из машин, на кабанов страшно было смотреть. В отличие от чистеньких свиноматок, все они были заросшие и «небритые», в грязи, от них плохо пахло. Однако, почувствовав запах одомашненных избранниц, они исступлённо бросались на дубовые доски, загораживающие проход, разбивали себе в кровь носы, тряслись, как от тропической лихорадки.

— Вот что природа с хряками вытворяет, — довольно усмехнулся огромный, сам как кабан, егерь, приоткрывая на мгновение дубовый притвор для очередного счастливчика.

И тот, получив свободу, тут же бросался в соседнюю загородку, где его ждала очередная «красавица».

А делалось всё это, как мне потом пояснили, с одной только целью: восстановить естественный,

то есть природный, ход размножения животных. Иначе одомашненные свиньи через какое-то время утрачивали способность давать полноценное с биологической точки зрения потомство, и, чтобы не плодить двухголовых подсвинков, надо было пустить свежую кровь.

Вот её и пускали…

Так что, думается мне, и в том сосновом лесу, о котором я говорю, произошло нечто подобное. Во всяком случае, вскоре образцово воспитанная овчарка разродилась — уже на городской квартире в Красноярске — целой плеядой щенков, которых хозяева, дабы не портить её родословную, быстро разбросали по своим знакомым.

Один из них, названный Биллом — видимо, в честь появившегося у нас тогда фильма известного американского режиссёра Квентино Тарантино «Убить Билла», — как раз и попал ещё к одним знакомым, более близким, чем прежние.

И вот тут-то его история становится для меня более известной. Чёрный на редкость щенок, кроме окраса матери, больше от неё не унаследовал ничего. Даже покормить его и то было проблемой. К себе он никого не подпускал, даже хозяина дома, а, забившись в угол, тихо рычал в ответ на любое обращение.

— Зверюга, да и только, — хмурились его новые хозяева. — А у нас дети…

Между тем щенок подрастал, но характер его не менялся. И тогда хозяева предложили забрать эту собаку моим знакомым, с дома которого я и начал своё повествование. Правда, посоветовав им предварительно соорудить для Билла загон, так как неизвестно, как он поведёт себя после городской квартиры.

Загон соорудили, причём использовали для этого самые надёжные материалы. К огромной стайке, где планировалось держать собаку, пристроили железную загородку из кроватных панцирных сеток, толстых труб, металлических уголков. Не только собаку, но и тигра можно было запускать.

Но когда Билла, с огромными трудами доставленного на новое место жительства, попробовали было по новой «приручить», поняли, что это бесполезный номер. Зайти к нему было невозможно, на контакт ни с кем он не шёл.

Даже еду ему бросали через загородку — по-другому накормить собаку было нельзя.

А между тем он постепенно превращался в огромного и красивого чёрного пса. Он зорко следил за всеми из своего укрытия и время от времени обнажал свои пятисантиметровые клыки.

Вот уж действительно права народная мудрость: сколько волка ни корми, а он в лес смотрит…

В лес он и смотрел, тем более что огромные ветки реликтовых сосен свисали к нему прямо из-за забора.

— Ну, что будем делать? — созвали семейный совет хозяева. — Это же какая-то зверюга, а не собака. Держать взаперти всё время не будешь, да и убирать после него надо. И дерево в стайке погрыз. Чем всё это кончится? А если он выскочит? Даже детей к себе не подпускает…

В общем, пришли к единогласному выводу: собаку надо усыплять. С таким злобным животным человеку не ужиться.

На другой день вызвали ветеринаров. А когда те прибыли на место, подошли вместе с ними к загородке.

По своему обыкновению, при новых людях Билл злобно зарычал, недобро посмотрел на пришедших, а затем улёгся в своём углу и внимательно стал следить за всеми отливающими желтизной глазами.

— Он что у вас, не лает? — спросил, доставая шприцы, один из ветеринаров (их было двое).

— Не-э. Только рычит…

— И правильно, это же не дворняжка, — поправил его второй. — Породистый пёс…

Оба ветеринара несколько раз обошли загон, как бы примеряясь, с чего начать. И всё это время Билл пристально следил за ними, не поворачивая головы.

Конечно, он понимал, что речь сейчас идёт о нём, но то, что в этот момент решается его жизнь, — думаю, вряд ли. Это было бы уже слишком.

Однако, видимо, духовное напряжение людей передалось и собаке.

Он наконец-то вскочил, снова злобно зарычал, и снова оскалил свой клыкастый рот.

— Эка, какой красавец! — восхищённо воскликнул один из ветеринаров, залюбовавшись собакой. — Вы посмотрите, какая стать, какая холка! И вам его не жалко? — повернулся он к хозяйке.

— Жалко, — едва не плача, ответила та. — Так ведь не подпускает он к себе, рычит… А к нам дети приезжают. Страшно.

— Да это, наверное, пока… Перерастёт, наберётся ума. Не может быть, чтобы такая собака была глупой. Может, всё-таки подождём с усыплением? Дадим ему шанс?

— Давайте подождём, — легко согласилась хозяйка, видя, что и сам Билл напряжённо прислушивается к их разговору, как будто что-то там понимая.

Ветеринары ещё какое-то время попереминались с ноги на ногу, а потом уехали, остановившись на том, что если характер у пса в течение ближайшего времени не изменится, то они приедут опять и уж тогда точно усыпят эту собаку без разговоров.

И Билла с этого момента словно подменили. Нет, он не стал, понятно, комнатной собачкой, которых заводят сейчас в наших семьях вместо детей, чтоб не скучно было смотреть телевизор. Но рычать перестал. А затем признал за своих не только хозяев загородного дома-дачи, но и их ближайших родственников. Отца и сына хозяйки, её двоюродного брата…

Его начали выпускать из-за загородки, и он стал спокойно расхаживать по дачному участку, тщательно выбирая тропинки между грядками, чтобы не затоптать рассаду.

Отец хозяйки, или дедушка, как его все называли, купил в магазине кожаный намордник, крепкий, нервущийся поводок, и теперь его стали во всей этой собачьей амуниции выводить в лес.

Встречая там по дороге незнакомых—грибников или просто гуляющих людей, пёс напрягался, громко сопел, тянул в эту сторону поводок, но, не встречая одобрения со стороны людей, всё-таки давал всем расходиться мирно. А может, это материнская выучка и культура брали своё.

И только тогда, когда к хозяевам приезжали новые гости или на участке либо поблизости от него появлялись люди, которых пёс не любил, а это были все без исключения соседи, то его опять загоняли в загородку, откуда грозное рычание отбивало любую охоту заигрывать с собакой.

Вот в один из таких дней я и появился в этом доме.

Это был тёплый и очень солнечный день, когда даже сидеть на веранде загородного дома считается преступлением. Прямо во дворе стояли накрытые, богато сервированные столы, за которыми чинно восседали уже изрядно подвыпившие бывшие и нынешние эскулапы—в России отмечался День медицинского работника.

Я сидел лицом к собачьей загородке, она была метрах в десяти от меня, и поначалу не обращал на неё никакого внимания.

Однако по мере того, как один за другим следовали тосты за процветание нашего отечественного здравоохранения, и хочешь не хочешь, а надо было выпивать, нет-нет да и стал поглядывать в эту сторону.

И наконец, разгорячённый алкоголем, поинтересовался у хозяев: а почему они держат в такую жару взаперти собаку?

Они мне и рассказали историю, которую я, как мог, изложил выше.

— Да ну?—удивился я.—От настоящего волка? Это интересно…

И попросил выпустить из загородки собаку: зачем её в такую погоду мучить?

— А не боишься?—съехидничал сын хозяйки, тоже будучи в хорошем подпитии.

— Не боюсь. Меня собаки не кусают…

Тут я, конечно, слукавил: один раз меня соседская собачка по кличке Жулька всё-таки цапнула за живот. Было это ещё в первые послевоенные годы, когда мы жили на Украине, в Запорожье, о котором я уже упомянул, где вернувшийся с фронта отец построил на окраине города дом и мы начали его обживать.

Впрочем, хозяйственными делами занимались взрослые, а мы, ребятня, собравшись в ораву, с утра и до вечера носились по улице, коротая время. Ну и заходя «по ребячьим делам» то к одному, то к другому приятелю.

У моего ближайшего соседа по фамилии Петров (мы его звали Печа) сторожила двор небольшая, чёрного цвета, собачка, которую все звали Жулька.

Печа зачем-то отлучился в дом, а я от нечего делать приблизился к собаке.

Однако, на моё несчастье, Жульке перед этим дали еду, и она, обычно дружелюбная и ласковая, быстро уплетала что-то из миски, не обращая на меня никакого внимания.

В такие минуты находящихся на цепи собак лучше не трогать: еда для них—священный ритуал.

Я же почему-то забылся и пренебрёг этим золотым правилом. Приблизившись почти вплотную к собаке, протянул руку, чтобы её погладить.

И в этот момент обычно дружелюбная и ласковая Жулька, мгновенно оторвавшись от миски, повернулась ко мне и больно цапнула за обнажённый живот—дело было летом, и я ходил по улице в одних трусах.

Было очень больно, и я закричал.

Перепуганная Жулька, бросив еду, быстро спряталась в собачьей будке. Но появившиеся на мой крик взрослые вскоре извлекли её оттуда обратно. И, отрезав у ничего не понимающей собаки кусочек собачьего хвоста, тут же его сожгли и ещё не до конца остывшим пеплом присыпали у меня на животе ранку.

Почему-то тогда считалось, что это наилучшее средство против бешенства и столбняка. Ну не ездить же из-за такого пустяка по больницам?

Всё это мигом пронеслось в моей голове, когда я услышал короткое Мишино слово (так звали сына хозяйки):

— Ну смотрите…

И он пошёл открывать загородку.

Все сразу же повернулись в нашу сторону. Раздались протестующие голоса: с ума, что ли, сошли? зачем это? он же порвёт!

Стали отговаривать и меня: бегите скорее на кухню, это опасно…

Но я уже хорошенько выпил, настроение у меня было праздничным, а в таком состоянии, как говорится, русскому человеку и море по колено.

Тем временем дверь загородки отворилась, и все разговоры за столами смолкли. Теперь все сидящие за ними люди неотрывно смотрели только на Билла.

А он, получив свободу, повёл себя не как дворняжка, сразу же бросившаяся на незнакомого человека с лаем, а как настоящий хозяин положения. Словно понимая, что мне теперь никуда уже не деться и что я сейчас нахожусь в его полной власти.

Огромная чёрная собака с хищно обнажёнными клыками медленно приближалась ко мне по бетонной садовой дорожке, и пёс шёл не прямо, а как бы зигзагами, не отводя от меня своих отливающих желтизной глаз. Хвост его был прижат, ноздри от возбуждения дрожали, а уши торчали над головой, как две негнущиеся палки.

Признаюсь, что мне стало не по себе.

«Никогда не бойся собаки,—пришли на память отцовские слова, сказанные ещё в детстве, как раз после того случая с Жулькой, хотя я её нисколько не боялся, а хотел, наоборот, погладить.—Собака всегда нападает на того, кто её боится».

Но что значит не бойся, когда к тебе приближается, и явно с недобрыми намерениями, такой зверь? Конечно же, я изрядно струхнул, хотя внешне это никак не проявлялось. Что-что, а это я умею…

Помнится, как в свои студенческие годы, будучи командиром отряда на обязательной тогда осенней картошке, я зазевался малость и не отступил вовремя в сторону от лошади, на которой ездил верхом. И на виду у половины отряда торопившаяся в конюшню лошадь, у которой там был жеребёнок, которого, видимо, пришла пора кормить, со всего размаху наступила мне задней ногой на ногу. Народ так и ахнул! А я, хоть и с трудом, высвободил свой сапог из-под копыта, легко вскочил в седло и проскакал как ни в чём не бывало по просёлочной дороге. Тоже невидаль какая—наступила лошадь на ногу! И только тогда, когда я въехал в небольшой сосновый лесок и никто уже меня видеть не мог, я слез с коня, привязал его к дереву, а сам, с трудом сняв доставшийся мне ещё в армии кирзовый сапог, принялся растирать руками, морщась от боли, багровую лодыжку.

Но там уже всё было позади, а тут пёс идёт прямо на меня, и ничего хорошего мне это не сулит. Я тоже, не отрываясь, смотрел в глаза приближающейся собаке и словно внушал ей, что мы с ней друзья и что нам друг от друга ничего не надо.

А между тем расстояние от меня до Билла сократилось до полутора-двух метров, и он обескураженно остановился.

Он, видимо, рассчитывал, что я испугаюсь его грозного вида и брошусь бежать, и тогда его пятисантиметровые клыки аппетитно вонзятся мне в икры или в другие удобные места и он полностью насладится своим превосходством.

А я как сидел, так и сижу—вальяжно, откинувшись на стуле, не обращая на его грозный вид особого внимания.

Такое, видимо, он встречал впервые.

И тут я, видя минутное замешательство собаки, взял со стола плохо объеденную куриную кость и протянул собаке:

— На, возьми! И не смотри на меня так, как словно Ленин смотрит на буржуазию…

Пёс, как мне показалось, на мгновение даже отпрянул.

При желании он мог бы вполне отхватить мою руку по локоть, но что-то помешало ему это сделать. И я увидел, как жёлтые фонарики в его насторожённых глазах, вспыхнув по-особому, вдруг погасли.

Наверное, в эту секунду Билл во мне признал себе равного.

И, взяв осторожно из моей руки косточку, с хрустом её перекусил, подобрал кусочки с земли, а затем подошёл к моему стулу и устроился поудобней в тени, растянувшись во всю длину. А потом положил свою голову на лапы.

На меня он даже не посмотрел…

Зато за столами поднялся невообразимый шум: да вы, наверное, гипнозом обладаете? как вам это удалось? что за приёмы вы знаете? это же чудо, он никого из чужих к себе не подпускает…

А я в ответ только довольно усмехался. Руки-ноги у меня целые, чего мне теперь бояться?..

И, повернувшись к лежащей рядом собаке, я всё же осторожно потрепал Билла за ухо. Так ведь?

А тот, оторвавшись на мгновение от дрёмы, лизнул мою руку в ответ.

И с этого дня мы с ним стали настоящими друзьями.

Вот тут я, по условиям жанра, должен вести своё повествование дальше, а только в конце затем перейти к обозначенной в заголовке теме. Но я отойду на этот раз от более выигрышной кольцевой композиции, к которой не раз прибегал в прежние времена и знаю, насколько она эффективна для читателя. А перескочу на десяток лет вперёд и расскажу о том, как тяжело и тягостно умирал Билл.

К тому времени ему уже исполнилось четырнадцать лет, что для такой огромной собаки было немало, даже учитывая хороший корм и уход.

Я по-прежнему выгуливал её в близлежащем сосновом лесу, но стал замечать, что когда мы возвращаемся домой, ноги у Билла начинают заплетаться и он как-то неуверенно ступает по хорошо утоптанной дороге.

Вскоре это заметила и хозяйка.

— По-моему, его укусил клещ,—поставила она свой диагноз.

— Вот именно,—не стал с нею спорить я.—Только клещ этот называется старость…

И Билл стал таять буквально на глазах.

В иные дни казалось, что он слабеет не по дням, а по часам. Вот уже и ходить ему стало трудно, и мы прекратили свои прогулки по лесу, а просто прогуливались по садовому участку.

Потом и это ему стало не по силам. Билл теперь часами лежал на одном месте, а потом с трудом переползал на другое.

Наступило время, и он полностью перестал есть.

Уж что ему не предлагали — и сырое мясо, и собачий сухой корм, и молочко…

Посмотрит и… отвернётся.

Так прошли две последние собачьи недели.

А затем наступило очередное воскресенье, когда мы, позавтракав, решили уезжать в город, и я, уже переодевшись, сидел и ждал, когда хозяйка дачи перемоет посуду.

Она с этим управилась, а затем, выйдя на минуту во двор, вернулась обратно вся в слезах.

— Иди в стайку, Билл умирает…

Я машинально смахнул со стола куриные кости, которые хотел было оставить подле собаки, когда мы уедем, и вышел из дома.

Билл лежал на том же месте, где я его видел ещё со вчерашнего вечера, и тяжело дышал. Чувствовалось, что долго он не протянет.

— Ну Билл, Билл, — чуть слышно прошептал я, склонившись над собакой и гладя её прижатые к туловищу уши. — Ну держись, браток, держись…

Пёс почувствовал мордой капнувшие на него сверху слёзы и слегка приоткрыл свои тяжёлые веки. Оторвать от земли голову у него уже не было сил…

А я, чтобы не разрыдаться, как ребёнок, в голос, вытащил из припасённых ранее куриных косточек обглоданную берцовую кость и положил её перед носом лежащей неподвижно собаки. Точь-в-точь такую же, как это было в день нашего с ним знакомства.

И то ли слабый куриный запах, то ли ещё что подействовало на затуманенное близкой кончиной собачье сознание, но умирающий пёс дёрнулся всем телом, вздрогнул и, наконец, широко открыл глаза.

И посмотрел на меня так, как смотрит мать на своего больного ребёнка.

Я видел, как в его больших жёлтых глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку, потом на них навернулась слеза, и пёс затих.

Затем он сделал ещё одно судорожное движение, дёрнулся лапами и испустил дух…

— Ну что там? — спросила хозяйка, вытирая своё лицо, когда я зашёл в дом.

— Всё. Билла больше нет…

Правда, всё это произойдёт с десяток лет позже, потом, а пока Билл, после нашего с ним знакомства, ходил за мной, не отставая. Я иду на огород поковыряться на грядках — и он рядом со мной. Уляжется на тропинке и ждёт терпеливо, пока я закончу свои дела. Чтобы потом, прижавшись к ноге, снова следовать неотступно за мной.

По уже заведённому порядку, собаку ежедневно несколько раз выгуливали в лесу, и этим занимался один только дедушка. Но дедушке уже пошёл девятый десяток, и вскоре эта обязанность перешла ко мне.

Набросив на морду Билла крепкий кожаный поводок, я прихватывал заодно полиэтиленовый пакет, перочинный нож, и мы отправлялись с ним на пару в близлежащий сосновый лес «по грибы». А их, несмотря на близость к деревне, при желании можно набрать немало.

Так что, пока Билл справлял в лесу свои естественные надобности, я успевал нарезать для жарки маслят, сыроежек, волнушек, а если повезёт, то и пропущенных кем-то груздей на засолку.

И каждый раз Билл терпеливо ждал, когда я там разберусь с очередным грибом, и не тянул меня идти дальше.

Хотя ходить с ним было нелегко…

Как-то однажды после дождя, надев на собаку поводок, я открыл на участке входную калитку и, к своему ужасу, увидел прямо перед собой, метрах в десяти, представителя одной из среднеазиатских республик. В руках он держал кирпичи, уложенные стопкой, и был занят у наших соседей на каких-то строительных работах.

Увидев прямо перед собой большую и крепкую собаку, он так и застыл со своими кирпичами на руках.

А Билл тоже его увидел!

Уж и не знаю, что бы произошло потом, если бы я не держал поводок крепко. Пёс при виде азиата даже не зарычал, а как-то взвизгнул по-особому и во всю мощь своих крепких собачьих лап бросился ему навстречу.

Я пытался его удержать, но в своей резиновой обувке, словно по снежному насту, заскользил вслед за ним по мокрой земле.

Остановить собаку в такой момент было невозможно!

Спас нас от крупных неприятностей автомобиль, припаркованный по дороге. Я каким-то образом изловчился и буквально рухнул на его капот, краем глаза видя, как незадачливый работник, освободившись, наконец, от кирпича, стрелой бросился к распахнутым воротам, ведущим в соседский дворик.

Фух, пронесло…

Однако по мере наших ежедневных путешествий по лесу Билл стал более терпимо относиться к незнакомцам, особенно если они встречались нам далеко от дома.

Видимо, стал со временем понимать, что всех подряд не перегрызёшь…

И как-то так получилось, что я, уверовав в этот несомненный прогресс в его воспитании, однажды решился на крайность — отпустил его в лесу побегать на свободе, без поводка.

И Билл, безусловно, оценил моё доверие. Пьянея от полученной свободы, он бегал вокруг меня, пока я занимался грибами, как паинька, не далее чем пяти метрах. И даже если нам попадалась навстречу какая-то бабка с лукошком, он практически

не обращал на неё никакого внимания. А только настроит свои уши торчком и вопросительно смотрит на меня: разорвём?

— И не думай! — на всякий случай осаживаю я его и недвусмысленно цепляюсь за его холку.

И пёс огорчённо под моей рукой затихал…

Как вдруг однажды в одну из таких прогулок я не заметил его рядом. То ли увлёкся грибами, то ли пёс отбежал чуть подальше обычного.

Я ему скомандовал:

— Ко мне!

Но Билл на мой зов не появился.

И тогда я встревожился по-настоящему. И стал подзывать к себе собаку, делая бесполезные круги по лесу.

Собака исчезла.

«Наверное, ему надоело, и он вернулся домой», — подумал я с надеждой и сам заспешил обратно.

«Нужны ему мои грибы, — успокаивал я себя по дороге. — Устал, конечно…»

Но как он вернётся домой, если калитка там закрыта? Хоть бы не вышло чего…

Но и дома Билла не оказалось.

Конечно, меня тут же стали ругать за мои вольности с собакой: нечего, мол, идти у неё на поводу, надо держать на поводке. Дедушка ведь его не отпускал…

Я обозлился и снова пошёл туда, где мы потерялись. И снова стал ходить между соснами, тщетно подзывая к себе Билла.

Безрезультатно: собаки и след простыл.

Опять вернулся домой, а потом снова вернулся в лес. И возобновил свои поиски. Я уже стал готовиться к самому худшему: убежал, мол, мой пёс, взыграли отцовские гены, — но тут вдруг заметил почти рядом со мной за кустами знакомое чёрное пятно.

— Билл!

Никакой реакции.

Шагнул за кусты — и вижу своего пса, лежащего на траве и внимательно наблюдающего за мной: что, мол, я буду делать?

— Ах ты, подлец, ах ты, паразит! — вскипел я. — Так это ты за мной наблюдаешь, а не я за тобой? Я уже почти три часа бегаю по лесу: «Билл, Билл», — а ты прячешься за кустами и смотришь, что я буду делать? Ну кто ты после этого?

Я решительно набросил на него поводок и, пока мы шли домой, отчитывал его, как нашкодившего школьника.

И больше с него поводок уже никогда не снимал…

А Билл привязывался ко мне всё больше и больше. Это задевало, как я замечал, и его настоящих владельцев, обижавшихся на собачью неблагодарность. Мол, мы тебе и кашу варим, и косточки покупаем, а ты к чужому человеку, считай, привязался и ходишь за ним, как нитка за иголкой.

Билл равнодушно отмахивался от всех хвостом и делал вид, что это его не касается. Своих привычек он не менял.

Наверное, он просто ждал по-собачьи, так я думаю уже сейчас, что кто-то придёт за ним из леса, и когда на участке появился я, решил, что его ожидания оправдались.

И не дай Бог теперь, если на этого человека кто-то повысит голос! Тогда холка у Билла становилась колом, и он в качестве неоспоримого аргумента в любом споре обнажал свои огромные желтоватые клыки.

Поэтому, когда наши разговоры заходили в тупик и мы, несмотря на все старания, никак не могли выяснить, кто, скажем, больше принёс вреда России — Ельцин или Путин, я как бы в шутку всегда снижал градус спора ссылкой на Билла: а давайте, мол, выйдем во двор и спросим про это у собаки.

И все замолкали. Потому что у Билла правым мог быть только я…

И вот этой собаки не стало. Я снова снял с себя городскую одежду, переоделся в рабочие штаны и, прихватив лопату с топором, пошёл всё в тот же близлежащий лесок — искать последнее пристанище для Билла. Который в это время по-прежнему лежал, наполовину высунувшись из стайки, — сдвинуть его в какое-нибудь другое место у меня одного просто не хватило бы сил.

А хозяйка между тем, «сев на телефон», тщетно пыталась найти мне помощника, так как похоронить одному такую тяжёлую собаку было практически невозможно.

Но было воскресенье, в это время кто был в отъезде, кто в гостях, ничего у неё не получалось.

Я же тем временем нашёл в лесу небольшую прогалинку, прикинул мысленно габариты собаки и что есть силы вгрызся в землю. Сильно докучали комары, которые просто облепили мои мокрые шею и лицо, но я не обращал на них внимания.

Копать было тяжело, мешали корни, поэтому я сначала обрубал их топором и только потом брался за лопату.

И когда яма стала мне по грудь, решил, что хватит: не человек же это, в конце-то концов!

Дома меня ждало неприятное известие: помощников мне найти не удалось. Как быть?

— И Рафаила нет? Он что, в городе?

Это я спросил про наших ближайших соседей через забор, уже оформивших документы на переезд на постоянное местожительство в Израиль и доживающих последние дни на даче.

— Сейчас узнаю.

Она вышла во двор и через минуту вернулась обратно:

— Он здесь. Сейчас придёт и тебе поможет.

Рафаил, или, как мы его называли между собой, Рафик, действительно появился быстро. И мы с ним, посовещавшись с минуту, с огромным трудом переместили туловище собаки на расстеленное на земле одеяло…

Ну и вес, однако! Две последних недели, считай, собака ничего не ела, а два мужика управиться не могут.

Впрочем, здоровым из мужиков был только я, а Рафаил потому и уезжал в Израиль на ПМЖ, что наши врачи обнаружили у него какой-то скрытый порок сердца, и чтобы вернуть его к полноценной жизни, нужна была срочная операция.

Делать её в России никто не брался. А потому семья, плюнув на всё, сидела в последние дни на чемоданах.

Так что помощник у меня был, но не очень-то подходящий для такого дела, как похороны собаки.

— Ну что, Рафик, понесём?—обратился я к нему.

— Понесём,—бодро ответил он.

И мы понесли. Я взял одеяло с той стороны, где лежала голова Билла—она была тяжелее, а Рафику достались задние ноги и хвост.

С горем пополам мы выбрались через открытые ворота на тропинку, ведущую в глубь леса. Хозяйка шла рядом и несла лопату.

Идти было нелегко—собака действительно была очень тяжёлой. Вытянувшись на одеяле в свой полутораметровый рост, Билл тыкался мне оскаленной мордой в ногу, как бы торопя идти побыстрее.

Но как тут пойдёшь быстрее, когда слышишь позади такие хрипы?

Оглянулся, а на Рафике лица нет—одно багровое пятно на его месте!

«Как бы мне не пришлось ещё одну яму рыть в лесу, рядом с собачьей»,—горько подумал я и остановился.

— Передохнём?

— Передохнём…

Мы передохнули, а потом потащили свою ношу дальше и всё же доставили её до выкопанной мною в лесу ямы. Постояли с минуту на её краю, отдохнули…

— Помоги мне его спустить вниз и уходи,—повернулся я Рафаилу.—Остальное я всё сделаю сам…

Рафик в ответ благодарно кивнул, и с большим трудом мы с ним осторожно опустили вниз бездыханного Билла.

А затем я набросал сверху на него свеженарубленных сосновых веток и заработал лопатой…

Могильный холмик получился у меня на загляденье. Особенно когда хозяйка собаки установила в его изголовье перевёрнутую кверху миску, из которой Билл ел. Чем-то она мне напомнила издали солдатскую каску.

Но Билл, конечно, никаким солдатом не был и подвигов не совершал. А был он обыкновенным волкособом, рождённым от волка и немецкой овчарки.

И если есть где-то там, на небесах, бог Маниту, как считают североамериканские индейцы, присматривающий за всем живым на нашей Земле, то я абсолютно убеждён, что найдётся в его окружении местечко и для моего Билла.

За его преданность, за его верность.

И сейчас я, например, явственно представляю, как он лежит там на густой и зелёной траве и как внимательно следит за тем, что я о нём пишу.

Да не сердись ты, глупая псина! Я всё написал так, как оно и было.

Отличник соревнования

Недавно еду автобусом по своим делам в Красноярске и от нечего делать рассматриваю остановки за окном. Когда-то отсюда взлетали самолёты и набирали высоту прямо у меня над головой в рабочем кабинете в центре города, а теперь вокруг новостройки, высотные дома…

И вдруг попадается на глаза табличка: «Улица Ломако»…

Как? Ломако? Того самого Петра Фадеевича Ломако?

И тут же волна воспоминаний захлёстывает с головой, и я мгновенно переношусь в конец восьмидесятых годов прошлого века, когда жил и работал на Украине, какое-то время редактируя газету «Нова техніка» (на украинском языке), выходившую на Запорожском титано-магниевом комбинате.

Весёлые были времена, особенно если учесть, что в ту пору Украина была, пожалуй, самой коммунистической республикой в Советском Союзе, если не считать, конечно, гостеприимного Кавказа и сверхобильного на славословия Средне-Азиатского региона.

Во всяком случае, именно по этой самой причине меня опять потянуло на северá, так как находиться долго в такой затхлой и лицемерной атмосфере было просто невозможно.

Но сейчас я не об этом.

Совещание шло своим ходом, и я весело перекидывался шутками с рядом сидящими коллегами, съехавшимися со всех уголков тогда действительно необъятной страны в Москву на совещание, в просторный актовый зал Министерства цветной металлургии СССР. Как вдруг чувствую, что что-то в зале произошло и все поворачиваются в мою сторону.

И тут я отчётливо услышал из уст ведущего встречу вторично произнесённую мою фамилию.

Я? Выступать? А почему меня об этом не предупредили? И по какому вопросу?

Однако народ уже зашумел, загудел, затолкал меня ладошками в бока, подталкивая к выходу из ряда плотно припаянных друг к другу кресел,

и волей-неволей пришлось подчиниться. Я стал пробираться к проходу, в панике прокручивая в голове возможные варианты своей предстоящей речи.

Но в голову ничего путного не приходило, и надо сказать, что я впервые по-настоящему растерялся. Особенно когда увидел по дороге к трибуне сидящего в центре президиума за столом седовласого министра цветной металлургии, фамилию которого в нашем доме даже мой отец, всю жизнь, с перерывами на войну, проработавший в чёрной металлургии, на заводе «Запорожсталь», произносил с благоговением.

Пётр Фадеевич Ломако!

Но сначала небольшая справка об этом человеке, так как нынешнее «егэшное» образование в наших школах давно уничтожило память не только о легендарных сталинских стройках, советских полководцах, но и о его наркомах.

Итак, Ломако. Родился Пётр Фадеевич Ломако в 1904 году в городе Темрюк на Кубани. И это был действительно великий советский государственный деятель, нарком и министр, руководитель цветной металлургии СССР, специалист в области цветной металлургии, Герой Социалистического Труда.

По продолжительности служения на министерских постах—более сорока шести лет (с июля 1940 по октябрь 1986 года с перерывами)—он не имел себе равных в мире, поэтому в 1988 году его имя было занесено в Книгу рекордов Гиннесса.

Кем он только за свою жизнь не служил! И начальником Главка алюминиевой, магниевой и электродной промышленности, и заместителем наркома цветной металлургии СССР и наркомом, министром цветной металлургии СССР!

А во время Великой Отечественной войны именно он руководил эвакуацией предприятий на Урал, организацией там производства, а после войны—восстановлением разрушенного хозяйства.

Приложил он свою руку и к так называемому атомному проекту. Ещё в 1942 году Сталин подписал распоряжение ГКО «Об организации работ по урану», и в соответствии с этим документом П. Ф. Ломако лично курировал поставки продукции своего ведомства в адрес лаборатории атомного ядра.

А в конце 1944 года он был назначен ответственным за передачу добычи урановой руды из подчинения Наркомцветмета в ведение НКВД СССР.

Под руководством и при непосредственном участии П. Ф. Ломако в нашей стране была значительно расширена номенклатура выпуска ряда не производившихся ранее цветных, редких и драгоценных металлов, сплавов и изделий из них, начата широкомасштабная добыча алмазов (в Якутии), освоен выпуск титана, полупроводниковых и специальных углеродных материалов.

А также освоены десятки новых месторождений руд цветных металлов в различных районах Советского Союза и в рекордные сроки построены предприятия по производству цветных металлов в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, на Украине, в республиках Закавказья.

Создана крупная база производства алюминия в Сибири (Новокузнецк, Иркутск, Красноярск, Братск, Ачинск, Саяногорск), при этом все заводы твердосплавной промышленности были возведены практические заново.

Что я могу сказать ему, этому человеку, у которого только орденов Ленина—семь (!), а если их все, вместе с медалями, развесить на парадном пиджаке, то даже рядом с маршалом Победы Георгием Константиновичем Жуковым он бы выглядел вполне достойно. Что он хочет услышать от меня, редактора заводской газеты?

Однако же вот она и трибуна, и я уверенно занимаю её с нужной стороны. И начинаю говорить.

Что я говорил и о чём, вылетело из памяти напрочь. Но уж точно не о достижениях Запорожского титано-магниевого комбината (зачем ему это, он это знал лучше меня!) и не о социалистическом соревновании в честь какого-нибудь очередного исторического события, которыми так была богата тогдашняя жизнь.

Помню, что я вдруг остановился в своём спонтанном выступлении на таком довольно скользком вопросе для многих, как государственная тайна.

В том, что она нужна и оправданна, у меня не было никаких сомнений, но в таких ли размерах? Скажем, на том же титано-магниевом комбинате в Запорожье, помимо титана и магния, как следует из названия предприятия, производились, и притом в огромных количествах, такие редкоземельные металлы, как германий и кремний.

Титан шёл, как мы догадывались, на корпуса строящихся тогда атомных субмарин, магний—на самолёты, а вот германий и кремний с успехом использовались в космической технике, в радиоэлектронике.

Но по заведённому кем-то порядку в заводской печати категорически не разрешалось даже упоминать о таком производстве!

Самое большое, на что шла в таких условиях цензура, или ЛИТ, как мы её между собой называли,—это указывать проценты.

Вот мы и писали эзоповским языком: зашёл, мол, в цех, а там плавильщик Вася выполнил месячный план на сто два процента. А вот, скажем, плавильщик Толя, который варил металл в соседнем цехе,—уже на сто десять.

Но сравнимы ли эти результаты, если, скажем, в одном цехе производится германий, а во втором титан?

Выходит, что соревнуются между собой не люди, а проценты, так ведь?

Между тем, развивал я свою мысль в выступлении, в нашем почти миллионном городе (а в те времена Запорожье уверенно шагало по населению к миллионному рубежу, как и Красноярск) нет ни одного человека, который бы не знал, что за продукция выпускается на титано-магниевом комбинате (школьники в те времена ещё не знали, что такое ЕГЭ, и живо интересовались окружающей жизнью. В том числе и тем, в каком году, скажем, Колумб открыл Америку или в каком году умер Шекспир).

Кому нужна такая секретность? Американцам?

Так они лучше нас осведомлены о всей номенклатуре выпускаемой продукции, и не на одном только нашем заводе. По-моему, это перестраховка… К тому же абсолютно ненужная и вредная для дела.

Потом я начинаю говорить о том, что в такой мощной и очень развитой у нас в стране отрасли, как цветная металлургия, явно не хватает общей для всех заводов и фабрик отраслевой газеты, потому что заводские многотиражки — это одно, а вот единая и «большая» газета для всех — это совершенно другое.

И краем уха при этом замечаю, что внимательно слушавший до этого мой предыдущий пассаж «отец алюминиевой индустрии России», а именно так иногда ещё называли Ломако, под чьим непосредственным руководством были созданы основные заводы алюминиевой промышленности страны, среди которых крупнейшие в мире Братский и Красноярский алюминиевые заводы, вдруг оживился, заулыбался и о чём-то стал оживлённо переговариваться с соседями по президиуму.

А я, проговорив всё это, сошёл наконец с трибуны и под аплодисменты зала теперь уже уверенно зашагал по проходу на своё место…

«А на другое утро он проснулся знаменитым…»

Почти что так. Не успел я позавтракать в гостиничном буфете и вернуться в свой номер — на сегодня у нас значилась развлекательная поездка по Москве, — как в дверь настойчиво постучали. И снова я услышал свою фамилию.

— Я приехал за вами, — с порога объяснился со мной, поздоровавшись, хорошо одетый молодой человек. — Пётр Фадеевич хочет пообщаться с вами отдельно. Машина внизу.

И вот в чёрной министерской «Волге» я мчусь по Москве, по Калининскому проспекту, называемому в обиходе «вставными челюстями столицы», и, махнув рукой на экскурсии, еду на встречу с министром. Какие тут могут быть экскурсии, когда тебя приглашает сам министр Пётр Фадеевич Ломако!

Слева и справа от меня мелькают в окне высотки, народу на улицах пока немного.

А вот и Министерство цветной металлургии СССР — оно располагается в такой же высотке, как и все остальные, и пока мой провожатый вызывает лифт, я с любопытством кручу головой по сторонам. Ничего особенного, вполне рабочая обстановка. Министерство как министерство. Могли бы и поэкспериментировать с цветными металлами…

Входим в довольно просторный кабинет, и я вижу, как из-за внушительных размеров стола поднимается седовласый министр и, приветливо поздоровавшись, усаживает меня у маленького столика напротив. Пока нам подают наркомовский чай, печенье, конфеты, я отвечаю на его вопросы, стараясь не наговорить глупостей. Расспрашивает об отце, об учёбе в металлургическом техникуме, о моей работе на заводе «Запорожсталь» и искренне интересуется тем, почему я вдруг сменил так резко свою профессию — готовился стать металлургом, а стал журналистом.

Я честно на всё отвечал.

Поговорили о вчерашнем совещании редакторов многотиражных газет отрасли, о высказанных на нём мною предложениях, и мне стало вдвойне приятно оттого, что Пётр Фадеевич пообещал обязательно обсудить эти вопросы на коллегии министерства.

А потом, когда я почувствовал, что, в общем-то, пора закругляться — ну не может союзный министр так много времени уделять провинциальному газетчику, пусть даже он и из такого передового в те времена предприятия, как ЗТМК, — Пётр Фадеевич вдруг улыбнулся хитровато и, полуобняв меня за плечи, увлёк в сторону своего рабочего стола:

— А пойдём я тебя чем-нибудь отмечу…

Меня? За что?

Но это я сейчас задаю себе такие вопросы, а тогда достань, скажем, союзный министр из ящика своего стола слиток колымского золота — ей-богу, взял бы, не побрезговал…

Но Пётр Фадеевич вытащил на свет Божий маленькую красненькую книжицу, на обложке которой золотыми буквами было напечатано: «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии СССР». И размашисто расписался под гербовой печатью — моя фамилия в документе уже была проставлена ранее…

Вернувшись домой из командировки в Москву, я бережно спрятал в своём архиве и это удостоверение, и полагающийся значок к нему, и, может быть, никогда бы не вспомнил про это, если бы не один случай. Правильно всё-таки заметил наш великий классик Антон Павлович Чехов, что если висит в первом акте пьесы на стене охотничье ружьё, то оно потом обязательно выстрелит.

Оно и выстрелило…

В 2001 году, когда я ещё работал в федеральной газете «Трибуна» (бывшей газете ЦК КПСС «Социалистическая индустрия»), сижу я в своём

рабочем кабинете и беседую с почётным донором СССР, сдавшим за свою жизнь шесть с половиной вёдер крови.

Шесть с половиной вёдер!

И, как всегда в таких случаях, начинаю с расспросов о том, как он дошёл до жизни такой. Что ему, своей крови не жалко?

А он мне рассказывает о своей жизни. Родился тогда-то и тогда-то (мой год рождения, фиксирую машинально), окончил семь классов, затем горный техникум, геологоразведка. Уехал на Крайний Север, потом армия. Три года отслужил, снова туда. Заочно окончил институт, работал в Северо-Енисейском районе «по золоту». Вышел на пенсию.

— Пенсия у вас северная? — скорее по привычке спрашиваю я, так как всё, что он мне только что наговорил, словно на кальке снято с моей биографии.

— Да нет, — отвечает. — В Красноярск я уже давно перебрался. Но северных надбавок вполне хватило для того, чтобы уйти на неё досрочно. Уже два года как на пенсии…

Ах ты, матка боска, какая тут кровь, какие доноры, когда у меня такая проблема? Быстро сворачиваю свой разговор, выпроваживаю своего гостя, а сам звоню в Пенсионный фонд Центрального района Красноярска. Как же так, почему не оформляете мне пенсию? Ведь у меня трудового стажа на две человеческие биографии!

И слышу в ответ, что это, оказывается, я должен был делать сам. Или моя редакция московская.

А вот в советские времена, скажем, у моего отца всё было по-другому…

Быстро готовлю необходимые документы и прямо-таки бегу в это богоугодное заведение. И вот тут судьба берёт и снимает со стенки ружьё.

— А какие у вас есть награды? — интересуются в фонде (это чтобы заодно запустить процедуру с присвоением мне звания федерального ветерана труда).

— Юбилейные медали, почётные грамоты, дипломы, два знака «Ударник коммунистического труда»…

— Ну, знаки — это уже не то, — морщится недовольно пожилая пенсионная дама, и, видя это, я спохватываюсь:

— А у меня есть ещё знак «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии СССР», а удостоверение к нему подписано самим министром, Ломако.

— Ломако? Это интересно… Если не факсимиле, а собственноручная подпись, то это весомее ордена!

И я достаю из широких штанин заветную красную корочку, и торжественно выкладываю её на стол. Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!

Так Пётр Фадеевич Ломако сделал меня не только отличником соревнования, но и ветераном труда федерального значения.

В гостях у Кравчука

В то чернобыльское, 1986 года, лето на Украине была страшная жара. Спэка, как там говорят. На календаре начало июня, а деревья уже поспешно сбрасывали с себя листья, и в воздухе висело марево. Даже по утрам температурный столбик поднимался выше сорока градусов.

А мы как раз в это время вернулись в Запорожье из Балатона, где отдыхали после Воркуты, и почти безвылазно пропадали, ловя тепло, на местных водоёмах. Такой погоды в Заполярье не будет…

Как вдруг в один из отпускных дней приходит на моё имя телеграмма. Причём красная, правительственная!

«Уважаемый такой-то и такой-то, — читаю я её с удивлением, — просим срочно приехать в Киев, в ЦК КПУ, где Вам будет предложена работа в „Рабочей газете“».

«Рабочую газету», газету ЦК Компартии Украины, я хорошо знал, печатался, хоть и не часто, на её страницах до своего отъезда в Воркуту, но когда это было! Чего это они вдруг про меня вспомнили?

— Нічого собі, — не менее меня удивился и отец, прочитав телеграмму. — А як же вони тебе знайшли? Ти ж в отпуску!

— А чёрт его знает… Спецслужбы, наверное.

Зато мать такому повороту событий искренне обрадовалась, так как спала и видела, что я опять вернулся на свою историческую родину и живу «десь від них близенько».

— От і гарно, будеш від дому недалеко, і нам легше, — запричитала она. — А то заїхав в свою Воркуту. Що ти там загубив?

Словом, на второй день я уже стоял на запорожском вокзале с билетом до Киева. И тут в мою мятущуюся душу закралось первое сомнение: вокзальный перрон был абсолютно пуст. Нет, проводница фирменного поезда, как обычно, стояла там, где ей и полагается, и, приветливо улыбаясь, приглашала в вагон.

Но в вагоне я был один!

Впрочем, в эту минуту с привокзальных репродукторов бодро ударил марш «Прощание славянки», и наш вагон, дрогнув, медленно покатился вдоль знакомых строений. Поехали!

— И що у вас так завжди пусто? — спросил я зашедшую в купе за моим билетом кондуктора.

— Та ні, — ответила она. — Це після Чорнобилю… Ніхто зараз до Києва не їде. Звідтіля тільки. За кілька місяців уже квитків нема…

— Та ви що! — не удержался я. — А я вот, дурінь, їду…

— Щасливої дороги!

Однако любопытство гнало вперёд, да и не станешь же выпрыгивать на ходу из поезда? А жара в вагоне была такая, что не спасала даже вечерняя прохлада. И только когда поезд вырвался наконец на простор, стало легче дышать…

В Киев мы прибыли наутро, в самом начале дня, и первое, что бросилось в глаза, так это накрытое белой простынёй тело мужчины, лежавшего прямо на привокзальной площади. Не выдержало, видимо, у человека сердце…

Но дальше я понял, что не только жара будет сопровождать меня на этот раз по столице Украины. На всех привокзальных улицах в это раннее утро уже вовсю хозяйничали оранжевого цвета поливальные машины и щедро орошали тротуары водой.

Хотят, что ли, освежить улицы перед рабочим днём?

Оказалось, что нет. Такие поливалки сейчас работали по всему Киеву, смывая водой с тротуаров и улиц графитовую пыль реактора. А ею были покрыты и дома, и деревья.

Чернобыль… Хотя с момента аварии на атомной станции прошло уже полтора месяца.

В редакции «Рабочей газеты» меня ждали, и, быстро расспросив, что и как, хорошо ли доехал, курировавший редакционную корсеть замредактора газеты вызвался меня проводить до ЦК КПУ: тут недалеко.

Едем пару кварталов на машине, людей на улицах почти нет, настроение рабочее. По дороге узнаю от него, что «сватают» меня на город Черкассы, что там уже готова к приёму нового корреспондента трёхкомнатная квартира.

Однако квартира была у меня и в Запорожье, её я забронировал, уезжая на работу собкором в республиканскую газету «Красное знамя» в Воркуту. Но почему бы не пообщаться с партийными работниками республики? Я с ними ещё не общался…

Вот и еду общаться.

И когда на огромной дубовой двери, высотой, наверное, метров с пять, я увидел медную табличку с надписью «Кравчук Леонид Макарович», то отреагировал на это только с любопытством. Кравчука я не знал…

Зато Леонид Макарович встретил меня как старый знакомый. Усадил радушно за такой же дубовый стол, налил полстакана холодной сельтерской воды.

Но я к ней не прикоснулся, а только быстро, чисто по профессиональной привычке, осмотрел кабинет, зафиксировав краем глаза, как медленно закрывается за моим уходящим спутником входная дверь. Ничего особенного, обычный кабинет отдела агитации и пропаганды. Ну, побольше, конечно, чем областной или в той же Воркуте.

А между тем опять этот разговор о том да о сём. Где учился, работал, почему оказался на Севере?

— Так у нас же на Украине дышать же нечем,— съязвил я.— В каждой строчке надо вставлять про ведущую роль партии. А я этого не люблю, я хочу поднимать в газете серьёзные проблемы, писать про людей, про то, что их волнует…

— И что, не давали писать?

— Да нет, писать-то давали, но не печатали. А на Севере печатают… И в газетах, и в журналах. Самая коммунистическая республика у нас Украина, Леонид Макарович!

— И разве это плохо?

— Да как вам сказать… Ленин, например, подобные вещи называл по-другому: политической трескотнёй. Потому что для того, чтобы бить себя кулаком в грудь, много ума не надо…

— А ты и Ленина читаешь?

(Вот мы уже и на «ты», мелькнуло у меня в голове, но внешне я на это не отреагировал.)

— Да нет, уже нет… Это из университетских лет осталось.

На столе у Кравчука появилась землистого цвета папочка — моё личное дело, видимо, скрупулёзно составленное в недрах этого массивного здания. Он что-то там полистал, почитал, потом снова меня спросил:

— А как ты относишься к нашей республике в сравнении с другими в Советском Союзе? Ты же поездил по России, многое видел… Не кажется ли тебе, что мы недополучаем за свой труд?

— Да вряд ли, я так не считаю… Я и в Череповце был, там такие же, как и у нас, заводы. Был на Урале, везде работают люди.

— Да я не о том, ты же понимаешь… Вот если бы мы отдельно существовали, было бы лучше или хуже?

— Ну, вы прямо, Леонид Макарович, как в той сказке про мужика, который попросил своих сыновей веник поломать, после того, как они легко сломали каждый в отдельности прутик. Конечно же, гуртом крепче!

— И я так считаю… А как ты относишься к бандеровцам, к повстанческому движению на Украине в годы войны?

— Плохо отношусь. Они моему отцу, когда он с боями продвигался на запад, в спину стреляли…

— Вот-вот, видишь, какие мы с тобой единомышленники… И ещё тогда один к тебе вопрос. Вот ты до десятого колена украинец (во служба у них работает, подумал я), и по отцу, и по матери, да и жена у тебя тоже украинка. И её родители украинцы. А чего ж вы детей так своих назвали — Эрик, Кристина?.. Это что, украинские имена?

— Ну какое это имеет значение, скажите мне, пожалуйста? Я что, лучше бы стал писать или думать, если бы они были Горпына и Тарас?

На это мы с Кравчуком дружно рассмеялись.

И в это время на столе у него зазвонил телефон. Он поднял трубку, что-то кому-то ответил, а потом, положив её обратно на аппарат, сокрушённо развёл руками. Надо, мол, уходить, дела… А так бы хотелось ещё поговорить.

Но я ему, честно говоря, не поверил и, покинув гостеприимный кабинет, как потом оказалось,

будущего президента Украины, разочаровано хлопнул себя по заднице. Стоило ради такого разговора прерывать свой отдых и приезжать в Киев? Вот уж действительно дурень…

Это уже сейчас, задним числом, я начинаю понимать, что тогда, ещё задолго до разрушения великой страны, на Украине, почувствовав безвольность Горбачёва, начали формировать контингент «своих» журналистов. И почему-то я со своим острым пером попал в их поле зрения.

Но—не «вписался»…

Однако мне-то зачем было приезжать сюда? Объяснить, почему я так назвал своих детей?

Впрочем, надо было ещё отсюда выбраться! Киев тем летом напоминал настоящую мышеловку. Люди всеми силами старались отсюда уехать, а вот приезжали в столицу Украины считанные единицы. Про ж.-д. вокзал и думать было нечего, это я сразу отмёл, автобус—тоже нереально, как и самолёт.

Что же делать?

Вспомнил про Днепр, и на речном вокзале мне действительно повезло: совершенно неожиданно для себя купил на завтра билет на «Ракету», а на ней от Киева до Запорожья рукой подать. Всего десять часов пути.

И следующим утром, в хорошем настроении, мчался я на «Ракете» в свой любимый город со скоростью семьдесят километров в час. В окошке мелькали города и сёла, проплыли величаво мимо Тарасова могила в Каневе, шлюзы водохранилищ, а когда на горизонте показались, наконец, Черкассы, я не удержался и вышел на палубу, подставив лицо свежему ветру и речным брызгам.

— Прощай, Антонина Петровна, неспетая песня моя…

По приезде дома сразу же столкнулся с отцом— он вышел во двор покормить собаку.

— Ну и як ти зїздив?

— Да ничего, всё нормально. Вызвали, чтобы узнать, почему я так своих детей назвал.

— Та ти шо…

Больше я о «Рабочей газете» ничего не слышал, да и в Киеве не бывал.

P. S. Чего нельзя сказать про Кравчука. Когда он только готовился стать президентом Украины, а Беловежская пуща была ещё впереди, то какой-то журналист в ходе предвыборных дебатов задал ему вопрос: а как, мол, вы, столько лет оттарабанивший на партийных постах, относитесь к сталинским репрессиям? Вы что, не ощущаете свою ответственность за них?

И знаете, что ответил мой визави?

— А я о сталинских репрессиях узнал только несколько месяцев назад, когда стали об этом открыто писать…

Я представил себе в этот момент его добродушное лицо, мягкое выражение глаз, доверительную улыбку и не мог удержаться от смеха. Я-то обо всём этом почему-то знал с детских лет, и не только от родителей. Он что, глухой или слепой?

А потом вспомнил нашу с ним мимолётную встречу и мысленно зааплодировал кадровикам из цк кпсс: умели там, что и говорить, подбирать для страны руководящие кадры!

Владимир Нестеренко

Побег из Орды

Неудачник Кирдяпа

Вася сидел в юрте и негодовал. Почему даже его, сына великого князя Московского, не выпускают на прогулку? Возле входа в юрту в малахаях и полосатых халатах, скрывающих кольчуги, стоят два стражника, злые, как цепные псы, и грубо толкают назад княжича, если он высунет наружу голову. Нукеры вооружены до зубов. К чему бы такое?

— Почему озверели нукеры? Что случилось?— много раз спрашивал Васятка своего дядьку Ивашку.

Тот или отмалчивался, отводя взгляд от отрока, или беспомощно разводил руками.

— Я же вижу, знаешь, но не говоришь!

Если бы не наказ отца — почитать боярина Ивана по прозванию Быстров как его самого, во всём слушаться, получил бы сейчас на орехи. Образ отца тускнел в годах, как-никак минуло три лета с тех пор, как он в последний раз видел и слышал великого князя. Этот наказ же часто оживал в устах протоиерея Алексея, духовного наставника и учителя. Да и сам Ивашка иногда вспоминал минуты расставания и последнее напутствие Дмитрия Ивановича, находящегося в те дни в Орде с сыном — наследником престола, оставляя Василия, по требованию хана, в неволе в качестве заложника. Как же тут ослушаться батюшку? Его око незримо присутствует здесь через Ивашкины плоть и ум, через слово святого отца, через благословения и молитвы.

— Будем ждать смиренно Господней милости да известий от царевича,— успокаивал нетерпение княжича Ивашка.

Княжичу шёл пятнадцатый год, в его русских синих глазах можно было прочесть гнев и раздражение, что указывало на гораздо старший возраст и перенесённые лишения, одновременно подчёркивая закалённые дух и волю, крепость характера. Васятка — среднего роста. Его фигура не до конца сформировалась, казалась ломкой, но набирала силу. Руки обладали цепкой хваткой, а ноги — неутомимостью в движении. Редко стриженные волосы ниспадали пшеничным водопадом, достигали плеч. Василий носил атласные шаровары, такой же кафтан и красные сапоги. Картуз редко покрывал его голову.

Дядька Иван был зрелый муж, широкоплеч, мускулистая грудь выпирала из-под кафтана, словно одетая в доспехи. В отличие от княжича, боярин часто стриг белобрысые волосы, чёрную густую бороду и усы. Широко расставленные глаза были настолько наблюдательными, что, казалось, в них выражен весь характер этого сильного, но осторожного человека. Между тем во время беседы они указывали на глубокий ум, глубокую преданность служению великому князю или, наоборот, ненависть к врагам его. Не уживалась в них только покорность, хотя часто боярину приходилось выражать её словами и поклоном перед ханом или его наместником-царевичем. Княжич знал о таком состоянии своего учителя и возражал ему, когда тот учил отрока притворному поведению с повелителями.

— Ты держи в уме свою линию всегда, но действуй с хитростью, никогда не выказывай перед врагом свои истинные намерения. Иначе пропадёшь. Быть таким велит твоя неволя, унижения, а больше всего — будущее великое княжение на святой Руси.

Отрок впитывал слова боярина, как сухой песок воду. Он уже понимал, насколько тяжек для Руси могольско-татарский хомут, насколько кроваво полосует русские спины татарский многохвостный бич, насколько разорительны бесчисленные набеги степняков на русские города и веси.

Вася не выдержал тяжкого заточения в юрте. Лишь до его слуха долетел глухой и отдалённый, как гром, дикий крик конных нукеров, встрепенулся. С каждой секундой вопли разрастались, и отрок выскочил из юрты. Стражники сами вслушивались в голоса своих собратьев и не успели втолкнуть назад Васятку, но схватили его за руки. Следом вылетел Ивашка. Нукеры скрестили перед ним копья.

Солнце склонилось к горизонту и окрасило облака кровью. Этот отблеск пожаром исполосовал поднятую всадниками пыль на окраине русского улуса, и рыжие султаны её от сотен копыт двигались к центру. Стражники первыми услышали и увидели орущую сотню всадников. На их лицах заиграли злые, мстительные усмешки. Впереди орды, понуждаемые плетьми, бежали несколько мужиков с колодками на шее. Среди них Вася, к ужасу своему, увидел Василия Кирдяпу — сына великого Суздальско-Нижегородского князя. Самого старшего из четверых княжичей — заложников хана Тохтамыша.

После разорения Москвы Тохтамышем через два года после Куликовской битвы, принёсшей, казалось бы, падение ордынского ига, хан потребовал от великих князей прислать в Золотую Орду своих сыновей в залог того, что каждый будет вести себя смиренно, исправно платить дань—иначе наследник никогда не вернётся домой или будет умерщвлён. Сказывали люди, что к пожогу и разорению Москвы косвенно причастен Василий Кирдяпа вместе с младшим братом. Столица к тому времени была обнесена каменной стеной с бойницами. На стенах—арбалеты и первые тюфяки (пушки). Крепость считалась неприступной. О вторжении в русские земли орды Тохтамыша великому князю Московскому Дмитрию, прозванному Донским, донесли вершники загодя. Князь призвал москвичей к обороне. Москва, понёсшая громадный урон в людях во время Куликовской битвы, не смогла поставить на стены с оружием достаточно ратников. Оставив за себя митрополита Киприана, а также в граде свою семью, Дмитрий Иванович сначала с небольшим ополчением пошёл на берег Оки, чтобы упредить набег. Но не заладилось в походе что-то; скорее всего, засомневались князья и бояре в своей силе: мол, не устоять против ордынской великой тьмы. Среди них, по словам летописца, возникла распря, и Дмитрий распустил воинство: «Не ста на бой противу царя, не поднял противу его руки, и силу розпустил, уразумев бо во князях и боярах своих и в всех воинствах своих разньство и распрю, ещё же оскудение воинства…»

Да, воинство было не такое великое, какое собралось против Мамая. Всюду сказывался большой урон в людях после битвы, хотя и победной; не успели московские ратные силы восстановиться за эти два года. Идти же в бой с таким настроением—проиграть сражение. И Дмитрий Иванович отправился в Кострому поднимать полки. Он надеялся, что москвичи выдержат осаду в неприступном Кремле, тем временем он подойдёт с севера, а рать Владимира Серпуховского, прозванного Храбрым, ударит с запада от Волока Ламского.

Расчёты великого князя на этот раз не оправдались. Лучше бы он с ополчением не выходил из Москвы, не передоверялся на Киприана. В Москве находились мастеровые люди, купцы и посадский люд, крестьяне, хлынувшие в град. Какие с них вояки? Разнеслось роптание: мол, жили мирно до Куликова поля, зачем ввязались в драку, лучше платить дань. И всё же нашёлся среди них князь Остей, внук Ольгердов, и встал во главе обороны.

После трёхдневной осады Кремля враг отступился и пошёл на хитрость. Хан выслал свиту для переговоров. Среди ханских вельмож находились сыновья Дмитрия Константиновича Нижегородского. Тохтамыш просил доблестных защитников сложить оружие и впустить его с миром. Де он никого не тронет, коль в Кремле нет самого Дмитрия Ивановича. Ему нужен великий князь, чтобы обсудить дальнейшую жизнь и отношения с Золотой Ордой, которую возглавляет теперь он, Тохтамыш. Порукой тому сыновья великого Суздальско-Нижегородского князя. Их именами хан клянётся миловать покорившихся москвичей. Был ли дан наказ от отца сыновьям-отрокам во всём слушаться хана, ибо в его воле и они—дети, наследники престола, и сам он, как и всё великое Суздальско-Нижегородское княжество, по которому уже пронёсся смертельный тохтамышевский смерч? А может, отроки были устрашены в походе самим ханом? Одному Богу известно. Доподлинно то, что не вылетели из груди Василия Кирдяпы слова не верить врагу, а нашлось клятвенное подтверждение благих намерений хана. Не нам судить малолетку. Веками скрыта эта тайна. Судить надо о другом. Увидев в свите русских князей, сомневающиеся в благих намерениях хана защитники Кремля дрогнули и поверили. Почему? Оставленные без испытанного воеводы, брошенные митрополитом Киприаном, бежавшим в Тверь вместе с великой княгиней и детьми, люди предательски смалодушничали? Так или иначе, открыли ворота. С хлебом и солью, с крестами и святыми хоругвями вышли безоружные москвичи—и пали под мечами супостата.

Разве можно верить врагу?! Коварство его многажды испытывали на своей шкуре русичи со времён Батыева разорения. Нет, не пошли уроки впрок. Сожжена Москва, побиты люди, разграблена великокняжеская казна. Взят многочисленный полон.

Оттого сдержанно вели себя люди в ордынском стане князя Василия Дмитриевича по отношению к нижегородским собратьям, нёсшим такую же участь—заложников. Мало общались не из боязни нарушить запрет—не велела свежая память.

Первым не выдержал неволю суздальско-нижегородский наследник. Подбил своих телохранителей на побег. И ударились ночью. Вышли к Волге, сели в лёгкое судно и пошли под парусами и вёслами вверх по реке. Да не повезло беглецам. На их беду, спускался в Сарай на суднах ханский мурза, посланник. Увидел незнакомое судно, остановил, обыскал. Схватил княжича, его дядьку и всех, кто был с ним. Колодки на шею—и под бичами назад.

Не будет пощады беглецам. Заточили в ямы всех участников, Василия Кирдяпу посадили под надёжную охрану, послали гонца в Нижний Новгород с вестью о вине княжеского сына, с требованием большой казны за его жизнь.

Приуныли Васятка, дядька Ивашка, протоирей Алексей и вся иная челядь. Стали ждать гнева царевича, а за ним хана. Каков будет он? Усилят охрану—как пить дать. Не шелохнёшься в юрте, не выйдешь свободно на прогулку по улусу. Гадали всякое.

Но не ожидали такого. Всех русских заложников, торговых московских людей, коих богато было на

рынках Сарая со своими товарами, иностранных купцов — согнали на площадь перед ханским дворцом, отделанным мрамором разных расцветок, цветными византийскими стёклами окон, с золочёными шпилями и полумесяцами. На высоком крыльце, на сверкающем золотом троне, будто бы привезённом из Каракорума, на котором восседал сам повелитель Вселенной, теперь сидел хан Тохтамыш. У него приятное, даже красивое лицо с лёгкими признаками жёлтой расы. Борода аккуратно стрижена, узкие усы, хорошо сочетающиеся с его прямым носом и чёрными, вразлёт, бровями.

На площади народу не протолкнуться. Свита хана — в дорогих, расшитых серебром и золотом халатах, в фетровых белоснежных малахаях. Кинжалы и сабли — в ножнах, изукрашенных чеканкой генуэзских мастеров. Дальше — публика беднее, говорливее, с жадным любопытством кровавого зрелища.

На лобное место вывели истерзанных в пытках беглецов с колодками на шее. Дознавались: откуда шёл наказ на побег? Не от самого ли князя Дмитрия Константиновича? Измождённые, они едва стояли на ногах. Помилован был только Василий Кирдяпа. Хан знал: за милость к княжичу получит богатую казну. И она доставлена нарочными гонцами с грамотой князя. В ней он просил пощадить отрока, решившегося на побег. Согласия на такую шкоту великий князь не давал. Он верит в ханскую милость, которую повелитель проявит с помощью богатых подарков и рано или поздно вернёт сына домой.

Хан пощадил Василия. Остальные беглецы были казнены на глазах у многочисленной толпы. Глашатай огласил указ хана:

«Великий повелитель Золотой Орды отвечает за жизнь княжичей перед своими данниками. И чтобы они больше не помышляли о побеге, сослать всех в заяицкие владения. Стражу усилить».

Ещё дальше от родины

Перед юртой князя Василия долго бесновался на разряженном аргамаке посланник хана Тохтамыша. Пена слетала с губ лошади, чалый жеребец плясал под наездником, задрав высоко голову от натянутых удил. Из глотки посланника вылетали бранные слова в адрес урусов вперемешку с восхвалением великого повелителя и его мудрого решения. Ивашка с поникшей головой слушал хмуро. Протоирей обносил себя крестным знамением. Княжич Василий стоял с гордо поднятой головой. Шёл ему уже пятнадцатый год, а прибыл сюда одиннадцатилетним пугливым мальчиком, хилым и низкорослым. Теперь он заметно подрос, раздался в плечах. В его светлых глазах сверкала скорее ненависть к ордынцам, чем покорность. Это радовало Ивашку, но одновременно и пугало: татары не любили строптивых, учиняли за такими двойной надзор, что в конечном счёте не входило в планы дядьки, с которыми он прибыл сюда по наказу самого великого князя Дмитрия Ивановича Донского.

Наконец посланник умолк, давая толмачу время донести гнев хана и его волю.

— Великий повелитель Золотой Орды шибко гневается побегом Кирдяпы. Его гнев вы узрели на лобном месте. Сына великого князя Московского со всем урусским улусом хан отправляет в заяицкие степи Синей Орды. Оттуда никто не сможет бежать. Кирдяпу там он посадит в яму.

— Князь Василий — отрок послушный. Он покорен воле великого хана и будет у него на бережении, сколько пожелает повелитель, — ответил дядька Ивашка. — Тому порукой буду я — стременной самого великого князя Дмитрия Ивановича.

— Снимайте юрты, отсыпьте казну за вьючных верблюдов. Кто не встанет в караван к вечеру, тому сломают хребет, — прокричал посланник напоследок, и не успел толмач перевести его слова, как он тронул аргамака, который взбил копытами дорожную пыль.

Появились погонщики верблюдов, предлагая свои услуги. Брали дорого, зная нужду русских. Ничего не оставалось, как заплатить назначенное и собираться в далёкий и неведомый путь.

— Торопись, братья, хан на ветер слов не бросает, — говорил Ивашка своим мужикам, а Василию шепнул: — Если ночью пойдём, примечать путь надобно по звёздам.

— Чем же такая примета нам поможет?

— Поможет. Дай срок, тронемся в путь — всё выложу, сейчас же недосуг.

Караван вечером стоял на краю Сарая, готовый в путь. Но погонщики не спешили оторваться от очагов в ночь. Пили чай, сидя на коврах, расстеленных на земле, ели курт[1]. Ждали, когда напреет в котлах баранина, купленная у местных торговцев на серебро. Верблюды лежали тут же с вьюками на спинах, медленно двигая челюстями, перетирая жвачку. Ивашка радовался: на рассвете тронется караван, останутся в памяти приметы пути. Погонщики тоже люди: коль выпало счастье взять хороший куш, урывают спокойные часы, насыщаются бесбармаком[2], запивая жирную отрыжку кумысом. Потом каждый ляжет там, где сидел, всласть выспится перед далёким переходом.

Ивашка слышал о реке Яик[3], бурной и многоводной. Стекает она якобы с гор Уральских, богатых тайгой и пушным зверем. Пойдёт караван степями ковыльными, степью безводною. Будто потом верблюжья тропа будет долго виться вдоль Яика,

1. Курт — сухой подсоленный сыр комочками.
2. Бесбармак — хорошо проваренная баранина, мясо берут пятью пальцами.
3. Яик — река Урал.

словно татарский волосатый аркан, что насмерть вяжет пленника. Не аркан смущал Ивашку: степь, пустынная, широкая и незнакомая, может повязать крепче волосяной путы, на что и рассчитывал хан Тохтамыш, угоняя заложников в неведомую даль.

Караван поднялся с рассветом, с первыми протяжными и звонкими криками муэдзинов с мечетей. Погонщики, расстелив коврики, упали на колени, припадая к земле в молитве. Воздав хвалу Аллаху, погонщики подняли на ноги верблюдов, напоили их из деревянных колод, и караван тронулся в путь. Ивашка для князя и себя взял рослого двугорбого верблюда, на его спине была приторочена клеть для двух путешественников. Раскачиваясь в мерном шаге животного, дядька продолжил прерванный накануне разговор. Слова его никто посторонний не слышал.

— Будем скрытно жить, князь. Враг наш хитёр и коварен. Но и мы станем на ус мотать горькую долю да свою нить тянуть. Я тебе, Васятка, уже говорил о скрытности. Ты видел урок Кирдяпы, понял: на рожон лезть — бессмыслица. Вот и прошу тебя не показывать свои силушку, прыть и здоровье. Будь на людях нескладным, хилым да бестолковым. Такой человек не отважится на побег. Притупится слежка за нами, а мы скрытно будем готовиться. Да так, чтобы никто не догадывался, даже протоирей Алексей. Дорога в неволю у нас дальняя, всё обскажу, как замыслено с твоим батюшкой. Помни: силу хитростью возьмём.

— Помню, батюшка говаривал: хитрость — хитростью берёт, сила — силу ломит.

— Вот-вот, сердешный, не тот победитель, кто бахвальством удал, а тот, кто ум и сноровку в деле проявил. Предстоит нам в тайне многое содеять. Выносливость надобно крепить, силу копить в ногах и руках, стрелу в цель класть, мечом биться. Всему буду учить, чем сам владею.

— Да как же от людского глаза схорониться по твоей задумке?

— На новом месте разберёмся. Первое, самое неприятное душе, — льстить научиться не только мурзе, под чьей рукой будем, но и нукерам.

— Как можно преклонять голову низкородному нукеру?! — возмутился Василий.

— Трудно, но знай: волю великого князя, отца твоего, исполнять будем. Его слово и воля равны Божиим. Научу, как верную дорогу в лесу выбрать, в широкой степи отыскать верный путь. И днём, и ночью. Вот этой мудростью займёмся прямо здесь, в басурманском кошеле.

Караван растянулся на добрую сотню сажен. В пойме Волги караванная тропа пролегала то меж зарослей белого ивняка, то вдоль пепельных зарослей в лощинах, где подолгу весной держится полая вода, а летом собирает дождевые потоки. Но скоро под ноги легла пёстрая разнотравьем бескрайняя и безлюдная степь с песчаными и солончаковыми плешинами. Попадались болотистые низины с камышами и рогозом, всё с той же разлапистой ивой. И вновь суходолы с типчаком, пушистым мятликом да серебристыми метёлками ковыля.

— Гляди, Василий, метёлки ковыля клонятся вдоль нашего пути. Солнцу кланяются. Его принуждают к тому ветры, что дуют с заката ярила. Наша там сторона, туда нам, если Бог даст, обратный и опасный путь ляжет. Вот и примечай, как нос держать против ветру, против поклона ковыля. Только тогда путь можно сменить поперёк ветру, когда Дон-река за спиной останется. Встанешь в полдень так, чтоб блин светила тебе затылок грел, и шагай вперёд, намечай правильный путь. По полудню ярило тебе в левое ухо должно заглядывать да нашёптывать, куда стопы направлять. А направлять надобно так, чтоб к вечеру оно в лицо тебе брызгало. По-иному будет — знать, сбился, не туда прёшь. Не в русские земли.

Ивашка умолк, всматриваясь в светлые глаза подопечного князя, пытаясь понять, дошли до сердца его слова или пропущены меж ушей. Горели они огнём интереса к познаниям и тревоги за будущее. Не мал уже княжич, батюшка его, великий князь, в эти годы управлял уж княжеством. Перестал кланяться ханам Золотой Орды, которых на его памяти в годы Великой замятни[4] сменилось с полдюжины, и дань прежнюю не слал.

Будет с них. Обретает русская земля силы, собраны в единый двор многие княжества, даже упрямая Тверь покорилась, отдала ярлык на владение великим княжеством Владимирским, не без брани и упорства, но отдала. Мамай, новый властитель Орды, признал Дмитрия Ивановича, сына Красного, великим князем.

— Мудрёна твоя наука, Ивашка, да запомню наставление.

— Верно, непросто в широкой степи или в дремучем лесу верный путь выбрать. Ну да наживное это дело. Не раз вернёмся к этой науке. На привале поиграем, на месте, как прибудем, испробуем: усели мои слова в голове и сердце или нет? Повторим, коль нет.

— А как же ночью быть?

— Трудно, но и тут выход есть. Небо звёздное путь укажет. Большой звёздный Ковш отыщи. Знаешь его. Ручка его в сторону захода солнца кажет, а дно Ковша — на нашу сторонку, на землю русскую, северную. Утром Ковш опрокидывается, выливает рассвет на землю. Стало быть, пасть Ковша в басурманскую сторону смотрит, в эту, по которой мы с тобой движемся.

— А стенка крайняя Ковша в нашу сторону ложится, ручка указывает на тёплые заморские страны, — молвил Васятка.

4. Замятня — раздор в Орде, убийство ханов-чингизидов соперниками, частая смена ханов.

— Верно. Ну а в лесу дремучем только верный и тонкий глаз определит свою сторонку по кроне дерева. С нашей, северной, стороны она чуть короче, с тёплой, что напротив, — богаче. Ветви длиннее, особенно у ёлки заметно. Вот и становись лицом в свою сторону. Слева заход солнца, справа — восход. Там басурмания. А ещё приглядывайся: узришь на пихте, ели мох или лишай — знать, северная то сторона, нашенская.

— Волга да Дон в тёплые страны текут, — сказал Василий.

— Туда, князь. Только нам по Волге и Дону не подняться. Людные дороги, схватят, как Кирдяпу. У нас ляжет иной путь, на закат солнца. Просторы там дикие, неохватные. Много сил потребуется, сноровки, хитрости. Да с нами Бог, справимся.

Справа от каравана с гиканьем пронеслись галопом татарские воины, сопровождавшие путников. На привалах они располагались чуть поодаль княжеских костров, на которых варили мясо баранов с кониной, кипятили воду на чай. В степи, хоть и бескрайней, неспокойно. Свои же улусники могут налететь на караван. Разграбят, а вину свалят на отряды хромого Тамерлана, покровителя Тохтамыша. Самаркандский воитель уж многие земли подчинил себе. Теперь, слышно, на Иран нацелился, на Закавказье. С этими землями и народами Золотая Орда ведёт беспрерывную торговлю. На Кавказе многие народы — данники после походов Чингисхана и Батыя. Их-то Тамерлан грозится покорить сам и раздать своим сыновьям. Золотую Орду, слышно, воевать не собирается. Но оскорбительна сама мысль для золотоордынцев: может ли кто покуситься на великие завоевания покорителя Вселенной? Не проучить ли нам строптивца? И будто бы собирается повелитель Тохтамыш пойти набегом на Закавказье. Ивашку такие слухи радуют. Новая замятня на руку. Не до пленников будет мурзам, царевичам и великому хану. Только бы не угодить, если начнётся большая свара, в руки Хромого. Ещё дальше тогда забросит судьба от родного Междуречья.

Нетрудно было догадаться по возгласам воинов, уж изучили заложники татарский язык: впереди обозначилась пойма реки Яик. Пошёл отряд на разведку: нет ли в прибрежных зарослях у переправы вражеской засады?

— Знать, покрыли две сотни да пятьдесят вёрст[5], — сказал удручённо Ивашка. — Много придётся киселя хлебать, если удастся утечь из-под руки ханских стражников.

Ивашку посетило уныние

Заяицкие просторы пугали Ивашку своей обширностью, безлесьем и дикостью. Их поселили в большом ауле, близ озера. Юрты князей раскидали в разные стороны. Князя Василия разместили едва ли не в центре, чтобы глаз на него ложился всякий раз. Задумался Ивашка. В Сарае тайные люди великого князя ходили купцами с караванами, торговали на базарах. Часто прибывали посланники Дмитрия Ивановича то с данью, то с делами по жизнеустройству. Весть подать было кому. Теперь же, отброшенными на восток на десяток дней пути конного вершника, как о себе замолвить? Когда подвернётся удобный случай к побегу? Через такие пространства с голодным желудком не пройдёшь, а кто накормит, кто подсобит в пути, харчей припасёт? Прежние утайки на Волге, Дону, о которых оговаривали с Дмитрием Ивановичем, так и остались. Сидят там люди, ждут, бдят. До тех мест добраться — пуд соли съесть. Искать руку надо теперь среди погонщиков, серебром задабривая да посулами о хорошей казне после дела. Но боязно с местными связываться. Уж больно ненадёжные люди, падкие на серебро. Выболтать могут тайну, а то и продать подороже.

Надёжа всё-таки есть. Успел во время сборов предупредить своего человека в Сарае о переселении Василия и остальных сыновей великих князей: Василия Кирдяпы — Нижегородского, Александра — Тверского, Родослава — Рязанского. Ушла весть в Москву, сомнений нет, но когда ответная придёт? Несколько лун минет. Придётся терпеливо ждать и готовить княжича к дальнему пешему переходу.

— Почему же пешком? — недоумевал Василий. — Неужто на лошадей у тебя серебра не сыщется?

— Серебро есть, казна не оскудела. Однако всадник за версту виден в чистом поле, а пеший не так приметен. В любую минуту может схорониться от зоркого глаза. Потому-то долгому бегу тебя обучаю.

— Я на ногу лёгок.

— Не спорю, резвый. Пойдём звериными тропами, только орёл сможет нас увидеть. А где и в бег придётся удариться. Сможешь ли ты покрыть зараз двадцать вёрст? Нет. Ноги подкосятся, упадёшь с хрипами в груди, как лошадь загнанная. Будем много бегать, Вася, вместе, учиться выносливости. Она нам жизни спасёт.

— Я не против. Только какой прок в юрте упражняться, на месте толочься, как ты велишь? Этак я могу полдня протрястись. Надо в степь, а нас от юрт на шаг не отпускают.

— Исхитримся. Мурзу Баршу задобрим, на охоту будем проситься, в озере покупаться.

Ивашка вынул деревянные сабли из сундука, бросил одну княжичу. Тот ловко её поймал, и начался урок фехтования. Василий неумело, но азартно отражал удары Ивашки. Наставник терпеливо показывал приёмы боя.

— Рука у тебя слаба. Возьмёшь в руки настоящую саблю — вовсе быстро сникнешь. Тяжести надобно

5. Две сотни да пятьдесят вёрст — в старину русские к целому числу прибавляли остаток.

поднимать, мышцы накачивать. Нападай теперь ты.

Василий стал теснить Ивашку, тот умело отбивал удары. На шум в юрту заглянул стражник. Ивашка предусмотрел такой поворот. Прямой вход был прикрыт плетённым из ивы щитом, и свет с улицы падал на правую сторону юрты, давая возможность заметить нукерову подглядку и побросать сабли на пол, изобразить какое-нибудь баловство.

Разгорячённые схваткой княжич с Ивашкой так и поступили. Василий прыгнул на дядьку, показывая борьбу. Нукер остановился у входа, сказал:
— Сын мурзы Ахмедка любит монгольскую борьбу и легко победит князя.
— Легко похваляться,— ответил Василий.— Пусть позовёт меня на поединок.
— Я передам мурзе и Ахмедке,— ответил стражник и получил от Ивашки серебряную монету.
— От скуки извёлся княжич. Сделай милость, Рахим.

Стражник пообещал и вышел.
— При нём мы можем свободно драться,— сказал Василий.
— Поостережёмся. Борьба — одно дело, а обучение бою на саблях, стрельба из лука — совсем другое. Ненадёжный они народ. Возьмёт да продаст нашу тайну мурзе. Хитрый и коварный народ. Сколько бед от него натерпелись. Хватит. И ты впредь никогда не бери за веру слова, а только дела. Тебе управлять Русью после отца, познавай здесь всю науку этого коварства, сам будь хитёр и осторожен. Иначе любая промашка большой кровью обольётся. Приступим к бою. Защищайся!

Схватка

Сын мурзы Ахмед был рослый и плечистый. По всему видно, старше Василия на год. Он снисходительно улыбался своему противнику. На нём сапоги, расшитые орнаментом, носки загнуты, на бёдрах короткие атласные трусы с крепким поясом, за который противник может ухватиться, попробовать оторвать борца от земли и бросить на землю. На плечах короткая рубашка-распашонка из крепкой атласной ткани с открытой грудью. На пояснице туго затянутый широкий кушак. Ахмед среди своих сверстников носил титул арслана — победителя в девяти турах.

Василий тоже одет в национальный монгольский борцовский костюм. У каждого борца свой секундант — засуул. На них красочные халаты, остроконечные шляпы на голове. Судьи очень подвижны и зорки. Победу присуждают тому, кто принудит соперника опереться о землю одновременно третьей частью тела.

Василий видел подобные схватки в Сарае на осеннем празднике Надым. Они ему не понравились — слишком всё упрощённо. Соперники могут, ухватив друг друга за руки, за пояс штанов, ходить по кругу долго, упираясь голова в голову, подлавливая и делая неожиданный резкий рывок с целью повалить. Сделать это очень трудно, азарт к схватке пропадает.

Ивашка тоже наблюдал борьбу. Что-то посоветовать княжичу не мог. Не знал тонкостей схватки. Единственное, борец должен быть силён физически. У Василия силы пока слабые. Вот и нужны постоянные упражнения. Наставник надеялся получить поддержку сына мурзы и открыто качать мышцы.

Василий выглядел менее внушительно. Зрители улюлюкали. Их собралось много на поляне за аулом. Окружили кольцом место схватки, одеты в лёгкие халаты и сапоги. За их спинами в котлах варилась конина и баранина, чтобы отпраздновать победу Ахмеда над русским княжичем. Ивашка велел не обращать внимания на крики и продержаться хотя бы минуту. Василий оказался цепким борцом. Ухватившись руками за пояс и приняв почти горизонтальную позу туловища, княжич беспрерывно двигался, сбивая противника с настроя на силовой приём. Даже сам пытался сдёрнуть соперника с устойчивой стойки. Ему удалось закружить Ахмеда, заставить балансировать на одной ноге и коснуться рукой земли. На победу сил не хватило.

Возглас одобрения вырвался у зрителей. Схватка обещала быть жаркой. Всё же противник был сильнее и опытнее, изловчившись, принудил Василия упасть на колено. Победа была полная. Ахмед возликовал, поднял правую руку, а княжич прошёл под ней, признавая своё поражение. Победитель исполнил танец орла. Раскинув руки по сторонам, он прошёлся, приплясывая, по месту поединка.
— Приходи ко мне бороться,— пригласил Ахмед князя.— У меня нет достойного соперника. Ты будешь.

Василий принял приглашение. Через час вместе с дядькой Иваном он сидел на ковре перед достарханом, пил чай с козьим молоком и ел сыр. За трапезой договорились поохотиться на уток и гусей, которые гнездились в камышах и рогозе на дальнем конце озера.

Покровительство достигнуто. Ивашка был очень доволен. Теперь можно обучить князя не только борьбе, но стрельбе из лука, плавать, драться на саблях, владеть копьём, упражняться в беге по буеракам. На одной из охот Ахмед поведал Василию, что уходит с отрядом отборных нукеров родового аула в войско хана Тохтамыша. Повелитель собрался идти на хромого Тимура, чтобы защитить завоевания покорителя Вселенной в Тебризе.

Это известие подтвердилось оживлением в ауле, хлопотами в сборе отряда всадников с запасными лошадьми. Из разных сторон степи в аул прибывали всадники с косяками лошадей. Ивану такое обилие говорило о многом: не безлюдная степь заяицкая, много в ней стоянок

скотоводов-кочевников. В побеге, если Бог даст, придётся остерегаться встречи с ними. Но можно и пользу извлечь…

Ахмед показал Василию трёх степных рысаков. Волос на них лоснился, что говорило о сытости жеребцов и кобылы. На таких скакунах, выносливых и справных, войско пойдёт быстрее ветра. Кроме верховых лошадей, отряд получил косяк молодых жеребцов на убой.

— Пойду на трёх рысаках,— хвалился Ахмед.— Отец — голова войска, я у него — правая рука.

— Возьми меня с Ивашкой в поход,— попросился Василий.

— Нельзя, ты в воле самого хана. Только он может разрешить.

— Тогда прощай, Ахмед, ты хороший друг.

— Жди меня с победой, продолжим наши игры.

— Давай обменяемся кинжалами,— предложил княжич,— на память.

Рукоятки кинжалов и ножны были отделаны серебром с изображением головы волка у Ахмеда и орла у Василия. Княжич не раз показывал Ахмеду, как он ловко мечет кинжал в цель с десяти саженей. Кинжалами обменялись с удовольствием.

Праведный путь и ночью светел

У юрты Василия молодые стражники сменились на стариков, а число их уменьшилось до одного. Выпал час побега. На степь накатывалась осень. Подули северные ветры. Пожухли типчаковые травы, а ковыль ярче засеребрился на солнце, отливая спелыми метёлками. Ивашка и Василий приободрились, выжидая удобную ночь, чтобы бесшумно и незримо исчезнуть из аула. Волновала молчанка с родины. Будут ли на переправах ожидать князя свои люди? И весть эта пришла от человека из нового каравана, что пришёл с Волги. Вестник показал тайный и неприметный знак великого князя Московского, передал поклон от него и сказал, что на Волге, ниже Сарая в десяти верстах, беглецов будут ждать люди с челном. Яик придётся перелазить самим, без допомоги.

— И на том спасибо,— сказал Ивашка.— Как сам-то Дмитрий Иванович здравствует?

— Недомогает великий князь. Беспокоят раны с поля Куликова, да пожог Тохтамыша глубокой рваной бороздой в душе сидит. Ждёт своего наследника Дмитрий Донской,— сказал человек и удалился, растворился в ночи, словно его и не было.

— Пришла пора, князь Василий, применить в деле наши упражнения,— сказал Ивашка.— Готов ли в путь далёкий и опасный?

— Готов, волю батюшки выполню!

Снарядили два заплечных мешка с сухарями и сыром. На поясе кинжалы. Два лука со стрелами. Одна сабля на двоих. Нелегка поклажа. Через несколько часов пути станет вдвое, втрое тяжелее. Пойдут, условились, тайно от всех своих. Не велено никого посвящать в побег. Накануне княжич сказался больным, чтобы не выказывать его отсутствия хотя бы до утра, когда стражник проверяет, тут ли заложник.

Ночь побега выдалась глухая, ветреная. В небе носились низкие косматые тучи, грозя пролиться холодным дождём — редкость в сухих заяицких степях. Но Бог миловал, только редкие скупые капли падали на землю, создавая слабый шорох в травах.

В княжеской юрте они находились вдвоём. Тускло догорала одна свеча в подсвечнике над очагом, отбрасывая на округлые стены юрты, драпированные коврами, огромные тени неслышно собирающихся в поход людей.

— Кажется, взяли всё,— шёпотом сказал Ивашка.— Ничего не забыли?

— В дороге откроется,— ответил Вася.

— Ладно, князь, все уж спят, пора! Волнуешься?— спросил боярин, заметив в глазах у юноши тревожный блеск.

— Немного.

— Пойдём — успокоишься. Присядем на дорожку по старому русскому обычаю, помолчим на удачу.

Они присели каждый на свой заплечный мешок. Помолчали. Ничего не думалось. Уставили взоры на затухающую свечу. Это хорошо, всё погружается во мрак.

— С Богом!— внятно сказал боярин, подхватил мешок и первый нырнул в подкоп изнутри юрты, прикрытый ковром.

За ним, не отставая,— Вася. Вышли в нескольких саженях от неё с глухой стороны. Неслышными тенями скользнули в степь просторную ковыльную. Покойно кругом, только свист ветра в озёрных камышах да писк мышей-полёвок. Вышли на караванную тропу. Направление взято верное, не сбился Ивашка в кромешной темноте, без звёзд, без луны. Это ободрило, придало уверенности в успехе. Пошли ходко — то бегом, то широким шагом. Покрыли вёрст двадцать. На рассвете оставили тропу, отклонились чуть влево с расчётом держаться невдалеке, с тем чтобы в сумерках снова выйти на тропу. Днём рассчитывали отдохнуть в степной балке, если такая сыщется.

Ходко шли днём. Шли до изнеможения. Слышали, как пот струйкой стекает меж лопаток. К полудню снова отклонились влево, пошли по бездорожью ковыльной нехоженой степью. И вовремя: сзади над караванным шляхом взыграло облако пыли. Из последних сил ударились в спасительный бег, подальше от тропы. Впереди замаячила зеленью старица. Место опасное, у воды могут стоять скотоводы с отарами овец и косяками лошадей. Как некстати попался на пути этот оазис. Придётся давать солидный крюк, чтобы обойти старицу. Силы на исходе. Бессонная ночь, резвая ходьба и последующий бег потребовали передышки. Ещё, ещё немного в сторону, бежали,

пригибаясь, хотя видимой опасности на горизонте не было. Но поостеречься не грех: степь ровная, как трапезный стол. Василий запалился первый. Ивашка подхватил его под руку. Тащит.

— Попадёт ложбинка — упадём, Васятка. Дыши глубже, легче будет, — хрипя горлом, говорил Ивашка.

Попалась не ложбинка, а старая барсучья рытвина. Ветром выдуло взрыхлённую зверем землю, образовалась яма, поросшая редкой травой. Вот в неё и свалились беглецы, чутко прислушиваясь к степным звукам. Ивашка припал ухом к земле. Степь далеко разносит конский топот. Тихо, погоня укатилась по тропе к переправе. Счастье Василия, что основное мужское население аула ушло на войну. Некому устроить широкую облаву на беглецов. Момент выждан — лучшего не сыщешь.

От быстрого и долгого бега Вася устал, горячая испарина вырывается из-под халата. Мешает тёплый кафтан — тяжек он в беге. Юноша сбросил его с плеч, упал навзничь, выравнивая прерывистое дыхание. Пересохшее горло горит. Пот градом застилает глаза. Лицо осунулось, губы посинели, а в глазах — острый победный блеск: мол, ушли-ушли, вот вам фигу, выкусите! Он через силу широко улыбнулся боярину, тот в ответ тоже. Одобрительно потряс за плечо.

Вася закрыл глаза, минуту лежал без движения, наслаждаясь первой удачей, глубоко вдыхая степной, настоянный на травах воздух. Дыхание быстро выровнялось, он выглянул из ямы. Глухо, слышны только лёгкие порывы ветра да почти беззвучный шелест пожелтевших трав. Обзора почти никакого, всадника, если окажется в полуверсте, не увидишь.

— Как там наши остались? Что с ними будет? — спросил Вася.

— Будет так, как будет. Не казни себя. Все служат Дмитрию Ивановичу, отечеству нашему. Пусть несут свой крест до конца.

— Кирдяпа утёк почти со всем двором. Мы — ты да я. Поди, отца Алексея и остальных не тронут. Они знать не знали.

— Отец Алексей догадывался, сразу сообразит. Сейчас молится за наше спасение. Но и он не владыка над тобой, не указ. С него спрос короткий.

— Могут спросить с пристрастием?

— Могут. Отдадут жизни за великие интересы святой Руси, — Ивашка потянулся за бурдюком с водой, вынул пробку, подал княжичу. — Остыл после запарки? Теперь глотни. Пожуём сухарей с сыром, ты спать налаживайся, а я вон на тот бугорок отползу, буду наблюдать.

— А не заснёшь, если солнышко тёплое выглянет?

— Не засну. Кинжалом в руку буду тыкать. Через одёжку. А то и ползать начну с места на место. Заснуть — Боже избавь. Тут татарин и накрыть может. Шальной какой степняк, чабан.

Они пожевали сухарей с сыром, запили водой из бурдюка, и Василия быстро сморил сон. Ивашка взял лук с колчаном стрел, отполз саженей на двадцать, где земля слегка взбугрилась, давая возможность обозревать степь на приличное расстояние. Сон Ивашку не мучил, выпавшая нагрузка на его закалённое в походах и упражнениях тело была почти обычной. Подступалась жажда. Бурдюки вмещали всего по три литра. Что это для путников, если они не знают, где и когда смогут пополнить запасы? Ивашка предполагал о трудностях, но не ожидал столкнуться с оазисом и погоней в первый день пути: попавшаяся старица говорила, что придётся отказаться от продвижения вдоль караванной тропы, тем более — по ней. Татарские разъезды могут налететь лавиной и схватить. Не убежишь, не отобьёшься, если преследователей окажется с десяток.

Уходить надобно в глухую степь, двигаться только днём, дабы не наскочить на какое-нибудь стойбище с людьми и собаками. Скотоводы не менее опасны, каждый из них, молодой или в годах, — воин. Неизвестно, сколько юрт окажется на стоянке, сколько мужиков. Смогут ли отбиться, если завяжется схватка? Если и отобьются, уйдут, вершник быстро донесёт о стычке в ближайший аул, откуда может последовать облава. Правда, при неожиданной встрече возможен мирный исход: оба в татарской сряде[6], язык знают хорошо, на стойбище пришли для покупки лошадей. Серебро в кошеле есть. На лошадях за день покроют десятидневный путь пешца. Но раскрывать себя преждевременно и отступать от первоначальной задумки не хотелось.

В скорой погоне Ивашка не ошибался. Утром стражник, как всегда, заглянул в княжескую юрту. Она была пуста. Кинулся к отцу Алексею, потребовал показать ему князя.

— Видать, ушли на озеро купаться. Князь с Ахмедом часто хаживали вместе. Подождём, скоро вернутся.

— Теперь Ахмеда нет, ты врёшь! — не поверил стражник и побежал на усадьбу мурзы, поднял тревогу.

Отец Алексей встревожился. Он догадывался о предстоящем побеге, видел приготовления. В юрте не обнаружил княжеского оружия, бурдюков. В сундуке нет повседневной княжеской одежды, хотя последнее время отрок ходил в татарской, подражая Ахмеду. Был раздосадован, что ему не доверили тайну, но гнева не проявил, смиренно принял событие. Верил: всё творится по воле великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Наследник должен вернуться в свои чертоги и от мудрого отца познавать азы управления княжеством. Слышно, недомогает великий князь — опора

6. Сряда — одежда.

святой Руси. Знавал Дмитрия младенцем. Служил ему. На его глазах рос и креп наследник Ивана Красного, продолжателя расширения земель Московского княжества мирным путём. Дмитрий, как и отец, приглашал на свои земли крестьян, ремесленников, ратников. Звал из соседних и отдалённых княжеств бояр. Люди шли из рязанских, черниговских, киевских, галицко-волынских степей и залесья, оседали на купленных московскими князьями землях. Обживали Поволжье, Белозерье, Устюжье, Угличское раздолье. Княжество богатело, золотоордынцы почти не беспокоили русские земли, хотя дань отсюда с каждым годом скудела. При Дмитрии Ивановиче она совсем прекратилась.

Княжество разрасталось, силы его крепли. Строились новые города-крепости, сёла, распахивались земли под жито. Впервые Московский Кремль был обнесён каменными стенами, за которыми можно было выдержать длительную осаду врага. Бог даровал Руси такого успешного князя, который отважился выступить против Орды. Первый успех был достигнут на реке Воже, где был разбит мурза Бегич, которому наместник Мамай велел опустошить Русь, заставить платить прежнюю дань. Русские воины увидели свою силу, воодушевились, и через два года был разбит сам Мамай. Боярин Ивашка участвовал в битвах. Был знатен родом, как и отвагой. Потому Дмитрий Иванович прислал его в Сарай с тайной целью — вернуть сына домой.

«Ивашка расторопен, смышлён, крепок духом и телом, — размышлял отец Алексей, — справится с возложенной на него ношей. Нам же суждено нести свой крест, если на головы обрушится гнев наместника».

И он обрушился. На озеро ускакали конные стражники. Не найдя там князя, вернулись. Наместник мурзы приказал схватить слуг и отца Алексея, дознаться. Связанных арканами, всех без исключения били плетью, спрашивали о князе и Ивашке. Никто ничего не знал. Побои мужественно переносили. Не мешкая, наместник выслал небольшой отряд в погоню по караванному шляху. Давно стояла сухая погода, рысаки взбили пыль, которую к счастью, издалека увидели беглецы.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда Ивашка тронул за плечо Василия, прикрытого халатом. Тот встрепенулся, осоловелыми глазами уставился на Ивашку:

— Татары?

— Нет, тихо. Надобно, князь, идти. Я поразмыслил и решил двигаться только по свету. Ночью можно наткнуться на стойбище, на нукеров. Днём же увидишь, что перед тобой, как ноне. Подальше отойдём — сторгуем у скотоводов лошадей за серебро. Скажем, отстали от каравана, шедшего из земель хромого Тимура. Заблудились. Пробираемся к Тохтамышу в Сарай-Бату.

— Пусть будет так, мне не нравится ночная беготня. Ахмед говорил, что в набег собирают людей со всех стойбищ, — напомнил Василий, — ушли все молодые и крепкие. Нам нечего опасаться старых скотоводов. Если что — перебьём, как куропаток.

— Бережёного Бог бережёт, Василий. Не гневайся, осторожничать будем до самого Московского княжества. Пока на родное крыльцо не взойдёшь.

По пересечённой местности

— Хочу испытать, прежде чем двинемся: в какую сторону сам пойдёшь?

Степь, сколько хватало глаз, лежала однообразная, пустынная. Высоко в небе парил чёрный коршун, высматривая добычу. А ещё выше — солнце закрыла косматая гигантская белёсая туча. По светилу не определишься. Василий напряг в памяти уроки Ивашки, стал приглядываться к метёлкам ковыля, пытаясь определить, откуда дует ветер и куда клонит травы.

— Пойду против ветра, метёлки ковыля склоняются влево от меня.

— Ветерок, однако, дует не со стороны заката, а наискось. Вон и коршун против его потока плывёт, забираясь ввысь. Ветер с холодной стороны дует, с нашей, северной. Ковыль неохотно голову клонит влево, в тёплую сторону. Нам надо двигать встречь этой туче, так, чтобы ветер в правое ухо пел. Ты же, Васятка, указал путь на юга. Там Яика нет. Там за степью владения Тамерлана. В его сторону от шляха мы ночью мчали, да круто завернули, обходя старицу. Теперь путь выправлять надобно.

Василий смутился. Хотел возразить, но в прогалине тучи на минуту блеснуло солнце. Оно светило в правое ухо. Надобно бы в лицо. Княжич быстро повернулся в правильную сторону и выбросил руку на запад:

— Нам вот так мчать!

— Верно! Хлебнём в дорогу из бурдюка — и в путь. Притомимся — перекусим.

Бег рысцой перемежался с ходьбой. Передышка — и снова бегом с оглядом окрестностей. Тонкое обоняние Василия подало сигнал опасности. Ветер принёс овечий запах.

— Ивашка, чую, справа от нас овечки, а может, козы.

Дядька остановился, замер, присел. Принюхался. Верно, ветер несёт запах баранов.

— Молодец, князь. Здоровый у тебя нюх. Как бы на вершника не нарваться. Уходим по ветру.

Не прошли и версты, как обнаружили следы скота. Ивашка увидел скотскую лепёшку, не до конца высохшую на солнце. Пошарил в траве, нашёл овечий помёт. И снова лепёшки. Они тянулись, уменьшаясь, по пути их хода. Местами лужайки клевера словно подрезаны ножом. Это паслись коровы и лошади. Вон и помёт лошадиный. Ясно, впереди стойбище, а может, летняя стоянка

чабана. И то, и то плохо. Можно нарваться на людей. С человеком — собаки. Чужаков облают, и люди насторожатся.

Двигались перебежками, чутко прислушиваясь к звукам степи. Пересекли опасную зону засветло. Перекусывали. И снова шли до последнего блика солнца, до звёздного неба, которое в сумерках освободилось от туч. Ночлег устроили в пересохшем русле безвестного ключа с чахлыми ивами. Бурдюки ополовинились. Утром решили пройти по руслу в надежде найти воду.

До полуночи Ивашка караулил сон княжича. Глухая, безлунная, тёмная ночь не сулила опасности, и боярин уснул крепким, глубоким сном.

Каково же было удивление утром, когда дядька проснулся с восходом солнца, выбрался из сухого русла, пробрался на каменистые отложения из песчаника и с их небольшой высоты увидел лесистую пойму Яика. Прикинул расстояние — вёрст пять. Всмотрелся в прилегающую степь и увидел рассыпанные чёрные точки. Косяк лошадей. Где-то неподалёку должна быть стоянка.

— Что там — лес? — услышал Ивашка взволнованный голос князя.

— Пойма Яика, княже. Смотри правее. Видишь, кони пасутся.

— Вижу. Вон и вершник, второй. Гонят косяк в лес, — сказал Вася, — никак на водопой.

— Туда. Вижу, далеко не те места, по которым шли на верблюдах. Верблюжий шлях тянулся вдоль Яика с заката на восход солнца на полный день пути. Теперь Яик лёг нам поперёк. Ярило в затылок светит. Река повернула на юг?

— Петля, поди.

— Не похоже на петлю. Влево и вправо тополёвник тянется лентой. Горку бы нам под ноги. Взобрались, огляделись бы, куда двигать.

— Сам же говорил, если утром ярило затылок греет, то прямо бежать надобно, чтоб и дальше в затылок.

— Это главное направление. Митрополит Киприан наставлял меня: если путник в неведомых доселе местах столкнулся с непонятным, разберись, вникни, тогда продолжай движение. Понять хочу: то ли река круто повернула, то ли просто большая излучина.

— Всё равно нам туда, — указал княжич рукой прямо перед собой. — Вон и клин журавлиный махонькими точками в небе тянет влево от нас.

Князь уставился взглядом в вереницу птиц, вспоминая, как на родной земле он много раз видел этих величавых птиц близко над собой, кружащихся над жнивьём, собирающихся в стаи для далёкого перелёта в тёплые края. Небось, и эти из родной стороны? Боярин и сам не раз любовался полётом могучих птиц, ловя их протяжные прощальные клики. Но этот клин не с родной сторонки, слишком уж далеко она на северном западе.

— Лады, князь, пожуём сухарей с сыром, запьём водой и подадимся чутко к реке. Там схорониться нетрудно. Наладим перелаз через реку. Сдаётся мне, отыщется островок, где отдохнём, выспимся всласть перед новым броском.

На острове диком

Долина реки оказалась широкая. Стоял белый тополь, островками осокорь. На сухих бугристых местах попадался дуб. Под ногами стелилось разнотравье, в сырых местах — осока, камыш и рогоз с цилиндрами спелых семенников. Попалась старица, а на ней гуси, турпаны и утки. Ивашка замер. Достал из колчана стрелу. Василий последовал за ним. Стали скрадывать. Дичь непуганая, подпустила на убойное расстояние. Стрелы запели враз и обе угодили в цель.

— Есть! — Васятка рад.

Ивашка разделся догола и выловил трепещущихся гусей.

— Отыщем остров, там зажарим, — говорил он весело, потрясая жирными, увесистыми птицами.

Дядька приторочил добычу к поясу. Двинули дальше, обходя старицу. К реке вышли лишь к полудню. Она поразила своей шириной и довольно скорым течением. Долго всматривались в противоположный берег: нет ли там лихого татарского глаза? Убедившись в пустынности правого берега, принялись налаживать переправу.

Плот рубить надобно из сухостойных тополей. Такие деревья отыскали в нескольких метрах от берега. Кинжалами свалили два высоких ствола, обрубили сучья. Длинные хлысты перерубили надвое. Ивашка умело на каждом бревне прорубил пазы для крепления. Затесал клином две жердины в полусажень из толстого тальника. Василий тем временем отыскал крепкие талины для шестов. Ошкурил. Столкнули лесины на воду в тихой заводи, не моча ноги. Вода хоть не очень стылая, день выдался солнечный, а мочить ноги без надобности не стоит. Василий удерживал брёвна, а Ивашка вогнал в пазы клинья. Для крепости вколотил в пазовые щели дополнительные клинья. Попробовал расшатать — нет, крепко.

— Плот готов, удержит троих и дюжину гусей.

Княжич, довольный, рассмеялся шутке.

Сплыли, когда малиновое солнце стало оседать за макушками деревьев. Пошли ходко, подгребая шестами. Вскоре вошли в протоку. Она огибала лесистый остров с галечными отмелями. Увидели тихую заводь, подгребли, причалили. Подтянули плот на сушу, закрепили куском верёвки, что лежала в заплечном мешке у Ивашки. На душе и тревожно, и радостно: всё пока складывается хорошо. Что-то ждёт впереди? Взяв пожитки, беглецы углубились в заросли, отыскивая поляну для костра и ночлега. Пока Василий собирал валежник для костра, Ивашка свежевал гусей. Затем княжич кресалом запалил трут, раздул огонь. И уже в темноте стали жарить на вертеле

дичь. Ели досыта, щедро посыпая крупной солью, подкрепляя силы, растраченные в гонке.

Нарочный

Великий князь трапезничал, когда в столовую вошёл нарочный гонец из Нового Сарая, где теперь была ставка хана Тохтамыша. Крепкий сложением, коренастый, он выглядел устало, измождённо, на кафтане видна дорожная пыль, за кушаком подоткнута плеть. Вести были важные, и Дмитрий Иванович приказал немедленно говорить.

— Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Иванович, хан Тохтамыш собирает большое войско и хочет воевать хромого Тимура на Кавказе. Этот беспощадный и успешный воитель покоряет сейчас Персию и грозит отнять у Золотой Орды Чингисовы завоевания, оборвать надёжные торговые пути из Закавказья, Персии, Индии…

Порывистый Дмитрий Иванович вскочил после последних слов нарочного гонца.

— Но Тимур в Закавказье не дошёл. Глубоко ли увязнет в Персии стопами хан Тохтамыш?

— Слышно, пойдёт на Тебриз.

— Надобно всячески способствовать такому походу. Стоит направить к нему и нашу малую дружину,—Дмитрий Иванович задумался.—Хорошую весть принёс, боярин, садись к столу. Тимур—искусный воитель. Пусть волки схватятся в мёртвой хватке, изнурят силы. Руси станет легче бороться с могольским игом. И придёт день, когда наши потомки окончательно сбросят его со своих плеч.

— Простит ли набег хромой Тимур своему выкормышу? Несколько лет назад изгнанный из Синей Орды царевич Тохтамыш нашёл покровительство у Тамерлана,—молвил митрополит Пимен, возвращённый великим князем из Чухломы вместо Киприана, высланного из Москвы в Киев.—Тимур помог ему собрать войско против Мамая, который вновь вознамерился стать властителем Орды. Войска сошлись. Но биться не стали. Основное войско бросило Мамая и перешло под хоругви Тохтамыша. Он потомок Чингисхана, а не Мамай. Битый нами воитель бежал в Крым, но там его зарезали его же союзники—генуэзцы. Вот с тем-то войском через год Тохтамыш обрушился на Москву и княжество.

— Что же слышно о сыне моём? Синяя Орда не останется в стороне от этого похода. Она бывшая опора хана.

— Все улусы подняты на ноги, Дмитрий Иванович,—молвил гонец,—и восточные, и южные, и западные. Сарай кипит страстями, как вода в котле.

— Самое время Ивашке в путь тронуться,—тихо сказал великий князь боярину, что сидел слева от него за трапезным столом, ведавшему тайным приказом.—Не до сына моголам. Догляд за ним, думаю, ослабнет. Снаряди нарочного к Ивашке немедля по нашему уговору.

Боярин встал из-за стола и удалился.

Весть нарочного зело взволновала великого князя. В период Великой замятни, когда в течение одного года в Золотой Орде сменялось несколько ханов-чингизидов, ослаблялась её мощь. Воцарился Тохтамыш, скрепил своей волей Орду, имея сильную поддержку самаркандского воителя Тимура, остановил в ней грызню за престол. Похоже, что золотоордынец слишком возгордился удачным для него набегом на Русь, сожжением Москвы, возомнил себя непобедимым. Доходят до Дмитрия сведения, что не раз был бит Тохтамыш наместниками и сыновьями Тимура, не столь он искусен в воинском деле, сколь в хитрости и коварстве. Этот поход врага нашего в иные страны—поворотный. Войны в стане врагов на руку нам. Как на руку была моголам раздробленность Киевской Руси, раскинувшейся на огромной территории от Чёрного моря с княжеством Тмутараканским до Новогорода на севере; на востоке по Волге, покорённая Святославом с дикими народами; на западе едва не до реки Вислы с Белой Русью. Народ сидел густо, жил справно и свободно. Оттого, видно, не объединялся, печенеги да половцы не страшили шибко. О моголах никто знать не знал. Сила у них оказалась великая. Но объединённая русская—крепче. Это доказал он на Куликовом поле, разбив наголову превосходящего по численности врага.

Дмитрий Иванович долго стоял перед картой Европы, написанной греческими мастерами. На ней были обозначены русские княжества, Золотая Орда, Кавказские горы, Каспийское море и север Персии с городом Тебриз. Далека эта страна, трудна дорога. Ничто не смущает заносчивых могольских правителей. Пусть, пусть дерутся, глядишь, и отложатся с набегами от Руси, дадут нам время для восстановления сил. Много полегло на полях брани русских воинов, не просто вырастить новых. Десятилетия уйдут. А даст ли Господь мне столько лет жизни? Василия пора вернуть домой, ему передавать накопленную мудрость в делах великокняжеских!

Заблудились!

Неожиданность, с которой столкнулись беглецы, вывела их из равновесия. Они зорко следили за всем живым, что появлялось в типчаковой и ковыльной степи, порой ровной, как стол, порой с лощинами, заросшими по пояс типчаком и клевером. Могли неожиданно столкнуться со скотоводами или вооружёнными нукерами, ведущими поиск беглецов. А что поиск идёт и расширяется с каждым днём, Ивашка не сомневался. Но встретить на своём пути новую реку—никак не ожидал.

— Заблудились,—изрёк Василий,—вернулись к Яику после того крюка, когда уходили от конных татар.

Ивашка молчал, но видно было, что растерян.
— Погоди, князь, давай разбираться, откуда взялась новая река.
— Небось, рукав Яика, сам-то он куда шире этой реки. Значит, рукав.
— Далеко больно рукав ушёл от главного русла. Сядем под ольху, перекусим да помозгуем, как всё вышло.

После удачной переправы через Яик путники сначала с трудом продирались сквозь заросли ивняка, ольхи, калины, тополя. Затем шли через рощу осокорей. Минули её, и лес стал редеть. То там, то здесь высились высохшие стволы тополей и осин. Боярин придержал шаг. Потянулась каменистая гряда, преграждая путь весеннему разливу реки. За грядой на многие вёрсты — открытый суходол.
— Отдохни, Вася, под деревом, я поднимусь вон на те скалы и осмотрюсь. Не ровен час, натолкнёмся на врагов. Меж Волгой и Яиком юрт натыркано гуще.

Ивашка, пригибаясь, махнул на каменистую гряду. С неё открывался широкий простор типчаково-ковыльной степи. В полуверсте скакали в их направлении несколько всадников. Они быстро приближались. Вскоре Ивашка различил в них вооружённых нукеров. Никак по их душу. Не зря осторожничал. Надо уходить под прикрытие леса, переждать. Вернулся к Василию, и они углубились в лес, забирая вверх против течения. Шли долго. Ивашка снова пошёл на разведку и опять увидел тех же всадников, словно идущих за ними по пятам. Покидать лес опасно. Не иначе, один из разъездов стерёг этот участок поймы, поскольку всадники курсировали то взад, то вперёд.
— Облава, — решил Василий. — Сколько конных?
— Трое.
— Подпускаем на выстрел — и без промаха стрелами. Я одного, ты двоих. Успеешь?
— Успеть-то успею. Как быть с лошадьми? Уйдут на стан. Догадаются, кто сразил нукеров. Вот тогда верная облава. Найдут, повяжут.

Пришлось ждать ночи и под её прикрытием уходить из опасного места. Ночь была пасмурная, тёмная. Не видно ни зги. Шли на ощупь, рискуя оступиться в сурочью нору и повредить ногу. Справа неожиданно замерцал огонь костра. Пришлось отклониться от выбранного вечером направления. Вот на этот зигзаг и грешил Ивашка.

К утру выбились из сил. Рассвело. Небо всё так же супилось, закрывая солнце, но дождь не шёл. Лёгкий ветерок тянул с севера, хорошо освежал разгорячённых ходоков. По свету с шага перешли на бег из последних сил, и когда были готовы упасть от бессилия — увидели длинную вереницу леса.

Упали, передохнули — и бегом под спасительные кроны леса. Шли через бурелом, зло и настырно пробиваясь к воде. И вот она блеснула своей свинцовой тяжестью. Течение тихое — значит, глубина большая.

Ивашка опустился по примеру Василия на землю и, качая головой, изрёк:
— Это не рукав Яика.
— Тогда приток. В Москву-реку впадает Яуза, Москва — в Оку, Ока — в Волгу. Вот и у Яика появился приток, о котором мы не ведали. Река тихая, по берегам камыши, — убедительно рассуждал Василий.

Из-за туч выглянуло солнце, определяя сторону света — восток. Где восток, Ивашка не сомневался и до восхода ярила. Потому его страшно озадачило течение реки на север, против шерсти Яика. Может ли такое быть?
— Сам говорил: наше главное направление — на запад. Мы туда и шпарим, — устало говорил Василий. — Доставай харчи, пожуём, на сытое лучше думается. Не отвлекает.
— Воля твоя, князь. Реку камнем перебросишь. Не велика, вряд ли укромный островок сыщется, где бы могли костёр раздуть да дичь поджарить. Или рыбы поймать да на огне испечь. Тут её, думаю, тьма.
— Я тебе повелеваю, боярин, рыбалить. Ночь прошла в трудах, требуется сытная трапеза. Доставай уды.
— Воля твоя, князь, на жарёху возьмём быстро. На насадку вместо червя сыр сгодится.

Ивашка вынул закиды из нескольких крючков, облюбовал заводь и забросил свою снасть, Василий — вторую. Ожидать долго не пришлось. У Василия леса задёргалась первой, он подсёк рыбину резким жестом руки и выбросил на берег крупного язя. Следом то же самое ожидало Ивашку.
— Рыбаль дальше, княжич, я пойду сухой осины пошукаю. Она горит бездымно и запаха не издаёт. Не смолянистая.
— Знаю, знаю, боярин, — с улыбкой ответил Василий, — не забыл твои слова.

Вскоре меж кряжистых осокорей языки пламени облизывали осиновый сухой валежник. В свете дня огонь светился тускло. Явился Василий с добрым куканом рыбы.
— Хватит заморить червячка? — с весёлым настроением сказал отрок. — Можешь потрошить рыбу. Я возьмусь жарить.
— Воля твоя, князь.
— Коль моя, надобно, боярин, бросать пеший ход, добывать лошадей.
— Что так?
— Натёр я ногу до крови. Ночью упал и черпанул голяшкой камешков на сурчиной норе. Сразу не почуял и потом не хватился. Гнали-то аллюр.
— Ладно, выпорю рыбу — посмотрю твою ссадину. Ты бы пока вытряс сор из сапога, не ходи с ним.

Василий разулся. Правая лодыжка кровоточила, рану щипало. Пока Ивашка порол и мыл рыбу, княжич раскатал осиновые угли ровным

порядком и разместил весь улов. Его хватит и на ужин. Язи были круглые, жирные, а лещ — едва ли не с лопату. Но он костистый, и Вася не хотел класть его на угли.

— Клади, князь, вечером за обе щёки будешь уплетать. Сыр, небось, надоел. Давай посмотрю твою рану.

— Какая там рана — простая ссадина.

— В походе ссадина может выбить из строя. Загноится. Дело не шутейное.

Ивашка оглядел болячку. Кровь на ней засохла. Он достал из мешка махонькую долблёнку с сосновой живицей, смыл кровь. Живицей же и смазал, обмотал белым лоскутиком от свежей портянки.

— Заживёт, как на собаке, — молвил и велел обуться.

— Заживёт, только мне надоело по степи пуганым зайцем скакать, — ворчливо говорил Василий, натягивая сапог на ногу. — Добудем лошадей — и вихрем к Волге. Сам говорил, между Яиком и Волгой юрт понатыкано больше, а путь в несколько раз длиннее и опаснее.

— Посмотрим, ешь покуда.

Василий ел, но молчать не мог.

— При лошадях чуть забрезжил рассвет, мы в сёдла — и на рысях. Дневной путь покроем, пока разъезды тронутся. Увидели опасность — встали, схоронились. Вечером то же самое, и ночью шагом — быстрее будет.

— Пойми, князь, не могу я рисковать твоей свободой. Надо разобраться, в какую сторону мы ушли, коль на эту реку наткнулись.

— Приток это, боярин, мне сердце подсказывает. Спокойно на душе.

— Течение у реки малое, Яик куда проворнее мчит. Перелезем на ту сторону — увидим новое. Я приметил, по течению невысокий холм есть. Вот с него и обозрим.

— На холме стойбище татарское. От полой воды на нём хорошо хорониться.

— Правильно, высмотрим. Если людей будет мало, выспросим. Лошадей купим.

После сытной трапезы Василий свернулся калачиком и тут же уснул, подложив ладони под щёку. Сказалась бессонная, с тяжёлым переходом, ночь. Боярин решил хорошо отдохнуть, восстановить потраченные силы.

Полдень принёс тревогу. Чуткий Ивашка уловил лай собак. В ту же секунду был на ногах, прислушался.

— Князь, вставай, люди с собаками близко. Сдаётся мне, с той стоянки, что на холме, и тут где-то есть брод с голым берегом, водопой.

Василий крутил головой, стряхивая сон. Насторожился.

— Слышу шум, крики! Движутся в нашу сторону!

— Собаки учуяли нас и ведут людей. Татары думают — копытный зверь, а то и волки.

— Что же делать — в бега?

— Собаки возьмут след. Придётся схорониться в воде. Применим искусство наших предков. Не зря я тебя обучал на озере дышать через камыш.

Ивашка быстро вырезал несколько камышинок, срезал макушки, продул их. Годятся. Сгрёб пожитки.

Лай собак приближался, слышались возбуждённые голоса наездников. Доро́га каждая секунда. Ивашка отдал князю несколько обрезанных камышинок, надел заплечные мешки.

— Быстро в воду, князь, бери в рот камыш, садись на дно и дыши как учил. Намокшая одежда потянет тебя на дно, не всплывёшь. Давай посмотрю, ладно ли усядешься средь зарослей. Я — следом.

Юноша снял с головы малахай, сунул его в карман халата, зажал губами камыши, придерживая правой рукой так, что они возвышались над его головой, медленно погрузился. Холодная вода сбивала дыхание. Он его выровнял глубокими вздохами. Глубины у берега не хватало. Пришлось продвинуться в сторону. Лай собак нарастал, торопил боярина укрыться. Убедившись в безопасности княжича с торчащими на полвершка над водой камышинами, Ивашка, не мешкая, присел рядом. Едва он успел сделать первый вдох, как на противоположном высоком берегу реки с редколесьем появились собаки. Через минуту к ним подскакали трое наездников, горяча псов возгласами. Но те вдруг притушили свой лай, завиляли хвостами, как бы в знак извинения, что, мол, вышла ошибка и на той стороне нет никого. Наездники некоторое время крутились на берегу, возбуждённо перекликаясь, пристально всматриваясь в противоположный, густо заросший безмолвный берег. Это были чабаны. Отару овец, гурт лошадей и коров с телятами они гнали после водопоя в богатую травами лощину. Вскоре люди отвалили от реки, покрикивая на собак, подсмеиваясь над оплошкой.

Беглецы сидели в воде, пока не продрогли. Выходить, не зная, где находятся собаки и люди, не смели. Наконец Ивашка, скрытый густыми зарослями камыша и осоки, осторожно высунулся из воды. Прислушался. Тихо. Только слышен шелест камыша да листвы тополей. Он тронул за плечо князя, приподнял его. Юноша вскочил, отфыркиваясь, жадно схватывая ртом свежий воздух. Мокрая одежда неприятно липла к телу, с неё ручьём сбегала вода.

— Пронесло, ушли, — сказал Ивашка. — Теперь сушиться и согреваться бе´гом, а то и борьбой.

Осторожно, стараясь не хлюпать, всё так же прислушиваясь к лесным и речным звукам, путники вышли на берег.

— Костёр запалим? — выбивая холодную дробь зубами, спросил Вася.

— Нельзя, ветер тянет с юго-востока, как раз в сторону наших врагов. Они люди степные, враз учуют дымок. Догадаются, на кого лаяли собаки.

Углубившись в лес, боярин велел снимать отяжелевшую одежду. Выжав едва не досуха, развесили на ветках, принялись энергично разминаться. Василий принял борцовскую стойку, сказал:

— Иду на вы!

Боярин принял вызов, и схватка началась.

Меткие стрелы

Как и предполагал боярин, верстой ниже река широко разлилась, тесня берега. Течение оживилось—верный признак небольшой глубины. Брод. Он был обозначен следами лошадей и чистым от кустарников и деревьев пологим песчано-галечным берегом. Почти напротив брода виднелся холм, где угадывалось жильё. Путники долго сидели в утайке, изучая местность и прислушиваясь к звукам. Только шелест деревьев да лёгкое журчание воды на перекате. Решили вечера не ждать, быстро перемахнуть реку, на том берегу осмотреться и идти на приступ.

Преодолев прибрежный лес, беглецы увидели невысокий холм, господствующий над местностью, поросший мелким кустарником и ковылём. На вершине его стояли две юрты, виднелся загон для скота. Смельчаки близко подобрались к пустому загону. Холм был вытоптан ногами людей и животных, усыпан навозом. Собак не было—очевидно, ушли вместе с чабанами. Отара овец вместе с коровами виднелись маленькими точками. Там же верховой пастух. Сколько же человек на стоянке? У дальней юрты у коновязи три лошади под сёдлами. Разъезд нукеров?

Вот из передней юрты выскочил подросток, за ним женщина. Они направились к куче кизяка. Набрали его большую плетёную корзину и понесли в юрту. Путники подождали дальнейших движений.

— Берём, боярин, лошадей,—сказал Василий.— Нас никто не догонит.

— Берём.

Только собрались стремительным броском преодолеть расстояние, как из юрты вышел нукер. Он постоял, посмотрел на лошадей, окинул продолжительным пристальным взором окрестности и скрылся в юрте.

Сделав короткую паузу, беглецы бросились к лошадям. Не добежав нескольких саженей, увидели, как дверка юрты отворилась, из неё высыпали три воина и старик-хозяин.

Нукеры благодарили хозяина за чай и направились к лошадям. Всё, беглецы, распластанные на ровном месте, будут замечены. Схватки не избежать. Бежать назад поздно. Подстрелят, как куропаток. Лучше сделать это самим. Выигрывает тот, кто нападает первым. Ивашка выхватил из сагайдака лук и стрелу. Василий последовал его примеру. Нацелились.

— Подпускаем на точный выстрел. Я беру левого, ты правого.

Стрельбе мешали лошади. Они закрывали воинов. Пришлось отползти. И тут смельчаков заметили. Медлить было нельзя, расстояние убойное. И две стрелы, пропев короткую песню, угодили в грудь врагов. Нукеры ещё стояли на ногах, ошеломлённые внезапной атакой, но уже поражённые через кожаные латы, а Ивашка послал вторую стрелу в третьего. Василий, чуть замешкавшись, тоже выстрелил. Враги были поражены. Старик издал вопль:

— О алла, разбой!

Из юрты выбежали женщина и двое безоружных подростков. Один, постарше, увидев кровавую картину, бросился в юрту. Ивашка следом.

— Возьми старика под прицел,—крикнул Ивашка Василию на татарском языке, а сам подстерёг выскочившего с луком в руках отрока и ударом кулака свалил на землю, отнял лук.

Выхватив из ножен кривую саблю, Ивашка подступился к старику. Тот упал на колени, прося пощады.

— Мы вас не тронем. Дай нам сыру, лепёшек, мяса. Мы отстали от каравана и заблудились. Шли из Хорезма к хану Тохтамышу с вестями. Покажи, где пролегает караванная тропа в Сарай-Берке. Знаешь?

— Далеко. Отсюда два дневных перехода,—старик показал рукой левее стороны захода солнца.

— Какая это река, куда она течёт?

— Кушум, там вливается в Яик,—старик показал на север.

— Я возьму у тебя казан и чай. Вот тебе серебряная монета Тамерлана. Дай нам еды, две верблюжьи кошмы, три бурдюка для лошадей, и мы уйдём.

Старик сказал женщине о еде и казане для чая, а сам пошёл в хозяйственную юрту, сооружённую из жердей, вытащил три больших бурдюка, наполненных водой.

— Бери,—покорно сказал он.

Ивашка тут же приторочил бурдюки на спины лошадей. Василий, с луком в руках и заправленной стрелой, зорко следил за стариком и юртой. Не мешкая, Ивашка снял с трупов сабли—пригодятся. Сагайдаки со стрелами висели на сёдлах.

— Выпьем, Ахмедка, по пиале чая, давно не пили горячего.

Вошли в юрту. В ней сидели две взрослые женщины. Они всё слышали и тут же налили вошедшим странникам в пиалы чаю с козьим молоком. Ивашка и Василий с жадностью припали к пиалам, заели свежими лепёшками. Налили ещё, не спуская глаз со старшего подростка, который норовил выскочить из юрты к лошадям. Ивашка прогнал его подальше от двери, угрожая кулаком. Старуха извлекла из сундука глиняную чашу, набрала баурсаков из керамического, хорошо обожжённого сосуда, напоминающего бочку, высыпала в перемётную суму, сунула туда приличный кусок

сыра, вяленое мясо, длинную палку конской колбасы — казы. Старик извлёк походный казан, передал Ивашке. Кряхтя, снял со стены две скатки кошмы. Видно было, что ему жаль отдавать дорогие и теплейшие вещи. Боярин и Василий всё приняли и больше не задерживались в юрте. Не ровен час, наедут пастухи. Предусмотрительный Ивашка подпёр дверь юрты палками, чтобы о налёте не донесли в тот же час пастухам, что ходили с гуртом скота в нескольких верстах.

Приторочив на свободную лошадь перемётную суму, казан, кошму, беглецы вскочили в сёдла. Лошади, чуя чужих, заупрямились, заплясали по кругу. Наездники огрели коней плётками меж ушей, и те с места взяли в галоп, понесли всадников в сторону заката солнца, минуя пасущееся стадо.

— Твои слова сбылись, князь. К вечеру о нашем нападении будет известно в ближайших стойбищах.

— Не поверили в твою сказку?

— Поверили, монета хромого Тимура заставила поверить. Но о гибели нукеров донесут.

— Мы будем уже далеко. Нас всё равно ищут, а быстрота — наше спасение.

— Верно. Хорошо, что рука у тебя не дрогнула. А мог бы смазать. Ведь первого человека убил!

— Лютого врага! Русичи их в свои земли не звали. Пощады им не будет. Эти слова моего батюшки я запомнил на всю жизнь.

— Ещё запомни слова великого князя Александра Невского: кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет! На том стояла и стоять будет Русская земля!

— Поведай мне об Александре Невском. Отец Алексей сказывал, но больно мало.

— Я знаю не больше. Но поведаю, как на Неве бил он шведов, что пришли с ярлом Бюргером, собираясь покорить Великий Новгород, как на Чудском озере разгромил псов-рыцарей тевтонских, как в Орде непобедимого полководца отравили. По дороге домой скончался Невский, так же как и его отец Ярослав, получив яд с пищей в Каракоруме от самой ханши, матери Гаюк-хана. И тоже через семь дней в дороге скончался. Помни об этом, знай, насколько коварны моголы и татары. Но силе преклоняются. Ты только что был воителем, видел!

Василий молча вдумывался в скупой рассказ боярина, запоминая его наставления, а тот затянул старинную песню:

Говорит-гудит детинушка:
«Ой ли, други закадышные,
Не пора ль нам тыквы-головы
Попытать над ятаганами?
Не назря мы, чай, за пожнями
Солнце стрелами утыкали,
Не с безделья в стены райские
Два окошка пробуравили».

И умолк, заглянул в глаза отрока, увидел — горят любопытством, молвил:

— Ещё знаю о Евпатии Коловрате — русском богатыре, вставшем на пути могол. Это о нём сказители сложили песнь. Во время разорения Рязани он был в отъезде с малой дружиной, в Чернигове, просил по слову князя рязанского о ратной помощи. Он спешил вернуться домой. Какая-то тревога поселилась в его душе. Кони устало несли могучих всадников. Уходили из Рязани — стояла она неприступной твердыней, а пришли — тлен и разор, кровь и смерть. Бросились к ногам уцелевшие, что были окрест, с плачем поведали: «Несметная чёрная сила обрушилась на Рязань. Долго бились рязанцы, но чёрны бестии на косматых лошадях подтащили пороки и разрушили стены. Неудержимой лавиной хлынула чёрная смерть во град. Он пылал уж во многих местах от смолы горючей, заброшенной орудьями. Как ни бились рязанцы, всех одолели, изрезали жён наших, детей и стариков. Спеши, Евпатий, покарай супостата». Евпатий собрал тысячу семьсот воинов и бросился в погоню за чёрной смертью. И настиг Батыгу в суздальской земле. Смял и порубил арьергард врага. О том сказано в летописи: *«И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сёк ими»*. Удивился Батыга, послал встречь основные свои силы и своего богатыря Хостовруна. Тот обещал привести Коловрата живым к ногам повелителя. Богатыри сошлись в поединке, и Евпатий сразил могола, а дружина стала теснить и громить врага. Тогда Батыга приказал собрать пороки и обрушить на богатырей град камней. Один валун угодил в Евпатия, оглушил, десятки копий и стрел вонзили враги в Коловрата. Унеслась его душа к небесам. Поражённый отчаянной смелостью, мужеством и воинским искусством рязанского богатыря, Батый сказал: *«О Евпатий! Если б ты у меня служил, я держал тебя у самого сердца!»* — и отдал тело убитого Евпатия Коловрата оставшимся в живых русским воинам, и в знак уважения к их мужеству повелел отпустить их, не причиняя им никакого вреда. И был принесён Евпатий в Рязань и похоронен в восстановленном соборе.

Тут Ивашка вновь показал свой голос:

То не суки в тыне щенятся
Под козельскими корягами,
Налетала рать Евпатия,
Сокрушала сыть поганую.
Защемило сердце Батыя,
Хлябушиной закобонилось.
Не рязанцы ль встали мёртвые
На угубу кроволитную?

Всадники быстро покрывали степной путь. Лошади были сыты. Гнали их с толком: то рысью, то иноходью, то галопом. Однако недолго, чтоб не запалить. Более грузный Ивашка пересаживался на запасную лошадь, и степь летела под копытами

скакунов. Дважды на пути попадались юрты. Их объезжали стороной. Передышку лошадям устроили на вершине невысокого взгорка, откуда за десяток вёрст просматривалась местность с чёрными точками юрт. Погони не наблюдалось. Её могут начать не раньше завтрашнего утра. Надо уйти как можно дальше. На отдых встанут только в глухие часы ночи.

В хвосте каравана

Старик не обманул. Через два дня пути, выпоив лошадям последнюю воду, беглецы увидели широкий караванный шлях. Взрыхлённая копытами лошадей, верблюдов и ослов малоплодородная песчаная почва выветривалась, видны были неглубокие колеи, затянутые скудной травой. Шлях уходил, извиваясь, в сторону их родины. Путники не знали, где попадётся источник, чтобы пополнить бурдюки водой. Бросать лошадей не хотелось. Будут щадить скакунов, глядишь, и накатят на родник. Но оазис пока не попадался.

Шлях был пустынен. След каравана свежий. Решили, хотя и с опаской, проехать на рысях несколько вёрст в надежде нагнать караван купцов, идущий, видимо, из Хорезма или Самарканда в Сарай, а также в русские княжества. Легенда та же: идём в Сарай из Хорезма. Охотились на гусей, отстали от каравана, заблудились. Оружие держать наготове. Если что—отбиваться и уходить в степь. Кони сытые, от преследования оторвутся.

Тронулись. Слева от шляха на полёт стрелы увидели невысокое нагромождение песчаника. Не мешало бы взобраться на самую высокую точку и осмотреться. Ивашка направил туда коня.

— Стой, чую запах горелого кизяка!—воскликнул Василий.

Ивашка замер, потянул ноздрями воздух. И точно! Слабый утренний ветерок принёс запах жилья, но юрты не видно.

— Нюх у тебя, князь, как у лисы. Будем осторожны. Что за люди—неизвестно.

И взял лук наизготовку. Юноша тоже.

Не успели путники тронуться в сторону песчаника, как оттуда выскочили двое всадников и несколько пеших мужиков, вооружённых луками.

— Князь, встретим налётчиков стрелами. Это разбойники.

Ивашка не ошибся, пущенные нападающими стрелы упали рядом в придорожную траву. Видать, не та рука владела.

Минуты для новых выстрелов русичи им не оставили. Их стрелы легли точно в цель. Оба всадника упали на шеи лошадей, и те замедлили бег. Сёдел под седоками не было. Это говорило о том, что перед ними беглые люди, промышляющие разбоем на караванном пути. Пешая толпа продолжала наседать. Можно было уйти на рысях, но Ивашке надо узнать у людей многое. И он вторым выстрелом сразил человека в жёлтом халате. Василий—следующего. Третья стрела Ивашки вонзилась в плечо высоченного мужика, который испустил вопль на русском языке.

— Бросайте оружие,—зычно крикнул Ивашка,—не то перебьём всех.

Пятеро из десяти нападающих были убиты или ранены. Ничего не оставалось делать, как подчиниться. Бросив луки на землю, разбойники вскинули руки. Наши смельчаки подъехали к оставшимся в живых мужикам.

— Именем великого хана Тохтамыша спрашиваю: кто такие? Почему напали на его слуг?

Молчание. Ивашка спрыгнул с лошади, передав повод Василию, подбежал к слабому на вид татарину, выхватил кинжал из ножен, схватил мужика за волосы, повалил, подставил лезвие к горлу.

— Говори, когда прошёл караван?

— Вчера вечером, и стоял у стойбища Кульчи. Там есть вода.

— Далеко отсюда?

— Близко, величайший.

— Откуда идёт караван?

— Из Индии и Самарканда.

— Откуда знаешь?

— Ходили ночью, смотрели, карабчили[7] еду.

— Кто охраняет караван?

— Воины хромого Тимура.

— Их много?

Татарин показал дважды свои пятерни.

— Что везут?

— Только знает Аллах.

— Сколько дней пути до Сарай-Берке?

— Десять лун пещца.

— Есть ли на тропе каравана реки?

— Есть, величайший. Большой Узень—полдня пути, Малый Узень…—разбойник показал два пальца.

— В какой стороне Большой Узень?

Разбойник показал на юго-запад. Остальные мужики закивали головами.

— Я заберу у вас луки, брошу подальше на тропе.

Ивашка, угрожая кинжалом,—Василий держал под прицелом одного из разбойников—собрал луки, вскочил на коня и, пятясь задом, внимательно следя за разбойниками, чтобы не метнули вслед кинжал, отъехал с князем на безопасное расстояние, дал волю жеребцу, уходя по следу каравана.

Решили караван не догонять, а пополнить бурдюки водой на стоянке за серебряные монеты и двигаться самостоятельно. Безопаснее.

— У нас, княже, одна дорога, у наших преследователей—десять.

— Как это?—не понял Василий.

— Те, кто нас ищет, не знают, где и как мы движемся. Вот и вынуждены рыскать по степи, а она—

7. Карабчить—воровать.

бескрайняя. Тут не десять, тут сто дорог тянется. На какой беглецы?

Аул Кульчи был оживлённый и обширный. Кроме многочисленных юрт, возвышалось несколько каменных зданий и мечеть. На широкой площади перед зданиями — базар, где можно купить бурдюки, кумыс и пищу. Немноголюдно. Товар у местных татар — копчёная баранина, казы в куче, в чашах серо-белые шарики курт — кисловатый сыр из конского молока, козий питательный сыр кругами и баурсаки с лепёшками лежат на кошме.

У персидских купцов чай в брикетах, сухофрукты, кишмиш. Стоят высокие, хорошо обожжённые сосуды из глины, рядом — шёлковые и парчовые ткани, на коврах — сабли из дамасской стали. Греки-генуэзцы держат товар на деревянных лавках. У них оливковое масло в амфорах, фрукты, орех, чудной выделки обоюдоострые кинжалы и другое оружие, медные доспехи. Торгуют бойко, зазывая покупателей.

Ивашка купил у татарина, одетого в жёлтый халат и в такой же малахай, стопку лепёшек, казы, сыр и баурсаки, бурдюк кумыса. Спросил, где есть вода для лошадей. Купец ответил, что у него на усадьбе глубокий колодец, там же есть много бурдюков. Пришлось отдавать монеты за воду на базаре, а его слуга отвёл покупателей на усадьбу из нескольких юрт, обнесённых глиняной оградой. В глубине двора действительно оказался колодец, выложенный из плит песчаника. Источник жизни в этой безводной полупустыне приносил немалый доход хозяину. Вот и сейчас там работали люди, выкручивая из глубины тяжёлую, наполненную водой бадью. Слуга приказал обслужить путников, а сам ушёл на базар. Из длинного долблёного корыта лошади были напоены, в бурдюки набрана вода, и они приторочены накрепко к вьючной кобыле. Ивашка на просьбу Василия: поесть горячей пищи — мяса по-татарски, выпить чаю, — отказал, боясь в ауле наткнуться на своих преследователей.

— Уходим, князь, опасно здесь. Ненароком наскочат нукеры, спросят нас: кто такие? В дороге кумыс сойдёт вместо чая.

Василий вынужденно согласился.

— Кульчи — знакомое место. Помнишь, тут мы ночевали с караваном? — спросил Ивашка, когда аул оказался позади.

— Припоминаю. Мы припылили поздно и стояли с той стороны, ближе к мечети.

— Верно, здесь сходятся три дороги. Одна из Самарканда и идёт в Сарай-Берке, по которой мы сюда прибыли. Отсюда сарайская тропа уходит на восток, к Яику. Вторая тянется из Сарай-Бату. Он стоит в низовьях Волги, на рукаве Актуба, и постепенно приходит к запустению. Куда двинешь?

— Выберу свой путь между Сарай-Бату и Сарай-Берке, — решил Василий. — Надо бы расспросить про реки Узень и есть ли на караванном пути в Сарай-Бату источники.

— Я пытался, но грек отмолчался, мало у него взяли орехов. Но ещё в Москве с твоим батюшкой узнавали, что тут за земли. На нашем пути лежат то пески, то солончаки. Воды за рекой Узень мало. Встретится только большое озеро Аралсор, но оно солёное. Воду пить нельзя.

— Уже осень, а дождей нет. Сухая страна.

— Слава Богу, пока не мочит. Однако купленные плащи из плотной ткани пригодятся. Не ровен час, задождит. Укроемся.

— Как же мы будем новый путь торить? До Волги, чай, сто да сто вёрст.

— Проторим, князь. Я у Дмитрия Ивановича вершниками верховодил. Учили меня, учил и я, как верный путь в незнакомых местах выбирать. К реке Воже, где мы мурзу Бегича разбили, впереди войска шёл. До Куликовской битвы было дело. Гнали мурзу, как и Мамая, до ночи. И раньше также хаживал без промашки. Потому меня великий князь к тебе и отрядил. Знает: не заблужусь в сих просторах.

Всадники пришпорили коней и пустили рысью по пересечённой местности строго на запад, на ходу подкрепляя силы лепёшками и сыром, запивая кумысом из баклаг.

Добрые вести

В «Сказании о Мамаевом побоище» о великом князе Дмитрии Ивановиче сказано образно, и весь он осязаемо предстаёт перед нами в свои тридцать лет: «Телом велик, и широк, и плечист, и чреват велми, и тяжек собою зело…» Словом, пред нами — русский богатырь, которому и конь богатырский надобен.

С того времени прошло всего семь лет. Годы, овеянные славой победителя над ненавистной Ордой, нестерпимая горечь поражения от Тохтамыша, возобновление уплаты дани, удержание в ставке врага сына-наследника, многочисленные волнения в борьбе с соседями по укреплению государства, собирание огромной рати и выступление против Великого Новгорода, чтобы покарать разорителей-ушкуйников, гуляющих по Волге-матушке, — всё это и многое другое подрывало здоровье государя. К несчастью, и его предки не были долгожителями: отец Иван Красный, правивший всего шесть лет, дед Симеон Гордый — тринадцать лет, да и Иван Калита особым здоровьем не отличался. Сжигал он себя в борьбе за Русь единую. Державная власть, крепкая и надёжная в его руках, длилась только восемнадцать лет. Сам Дмитрий Донской, выходило, переживает всех своих предков. Этой осенью, когда сын Василий ударился в бега, докатывался тридцать шестой год, и оставалось ему жить всего три года. За то мы должны благодарить Бога, что дал ему поцарствовать гораздо более своих предков — тридцать лет!

Многое преуспел свершить Дмитрий Донской. Величие его творений видно через века. Но не о том сейчас речь. Летописцы не оставили записей о самочувствии государя. Видно, не принято было сообщать такие подробности. И очень жаль. Мы сошлёмся на текст «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». В нём косвенно говорится о болезни государя: «…разболеся и прискорбен бысть велми, и пакы легчая бысть ему, възрадовшаяся великая княгиня и сынове его радостию великою и велможа его; и паки впаде в большую болезнь, и стенания прииде в сердце его яко и внутренним его терзатися…» Иными словами, великий князь разболелся, его лечили, и недуг отступал; великая княгиня, сыновья и вельможи его были рады выздоровлению, но болезнь возобновлялась, и боль приходила в сердце его…

Могли ли быть отражением недуга раны на Куликовом поле. Несомненно, великий князь получил множество ударов врагов, доспехи его были иссечены, сам он долго лежал под деревом — очевидно, потерял сознание и самостоятельно встать не мог. Орудия врага оглушили его. Возможно, было сильное сотрясение мозга и, как следствие, возникновение различных болезней, связанных как с центральной нервной системой, так и с сердечно-сосудистой. Строптивый Дмитрий Иванович не шибко-то привечал местных лекарей, надеясь на своё могучее здоровье. Оно и было могучее, но стремительная и тяжёлая государственная служба незаметно подтачивала его впечатлительную и добрую натуру.

Пожалуй, от приёма сердечных трав он не отказывался, пил. Но более живительной оказалась весть нарочного, который загнал напослед коня и вбежал в палаты князя со словами:

— Великий князь Дмитрий Иванович, молись Господу нашему за вспоможение сыну твоему Василию! Миновал он Волгу-реку на челнах с твоими людьми, и те пристроили его с человеком в купеческий караван, идущий в иноземные страны через Молдавию!

— Надёжны ли люди в караване? Есть ли казна у моего человека? Не жалеть серебра и дальше. Отослать тайного гонца к каравану купеческому, где наш сын. Сказать купцу: как окажется сын в руках у молдавского господаря Петра, получит большую казну.

— Добавили казны нашему человеку, поиздержался он в дороге, пока шёл до матушки-Волги.

— Как шёл, знаешь? Хотел бы послушать. Пусть и дальше сын наш при его руке будет.

Дмитрий Иванович повеселел взором, вздохнул полной грудью, раздалась она, как меха кузнечные, задышалось вольно, в голове посветлело. В относительной безопасности сын его, хотя Орда до самого Днепра протянулась когтистой лапой. Бдеть надобно боярину Ивашке, как прежде.

Скупо рассказал гонец о беге Василия. Отец и тем доволен. Ведёт его рука крепкая, сильная, главное — верная.

На переправе

Волга плескалась под бортами челна, в котором на вёслах сидели два молчаливых парня в поношенных татарских жёлтых выцветших халатах, с малахаями на головах. На корме правил бородатый и вострoглазый мужик. От его одежды несло запахом рыбы, да и дно челна усыпано рыбьей чешуёй. Валялись мешки с сетями, багры и острога.

— Купцы из Кафы купили в Сарае полон. Погонят его в Крым. Там есть всякие люди. Черемисы, адыги, аланы, булгары, но больше всё наш брат — русские, захваченные татарами в разные годы. Сарай ими переполнен. Тохтамыш велел продавать лишних рабов генуэзцам, — говорил Ивашке глава сплавщиков. — Стража с караваном набирается большая. Вот в неё тебе, боярин, с отроком и надо попасть.

— Пособи.

— Мне велено вас только на правый берег доставить. Там другой человек ждёт, сотник. Он тебя с купцом сведёт.

— Когда же караван наладится в путь?

— Уже вышел из Сарая. На переправе его перехватите. У человека того всё давно готово. Лошади, одёжка, оружие. Всё татарское. Отрок больно светловолос. Под татарина ему играть трудно.

— У него мать русская, от неё и глаза голубые, и волосы в цвет жита.

— Ну, глядите. Купец за казну самого лешего в помощники примет. Балакать с татарином можете?

— Три лета язык постигали.

Чёлн ходко шёл по реке. Ивашка всматривался в темень, стараясь нащупать глазами берег. Он не просматривался. Князь сидел молча, прикрытый от свежего ветерка кошмой. Широка Волга-матушка. Волна ощутимо бьёт в борт. Знать, на стрежень вышли. А подошли к берегу — легче бой, и ветерок глохнет в береговых зарослях. Засветился тусклый огонь свечи, замаячил крестом. Сигнал условный. Тихо, спокойно. Зашуршала галька под носом лодки. Из зарослей выскочили двое, подхватили чёлн, подтащили на берег. Рыбак-голова следом. Убедился, что никого вокруг, тогда Ивашке знак подал. Ушли с челна в чащу, следом за человеком со свечой.

Шли недолго. Берег правый крут, лес быстро оборвался. Вот и лошади. Сели и пошли уже не в своей воле, а в воле того человека, что ждал, великим князем уряженный. Назвался сотником Скопиным.

— На переправу не пойдём. Людно. Опасно, — заговорил доверенный великого князя. — Перехватим караван в степи на первом ночлеге. Купец из Кафы — грек. Идёт в Азов. Бывал с товарами

в великом княжестве. Сговорились уж. Стража у него своя. Больше греки, генуэзцы. Есть и татары с Крыма. Много лет с ними ходит. Хорошо платит, вот и держатся. Есть, правда, и новые, молодые.

Ивашка с Василием слушали молча. Заметили, как к ним присоединились всадники, пошли впереди, торя дорогу.

— Что хан?—только и спросил боярин.

— Основное войско, слышно, ушло на Кавказ брать Тебриз. Людей у него в Сарае осталось мало. Князя ищут и стерегут на Волге выше. Молва доносит, в нашем направлении поиска нет. И будем молить Господа о вспоможении.

— Его волей живём-можем,—Ивашка перекрестил князя и себя.

— Держи кошель, боярин. Поиздержался, небось. В дело не скупись.

Ивашка поймал мешочек, привязал к кушаку.

— Сгодилось серебро. Выручало,—подал голос Василий.—Сколько страха натерпелись! Две пары лошадей загнали.

— Теперь спокойнее пойдёте, не будете рыскать по степи стаей волков,—сказал сотник.

— Ой ли? На виду у множества людей ухо востро держи. Зазеваешься—тут тебя и обовьёт татарский аркан.

— В караване есть наш человек, если что—весть подаст, упредит.

— Там и татарский глаз сыщется, вот чего опасаюсь,—молвил боярин.

— Пойти бы нам на Дон в малой дружине. Там русские земли близко,—сказал Василий.

— Дон, как и Волга, люби́м татарами. Степи там обширные, травы густы. Скоту корма прорва, вода всюду. Где корм, там и кочевник,—не согласился сотник.—Не будем отступать от воли великого князя.

У купца глаза пронзительные, так и прошил насквозь Василия. Только отрок не забоялся такого колкого взгляда. Видывал уж на своём коротком веку пострашнее глаза, лютые, когда Василия Кирдяпу и его двор за побег наказывали. Недалеко от хана стоял со своим двором, всё видел, всё слышал. Жестокие реплики, злой огонь холодных ханских глаз. Мороз по шкуре драл.

Грек был в солидных годах, сутулый. На плечах поношенный, когда-то дорогой кафтан из тонкой шерсти, фетровые сапоги, отделанные хромом, и узкополая шляпа не говорили, что перед тобой богатый и влиятельный человек. Купец осмотрел Василия внимательно, словно ища изъян в его татарской одежде и белобрысом облике, наглым и даже злым взглядом мутных греческих глаз.

— От русской матери был рождён?—спросил грек по-татарски.

— От полонянки отцовского гарема,—отвечал Василий.

— Больно молод. Что умеешь?

— Яблоко надвое стрелой беру.

— Покажи.

Пристроили яблоко на ветку дерева. Она слегка покачивалась. Василий взял лук, вскинул, прицелился. Запела стрела, и яблоко раскололось.

— Ты чем знаменит?—обратился купец к Ивашке.—Отрок с тобой?

— Мой племянник. А знаменит кулачным боем, господин. Есть ли среди вас соперник?—Ивашка не хотел показывать до поры свою ратную отвагу.

— Найдётся!—на круг вышел коренастый, плотно сбитый парень, роста Ивашкиного.—Бьёмся до первой крови.

— Годится.

И пошли по кругу, приплясывая, пружиня в коленях. Прощупали крепость ударами в грудь. Отскакивают кулаки. Можно и покрепче на потеху толпе, на славу бойцу. Ивашка едва не пропустил удар в челюсть, но изловчился сам, и кулак его вынес из носа соперника красную юшку.

— Удал,—сказал хозяин каравана,—беру в дружину. Харчи мои, в конце пути за службу—горсть медных денег.

На том и сговорились.

Чужие

Несколько дней шли по выжженной солнцем степи. Часто набегали тучи, но дождей продолжительных не падало. Смочит пожухлую траву, прибьёт пыль на караванной тропе—и то ладно. Полоняники с колодками на шее ловили пригоршнями дождевые капли, утоляли жажду. Воды для них в караване в обрез. Знал купец, что в эту пору насытятся небесной влагой. Кормил нормально, ибо терять в пути купленных рабов—понести убытки. Обходиться велел нестрого. Главное, чтобы не сбежали. Куда побежишь с колодкой на шее? В бескрайнюю голодную степь? Умереть? Как ни тяжка доля, а каждый цеплялся за жизнь, как мог.

Василию тяжко смотреть на русских пленников. Будь его воля, перебил бы ночью полусонных стражников, развязал колодки, вооружил братьев, отбил часть каравана и с ватагой ушёл бы за Дон. Он где-то севернее течёт, от озера Маныча недалече. У озера встали на несколько дней в ожидании второго каравана, идущего, по словам купца, от черкесов с хлебом. Его же караван. Хлеб пойдёт в Константинополь морем. В Азове погрузка.

Сколько ещё мыкаться по дорогам? Надоело каждый день и ночь жить с оглядкой. Правда, купец взял Василия и Ивашку в личную охрану. Рядом с ним трутся. Ивашка выкупил у грека отдельную крытую подводу, где в часы от несения дозора беглецы могли отдыхать.

Василий излагал боярину свои придумки с новым побегом, тот не соглашался.

— Мало нам татар на загривке, так караванные за поимку возьмутся.
— Замечаешь ты или нет, а я слышу разговоры нехорошие. Греки-стражники что-то о нас прознали.

Ивашка насторожился. Сказал о подозрениях купцу. Тот успокоил, велел сказаться молодому занемогшим, находиться в повозке.

Прибыл караван с хлебом, и, не мешкая, купец велел двигаться на Азов. Долго шли вдоль озера, потом вдоль реки. На вторые сутки в сумерках у княжеской повозки появился русский погонщик. Сказал коротко, обнеся крестом пространство по условному знаку:
— Опасайся, отрок, греков-стражников. Пронюхали про вас. Прибегал к ним татарин, толмачил.

Сказал и ушёл, будто мимо проходил.

Весть насторожила. Кто такие греки-стражники? Ни прозвище не сказал, ни возраста. Молоды ли, в годах ли? Купцу донести? А что сказать ему — слова погонщика? Своего человека выдать. Не годится, надобно ухо держать востро, убедиться самим и тогда дело решать с купцом. Не нравится Василию такая схоронка, словно в темнице. То ли дело, когда степью сами шли, вольны на манёвр, на хитрость, на силу свою и ловкость.
— Ночи длинные, тёмные. В покое сон сморит, — сказал Василий. — Пока сон не клонкий, спи ты, боярин. Я караулить возьмусь. Начнёт сон морить — ты встанешь.

Вставать некуда. Стиснуты беглецы малой норой, сделанной в бричке, на подстилке из сена. Сверху, на плетённом из ивы коробе, мешки с овсом. Вторые сутки так-то тащатся после прихода хлебного каравана. Сколько вёрст до Азова? Дойдут, оставят часть полона, хлеб, и далее до самого Днепра подрядился купец. Кошель серебра в задаток он уже получил от сотника. Ивашка тоже задобрил. Купец понятливый: не простые люди с ним в деле, родовитые. Отрок, небось, княжеский сын. Вдвое больше обещано дать в конце пути.

Василий сидел при свече, вырезал из осины фигурки. Сон за делом не одолевает. Боярину хуже. В глухую ночь кто жжёт свечи? А если жжёт — по какой нужде? Любопытных наберётся толпа. С вечера только можно.

Чу, шорохи донеслись до слуха. Близко. Василий замер. Шли крадучись двое. Поравнялись с повозкой, замерли. И внятный тихий голос:
— Тут он, тут. Вместе с дядькой.
— Татарина бы известить!
— Подождёт, возьмём птаху, вот и донесём. Глухой сон нам помощник.

Как ни вслушивался Василий в тишину, ничего больше ему не померещилось. Свечу не потушил. Рано. Пусть врагов отпугивает. Нетерпеливо толкнул в бок Ивашку. Теснота душила дыхание.
— Чужие люди в караване, Ивашка, надо немедля выбираться отсюда.
— Стемнело? Если нет, повременим, — Ивашка спросонья вертел головой, растирал лицо руками, прогоняя сон.
— Поздно будет. Я слышал и разобрал слова греков. Один сказал: здесь он. Второй ответил: ночью возьмём.
— Сгодилась греческая мова. Не зря патриарх Киприан тебе её в сознание вносил.
— Не зря. «Всякое знание, сыне, как драгоценный камень», — помню, говаривал он не раз. А батюшка подтверждал: «Незнание может головы стоить». Вот ныне какова цена знанию. Уходим, Ивашка, в ножи тех ворогов возьмём. Купили их татары.
— Слова зрелого мужа. Но сколько их?
— Не время, боярин, сомневаться да высчитывать. Выползай из норы, пока лаз кинжалом не перерезан.
— Нельзя нам кровавить свой след. Уйдём мирно.
— Испужался?
— Не в страхе дело. Без шума не обойдётся. Я уж тебе сказывал: мало нам татар на загривке, так эти за поимку возьмутся.

Ивашка выполз из ложа кибитки. Притаился у колеса. Ночь непроглядна. Низкие облака закрыли звёзды и огрызок луны. Только вдалеке мерцал чахлый огонь костра, на котором стражники варили чай. Но если глаз ненароком наткнётся на его отблеск, темно в глазах с минуту. Уж лучше не смотреть на огонь. Ивашка уловил тихое шуршание сена, на котором они лежали, сейчас по нему полз Василий. Он помог князю приземлиться под колесо. Прислушались. Отползли на сажень в сторону. Затаились. Свежий воздух, против удушливой норы, бодрил. Тонкий слух Василия и боярина уловил лёгкие шаги крадущейся лисы за добычей. Дождались враги глухого часа и втайне собираются напасть на спящих. Кляп в рот. Одного можно отправить к праотцам. Но в темноте можно не разобрать кого. Лучше взять обоих, оглушить, а там дело третье.

Крепкие руки ухватили мешок с овсом, что лежал на ивовых прутьях их логова. Без шуму опущен на землю. Вторые руки подхватили второй мешок. Третий за что-то зацепился, полетел на землю, глухо шмякнулся. От соседней брички окрик-вопрос:
— Кто-кто?

В ответ — тишина. Только быстрые шаги в степь.
— Ну и ночка — ни зги не видать! — донеслось от соседской телеги.
— Факел зажги, да пойдём осмотримся, тать без овса нас оставит.
— На последней подводе надёжные люди, не пустят.
— Кому сказано? — донеслось до слуха боярина.

«Ах ты, леший!» — воскликнул в душе Ивашка. Обнаружат брошенные на землю мешки, поднимут трезвон. Тайну подсадных людей могут раскрыть. Нет, не та мера выбрана, не то укромное место.

Не на день и на два — на десятки. Пространство до господаря молдаванского Петра Мушата обширное, не меньше чем одолели земли Синей Орды, а теперь Золотой Орды. Донские степи и днепровские, через которые пройти предстоит, также неведомы, а находятся под арканом татарским. Опасностей здесь больше, от них казной не откупишься. Уходить надо в степь. До Азова, по словам купца, два перехода. Но им в Азов ни к чему. Им к славянам, к братьям путь. Ждать другой караван, наниматься в боевую охрану? Благо оружие всё сохранено. Немедля брать свою поклажу, заранее упакованную в два мешка, и уходить. Успеть бы!

Успел Ивашка, сгрёб мешки в охапку — и в степь скорым шагом.

Тусклым пламенем в ночи вспыхнул факел. Поплыло красное пятно к подводе князя. Послышались крики. Поднялась суматоха. Вспыхнули в разных местах огни в поисках вора.

Беглецы обошли караван краем, вышли на тропу и гнали до изнурения. Короткий отдых — и снова топчется ногами дорога. Рассвет застал их у незнакомой реки. Долго шли по её пойме, сойдя с караванной тропы. Солнце уж встало, осушило скупую осеннюю росу, тут и блеснула гладью река. Да не малая, враз не перескочишь. Вода уже студёная, вплавь не возьмёшь. Небось, Дон рядом, плот рубить и до него спускаться. Ладно, утро вечера мудренее, что-то сладится. Василий к воде припал — запалился. Омыл лицо потное, голову окунул, фыркает, смахивает с волос струи. Ивашка последовал его примеру. Полегчало, тело отдыха запросило, особенно ноги. Гудят. Привалились к стволу дерева на осенней подстилке из травы и листвы. Благодать! Куда и заботы ушли? Но здесь они, с тобой, на языке Василия.

— Кому догадаться, что у нас лошадиный бег? — вымолвил через силу Василий. — Коль бросятся в погоню, покрутятся верстах в десяти — и назад. Глядишь, на север, в нашу сторону, повернут, а мы вон где!

— Отмахали, считай, полтора перехода. Передохнём и Дон достанем.

— Лошадей добудем, снова дело пойдёт, — сказал Василий. — По шляху много стоянок. Доберёмся до первой — покупай! Нам впереди своих врагов надо идти, чтобы молва не опередила нас.

— Так всегда и было, и теперь постараемся. Серебра мало осталось. Передал я купцу, переплатил. Но думка такая же. Неверно была выбрана схоронка. Если бы ангел твой не донёс вражьи слова до твоего слуха, лежать нам сейчас в кустах с кляпом во рту да татарина ждать. Все просторы ему тут подвластны.

— Хозяин выдал?

— Может, и он. Только не резон ему терять солидный куш за тебя от великого князя. Вспомни, человек наш приходил. Упреждал. Скорее, тайна наша утекла к татарам от сплавщиков на Волге или от людей сотника. Гнида, видать, среди них завелась. Продалась за монеты татарину. Предательство — самый тяжкий грех, князь! Куликовская победа сорвала оковы ига. Предательство — вернуло. И ты здесь из-за этого предательства, и я. Великий князь не может пережить поражения от Тохтамыша. А ведь были упреждены о набеге.

— Как же всё случилось?

— Смута поползла в московском народе. Жили, мол, спокойно до битвы, татар не дразнили. Покориться многие хотели. Героев Куликовской битвы в Москве совсем мало нашлось, по деревням они разбрелись родовым, а в столице больше мастеровой люд, купеческий — какие с них воины? Видя разлад в умах, Дмитрий Иванович покинул Москву и отправился в Кострому поднимать полки, оставив в столице патриарха Киприана, чтобы словом пастырским воодушевлял народ к обороне. Но тот ушёл, оставив прихожан, а также богатую великокняжескую казну.

— Как же мог ослушаться патриарх?

— Видать, своя рубашка ближе к телу, княже. Владимир Храбрый с дружиной и ополчением покинул свой Серпухов и пошёл в Волок Ламский для встречи с Дмитрием Ивановичем, чтобы объединёнными силами обрушиться на лютого врага, который к тому времени должен осаждать неприступный Кремль.

Ивашка развязал свой мешок, извлёк из него горсть сухарей, шмат свиного сала. Принялся резать его на мелкие дольки, поглядывая на князя со всклокоченными влажными волосами. На листе лопуха подал сало, сухари.

— Силы русские, Вася, после битвы на поле Куликовом были подорваны. Всего два года прошло после большого людского урона. Много калек вернулось с поля брани, а молодая поросль ещё не окрепла. С великой тяжестью собирал полки Дмитрий Иванович. Я у него в левой руке ходил. Не успели мы собраться с силами. Пришли, а в Москве головёшки дымят, люди ратные и не ратные изрублены, дома разграблены, молодые девки да отроки в полон угнаны. Ближние русские города запылали от татарского огня, обливаются русичи кровью от кривой сабли. Большой татарский отряд, идущий грабить тверские земли, столкнулся с войском Владимира Серпуховского, которому уж донесли, что пал его город. Воины князя ударили во всю силушку и разгромили ордынцев. Весть эта быстро долетела до хана, и он повернул коней в Орду, мимоходом разорив Рязань, едва не пленив князя Олега. Он накануне гнул спину перед ханом, показывал удобные броды через Оку. Как пала сама Москва, ты знаешь из слов отца Алексея. Предательством взята Москва. Сплочения не было среди москвичей и прочего пришлого люда, что

схоронились за стенами Кремля. Разобщение—сестра предательства. Разброд в умах—первый шаг к поражению. Ты это должен крепко усвоить, князь. Иначе мне не стоит беречь твою волю,—сурово закончил печальную повесть боярин.

Попали в засаду

Ивашка первый прогнал дрёму. Солнце скользило меж облаков в западной стороне. За полдень. Отдохнули, пора приниматься за дело.

— Какое дело?—в хорошем настроении откликнулся боярин.—На воду встать. Эта река приведёт нас к Дону. На нём есть переправы с барками, но нам туда соваться нельзя.

— Будем рубить плот?

— Его, батюшка. Топор есть, руки тоже. Сухостойная ольха, гляжу, местами стоит.

— Ты, боярин, лось настоящий, за тобой не угонишься, выносливый, а я голодный, давай сала с сухарями.

— Отказа нет, князь, на голодный желудок плот быстро не срубишь, а нам бы по свету его на воду спустить, на островок какой причалить, рыбы поймать да выспаться на кострище. Впереди ночи, чую, бессонные. Как ты говоришь, вперёд молвы пойдём!

Василий, широко улыбаясь удачным словам боярина, принял из рук Ивашки лепёшку, сыр, головку лука, что удалось припасти в караване грека, кусок копчёной говядины и принялся трапезничать, прикидывая в уме, сколько же вёрст они отмахали от каравана и где сейчас рыскают татары с греками, разыскивая их.

Они основательно пообедали, запили студёной водой из реки и принялись валить сухую ольху. Одного топора не хватало, тонкие ветки срубали саблями, кинжалами. Плот строился. Столкнули его на воду, когда вечерняя заря разожгла на далёком небосклоне пышный костёр, возле которого, правда, не погреешься.

Плыли в потёмках долго. Течение тихое, глубина отменная. Старались держаться ближе к берегу, ускорять ход шестами. Ивашка всматривался в облачное небо, старался ухватить взглядом звёзды и по ним определить стороны света. Не получалось. Поднимал мокрую ладонь, ловил лёгкое дуновение ветра и решил, что тянет он с юга жаркого в северные просторы. И почти поперёк—неведомая река, по словам караванщика-грека—Маныч. Вода большая и впадает в Дон выше Азова. Коль так—путь выбран верный, не сбились. Успокоился. Об этом сказал княжичу. Наконец показался остров. Пойма низинная, тут их должно быть много. Причалили. Прошли вглубь—и замерли: остров обитаем. На небольшой поляне слабый костёр, и возле него—двое.

Ещё не легче. В попятную, но их заметили чуткие лесные люди. Рядом выросли двое с рогатинами наперевес. Ещё секунда—и оглушённый ударом Василий свалился бы с ног. Но его кривая сабля успела смягчить удар. Ивашка метнул кинжал в грудь нападающего. Тот ойкнул, присел. Второй человек напал на боярина, но сабля Василия вновь отбила удар рогатины, наносимый Ивашке. Князь изловчился и плашмя обрушил клинок на дрогнувшего врага. Сбил с ног.

— Татары!—раздался у костра возглас по-русски.—Бежим!

— Стойте! Мы тоже русские—беглые.

Незнакомцы остановились, в руках крепкие деревянные палицы.

— Мы вам зла не причиним, братья. Из каких земель?—крикнул боярин.

— Коломенские мы. Утекли от рабства.

— Как же вы тут оказались?

— Лето. По дорогам не шли, всё вплавь от озера Маныча.

— Мы кладём на землю сабли, вы кладите рогатины, да побратаемся, если не против. Сухарями угостим,—сказал Василий.

— А вы чьи будете?

— Московские, бежали от Тохтамыша.

— Земляки, браты! Бог послал вас на наше спасение.

— Посмотрите рану у своего товарища. Я его не насмерть свалил. Кто ещё на острове?

— Только мы.

— Куда путь держите? На носу зима.

— Мозгуем, как в родные долы попасть.

— Мы тоже, да заплутали. Где Азов, где река Воронеж—ничего не поймём.

Привели раненого. Кинжал повредил человеку ребро, но в тело глубоко не вошёл.

— В рубашке родился, я редко промахиваюсь,—сказал Ивашка.

— Прости, боярин. Почём знал, что ты русич? Не промешкай я, пал бы отрок твой.

— Отрок себя в обиду не даст. Вовремя тебя услышал. Вот и отбил нападение.

— А если бы вместо нас татары, да много? Что ж вы рот разинули?—сказал Василий.

— Мы не служилые люди—оратаи. Наше дело—землю орать, а не мечами махать.

— Как же без меча и сноровки из неволи вырвешься?—усмехнулся Василий.

— Твоя правда, боярин, саблю держишь умело и лицом чист. Без лукавства. Таким людям везёт.

Ивашка усмехнулся наблюдательности крестьянина, сказал:

— Взял бы в компанию, да вы местность не знаете. Много ли татарвы по Дону напичкано? Чай, и до самого Днепра юрты?

— Вот тот, кого оглоушили, бывалый. Дважды бежал. Поймали, язык вырвали. Говорить не может. Рыбак отменный, кормит нас рыбой.

— Давно тут?

— С лета. В Кафу гнали. Вереница полона на версту растянулась.
— Вас ищут, нас ищут. Опасно.
— Вы в татарской одежде, вот и гоните нас.

На том и порешили. Утром срубили второй плот, и безъязыкий мужик взялся достичь Дона и его правого берега. Он чертил на песке Маныч, Дон и рукава рек, указывая, по каким протокам безопасно идти. Поверили. И вскоре пошли по тихой воде.

В донецких степях

Ступив на высокий правый берег Дона и обозрев с прибрежного кургана местность, Василий и Ивашка увидели татарскую стоянку. Долго наблюдали. В разведку отправили мужиков. Те быстро вернулись, сказали, что на стоянке гурт лошадей, овцы и коровы. Трое стариков, остальные бабы и дети.

Ивашка решил купить у степняка лошадей, мужикам повозку с лошадью и разделиться. Вместе малоподвижная толпа грозила опасностью поимки.

Мужики не хотели разделяться. Просили их не бросать. Бывалый мужик без языка пытался толмачить, что подниматься по Дону очень опасно. Людно. Можно дойти только до его правого притока, а потом по нему на закат солнца. Слышно, места эти полюбились татарам, и они стоят всюду многочисленными стоянками вплоть до самого Крыма. Податься прямиком на Москву? Тут лежат бескрайние безводные степи, пройти трудно, но безопасно. Боярин знал о таком препятствии. То бывшие пределы половцев, досаждавших набегами центру земель русских — Киеву до нашествия моголов. Ивашка не имел права подвергать риску князя и отвергал предложенные пути. Но и сам не знал, куда направить стопы. Они привыкли к самостоятельным, ни от кого не зависимым действиям, на чём держался секрет бегства, и менять ничего не хотелось. В основе его — тактика скорости без разбоя в качестве людей хана, если обстановка не вынуждает применить силу.
— Надо держаться на закат солнца, дойти до христианских владений, — решительно сказал Василий, — того и батюшка мой желает. Эти люди пусть послужат нам, если придётся отбиваться.
— Много людей оставят заметный след, — пытался возразить Ивашка. — Татары могут увидеть сакму[8] и по ней учинят погоню. К тому же казна оскудела, последнее серебро уйдёт на верховых лошадей.
— Возьмём силой, — напирал Василий, — такова моя воля. Наш козырь — скорый бег.
— Резон в том есть, князь, но при первой опасности от попутчиков откажусь. Пока покупаем лошадей и еду на первой же стоянке и пойдём с напором неостановочным.

На холмистом берегу Дона стойбище оказалась богатым. Стояли две юрты, загоны для овец и скота. Добрый косяк лошадей ходил неподалёку. Молодые мужчины ушли в войско хана. С хозяйством управлялись несколько женщин и подростки, старуха и один, без правой руки, лет тридцати мужик, два русских раба в кандалах.

На стоянку ворвались неожиданно с криками на татарском языке, подражая разбойникам. Подростков и безрукого мужика связали арканами, посадили на землю у загона. Русских освободили. Собрали оружие, богатые съестные припасы. Атаман Ивашка показал свою свирепость, размахивал саблей и плёткой.

Объезженных лошадей на стоянке оказалось только три, да две ходили в тележной упряжи. Остальные взяты в войско хана. Русские рабы сказали, что в нескольких верстах есть вторая стоянка, и там можно взять остальных лошадей.
— Из каких краёв, мужики? — спросил боярин.
— Нижегородские воины мы, — отвечали угрюмо, — попали в полон во время нашествия Тохтамыша и пожога Москвы. Натерпелись от татарвы побоев, унижения. Особенно жгёт плетью вот этот змеёныш и его старший брат.

Высокий измождённый мужик поднял рубаху, показал спину. Она была исполосована кровавыми рубцами. Он подошёл к сидящему на земле мужику с закрученной назад рукой, сильно пнул его в зад. Тот втянул голову в плечи, зажмурился, ожидая нового удара.
— Видали? Его рук дело. А Стеньку за строптивость неделю назад запорол вот с этим змеёнышем насмерть, — высокий отвесил пинка подростку. — Зацепили живого, бедолагу, арканом за ноги и уволокли в степь. Я бы этих гадов прямо счас удавил.
— За смерть нашего товарища я бы тоже не пощадил, — сказал второй, широкий в кости мужик, с кулаками, похожими на кувалды, как видно, недюжинной силы. — Я ить на родине более центнера весил. А теперь? Кормили только раз в день перед работой. А били для потехи. Ставили нас вот здесь и учились арканы набрасывать. Часто верхом на скаку. Опояшет и тащит сажени три.
— Ах, сволочи, — не удержался Ивашка, глянул на Василия.

Тот выкатил глаза из орбит, слушая рассказ. Губы его посинели от гнева, руки дрожали.
— Дозволь, атаман, этих на берег реки свести?
— Я не волен судить, а вы люди свободные, поступайте как знаете. Только нам недосуг. Берём всё, что нам надо, и уходим.
— Не бросай нас, атаман, возьми в свою ватагу. Сгодимся. А этого однорукого чёрта за Стеньку я заарканю.

Число отряда приросло.

Ходили на соседнюю стоянку, ворвались в юрту и силой добрали всё недостающее. Ушли в сторону

8. Сакма — след конницы, конного отряда.

Азова, чтобы сбить возможное преследование, затем повернули на запад. Шли широко, не оставляя сакму. Так начался новый бег по незнакомым степям, полный опасности вероятного столкновения со случайным вооружённым татарским отрядом. Скорое преследование Ивашка исключал. Если и соберутся в погоню, то дня через два. Беглецы же будут уже далеко, обходя стоянки, о которых сообщали выдвинутые вперёд два освобождённых нижегородца. В сутки отряд покрывал расстояние в три поприща[9], иногда более.

На пути стали появляться дубовые и берёзовые рощи, степь сменилась на сопки. Потянулся лесистый кряж. Скорость продвижения отряда уменьшилась, зато снизилась вероятность неожиданного столкновения с татарами. Попадались родники, из которых путники пополняли запас воды в бурдюках, поили лошадей, пили с наслаждением сами. С наступлением темноты движение останавливалось: не позволял густой лес. Путники выбирали удобное место для ночлега, выставляли охрану, варили мясную похлёбку, чай, подкрепляли силы пищей и крепким сном. Лошадей треножили, они паслись до рассвета. С первыми лучами солнца вскакивали в сёдла и продолжали движение.

Местами видели выходы на поверхность чёрных скал. Ивашка сказал, что это каменный уголь, горит он жарко, и на нём мастера железных дел плавят руду, варят железо, из которого кузнецы куют мечи, кинжалы, наконечники стрел, кольчуги и другую утварь. Такой уголь есть в Междуречье, на тульской земле. Боярин поднял несколько комков, бросил в костёр. Те сначала едко задымили, но быстро взялись жаром, выбрасывая тонкие сизые струйки. Вода в подвешенном казане быстро закипела, вызывая восторг юноши.

— Далеко ли от русских земель сие богатое место? — спросил Василий. — Может, и нам в хозяйстве сгодится?

— Многие сотни вёрст, Вася.

— После Дона мы несколько дней скачем, леса пошли. Знать, достигли земель Киевской Руси и скоро встретим христианские деревни? — предположил князь.

— В летописных сводах сказано, что по Дону селились печенеги и половцы. Соседи-кочевники, недруги. Не раз сходились русичи в смертельных битвах. Сами били и биты бывали. Святослав Киевский несколько раз усмирял мечом кочевников, а вот князь Игорь Новгород-Северский в степях донецких был окружён, разбит и пленён вместе с другими князьями половецким ханом Кончаком.

Столь древние познания истории удивили мужиков. Они поняли, что перед ними не простые люди, а из знатного рода. Спросили об этом Ивашку, но тот, не желая открываться до поры до времени — кто перед ними, отрицал: мол, слышал эти истории от знатного человека, будучи у него на службе.

В землях молдавских

Молдавский господарь Пётр Мушат находился в походе по своим северным землям, недавно отошедшим от Польского королевства. Крепость Хотина имела важное значение форпоста, и господарь достраивал её и укреплял. Весть о русской делегации удивила. Русские потянулись к нему через враждебные земли Великого княжества Литовского. Это был первый контакт. Как вести себя с представителями победителя Мамая, но и теперешнего данника хана Тохтамыша? Не несёт ли опасности этот визит? Воевать кого-либо господарь не собирался. Мирная дипломатия и союзы с соседями дают не меньше крепости в делах государственных, чем ратные победы.

Пётр Воевода был уже в средних годах, носил окладистую чёрную бороду и пышные усы, карие глаза источали ум и заинтересованность в столь необычных посланниках. Он принял делегацию, не мешкая, здесь же, в Хотине. Русские послы поднесли богатые великокняжеские подарки, желали Молдавскому княжеству мира, народу благополучия, Воеводе здоровья и долгих лет жизни.

В ответ Пётр Воевода также желал русскому народу всех благ, а великому князю удачи и здоровья.

— Великий князь Московский Дмитрий Иванович желает с единоверцами братской дружбы и торговли, — говорили посланцы. — Просит великий князь оказать ему услугу: взять опеку над его сыном Василием, если он объявится в ваших землях. Затем через земли Литвы тайно отправить сына в Москву вместе с его дядькой.

— Какая нужда занесёт сына великого князя Дмитрия в наши земли?

— После разорения Москвы ханом Тохтамышем наследники трёх великих княжеств были взяты в заложники и содержатся ныне в Синей Орде. Нам известно, что князь Василий воспользовался походом Тохтамыша на Тамерлана и ушёл из Одры. Весть о нём оборвалась в придонских степях. Но мы надеемся, что князь Василий скоро объявится в Подолии. Таковы воля Божия и предсказания святых отцов наших.

— Если ему удастся пересечь Днепр и оказаться на правом берегу, угрозы от татар не будет. Великая Литва после победы над татарами у Синих Вод обрела правобережье, киевские, черниговские и брянские земли.

— Нам известны границы Великого княжества Литовского. Просторы в низовьях Днепра — обширные и малообжитые. Причина тому — ордынский

9. Поприще — путевая мера в суточный переход, около 20 вёрст.

гнёт. Князь Василий вот уж два месяца в пути. Мог бы господарь Воевода встретить путников?
— С кем идёт юный князь?
— Уходил из Синей Орды с искусным во всех делах посланником Дмитрия Ивановича боярином Ивашкой Быстровым. Вдвоём от Волги они достигли Дона с караваном грека. Далее ничего неизвестно.
— Почему же Ивашка пойдёт в наши земли, а не по Днепру вверх?— задал резонный вопрос Пётр Воевода.
— Такой уговор был изначально с Дмитрием Ивановичем. Он надеется на помощь единоверцев. Трудно догадаться, что путники будут держаться южных степей, а не повернут прямиком на север. Искать их татары будут в верховьях Дона или в приволжских землях.
— Умно!— воскликнул господарь и пообещал:— Мы тайно оповестим наши восточные разъезды. Поезжайте в нашу столицу Сучаву, ждите вестей.

Первый визит делегации великого князя Московского Дмитрия Донского положил начало торговле и добрым отношениям. Не дождавшись появления Василия, посланцы ушли в свои земли.

Русский хутор

Река Днепр для путников была незнакома и таила неизвестную опасность. Теперь ханская погоня страшила меньше всего. Маленький отряд князя, переправившись через Днепр, всё чаще встречал христианские хутора, жители которых страдали от разбойничьих ватаг местных казаков, а также от набегов лютых крымских татар. Не дай Бог оказаться на пути дикого безжалостного изгона! Правда, на дворе конец осени, с севера тянет холодом, крымчаки в это время редко отваживаются выскакивать из-за Перекопа. Так что страх быть повязанными арканами иссекает. А вот местные казаки балуют. Знали, что после разгрома в 1362 году могольского войска у Синих Вод славным великим князем Ольгердом земли эти отошли к Великому княжеству Литовскому. Однако вольные казаки не хотят и этой власти, как не хотели могольской.

Эти скупые сведения Ивашка с Василием получили от поселившихся на берегах Днепра и Буга русских людей, чьи предки помнят Киевскую Русь и разорение земель Батыгой-ханом.

Первых русских людей встретили после переправы через Днепр. Рубили плот несколько дней. Коней вплавь через такую ширину пускать не стали, оттого и плот понадобился из дюжины хлыстов. Лошадям закрыли глаза, чтоб воды не боялись, завели и пошли под покровом ночи. Подсвечивала ущербная луна, бросая на воду серебристую дорожку. Берег правый оказался обрывистый, без отмелей. Нависали ветки дуба, ясеня. Но причалить они не мешали. В темноте плот ткнулся в берег, его стало разворачивать течением. Передние мужики соскочили, удерживая посудину, другие осторожно стали выводить лошадей на берег, сняв тряпки с глаз. Увидев берег, непривычные к таким операциям кони сами устремились вперёд, едва не затоптав поводырей. Две лошади сорвались в воду, но беды это не принесло. Василий уселся в седло и, дав коню под бока, опустил повод. Жеребец заржав, коротким броском очутился с седоком на берегу.
— Молодец,— похвалил боярин.— Так, бывало, ходил и твой батюшка.

Собрав пожитки, отряд углубился в дубраву. Переночевали без костра, не зная, кого он может привлечь своим дымом и огнём. Утром быстро открылось, что стояли они в версте от хутора.

На всхолмлённой опушке дубравы за высоким частоколом возвышалось несколько соломенных крыш. Дома сложены из оструганных брёвен, проконопачены мхом. Два дома, стоящих в центре, тоже из дуба, но толсто обмазаны глиной, выбелены известью.
— Чтоб от татарской огненной стрелы стены не занялись пожаром,— пояснил боярин Василию, когда они, забравшись на дуб, наблюдали за хутором, пытаясь выяснить, кто там— враги или миряне.— Загорится крыша— её растаскивают баграми, тушат. Вон, видишь, на глухой стене висят.
— И удаётся?
— Русским людям многое что удаётся, когда они сплочены единой волей то ли князя, то ли главы рода. Помни: сплочение— главный козырь в борьбе с врагом.

Из одного дома вышли два мужика и три бабы с кленовыми вёдрами. Направились к длинному сараю с кучами навоза. Чуть в стороне возвышались стога сена.
— Замечай, Василий: по научению великого князя Владимира Мономаха здравствуют и рóбят. Он вещал нам: живи так, чтобы солнце не застало тебя в постели. Этих не застало. Бабы, вишь, коров идут доить,— пояснил Ивашка,— мужики— скот поить, навоз убирать. Думаю, счас они скот в загон выведут. На ночь только под крышу прячут. Видать, балуют тут лихие люди.
— Кабы и нас за таковых не признали да в колья не взяли.
— Могут. Гляди, мужики высыпали из домов. Полудюжина их. А вот и старейшина— глава рода, с седой головой. Нам бы услышать их мову. Русские ли люди? Тогда договоримся.
— Спускаемся, боярин, подберёмся ближе к тыну. Услышим говор.
— Ты покуда будь здесь. Я сам выведаю. Чай, у Дмитрия Ивановича в разведке ходил.

Ивашка спустился на землю, где перебежками, где ползком подобрался к частоколу, но перед оградой— ров. До макушек кольев-брёвен,

заострённых вверху, не дотянешься. Без аркана тын не перемахнёшь. Из крепких брёвен срублены ворота, по бокам две башенки с бойницами. Перед воротами из брёвен же настил, перекинутый через ров. При необходимости, как видно, поднимается на канатах. Хутор — крепость.

Дороги внутри хутора вымощены камнем, отсыпаны речным гравием.

Мужики, коротко переговариваясь, шли к длинному и высокому амбару с клуней, где под навесом скирд снопов. Жито. Видать, собираются молотить. До слуха Ивашки долетел русский говор.

На боярине сряда татарская, только малахай сунул в заплечный мешок, а оттуда вынул и надел свой картуз из синего полотна. Он осторожно стал пробираться по дну рва к воротам в надежде кого-то окликнуть. До башенки оставалось несколько метров, как его облаяла собака. Она находилась в башне. Злобная морда высунулась из низкой бойницы, и раскатистый брёх был услышан мужиками в клуне. Несколько человек бросились к башне. Сейчас боярин будет обнаружен. Надо выбираться изо рва, снять с себя саблю и с поклоном обратиться к хозяевам.

В бойнице появился человек с арбалетом в руках. Ивашка раскланялся, молвил:

— Выслушай меня, брат, я русский человек. Попал в беду.

— Брешешь. Пошто в басурманской сряде?

— Бежал из неволи.

— Один?

— Нет, с отроком.

— Где отрок?

— Пока в лесу хоронится.

— Зови, поглядим.

— Вася, иди ко мне, — зычно крикнул Ивашка.

Прибежал Василий, снял с себя по примеру боярина саблю и сагайдак с луком, положил на землю.

— Проходи! Если врёшь, умрёте.

Ворота чуть подались, образовалась щель. В неё шмыгнули наши друзья.

По совету хуторянина

— Мой прадед по прозванию Тишкин корчевал эти земли, сеял жито, держал скот, — рассказывал пожилой хуторянин, после того как Ивашка с Василием поведали свою историю побега из Орды, умолчав, кто на самом деле юноша. — Река нас защищает от набегов басурман. Труднопроходимы лесистые места для их конницы. Успеваем укрыться в дебрях вместе со скотом. Бывало, вернёмся, а вместо хутора головешки. Младший брат по молодости да по глупости не уберёгся, в полон угнали. Давно это было. Последние годы стало спокойнее. Литовец Ольгерд всыпал моголам горяченьких. Ванюшка, средний братец, в ополчении был. Погиб на поле брани. Слышно, взял князь под себя Киевщину, Черниговщину, потеснил крепко крымчан, соседствует с молдаванами. Рубеж — Днестр. Литовец с валахами в мире живёт.

— Вот мы туда и идём. Пособи хлебом, Степан. Второй день голодуем. Серебра нет, отдам пару коней, сабли татарские.

— Сабли мне ни к чему. Лошадей возьму.

— Скажи, сколько дней пути до Днестра?

— Как идти будешь. До Буга, если на закат солнца держаться, два раза по сто вёрст да ещё пятьдесят. А там меньше. Если по Днепру плыть — и совсем близко. Реки в одно море стекают. Однако у тебя струг нет, — хозяин говорил неторопливо, обдумывал каждое слово. — Но пошто в русские земли по Днепру не поднимаешься? До самого Чернигова теперь литовец владыка. А далее русские княжества. Холода наступают, татарин уж не сунется в наши края.

— Я бы пошёл, да мест этих не знаю. Слышал, отсюда до Чернигова шесть раз по сто вёрст будет. Далеко, а на носу зима. У господаря молдавского мой сродственник служит. К нему прибиться хочу.

— Дело твоё, боярин. Иди по берегу Днепра до моря. Напрямки без проводника заплутаешь. Леса, дорог нет. Дойдёшь до моря — и вдоль берега к реке Бугу, — давал совет хозяин хутора.

Боярин с Василием слушали внимательно, в знак согласия кивали головами.

— Ну вот и ладно. Поснидай с отроком щей, дам тебе хлеба, сала за лошадей — и с Богом!

— На том спасибо, добрый человек, — поклонился боярин.

Походная баня

Они ушли в тот же день. Свободных лошадей не осталось. В приварок к хлебу и свиному салу добывали дичь, ловили рыбу. Торопили надвигающиеся декабрьские ночные холода. Днём же было тепло. Хутора обходили, а их попадалось немного в разорённой моголами земле. Ночью палили костры, ставили сторожей и спали. Чуть свет — в путь. Некованые лошади сбивали копыта, одну, обезноженную, оставили в степи. Единоверцев боярин грабить не хотел. Движение замедлилось. Пришлось безлошадного человека брать по переменке каждому седоку. Часто он бежал рядом, ухватившись за шлею. Выдыхался, молил Бога и боярина не бросать его — пропадёт. На третий день бега воды Днепра потемнели, с запада подул шквальный ветер, пригнал тёмные тучи, ударил холодный хлёсткий ливень. Путники укрылись под могучими дубами, но как ни прятались от дождя, он вымочил их до нитки, потому что шёл весь день с короткими перерывами, гася разведённый в укромном месте костёр. Плащи, поднятые на кольях, первое время укрывали мужиков, но скоро промокли и сочились длинными струйками. От них не было спасения. Василий и раньше

покашливал, продрог. Голос его заскрипел, горло покраснело, а кашель усилился. Как только дождь стих, боярин наказал мужикам отыскать хорошее место и ставить балаган. Василий, видя задержку, было воспротивился.

— Князь, я головой отвечаю за твою жизнь,— сказал боярин,— однако дело не только в моей голове: я дал слово великому государю нашему привезти тебя к его стопам в добром здравии. Ты его наследник. Не твоя вина, что ты занемог, а моя. Недоглядел, не уберёг от дождя и ветра. Потому врачевать тебя буду, как умею.

— Не ропщи на себя, слуга мой верный. Что мог ты сделать против урагана, как мог укрыть меня от непогоды?

— Я никогда ничего не боялся. А ныне страх берёт. Не за себя боюсь, страх мой особенный. Просчитался, видать, я, пойдя на юг берегом Днепра. Надо бы повернуть на север, на Чернигов. Земли там русские, нашенские, опору бы нашли. Зимнюю одёжку тоже. Главное — всё ближе к дому, к Москве.

Василий, собираясь высказаться, тяжело закашлялся, слёзы выступили у него из глаз. Пересилив себя, он смахнул рукавом зипуна слёзы и молвил:

— Не ропщи на себя, боярин, отцом моим завещано тебе держаться молдавского княжества, наших собратьев по вере. Вот и исполняй завет без сомнения.

— Там, в светлице Дмитрия Ивановича, не видно было, как лучше поступить. Потому казалось нам: это верный и безопасный путь. На месте виднее. Просчитался я!

Они сидели на покатом берегу Днепра в дубовой роще. Холодные волны плескались близко, вея сыростью. Мужики нагребли кучу уже поблёкшей листвы, и боярин устроил на них тёплую лежанку Василию. Рядом, очистив песчаную землю от листвы, собирался развести жаркий костёр, накалить булыжники, собранные мужиками, и устроить князю пропарку. Не мешало бы и самому прогреть нутро, кашель не меньше душит: видать, просквозило на ветру и дожде, ознобило.

Показались мужики с вязанками сухостойных хлыстов, толстых веток. Вскоре жаркий костёр запылал у ног князя. Потянуло дымом и жаром, заслезились глаза. Юноша утробно кашлял. Из носа сочилось мокро, он смахивал его тряпицей. Ивашка тревожно приложил руку ко лбу, прислушался.

— Жара будто бы нет. Счас пропарю тебя в походной бане, напою отваром мать-мачехи с подорожником, укутаю. Проспишься на мягкой лесной перине, чай, поутру встанешь здоровым! Недаром в народе эту траву матерью прозвали. Она словно мягкой рукой по нутру пройдётся, хворь убирая. А подорожник — что отец строгий, на страже стоит, копьями хворь колет.

Ивашка говорил, а у самого тревожно на душе: как опоздал он с баней, как не выгонит с одного раза хворь? Дважды придётся отрока парить, а на дворе уж зима. Правда, снегу пока нет: Покров день был тих и светел, с солнышком, без дождя. По приметам, поздняя зима в эти края придёт, не суровая. Однако без тёплого крова занемогшему отроку не обойтись. Потому сразу, как разгорелся костёр, отправил мужиков ставить шалаш в дубраве, оставил с собой безъязыкого, самого смышлёного мужика, в помощники. Толстые хлысты и ветки горели жарко и долго. Поверх их накатали булыжников не менее головы каждый, и слышно было, как пощёлкивает гранит от огня, отлетают раскалённые отщепы. Впору собирай их да вместо наконечников на стрелы прилаживай, как делали наши предки. Ивашка тут же преподал урок князю. Да, видно, понапрасну: болен, не до опыта древних. Однако пора и баню творить.

Боярин простелил на куче листвы попоны, велел садиться князю на них, да ноги — шире. Укрыл отрока пологом. Тот сбросил с себя исподнее, остался в штанах да сапогах, чтоб не ожечься. Накатали несколько горячих булыжников на мокрые попоны. Сначала удушливый чад пошёл от них, отрок терпел, ожидая команды, чтобы окатить из баклаги горячие катыши да дышать глубоко, прогревать горячим паром внутренности.

— Коли ушёл смрад от попон, наддай теперь, Вася, по голышам из баклаги.

Василий окатил валуны, они взорвались паром. Отрок вскрикнул от горячего удара в грудь, в лицо. Ничего, стерпел, в следующий раз поменьше брызнул. Задышал глубоко, как велел учитель. Сначала закашлялся, но быстро утих, пошли свободней мокроты из груди, из горла. Перестали шипеть валуны, боярин новые подбросил, подбадривая князя похвальными словами:

— Так-так, Васятка! Дыши глубже, чую, с Божьей помощью пробрал тебя жар, и мокроты легко выходят! Наддай, валунов много! — а сам читал молитву за здравие.

И отрок наддавал, выл и смеялся, сопел и откашливался.

— Всё, не могу больше, Ивашка. Упрел, голова пошла кругом.

— Пока посиди смирно, мы тут одёжку твою согрели. Оботрём тебя у костра, оденем в сухое да в попону завернём. Спи до утра. Хворь, Бог даст, выгоним!

Переобули, переодели в сухое и тёплое, укрыли Василия хуторским зипуном, пошли к шалашу. Мужики заканчивали стройку, нагребли внутрь большой ворох листвы. Простелив поверх потники, боярин усадил на них Василия, принялся поить его горячим отваром из трав.

— Мёда бы нам туесок, точно бы хворь прогнали,— сказал боярин.

Мужики согласно кивали головами, крестились, читали молитвы, желая отроку здоровья.

Василий от горячего отвара, укутанный в сухую одежду и зипун, снова пропотел, и боярин велел ему спать. В чём отрок не заставил себя уговаривать, смежил веки, и ровное дыхание сказало, что он уснул. Ночью к больному вернулся кашель, но не такой надрывный, а гораздо мягче, с обильным выделением мокрот. Боярин отметил улучшение, вновь напоил отрока горячим отваром трав, но баню решил повторить, да и самому не мешает прогреться.

Стоянка растянулась без малого на неделю. Мужики ловили рыбу в реке, били водоплавающую дичь, собирали жёлуди, орехи, пополняя кормовой запас. Лошадей пасли стреноженными, чутко прислушиваясь к окрестным звукам, готовые в любую минуту сняться и удариться в бега. Снялись на шестой день рано утром, а на Днепре появились первые ломкие забереги. Через неделю хода открылось море Чёрное. Долго смотрели на морскую ширь, слушали шум прибоя, крики чаек, а сердца млели от неизвестности будущих дней похода.

Зимой князь Василий ступил на молдавскую землю вместе с боярином Иваном. Об этом событии, важном для Москвы, скупо сообщает русский летописец: *«Того же году княз Василей, великого князя сын Дмитриеев прибеже из Орды в Подольскую землю в великие волохы к Петру Воеводе…»*

В хоромах воеводы

Молдавский господарь Пётр Мушат принял князя Василия и боярина Ивана по прозванью Быстров на второй день после прибытия в Сучаву. Беглецы отмыли в бане многомесячную грязь с тела, досыта наелись и выспались. Предстали перед господарём посвежевшие, облачённые в молдаванскую сряду. Но молодого витязя душил кашель, боярин вторил ему тем же. Как бы не надорвал отрок нутро. Чай, придётся осесть в Сучаве, лечить князя.

Тронный зал особой роскошью не блистал, но выглядел достаточно богато—с мраморным полом, устланным персидскими коврами, с иконами византийского письма, узкими, но высокими окнами.

После взаимного приветствия и пожелания долгих лет жизни, благополучия господарь, поглядывая на отрока, сдерживающего кашель, интересовался здоровьем великого князя Дмитрия Ивановича, Куликовской битвой и особое сожаление высказал пожогом Москвы ханом Тохтамышем.

— Успешен ли будет поход хана в Персию? Нам от этого прибыли никакой. Однако каждая брань ослабляет, а то и разоряет,—размышлял господарь.—Важно, как посмотрит на вторжение своего выкормыша Тамерлан.

— Кому понравится чужой козёл в огороде?—сказал Василий.

Господарь улыбнулся словам юноши, одобрительно кивнул головой.

— Вражда в стане врага всегда нам на руку,—заметил боярин.

— Верные слова,—оценил реплику господарь.—Когда дальше в путь собираетесь? Жаль, посланники великого князя Московского удалились восвояси.

— С позволения государя Молдовы, надо бы окрепнуть князю Василию, отощал больно в пути, простудился, а на дворе зима. Мужиков наших тоже обуть-одеть, откормить, снарядить да и выступить дальше через литовские земли. Дмитрий Иванович в долгу не останется,—молвил боярин.

— Посланники оставили достаточно серебра, чтобы выполнить вашу просьбу. Отдыхайте, набирайтесь сил, в путь снарядим по-княжески.

Думы князя Витовта

Литовский князь Витовт Кейстутович в 1386 году пребывал не в лучшем расположении духа. Он, сын соправителя великого князя Литовского Ягайло, его двоюродный брат, год от года терял надежду захватить верховную власть. Находясь при смерти, Ольгерд завещал великокняжеский трон младшему сыну Ягайло, весьма смышлёному и, как оказалось, успешному. На трон Литвы претендовали менее популярные родные братья Ягайло—Скригайло и Свидригайло. И лишь на третьих ролях находился Витовт. Противостояние обострилось после гибели Кейстута в междоусобной войне с Ягайло. За жизнь Витовта никто бы не дал даже ломаного денария. Опальный князь вынужден был бежать из Гродно и скрываться в Пруссии. Однако жизнь не стояла на месте, и ничего вечного не могло быть. Витовт выжидал удобного момента, чтобы с помощью политических интриг вернуться на родину и отвоевать власть. Желанные события надвигались: умер польский король Людовик, оставив единственную наследницу—дочь Ядвигу. Польская шляхта видела в Ягайло сильного властителя и предложила жениться на принцессе. Великий князь согласился, свадьба состоялась. Вскоре, став королём, Ягайло заключил союз между Польшей и Литвой, подписав соглашение в замке Крево.

Наместником Литвы король избрал своего брата Скригайло. Хорошо зная слабые деловые качества брата, Ягайло оставался фактическим правителем Литвы, которая быстро подпадала под влияние шляхты, теряя свою самостоятельность. Это не нравилось литовской знати. Витовт, как дальновидный политик, тонко чувствовал настроение своих знатных сограждан, вернулся из Пруссии в своё княжество. Как прямой наследник Кейстута, он быстро стал выразителем интересов литовской знати на завоевание независимости. Предстояла нелёгкая борьба за великокняжеский трон. Одним из шансов была опора на многочисленных русских бояр, которые также не желали

польского могущества, что в конечном итоге принесло успех Витовту. Самая надёжная мера для укрепления связей с Московским великим княжеством — породниться, выдать единственную дочь Софию за сына Дмитрия Донского — Василия, как будущего преемника. Витовт мечтает о сближении с Дмитрием Ивановичем, но узнаёт, что Василий вот уже три года находится в заложниках Тохтамыша. Казалось бы, тщательно продуманный ход к воцарению ведёт в тупик.

И вот невероятная весть! Гонцы извещают, что сын Дмитрия вошёл в земли литовские и под охраной молдавских всадников вместе с митрополитом Киприаном, движется якобы в гродненские владения. Не мешкая, князь выслал навстречу путешественникам конный хорошо вооружённый отряд с наказом привести их в Гродно. Сам же пошёл в светлицу дочери, чтобы подготовить девушку к встрече с юным князем Василием — наследником Дмитрия Донского.

И горестно, и скучно

В дорогу через литовские земли на Смоленск собирались двинуться в весеннюю ростепель. Господарь Молдавский давал надёжную охрану под княжескими хоругвями. Опасность быть полонёнными татарами — минимальная. Нет их теперь в дружеских литовских землях. Разве что небольшой, но лихой набег вырвется из Крыма. Вероятность мала не только от удалённости, но и от безлюдия. Войско Тохтамыша находится в пределах персидских, слышно, разорению подвергся Тебриз, и вновь Золотая Орда объявила его своей вотчиной.

Не суждено было выступить отряду во главе с боярином: разболелся, сердешный, лёгкими. Кашель кровавый душил славного слугу князя. Снадобья греческого лекаря не помогали. Чах на глазах боярин Быстров.

— Простит ли меня великий князь за то, что не доставил на крыльцо сына его, а кто-то иной окажется на моём месте? Простит ли меня Господь за слабость мою телесную? — говорил боярин Василию. — Беда, поручиться не на кого. Нет знатного да преданного среди мужиков наших. Только на господаря Петра уповаю надеждой.

— Видит Господь, не виноват ты, боярин, в своём недуге. Меня спасал от простуды, — в который уж раз успокаивал его отрок. — Долг свой исполнил сполна. В безопасном месте мы, под надёжным крылом.

В палаты залетали весенние запахи. Настоянный на цветущих садах воздух будоражил сознание больного. Он готов был тронуться в путь, как-никак в тарантасе, не верхами, не пешком. Но грек определил состояние его тяжёлым, сказав, что дорога быстро унесёт силы боярина. Не дотянет до Москвы, придётся предавать земле боярина на чужбине. Господарь Мушат решил не торопиться и дождаться развязки. Тут пришла весть, что через Сучаву из Константинополя будет двигаться в Литву митрополит Киприан. Знал он Василия до пожога Москвы, когда был митрополитом Московским и всея Руси. Остановится в Сучаве по церковным делам. Дождаться бы надо Киприана, послушать, что посоветует, а тогда решать, как поступить дальше.

Митрополит прибыл в Сучаву на исходе весны. Признал Василия, увидев его почти взрослым, и тут же выстроил для себя планы укрепления православия в Литве. Юный князь сыграет немалую роль. У Витовта есть такая же юная княжна. Потому с жаром стал убеждать Петра Мушата отправить с ним в Литву князя Василия. Пусть и окольный то путь, но надёжный. Защита от лихих людей, коих немало водится во всяких просторах, хорошая.

Василий принял предложение старших, но покидать своего друга и учителя не хотел. Дел в Сучаве у митрополита нашлось много, и за их исполнением незаметно ушла весна, а вместе с нею истаяла и жизнь боярина Ивана Быстрова. Обрядили, отпели воина и слугу великого князя Московского, предали земле с великими почестями. Долго убивался утрате юноша, да жить надобно дальше.

Ничто теперь не мешало собираться в дорогу. До вотчины князя Витовта около восьмисот вёрст. Путь нешуточный, но далёк от той опасности, что постоянно висела над беглецами в землях, подчинённых татарам, не говоря уж о расстоянии, которое дважды по столько. В распоряжении князя карета, верховые лошади для разминки, пища и ночлеги в ямах и постоялых дворах. Да опека митрополита Киприана. Правда, дошли слухи и до Сучавы, что нелады у Витовта с новым королём Польши Ягайло, укрывается от его немилости претендент на литовский престол в Пруссии. Но и иная молва ходит: не желают бояре никого иного в наместники, кроме Витовта. Он — выразитель их дум на независимость Литвы. Митрополит Киприан чутко уловил настроение литовской знати и тоже видел в лице Витовта борца за независимость Литвы и укрепление в ней православия. Как бы то ни было, а Киприан заспешил в Литву в надежде поддержать Витовта и навязать ему мысль на прочный союз с Москвой через брачный союз Василия и Софьи.

Василий, далёкий от планов митрополита, горевал по утрате, вспоминая пройденный опасный путь. Эх, не та романтика нового путешествия! Никто никогда не заменит боярина Ивашку. Какой силы был молодец, ума, мудрости и сноровки! Не уберёгся, его спасая от простуды, захворал. Князю не в радость предстоящее путешествие без борьбы и волнений. Лучше бы остался в живых

Иван, и пошли бы снова своим ходом. Края тёплые, земли щедрые, опасности мелкие.

Перегоны от яма до яма длинные, князю неинтересные. Юноша часто покидал крытую карету, садился верхом на жеребца и гнал впереди отряда вместе с безъязыким мужиком. В карете к Василию подсаживались то учёный дьяк, просвещая его в науках, то грек, обучая светским манерам поведения.

Княжна Софья

В светлице княжны Софьи сдержанный переполох. Девицу одевают для встречи с московским княжичем Василием — наследником стола великого Московского и Владимирского княжества. Папенька так и сказал: «Покажи себя во всей девичьей красе, чтобы у юного князя загорелось желание породниться. С Москвой наше будущее могущество, на неё обопрёмся».

Софья от такой речи затрепетала, сердце от волнения готово выскочить из груди. Каков собой молодец? Русские люди статны, белокуры, с голубыми глазами, под стать нам. Смелы и богаты. Единоверцы. Слышно, Ягайло, став польским королём, насаждает католичество. Народ не желает менять веру, ропщет. Вот папенька и решил воспользоваться недовольством людей да бороться за веру, за свободу от польского владычества.

Софья рада угодить папеньке, коль решил выдать за московского наследника. Но будет ли счастье в далёких, незнакомых краях, полюбит ли Василия, приглянется ли ему сама? Романтическое сердце девушки трепетало от тех скупых рассказов о Василии, что прорывались к ней в светлицу из уст маменьки и верных слуг. Отвагой наделён юный князь, бежал вместе со своим верным слугой из ордынского логова, где отсиживал в качестве заложника годы. Как же удалось одолеть великое земное пространство, хоронясь да оглядываясь? Такого человека нельзя не полюбить. И она уже заочно любила, ожидая с нетерпением встречи. Дни тянулись томительно, и неразрешимые вопросы не забывались.

Наконец под вечер ворота княжеского замка распахнулись, и Софья увидела всадников, крытый тарантас с церковными хоругвями и стягами. Тарантас остановился у княжеского крыльца. Софья видела, как из него вышел митрополит Киприан, за ним кто-то из церковных сановников и следом выскочил среднего роста светловолосый молодой человек в красных сапожках, в богатой одежде, при дорогой сабле. Всколыхнулось сердце. Он!

Досада. Далеко девичье окошко от крыльца, лица не разглядеть, а папенька не велел до поры показываться. Молодого витязя тут же окружили слуги, спешившись с боевых лошадей. Кто из них главный, кто самый верный? Любопытство княжны уместно. Всё ей хочется знать об отважных людях!

И вот кличут Софью. Всей семьёй решено встречать юного московского гостя. Она давно уж собрана и находится в трепетном ожидании. Забегали вокруг девушки, осматривая наряд: не сбилась ли юбка, не расплелась ли коса, не съехала ли шляпка? Всё ладом на юной княжне, и ланиты горят румянцем, и светлые глаза, что озёрушки, широко распахнуты, так что может утонуть в них молодой князь.

Московского молодца встретили у крыльца княжеского дворца, преподнесли хлеб-соль. Митрополит Киприан благословил встречу хозяина замка с наследником великого князя Московского, пророкотав сочным голосом, осеняя крестом:

— Благословенен путь ваш, дети мои, да светлы ваши помыслы во благо веры православной, аминь.

При первом знакомстве Василия и Софьи увидели, а особливо те, кто хотел, — князь Витовт и митрополит Киприан, — что вспыхнули глаза у Василия и не погасли до самой последней минуты раута, а Софьюшка в смущении опустила глаза долу, и румянец залил её щеки. Знать, приглянулись молодые друг другу. Теперь оставалось укрепить вспыхнувшие чувства нечаянными встречами в саду, совместными прогулками, обедами за семейным княжеском столом, тонкими намёками на помолвку. Затем возвращение отрока в отечество, под крыло отца и семьи. Тогда можно вести речь о союзе молодых, как и об укреплении союза с Москвой.

Шёпот и взгляды

Если бы Василий мог наблюдать за собой со стороны в день перед побегом и теперь, в день новой встречи с дочерью князя Витовта Софьей, то непременно бы поразился своим переменам. Уходил ночью в степь отрок с ломкой фигурой, с нерастраченной горячностью, малоопытный в делах, но с неоглядной верой в удачу. Теперь перед девушкой стоял стройный, почти сформировавшийся юноша, за плечами которого путь по диким просторам длиною почти в год, закалённый и умудрённый бытом и делами путешественник, возлагающий на себя немалую ответственность за безопасность жизни. На лице молодца написана строгая сдержанность, подавляющая порывы души. И всё же в глазах юноши, уже умеющих скрывать искренность, отразился сердечный восторг от встречи, который был пойман как князем Витовтом, так и митрополитом Киприаном, когда Василий и Софья оказались вместе незадолго до бала. Его давал князь в честь московского наследника.

Одетая в шелка, с россыпью драгоценных камений и колье, тоже голубоглазая и пышноволосая, в красных на каблуках сапожках, видных из-под низкой юбки, девушка подала маленькую белокожую руку. Василий подхватил её и галантно, как

учил Быстров, склонился и прикоснулся губами. Он чувствовал, как лицо его предательски запылало, а возвращая фигуру в прежнее положение, оно не успело потухнуть, и опять князь Витовт и Киприан уловили перемену и переглянулись между собой. И тут же поспешно оставили молодых людей наедине.
— Княжна, я удивлён и рад встрече,—тихо сказал Василий, не давая больше торжествовать наблюдателям.—С твоим появлением бал должен начаться, но я не умею танцевать, потому что был в неволе, и готов брать у тебя уроки.
— Князь,—тихо отвечала юная красавица,—я не менее удивлена и готова прямо сейчас преподать простейший танец. Обучиться легко.
— Не будем смущать моей неловкостью в танцах наших отцов-покровителей, к тому же я не очень пока привык к княжеской дорогой одежде.
— Хорошо, князь, начнём же бал, а я прикажу принести нам сладости—любимое прусское мороженое.

Княжна махнула кому-то рукой, затем подала знак оркестру. Музыка загремела, и собравшиеся молодые люди закружились в танце.

Василий в самом деле чувствовал себя неловко в сшитом по заказу хозяина замка дорогом и изящном костюме. Накидка поверх синего камзола казалась ему слишком длинной и, схваченная на груди инкрустированной прищепкой, грозила вот-вот свалиться с плеч, отчего юноша невольно и часто хватался за неё рукой. Цирюльник усердно потрудился над его причёской, и локоны золотистой волной падали на плечи и спину, зажигая в глазах Софьи огонь восхищения.

Принесли мороженое в хрустальных стаканчиках. Василий смотрел на них с диким выражением лица.
— Я и не помню, едал ли я у батюшки мороженое,—сказал он с достоинством.—У хана такого блюда не знавали.
— Князь, следуй моему примеру, я всему научу,—она взяла со столика стаканчик и стала орудовать золотой плоской ложечкой, отправляя в рот мороженое маленькими порциями.

Василий последовал примеру княжны, находя отменный вкус у сладостей. Покончив с мороженым, Василий и Софья дождавшись, когда музыка стихнет, вышли к разгорячённой быстрым танцем публике. Перед молодой парой появился распорядитель и громогласно объявил:
— Дамы и господа—наследник великого князя Московского князь Василий и княжна Софья! Прошу любить и жаловать!—и, сделав низкий поклон, отступил в сторону.

Со всех сторон раздались аплодисменты. Загремела музыка, и Софья сказала:
— Это очень простой танец, смотри и запоминай движения. И мы попробуем.
— Нет-нет, только после твоего урока,—решительно возразил Василий и, помолчав, добавил:—Да, очень простой танец, я быстро выучусь.
— Что ж твой боярин не научил тебя танцам в Сучаве?
— Он отличный воин, верный друг, но не балетмейстер. Спасибо ему, что научил меня грамоте, меткой стрельбе из лука, фехтованию, рукопашному бою и всему, что пригодилось в походе. Его преданность велика, как и любовь ко мне, к родине, но, спасая меня, он простудился сам, заболел лёгкими. Я похоронил боярина на молдавской земле с великими почестями. По сей день скорблю об утрате.
— Друг мой,—Софья взяла руку юноши в свою, сжала,—вижу, скорбь твоя велика. Прости меня, что своими словами растревожила твою душу. Преданных людей особенно жаль.

Василий с благодарностью слушал девушку, и его юная, но уже закалённая невзгодами душа наполнялась неизвестным доселе теплом, которое томило сердце и подталкивало к ответному рукопожатию.

На следующий день Василия привели в танцевальный зал, где вместе с Софьей находился поджарый и уже немолодой учитель танцев. Девушка после приветствия юноши отпустила учителя и сказала:
— Смотри, князь, как делается первое па,—девушка показала, продолжила:—Затем поворот вправо, прямо. И под музыку!

Она подхватила руку Василия, музыка заиграла, и пара пошла, сначала неуверенно, затем заскользила по паркету более плавно. И через несколько упражнений князь сам вёл девушку в танце.
— Князь, ты способный ученик. К следующему балу выучишься всем танцам и не будешь уступать никому. А сейчас, с позволения папы, проведу тебя по аллеям нашего парка, и садовник угостит нас сочными яблоками, кои привезены из Молдавии и прижились в нашем саду.

Молодые люди, пылая от счастья общения, убежали в сад и долго прогуливались наедине, не обращая внимания на то и дело появляющегося неподалёку садовника или фрейлину княжны. Василий рассказывал Софье о своём путешествии, девушка с интересом слушала. Голос юноши глубоко западал ей в душу, и порой она с трепетом сжимала его руку, а Василий, в свою очередь, чутко ощущал этот трепет и без сопротивления пропускал его в своё сердце.

«Сын наш едет!»

Минула макушка лета, а отъезд из Литвы затягивался. Василию приятно ощущать интерес к себе не только Софии, но и самого князя Витовта, митрополита Киприана. На обедах он занимал почётное место сразу после митрополита. С ним,

как со взрослым, вели разговоры о науках, посвящали в политику соседних государств. Слушали его ответы об устройстве Золотой Орды.

— Война Тохтамыша с Тамерланом нам на руку,— высказывал мнение Василий.— Благодаря ей нам удалось бежать с бояриной Быстровым. Пусть увязнет хан в этой войне. Силы его поубавятся, и нам легче сносить его ярмо.

Князю Витовту нравились здравые суждения юноши, он видел в нём достойного наследника Дмитрия Ивановича и всё больше утверждался в мысли о выдаче дочери за Василия и укреплении союза с Москвой.

Вернулся нарочный, посланный в Москву князем Витовтом, и сказал, что великий князь Дмитрий Донской молится за милость, оказанную его сыну, и с нетерпением ждёт его возвращения. В тот же день начались окончательные сборы, и на следующее утро Василий, сопровождаемый княжеским эскортом, отбыл из Гродно в направлении на Смоленск. Предстояло покрыть почти девятьсот вёрст.

Провожать в далёкий путь Василия собралась вся знать Витовта. Софья стояла грустная. Митрополит кадил долгий путь, а на прощание сказал:

— Вижу, дети мои, любы вы друг другу, перед разлукой благословляю вас на счастье,— и осенил будущую супружескую пару своим крестом.

Сердечно попрощавшись с князем Витовтом, Софьей и отвесив поклон боярам, Василий вскочил на подножку кареты, и тройка лошадей тронула.

Нарочный гонец гнал на перекладных от Смоленска с радостной вестью. Он знал, что юный князь мало отстанет от него в пути, поскольку достиг родной земли и всем сердцем стремится обнять отца своего и мать, порадовать своим возвращением. Великий князь находился в тронной палате, разбирая с боярами и князьями наболевшие вопросы, когда услышал шум и возгласы нарочного:

— Едет, едет сын наш и наследник!

В Кремле всполошились, ударили колокола собора. Их весёлый перезвон сообщал москвичам добрую весть, которую ждали со дня на день.

На высоком крыльце стоял дородный великий князь Дмитрий Иванович, плечи его были широки и круты, на загорелом молодом лице играла сдержанная улыбка, глаза светились радостью. Вокруг него толпились его многочисленные дети, рядом стояла, едва сдерживая себя, чтобы не побежать навстречу сыну, великая княгиня Евдокия.

Василий выскочил из кибитки, едва она остановилась чуть поодаль от крыльца, и бегом пустился к родным, чтобы обнять отца и мать после долгой разлуки. Со слезами целовались. Василий сначала припал к широкой груди отца и сопел от избытка чувств.

— Смотрите, люди добрые, каков сын наш высок да пригож, в ногах крепок, в плечах широк. А уходил-то в неволю мал-мала,— и оторвал Василия от груди, как бы показывая его толпившимся рядом боярам и князьям, передал великой княгине.

Та ухватила сына, прижала к своей высокой груди, и слеза счастья блеснула на глазах, скатилась в кудри Василия горячим бриллиантом.

Долго не потухал порыв счастья на великокняжеском крыльце, и когда юный князь был всеми обласкан, отец повёл сына в трапезную.

— По старинному русскому обычаю, гостя прежде напои, накорми, в баньке попарь, а тогда расспрашивай,— сказал Дмитрий Иванович и жестом пригласил придворную знать трапезничать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. 3.
2. *Бородин С. П.* Дмитрий Донской. М., 1961.
3. Великий князь Василий I. Википедия.
4. Василий I — биография.
5. Василий I. Энциклопедия «Кругосвет».
6. Витовт. Википедия.
7. Витовт — великий князь Литовский. Интернет.
8. *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. Интернет.
9. *Иванин М.* Поход Тамерлана в Золотую Орду против Тохтамыша в 1391 г. Сайт «Татарский мир».
10. *Лощиц Ю. М.* Дмитрий Донской. М. Роман-газета. 1989.
11. Пётр I Мушат. Интернет.
12. Повесть о разорении Рязани Батыем. Древнерусские повести. М. 1979.
13. Повесть о нашествии хана Тохтамыша и взятии им Москвы.
14. Река Урал в нижнем течении. Интернет.
15. Синяя Орда. Википедия.
16. Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича.
17. Сказание о Мамаевом побоище.

Лиана Шахвердян

Сирена

Весточка

Утонуло молодое сердце…

Еловая аллея — не самая ухоженная и красивая часть парка, но одно из прохладных мест в городе, потому в знойное лето по утрам и вечерам здесь всегда многолюдно. Постоянные завсегдатаи — молодые мамы со своими малышами в колясках, люди преклонного возраста, занимающиеся оздоровительными упражнениями, пробежками. Бывают здесь и случайные посетители — влюблённые парочки, но они уходят в глубь парка, ближе к обрыву, откуда открывается, с одной стороны, панорама на город, с другой — далёкие и близкие горы. Я люблю сюда приходить по вечерам, когда поднимается ветер. Он гуляет над пропастью, настигает верхушки кипарисов, тополей, кружа, увеличиваясь в оборотах с возрастающей силой, словно разматывает туго затянутый узел духоты над городом. В парке воцаряется перманентный шум листьев, который не воспринимает одурманенный духотой мозг. Главное — прохлада! Но уже несколько дней не было ветра… Тамара Вахтанговна, нервно размахивая большим ярким веером, шла мне навстречу. Вид у неё был несколько обескураженный.

— Ты знаешь, мне надо с тобой поговорить, — обратилась она ко мне, усаживаясь рядом на скамейку.

Тамара Вахтанговна — известная в городе художница. Невысокого роста, склонная к полноте, с выразительными глазами. Волосы она красила в «блонд», что скрывало седину, поглотившую её голову, а заодно — придавало мягкости чертам лица, ведь в молодости была брюнеткой, с большим орлиным носом, выразительными глазами, с подчёркивающими их тонкими бровями. В ней чувствовались мощная энергетика, сильный волевой характер. В общем — аристократка.

Жила Тамара уже несколько лет одна: муж её, тоже по профессии художник, скончался от инсульта, а двое сыновей со своими семьями жили в далёкой Америке. Её собственный дом находился в Тбилиси, в районе Вера, там же располагалась мастерская. После смерти мужа она особо рьяно ушла в живопись — единственное, что спасало от одиночества и тоски по нему. Иногда одну из комнат на первом этаже Тамара сдавала студентам из провинции. Так решала свои денежные затруднения, ведь жаловаться на жизнь она не умела. Была у неё ещё дача в Коджори, где всегда черпала вдохновение…

— Ты знаешь, мне надо с тобой поговорить. Боюсь, сердце моё не выдержит. Улетела птичка! Улетела! — эмоционально начала она.

Надо признать, у Тамары была особая манера шутить. Иногда она умела вот так серьёзно начать разговор, а потом — всё шумно перерастало в громкий смех, который, по её мнению, лечит. Будучи тонкой, деликатной натурой, ей не хотелось быть в тягость, потому умудрялась во всём найти жизнеутверждающую интонацию. Вот и сейчас я настроилась на очередную хохму, не обратила внимания на то, что сегодня она не причёсана, в глубине глаз — растерянность…

— Что случилось, Тамрикоша? — подыгрывая ей, громко спросила я.

— Настройся, пожалуйста. Это не радостная новость. Только и близко к сердцу не принимай. Ну, ты понимаешь? — предостерегая, спросила меня она.

— Внимаю! — как бы настроилась я.

— Помнишь ту квартирантку из села, ну, где дача? Дом их — напротив моего.

— А, та, что с ребёнком каким-то возилась? Такая крупноватая, угловатая, с мужскими повадками. Она у тебя потом в городе квартиру снимала, когда училась в педагогическом институте. Но это было три-четыре года тому назад.

— Да, — подтвердила она, — та самая…

— Такая смешная, — продолжила я. — Помнишь, как мы сидели у них на веранде, а она готовила в большой кастрюле летний обед из овощей, крупно нарезала своими сильными руками бадриджаны[1], картошку, болгарский перец, лук? В двенадцать часов ночи!.. На всю округу на ночь глядя расплывался запах обеда, и не спавшие по соседству дачники весело шутили: «Нателла, накрывай на стол, идём отведать твоего аджабсандала![2]»

1. Бадриджаны — баклажаны.
2. Аджабсандал — блюдо из мяса и овощей.

Сколько шуток было на эту тему! — невольно улыбнулась я.
— Да, какое лето было! Какое время… Тогда и Валико был жив, — как-то сникнув, сказала Тамара.
— Да, Валентин Яковлевич над ней всегда подшучивал. А походка у неё и в самом деле была смешная, — продолжила я, пытаясь отвлечь её от грустных мыслей. — Ходила широкими шагами, умудряясь при этом раскачивать бёдрами! Получалась карикатура! Хотя в городе она немного преобразилась. Видимо, в погоне за мужским вниманием: села на диету, начала пользоваться косметикой. Стала женственней, что ли? Зачем она вернулась в деревню?.. Замуж ей пора! Ведь у неё был вполне приличный ухажёр, ну, как его, этот… Автандил — сантехник ваш, — вспомнила я.
— У неё брат — инвалид по рождению. Она вернулась к нему.
— Как это? — оторопела я. — А родители?
— У родителей — своя жизнь: работа, огород, сенокос и так далее. Ты же знаешь — миллион причин и поводов. Больным Вахтангом в основном занималась Нателла. Приходила после уроков в полдень и давай его умывать, одевать, кормить, поить. Она с ним только и общалась. Шорена (мать) успевала к соседям на чашечку кофе при «такой» занятости, а бедная девочка — дом прибери, обед приготовь, подмети двор, погуляй с Вахтангом. Всё время на руках его таскала, а он-то с годами становился тяжелей…
— Что с ней случилось? — вдруг словно осенило меня.
— Постоянно с отцом ругалась, чтобы молился за сына, просил прощения за грехи. Мать поучала, как правильно общаться, не причитать, не травмировать и без того слабое дитё. Всё без толку! Как она переживала, когда родители устраивали скандалы, выясняли отношения! В последнее время Резо загулял, «фифу» себе завёл на стороне, так Шорена в ревности становилась буйной: ей было дело до мужа, но не до сына… Не было там никакой семьи! — резко воскликнула Тамара. — Не было! Вон, младшая дочь Луиза сразу выскочила замуж, в городе осталась. Даже комнату у меня хотела снять, да только как бы я её с мужем впустила к себе? Ей уже отдельная квартира нужна была. И ничего!.. Припеваючи устроилась, жила своей жизнью, не особо тужила о младшем брате. Только Нателла оказалась сердобольной!.. А какой она была смешливой, звонкой хохотуньей, правда, немного угловатой. Только её дети любили. С ней это и случилось в школе…

Я онемела. Несмотря на духоту, вдруг ощутила непонятный холод, озноб. Мне стало страшно.
— У Нателлы случился инсульт прямо в учительской, — спокойно и в тоже время твёрдо продолжила Тамара, словно сама при этом участвовала. — Она проверяла в «окно» тетради, потом с коллегами перекинулась новостями, затем, как обычно, шутки на всякие темы, убивая время до звонка на урок. Хотя с утра уже неважно себя чувствовала. Но ведь не умела она жаловаться! И вдруг у неё лицо перекосило… Все думают — шутит, гримасничает. Хохочут: «Прекрати, невозможно смеяться!» Но ей, бедненькой, не до смеха! Не может понять, что с ней! Отчаянно пытается объяснить, что у неё что-то не так… А они: «Да-да, не так! Хватит! Скоро на урок! Звонок прозвенел!» — Тамрико остановилась, перевела дух и тихо продолжила: — Только когда Нателла упала в обморок, до этих олухов дошло, что ей действительно плохо! И… не вызывают скорую! — она громко ударила ладонями по коленям, сдерживая душевную боль. — Это же надо быть такими тугодумами! Думают: молодая, здоровая! В общем, остановили машину, посадили её и отправили домой. А дома — тоже не посылают за врачом! — в нахлынувшей одышке она стала учащённо махать веером. — Шорена без чутья, без мозгов! Наверняка думала: всё образуется! Девочка промучилась целый день, только под вечер ей полегчало… Ночью возьми да и случись второй удар! Окончательный и бесповоротный! Позвонили в скорую помощь, но машина приехала через два часа!.. Ты понимаешь?! — она посмотрела мне в глаза. — К этому времени Нателла дух испустила…
— Как испустила? — с ужасом спросила я.
— Да, моя хорошая. Испустила. Улетела наша птичка! Улетел ангел! Теперь она свободна.

Ватная тишина объяла пространство вокруг меня. «Улетела птичка! Улетел ангел!» — вторился в голове голос Тамары, которая, выжидая паузу, перестала размахивать веером. Я вдруг почувствовала, что Нателла рядом…
— И сейчас она рядом с нами? — спросила я Тамару.
— Да, с нами… Сегодня сороковой день. Я недавно оттуда. Ты ей всегда нравилась, она донесла до тебя свою весточку.

Я кивнула ей.

Так мы просидели в молчании некоторое время, в абсолютной духоте, в неподвижности деревьев, особо подчёркивающих этот момент бытия, как вдруг, из ниоткуда, рванул ветер! Он закружил с неистовой силой, похожей на ту, что выхватила Нателлу из жизни, из этой семьи и унесла в другое измерение, реальность, где её открытое сердце не страдало из-за чужих грехов, наказаний и чувство долга не превращалось в камень на сердце, когда разочарования и отчаяние изменить что-либо становятся непосильными, тянут ко дну. Ветер не унимался. Огромные тяжеловесные ели, похожие на веер Тамары, синхронно раскачивались, и это сплошное движение приносило облегчение, в отличие от болота жизни, в котором утонуло молодое сердце Нателлы… Шум листьев не заглушал голос Шорены, звавшей в день похорон свою

дочь: «Нателла-а-а-а-а! Как же я без тебя, доченька-а-а-а-а?!.. Как же я одна с Вахтанго-о-о-ом?!.. Ты теперь свободна-а-а-а!..» А горы — свидетели драмы — безучастно наблюдали… Только звонкое эхо вторило: «О-о-о-о-о-ом! А-а-а-а-а-а-а-а-а!» — и уже казалось, что сама Нателла доносила весточку оттуда: «А-а-а-а-а-а-а!.. Свободна-а-а-а-а!..»
— Вставай, — вдруг прервала ход моих мыслей Тамрико, — уже поздно. Темнеет, да и народ уже разошёлся. Пора!

Вместе с её голосом вернулось чувство реальности. Ветер как-то кстати стих, и мы направились к выходу из парка по нашей любимой еловой аллее, наслаждаясь вечерней прохладой и обсуждая другие новости этого жаркого летнего дня.

Монахиня

Походка женщины — её судьба…

Длительный сезон дождей, связанный с перемещением в воздухе холодного северного циклона, казалось, закончился в то майское утро, когда, сидя под деревьями в уличном кафе, нежась в тёплых лучах щедрого солнца, мы с Владимиром Владимировичем, бывшим коллегой, приехавшим в город по рекомендации друзей, расхваливавших обновлённый красивый Тбилиси как обязательное место посещения для туриста, вспоминали общий московский период середины девяностых…
— Ты знаешь, я заметил: у одиноких женщин одинаковая походка, — неожиданно сказал он в контексте нашего разговора, — её не сразу распознаешь, но они ходят будто на цыпочках…

Я задумалась. Вот коллега наша, Светлана Юрьевна, — одинокая женщина. Красивая, ухоженная. Лёгкая, подвижная. Походка как походка. В чём же её особенность? Вот если бы речь шла о взгляде, я бы согласилась. Взгляд у одиноких женщин одинаковый. Нет, не оценивающий (речь не о мужчинах). Одинокая женщина тоскует…
— Мать не та, которая родила, — вспомнился мне давнишний разговор с ней, когда, встретив меня у входа в учительскую, как бы между прочим сказала она.
— Ты к чему это, Светик? — переспросила я.
— Я это к тому, что та женщина — мать, которая умирает в своих детях. Приносит себя в жертву…
— Мне кажется, все матери приносят себя в жертву. Это так естественно.
— Не все, — твёрдо сказала Светлана. — И вообще, материнским чувством могут быть наделены женщины и нерожавшие, зачастую в гораздо большей степени, чем рожавшие.
— Женщина, которая не рожала, может быть пресыщена нереализованным материнским чувством, и я не думаю, что это обстоятельство может быть основанием для жертвоприношения, — заметила я резко.

Мы были с ней близки, и меня беспокоило, когда она уходила в грустные рассуждения.
— Может быть! Ещё как может быть! И даже в большей степени, чем у женщин с реализованным, как ты говоришь, материнским чувством, — твёрдо ответила она.

Светлана Юрьевна, просто Светик, — учительница русского языка. Мы с ней были коллегами, работали в одном и том же московском колледже, находящемся в районе Солнцева. Родом она была из Екатеринбурга. В середине девяностых оказалась в Москве в поисках нового пристанища, работы, перспективы; впрочем, после распада СССР это было делом привычным.

Светлана была знатных кровей. Это ощущалось во всём: в осанке, в особой манере общаться. Она всегда держала с собеседником дистанцию, но в то же время располагала на открытость. Особенно красивы были её руки, длинные пальцы. Жестикуляция, которой сопровождалась её речь, приковывала внимание — магия в руках. Высокая, с прямой осанкой. Волосы длинные, слегка волнистые. Глаза — зелёные. Одним словом — красота и совершенство. Казалось, в личной жизни у неё должно быть всё в порядке. Но от первого мужа ушла сама, а второй — её бросил.

С первым, Володей, она дружила ещё со школы, учились вместе в институте. Вышла за него замуж по любви. Но потом его забрали в армию, а затем, как выяснилось, — на войну в Афганистан. Она его ждала. Дождалась. Только вернулся он другим… Семейная жизнь не заладилась, но что было абсолютно неприемлемым для неё — категорически не хотел иметь детей! «Переклинило на войне!» — так решили про него близкие. Устав от скандалов, Светлана, для которой материнство было делом насущным, решилась на развод.

Со вторым мужем, Никитой, сошлась в Москве. Была общая цель — создать семью. Казалось, всё налаживается, парень серьёзный, с желанием иметь детей. Пока зарабатывали на квартиру, у Светланы стал поджимать детородный период. И тут выяснилось, что у неё какое-то воспаление, проблемы с маточными трубами. Светлана бросилась лечить одну инфекцию, затем — другую. Но перевернул её сознание приснившийся сон: она раскачивает детскую кроватку, поёт колыбельную, а в кроватке — ребёнка нет. «Вещий!» — решила она. Всё перемешалось: неутешительные прогнозы врачей, переживания Никиты, его участившиеся запои, а потом вдруг выяснилось, что у него — другая женщина, да к тому же — в интересном положении. Вот тогда и случился у Светланы первый срыв. «Жизнь — жестокая штука, крест на мне другой!» — заключила она. После этого

зациклилась на теме материнства: грусть, тоска омрачали её светлое лицо, когда она замечала беременных женщин или молодых мам с колясками…

Всё изменилось, когда нашлась случайная подработка в доме Свиридовых. Благополучная семья жила на Рублёвке. Детям нужен был преподаватель математики, в том числе потому мы и ездили туда вместе. Пока она занималась со старшей русским языком, я — математикой с младшим. Затем мы менялись учениками. Платили нам хорошо, транспортировка — до дома, да и сам особняк, роскошь как-то умиротворяли. Через полмесяца у Светланы изменился взгляд, исчезла та самая тень, если бы не всплывающие изредка разговоры о разнице между рожавшими и нерожавшими…

— Ты можешь мне объяснить, к чему это ты? Вот так, с бухты-барахты, затеваешь разговор в учительской? — стала напирать я.
— Понимаешь, я чувствую, как ко мне тянется Артём. Он смотрит мне в глаза, словно ждёт, чтобы я его любила. У меня такое чувство, что он видит во мне мать…
— Да что с тобой такое? С чего ты решила? Ведь у него есть мать, и он её любит!
— Мать-то биологическая у него есть, только он её не помнит, потому как она давно бросила детей и живёт своей жизнью.
— Откуда ты знаешь? — встревожилась я не на шутку.
— Я у старшей, Маши, выведала. Предмет-то у меня — русский язык и литература. Ну, сама понимаешь, «Война и мир» в романе Толстого — аналогии в доме Свиридовых, и как почти не изменился московский свет…
— Светик, по-моему, тебя не туда заносит!
— Меня заносит туда, куда нужно. Это ты, кроме цифр, ничего не видишь. Вот ты заметила в кабинете у Маши в шкафу икону Богородицы?
— Какую ещё икону, Светлана? У меня урок математики, а не богословия! И у тебя урок литературы, и ты всего лишь преподаватель русского языка, а не психотерапевт, изучающий семейную подноготную Свиридовых!
— Звонок прозвенел! Мне пора! Я не подозревала, что ты настолько чёрствая, — сухо оборвав, бросила она напоследок.

Больше на эту тему Светлана со мной не заговаривала. И я, конечно же, пожалела, что тогда оборвала ход её мыслей. Мне пришлось самой выуживать информацию у работающих в доме кухарок и домработниц.

Николаю Свиридову было около пятидесяти. Он женился на Элине в возрасте двадцати четырёх лет. Как выяснилось, мать Элины умерла при родах, об отце не было речи. Девочка оказалось отказной (родственники умершей не захотели незаконнорождённую), и её удочерила другая женщина.

Приёмная мать (Надежда) растила дочь в строгости, более того — в замкнутости. Когда заметила, что соседский Николай заглядывается на неё, решила подстраховать судьбу дочери, поставив ультиматум перед его родителями: «Девку мне не портить! Либо сватов засылаете, либо — от греха подальше!» Николаю Элина действительно нравилась, потому родители решили: пора. Свадьбу сыграли!

Элина уже в восемнадцать родила свою первую дочь Алину. Через пять лет — сына Аркадия, через десять — Машу, ну а Артёма — сравнительно недавно: ему шёл девятый год. Казалось, семья — идеальная. Дела мужа шли в гору: покупались недвижимость, драгоценности, антиквариат. Жена разъезжала по миру, меняла шубы, интерьеры, дома. Стала учиться на бизнес-леди, занималась собой, увлекалась йогой. Любила светские приёмы, посещала салоны. Николай Петрович поддерживал супругу во всех начинаниях. Но с годами Элина только отдалялась. Она его не любила…

Окончательный разлад между супругами произошёл, когда заболела Надежда. Николай Петрович был не против того, чтобы жена выхаживала больную мать, более того — был готов принять её у себя. Ведь дом — большой, всем хватит места, даже тёще. Но Элина предпочла переехать к мачехе. Руководствовалась ли она чувством долга перед женщиной, воспитавшей её, или это была особая психологическая зависимость от её характера, или только повод уйти от Николая Петровича, зажить, наконец, свободной жизнью, — трудно сказать. В любом случае на «поверхности» оставались её занятия йогой, в которые она ушла с головой (стала мастером, открыла свой класс).

Казалось, во всём этом сложном ребусе дети — ни при чём, и Николай Петрович не противился встречам матери с детьми, но… Элина и с ними оборвала… Артём не помнил лица матери, и когда старшие брат и сестра разъехались (в Америку и в Канаду), из близких рядом с ним оставалась шестнадцатилетняя Маша. На её плечи легли забота и внимание к брату. Если он заболевал, она теребила работников, учителей, няню, семейного врача.

В доме работали в основном незамужние женщины — «материнской» ласки и внимания детям хватало вдоволь. Но Артёма раздражала чрезмерная забота посторонних (всех покорял его ангельский взгляд), и только к учителям он относился уважительно. Дистанцированность его только сближала. Очевидно, именно на этой почве Светлана решила, что мальчик к ней тянется.

И всё бы казалось налаженным (учителя любили ученика, ученик — учителей), если бы не проблема

самого Николая Петровича. После ухода жены и её охлаждения к детям у него изменилось отношение к женщинам: няни, кухарки, прислуга не задерживались на работе более трёх месяцев, учителя — менялись каждый год. Иногда его голос, как смерч, «гулял» по дому — он делал замечания всем, словно мстил за боль, наслаждался, когда очередную домработницу доводил до слёз.

Артём часто с грустью делился с учителями своим единственным желанием: чтобы в доме ничего не менялось, не увольняли с работы людей, к которым он успел привыкнуть… Но прошли учебный год и летние каникулы, а звонка о приглашении продолжить занятия не было… Светлана стала нервничать, ездила к особняку Свиридовых, караулила, но как бы ни скрывалась — везде наблюдательные камеры, охрана. Через месяц стало ясно: и эта ниточка оборвалась.

Я старалась не заговаривать со Светланой на болезненную тему, не теребить ей душу. А спустя время, закончив учебный год, по обстоятельствам возвратилась в Тбилиси.

Долгое время не было от неё новостей, если бы не эта встреча с Володей, который работал в том же колледже учителем истории. Он и принёс весточку.

— Ты знаешь, я ездил к ней в монастырь, — сказал он, посмотрев мне в глаза.

— В монастырь?? — удивилась я.

— Да. Она сейчас в Богородице-Рождественском, что в центре города, на пересечении улицы Рождественка и Рождественского бульвара. Не узнал её. Стою, жду. И тут подходит одна из них и говорит: вы меня спрашивали… Это был совершенно другой человек, — продолжал он, немного запинаясь, собираясь с мыслями.

— А что в ней было не так? — спросила я.

— Она не была похожа на нас. Она не была похожа на себя. Она была похожа на них.

— На кого на них? — переспросила я.

— Она была похожа на монахинь… Смешно звучит! Но дело не в одежде. У них одинаковое выражение глаз, одинаковая интонация в голосе, даже походка у них какая-то одинаковая — как бы на цыпочках. От той яркой Светланы ничего не осталось, только боль, которую она заглушает там.

— С чего ты решил, что она её заглушает? Может, наконец, знает, что делать со своей любовью, к детям в том числе! И не будь она сильной, не оказалась бы там. Аскеза — не для суетливых. И сердце её в покое, не боится быть отвергнутым. Оттуда Светлана молится за всех, кого любит, и за Артёма.

— Только мне её не хватает, она и в миру всем нужна была, — как-то в сердцах сказал Владимир и после растянувшейся паузы добавил: — Да, всё случилось после Артёма. Светлана чувствовала, как он её зовёт.

— Всё понятно. Она готова была умереть ради него. Возможно — «умерла»… Ну, я хотела сказать, что она молится за него, как если бы была родной матерью. И её молитва и энергия дойдут до него, помогут ему, и так она как бы «умрёт» в нём… — подтвердила я.

— Да. Пусть так. Во всяком случае, это на неё похоже, — сказал он.

Потом Володя сменил тему, стараясь больше не затрагивать настоящее Светланы, и начал расспрашивать о Тбилиси, о делах, о переменах за последние десять лет, а я всё время ловила себя на мысли, что, возможно, он прав: у монахинь действительно одинаковая походка, будто на цыпочках, отличная от мирских женщин, — наоборот, всей силой упирающихся в земную жизнь.

Походка женщины — её судьба…

Сирена

Падали деревья во сне её грядущем…

Странный видеоролик мне попался сегодня на глаза: огромное двухсотлетнее дерево, выдернутое из земли, с толстущими корнями, во весь рост стояло на грузовой барже для перевозки через Чёрное море. По указанию известного грузинского миллиардера оно должно было быть пересажено на территорию сада его резиденции. Видимо, у человека страсть к экзотическим деревьям. Сюрреалистическое зрелище…

Дерево всегда являлось одним из универсальных символов духовной культуры человечества — центральная ось мира, соединяющая Небо и Землю. Древо Жизни… Древо познания Добра и Зла… Такое ощущение, что за действиями миллиардера сокрыто знание. Я вспомнила супругов Жилиных. Они тоже понимали в деревьях! Но это было другое понимание, другое отношение.

Циала познакомилась со своим Николаем в тбилисском Доме офицеров… Как я любила этот Дом! Сколько связано с ним детских воспоминаний, вплоть до запахов фойе, раздевалки, актового зала, буфета, шоколадных конфет, мандаринов! Переодетые в сказочных персонажей солдаты с подарками, приглашённые артисты — заводилы детворы. Разноцветные бумажные гирлянды вдоль длинных коридоров, ведущих из зала в зал до актового, где красовалась нарядная ёлка… Тогда мне казалось, что, кроме новогодних праздников, в Доме не проводилось других мероприятий. Но там всегда действовали библиотека, читальный зал, кружки, различные секции, танцевальные курсы и, конечно же, танцплощадка…

Впервые в Тбилиси из далёкого села Шида-Картлии Циала приехала в восемнадцать лет. Она была родом из простой крестьянской семьи. Высокая, стройная, немного худощавая. Волосы коротко острижены. Светлоглазая, светлокожая.

Училась в экономическом техникуме, была примерной студенткой. Всю свою жизнь затем она проработает главным товароведом на тбилисской мебельной фабрике.

Николай Жилин казался немногим её старше. Чисто внешне — полная её противоположность: невысокого роста, круглолицый, кареглазый брюнет. Курсант Тбилисского артиллерийского училища, офицерскую карьеру начнёт и закончит в Тбилиси, в звании майора. Родом из Рязанской области, города Сосова. Из интеллигентной семьи: мать — заслуженный педагог России, отец — кадровый офицер Вооружённых сил, артиллерист.

В тот судьбоносный день скромный юноша осмелится подойти к молодой грузинке с гордым профилем… Какой это был танец? Вальс? Танго?.. Он навсегда запомнится им обоим.

У Циалы был непростой нрав, но Николаю Ивановичу он окажется под силу: через год, после долгих ухаживаний, сделает ей предложение. Вся картлийская родня будет против непьющего и не умеющего говорить тосты кавалера Циалы, но она справится с сопротивлением — не убеждая, жёстко предупредит родителей: без свадьбы уйдёт к избраннику!

Большую, шумную свадьбу всё-таки сыграют! Та же родня будет произносить красноречивые тосты в адрес дорогого жениха, а русские гости не будут отставать по части выпитого молодого грузинского вина. Напоследок новоявленная свекровь крепко расцелует невестку, наказав беречь единственного сына, и со спокойной душой уедет домой. Уже через месяц Циала с Николаем начнут семейную жизнь в съёмной однокомнатной квартире в Тбилиси, а спустя десять лет — получат трёхкомнатную в военном городке.

Военный городок, построенный специально для семей военнослужащих и работников предприятий военного профиля, состоял из нескольких жилых новостроек, площадок — спортивной и нескольких игральных. Двор и улица на момент заселения были пустынны, не было зелёных насаждений, потому первичной задачей новоизбранного управляющего Николая Жилина станет озеленение округи. В первый же субботник жители городка займутся разборкой саженцев, рассадой, поливкой. Потом поливка превратится в еженедельный ритуал: длинный шланг, подключённый к воде, дежурные по подъездам будут передавать друг другу, как эстафету. Больше всего за этим делом будет наблюдать детвора — брызги, фонтаны воды…

С годами, конечно, энтузиастов, помощников у управляющего убавлялось: офицерские семьи переезжали на новые места службы, а новоприбывшие — не особо активничали. Николай Иванович, Циала и несколько старожилов справлялись одни. Вот тогда-то детвора и прозвала Циалу Сиреной. Из-за её голоса… Поводов ругать у Сирены всегда было предостаточно: то мальчишки, гоняя в футбол, ударят в дерево мячом, то, заигрываясь в игры, испортят кустарники и цветы, растопчут свежеостриженную траву. Она кричала из своего окна на третьем этаже:

— Что творите, негодники?! Это же живые существа! Оставьте дерево в покое! Вылезайте скорее из кустов! — и так далее, и тому подобное.

Застигнутой за преступлением детворе казалось, что у неё везде глаза! В ушах стоял её резкий громкий голос! Потому её не особо любили, побаивались, сторонились. Казалось, она не женщина, а — гроза, молния, сирена!.. А городок тем временем преображался, становился образцово-показательным: деревья подрастали, превращались в высоких красавцев, кустарники, цветы — разрастались, благоухали.

Но наступили девяностые… Брожение в период развала СССР… Офицеры получали новые назначения по службе, спешили продать недвижимость. Двор пустел… Рядом шла война. Появились первые беженцы из Абхазии. Люди, пережившие войну, видевшие горе, потерю родных и близких, имущества, вынуждены были покупать квартиры или занимать пустующие. Были среди прибывших и вооружённые мхедриони[3]. Двор был переполнен оружием! Опасные времена… Но только два человека продолжали жить в собственном мире и, как прежде, если кто-то покушался на деревья и цветы, невозмутимо, без страха кричать:

— Как вам не стыдно?! Что творите?! У вас совесть есть?!

— На войне дети гибнут, а вы тут какие-то деревья «спасаете»! — парировали ей в ответ.

— Кто спасает деревья — спасает и детей! А детоубийце — и дерево нипочём! — жёстко отвечала Циала.

Прошёл и этот послевоенный период. Всё стабилизировалось. Теперь двор стал заселяться третьей волной — жителями из отдалённых районов Грузии, зажиточными и простыми сельчанами, желающими осесть в столице. Одни в городе искали новой жизни, другие — спасались от безработицы, бесперспективности. Но нависла новая угроза: для многих прибывших «горожан», особо склонных к захвату территорий, построение гаражей стало насущной задачей. Деревья стали мишенью на пути реализации их алчных планов. Циала подняла тревогу! Удалось отстоять только часть деревьев, другая — оказалась вырублена. Гаражи всё-таки понастроили!

Именно в этот период у Сирены начнётся кризис: в ту на редкость холодную зиму, поскользнувшись в гололёд, затем — неудачно приземлившись,

3. Члены грузинской военизированной националистической организации.

сломает себе позвоночник. Голос её был слышен всё реже и реже, а вскоре — и вовсе пропадёт.

Николай Иванович её вы́ходит. Поставит на ноги. Но через год — сам сляжет…

Его смерть стала неожиданностью. Циала была безутешна.

— Как же я без Коли?! Не смогу без него! — причитала она.

Так и случилось. В последний период жизни она часто жаловалась, что её преследует один и тот же сон.

— Деревья падают! — рассказывала она. — Падают деревья!..

Николай Иванович и Циала наверняка увиделись бы на том свете… в том самом первом вальсе. Или танго?..

Они кружились бы в такт музыке, как их красавцы, когда подует ветер, раскачиваясь по нарастающему кругу, а затем — успокаиваясь, в небывалом шуме или лёгком трепете наивных листьев, балансирующих при рывках, в полёте за мечтой и вечностью.

А сегодня выдалась небывалая жара. Августовский зной иссушил листву полувековых тополей, и я, глядя на этот жёлтый шебуршащий ковёр, предаюсь созерцанию… Это уже высокие крепыши, разросшиеся до самых крыш девятиэтажек и выше… Да только после просмотра новостей меня передёрнуло. Мало ли кому вздумается выкопать дерево?!

Дерево — это жизнь, энергия, сила… Зачем тревожить дерево? Зачем его беспокоить?..

Д*и*Н симметрия

Николай Тихонов

Праздничный, весёлый, бесноватый…

Полюбила меня не любовью —
Как берёзу огонь — горячо.
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо.

Но не песней, не бранью, не ладом
Не ужились мы долго вдвоём, —
Убежала с угрюмым номадом,
Остробоким свистя каиком.

Ночью в юрте, за ужином грубым,
Мне якут за охотничий нож
Рассказал, как ты пьёшь с медногубым
И какие подарки берёшь.

«Что же, видно, мои были хуже?»
«Видно, хуже», — ответил якут
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою оземь,
Взял табак и сказал: «Не виню.
Видно, брат, и сожжённой берёзе
Надо быть благодарной огню».

Праздничный, весёлый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнём,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днём.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут, —
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1920

Минна Ямпольская

И нет нам ни начала, ни конца…

• • •

Умудрившись прожить наугад,
без расчёта на чёрный на день,
продолжала фиксировать взгляд
над головами людей.

Убедилась, что ракурс сквозной
достоверен, как жест руки,
что намного приятней гулять одной,
мимо и вне тоски.

• • •

Не гляди сквозь толщу льда
ни оттуда, ни туда—
где-то греет, где-то веет,
где-то капает вода.

Кто-то под, а кто-то—над,
но никто себе не рад.
Каждый слышит, как он дышит—
каждый дышит невпопад.

Не ходи сквозь толщу льда
ни оттуда, ни туда—
там ни выхода, ни входа,
ни тропинки, ни следа.

Чья-то память подо льдом,
но о ком-то не о том.
Если свидимся—узнаем.
Если свидимся потом…

• • •

Слаб человек? Слаб.
Горд человек? Горд.
В каждой душе—раб.
Каждой спине—горб.

Глух человек? Глух.
Слеп человек? Слеп.
И надо всем—дух.
И подо всем—хлеб.

Ты их любил? Да.
Ты им простил? Нет.
Каждой зенице—звезда.
В каждой душе—след.

• • •

Очень тихо пережить осень,
после молча переждать зиму,
говорить, когда о том просят,—
покивала и прошла мимо.
Дальше—больше: на два дня—пачка,
три затяжки—и хорош, тушим.
И ещё. Не заедать сладким
диетический—тоска—ужин.
Доживаем до весны, значит.
Для чего—не поняла, надо.
А на кухонном столе—пачка,
и конфетой закушу, падла.

• • •

Была хоть счастлива?
Была.
Я выбираю только это—
проявленные кадры света,
засвеченные кадры зла.
Услуга сверху—дар забвенья,
так просто, как дыханье, пенье,
в стихе любимая строка,
пусть остаётся только это—
проявленные кадры света,
и не иначе—только это:
проявленные кадры света,
засвеченные кадры зла.

• • •

Любила ветер?
Очень.
Плыл «Метеор» по Волге,
и я, держась за поручень,
Макарий проплывала.
Какой был ветер,
Боже мой!
Плыл «Метеор» по Волге,
и я, держась за поручень,
как видела, так помнила:
плыл над водой Макарий,
а я, держась за поручень,
счастливая, безмозглая,
и ветер, ветер!

Причудлив мир, в котором нету грани
меж мёртвым и живым.
Мы рядом. Мы—насквозь.
Мы движемся на ощупь и кругами
внутри гудящей сферы, по программе,
когда поймут—окажется простой.
Не отрывая глаз, не отводя лица.
И нет нам ни начала, ни конца.

Линялая картинка на стене.
Прогнозы лгут, но обещают снег.
Мир зыбок, и раскачивает зыбку
младенец, и губами ищет мать.
И если слечь всерьёз—уже не встать.
Глаза глядят сквозь прорезь полой тыквы,
и зеркало не хочет больше лгать.

ДиН стихи

Ольга Гладких

Женщина пишет стихи

Ночью мороз украдкой
Наносит на окна штрихи.
На кухне в простую тетрадку
Женщина пишет стихи.

Много успеет за день,
Будни её нелегки.
Есть для души отрада—
Женщина пишет стихи.

Инеем белоснежным
Припорошило виски,
Но про любовь и нежность
Женщина пишет стихи.

Пусть уж давно на пороге
Смолкли родные шаги,
Обиды забыв и тревоги,
Женщина пишет стихи.

Строчки—нитью из сердца,
Вьются слова-узелки.
Самозабвенно, как в детстве,
Женщина пишет стихи.

Евгений Черников

Простая нить

* * *

Мир состоит из маленьких вещей,
из пропасти занятных мелочей:

крупиц, песчинок, зёрнышек, пылинок,
и росных капель, и тугих былинок;

из тех кровинок, что мой нос пролил,
когда с соседом парту я делил;

из юрких, будто ящерки, минут,
которые сквозь пальцы прошмыгнут.

* * *

Облетает яблоневый цвет.
Вянет одуванчиков букет,
спозаранку собранный мальчишкой.
…А вчера про смерть попалось в книжке:
как поверишь, если смерти нет,
если на дворе—звенящий полдень,
а в плетёнке—банка молока,
если дед тебя на плечи поднял,
и хохочешь прямо в облака,
если бабушка сварила кашу
и в окошко кличет на обед,
а на лето вновь приедет Маша?..
Облетает яблоневый цвет.

* * *

Проснулся, и сердце болит,
не за себя—за других,
и плачу, не зная молитв,
и ветер в деревьях тугих,
и снегом засыпан двор
по самое не могу,
и кровоточит «ворд»,
когда по нему бегу.
Жена и сынишка спят,
не помня своих обид,
и ангелы их хранят.
О чём же сердце скулит?..

* * *

Собирали с бабушкой цветы,
провожали солнце золотое—
эта память дорогого стоит:
посреди житейской темноты
осторожным лучиком ведёт,
не даёт душе осатаниться;
как же страшно, если пропадёт
бытия начальная страница!..

—Часики,—гвоздику назвала,
и кипрей Иваном окрестила.
На руки, сердечная, взяла.
Ласточкой на волю отпустила.

* * *

Вспоминаю до сих пор:
вышел маленький во двор—
и в глазах от солнца змейки,
а старухи на скамейке
деревенскую поют,
мне конфеты подают.

И у самой старой прялка
потемневшая в руках.
Мне старуху эту жалко—
нить выходит в узелках.

Кабы знать, что это значит,
кабы ведать наперёд,
почему окошко плачет
и картошка не цветёт!

…Врут проклятые приметы,
и поэты тоже врут,
что России больше нету,
что старухи перемрут,
детство сладкое растает,
утечёт в мирской бардак…

Вьётся, вьётся нить простая
и не кончится никак.

* * *

Вспоминаю свой весёлый дворик,
карусели вечное вращенье…
Не опишет ни один историк
родниковой тайны возвращенья.

Через годы—к солнечным истокам,
к «ножичкам» и пряткам у сарая.
И соседи выглянут из окон,
будто их вернёт земля сырая.

В памяти, как в стёклышке заветном,
зеленей трава и небо выше.
Тридцати с лишком—четырёхлетним
я сегодня на прогулку вышел.

* * *

Ходики, а рядом—календарь:
мишка забирается на ёлку.
Дедушка читает «Комсомолку».
Я пытаюсь одолеть букварь:
—Ива, искра, иволга, иголка…
Спрячу за диван—и вся недóлга!
Будущее—данность, а не дар,—
думал я. Исеть впадает в Волгу.

Не заметил—опустилась гиря,
и медведя сняли со стены…

И чужие люди в той квартире,
и на картах нет родной страны.

* * *

Сентября печальное тепло
через край небесный потекло,
и живу, согретый только им—
неземным дыханием Твоим.
Однодневкой-бабочкой кружусь—
ни на что я больше не гожусь.
Принимаю как последний дар
слóва настоявшийся нектар,
и гудит хмельная голова…

А наутро—снег и минус два.

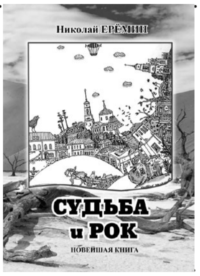
* * *

Холодную вишню снимаю,
сминаю сухое быльё,
и ветка маячит немая:
кончается лето твоё.

Такое в саду запустенье,
что впору сказать: забытьё,—
и клонятся долу растенья:
отмерено время твоё.

Победою мнил пораженье,
а правдой—слепое враньё,
но в блюдце сияет варенье.
Не вечно и горе твоё.

ДиН ревю



Николай Ерёмин

Судьба и рок

Красноярск: «Литера-Принт», 2019

Слова и цифры

Тебя спасают логарифмы?
Меня спасают
Бога рифмы…

От слова к цифре
Каждый год…
От ритма к рифме—
И наоборот!

За слогом—слог,
К строке—строка,
Сейчас, дай Бог,
И—на века!

* * *

В ночи, светясь, метеорит
Откуда
И куда летит?

Днём, на поверхности земной,
На миг
Случайно ставший мной…

Чтоб
Без особого труда
Зарыться в землю
Навсегда…

Сергей Хазанов

Жестоковыйный час

Souvenirs

Жизнь бесконечна, сроки наши кратки.
Как ни крутись, но на исходе дня
Одни воспоминания в остатке—
Единственная собственность моя.

Металл, что ни мехов, ни ожерелий,
Ни хлеба, ни лекарств и ни воды,
Ни табака, ни крыши, ни постели
Не купит. Не укроет от беды.

От лести вялой, дружеских наветов,
Навязанных и вожделенных пут,
От яркой тьмы, зияющего света
Воспоминанья, к счастью, не спасут.

Вдову не обнадёжат, гор не сдвинут,
Старения не знают и конца,
Зато, подобно драгоценным винам,
В цене растут по дням и по сердцам.

Судьба взывала шёпотом, набатом,
Но глух и слеп был к истинам благим:
Лишь тем богат, что раздарил когда-то,
И жив, покуда памятен другим.

Жарой февральской, августом морозным,
Через мечты, эпохи и моря
Воспоминанья, как любовь и воздух,—
Единственная собственность моя.

Мы плакали

На реках Вавилонских…

Растает суета, как воды вешние…
Мне столько зим, что видятся во снах
Родни моей стенанья безутешные
На тех, на вавилонских, берегах.

Молиться и мечтать мы были избраны,
Но обернулась бойней благодать,
И из Толедо, как из рая, изгнаны
В иных краях убежища искать.

То верою ведóмы, то погромами,
К земле нас гнули, мы тянулись ввысь,
Германскими и польскими просторами
До матери-России доплелись.

С ней столько было прожито и пройдено,
Но на изломе судеб, мест, времён
Швейцарский санаторий нынче родина,
Питание, покой и сладкий сон.

Жизнь—крестный путь от будущего к прежнему.
Не потому ль являются во снах
Младые слёзы, звонкие надеждами,
На розовых московских берегах?

Младые слёзы, звонкие надеждами,
На тех, на вавилонских, берегах.

Казино

Полдня ушло, как будто бы полжизни,
Как полтысячелетия в песок,
Их замыслам, делам, триумфам, тризнам
Ни места не нашлось, не вышел срок.

По счастью, есть в запасе и другая
От жизни долька радостей и бед,
Куда б ни заносила нас лихая
Фортуна, обгоняя тьму и свет.

По счастью, есть чудесное мгновенье,
Чтоб камни разбросать, едва собрав,
Сбивать мозоли, наслаждаться ленью
И сомневаться, если трижды прав.

И, разойдясь, судьбу пустить на ветер,
И выстоять в жестоковыйный час,
Когда одним щелчком взрослеют дети,
Чтоб дальше полететь уже без нас.

А нам вступать в итоговую фазу,
Где снится на покое вечный бой,
И счастье, по философов наказу,
Хотя б немного разбавлять бедой.

И падать, и вставать, смеясь и плача,
И дальше жить, ладонь храня на лбу,
Как в казино, где каждый неудачник
Переломить надеется судьбу.

Чушь

Кого я призову в последний миг
Счета сводить иль попросту обняться?
Потухла рампа, гул подмостков стих,
И я схожу со сцены, чтоб остаться.

Останутся семья, друзья, враги,
Ученики, плоды трудов научных
И, если повезёт, две-три строки,
Естественно, совсем не самых лучших.

Но пропадут: влюблённость школьных лет
И липкий страх шпаною быть избитым,
Мехмата МГУ отцовский свет,
Разборки у семейного корыта,

Сестры потеря, вслед за ней — отца,
Детей приход, читателей признанье,
И опыт горький, как вода с лица,
И с Родиной, как с юностью, прощанье,

И этот сплав судьбы, воды, огня,
И страсти эмигрантской одиссеи,
Другая жизнь, семья и колея,
Другие годы, что бегут быстрее.

Всё сгинет: что нахапал, что раздал,
Что заработал, получил как милость,
И та слепая ночь, глаза в глаза, —
Всё то, что описать не получилось.

Ах, если б к детям пара строк моих
Проникла чудом в уши, в души, в двери!..
И даже к старшим, от подруг былых…
Такая чушь, но как приятно верить.

Незавещное

Спасибо, жизнь, за всё: за эту старость,
Где книги, звёзды и заросший сад,
И память обо всём, что мне осталось, —
Январский зной, июльский снегопад;

За завтра, где смышлён, хотя и молод,
И дням счастливым не видать конца,
И дети юны и послушны снова,
Внимая знаку каждому отца;

За прошлое поклон, за эту милость
Слова ценить не меньше, чем дела,
За ту любовь, что, к счастью, не случилась,
За ту, что прямо к счастью привела;

За радость, что с бедой делила ложе,
За строки, что витали между строк,
За лишний день, что, всех былых дороже,
Фортуною подкинут на порог;

За миг, что растянулся на два века,
За лжи бальзам и откровений яд.
Там явь как сон. Там ночь, фонарь, аптека.
Там книги, звёзды и заросший сад.

Экзистенциализм

Мы философии учились не за книжками,
За всё брались, пускай ни в зуб ногой.
Усвоил через синяки и шишки я,
Что не Господь судья нам, а Другой.

Что, как у Сартра мраморно изложено,
Мы есть, когда Другой на нас глядит, —
Костьми ложимся, и душой, и кожею,
Гордыню ощущая, страх и стыд.

Тасует Время встречи с расставаньями,
И каждый день — хвали́м, гони́м, люби́м, —
Как первоклассник, с сердца замиранием
Оценки жду, поставленной Другим.

Ах, этот взгляд-рентген, эфирный, каменный,
Кто Вы, Другой, — чужак ли, недруг, брат?
Хранитель мой, Фортуною поставленный?
Мой Чёрный Человек, мой рай и ад?

Жил, к лишнему стремясь и нужным жертвуя,
К вершине шёл ведущей вниз тропой
И подражал Другому столь усердно я,
Что есть надежда даже стать собой.

Забег

Вот так, не цени́м и не понят детьми
И миром (враги — исключение),
Листаю придирчиво годы свои
С большим неудовлетворением.

Мои современники с первого дня
С удачей дружны и с победами,
По полной программе они (без меня)
Признанье и счастье отведали.

Я рвался из кожи, из жил, из оков,
За ними стремясь, преуспевшими,
Нажив в результате и тьму синяков,
И зависть, давно потемневшую.

Года нанесли слой культурный морщин,
Я брёл колеи своей пленником —
И вдруг осознал, что в забеге один,
Сошли уж давно современники.

Как сладко шагать на своих на двоих,
Поняв, что не понято многое,
Что первый, поскольку последний в живых,
Хотя неизвестно, надолго ли.

Тщеславия крылья возносят ко дну
Сквозь хохот и шиканье зрителей.
Потерь не считаю, одно на кону —
Подольше побыть победителем.

И, жизнь, словно пьесу, играя с листа,
Хмельным от росинки от маковой
Сизифом карабкаться на пьедестал
По лестнице лунной Иакова.

Денис Балин

Не молчи, река…

* * *

Так выходишь на улицу, словно простой человек,
и немеет во рту алфавит, как зима онемела.
Говорить просто не о чем. Падает. Падает снег.
И не хочется ставить слова, заполняя пробелы.
Закрываю глаза и губами ищу кислород,
удаляю из памяти даты, события, лица.
Там за окнами много людей, там людской огород:
кто сорняк, кто укроп, кто волшебный цветок, кто убийца…
Так кончается день, полный всякой пустой чепухи,
задыхаются буквы и тут, твоя «песенка спета».
Я люблю наблюдать, как беспомощно гибнут стихи,
не хочу ни о чём говорить, да и незачем это.

Ноябрь

Вот как-то так, из маленького слова
рождаются стихи, совсем как люди.
Ржавеет лес, над ним луны подкова
и столько звёзд, что их считать не будем.
Мой страшный сон—нашествие глаголов
без падежей, без точек с запятыми,
пока с востока полчищем монголов
шагает ночь по облакам пустыни.
Как в ноябре, забыл, числа какого,
родился я, крича на всю палату,—
возникнет звук, от слова будет слово,
родится стих без имени и даты.
Наступит день и никого не спросит,
пожар звезды окно моё согреет,
но вдруг прочтёшь стихотворений осень,
а в них—дожди то ямбом, то хореем.

Октябрьский отрывок

Осенним хламом старый парк пропах,
лежит в ногах, как тело нелюбимой,
а люди, словно слухи, ходят мимо,
и слово замерзает на губах,
что в обществе не всяком допустимо.

Октябрь сегодня, бархатный сезон,
искрит листва и холодно, и дымно,
зима близка, её повсюду видно,
а день летит, как юность или сон,
и мне то цукербергерно, то крымно.

Девятое мая

Зачем мы проводим парады
и память храним о войне?
Об этом со мною не надо,
не надо об этом при мне.

Они говорят, что все беды
в чинах, посылавших войска.
Они говорят, что победы
цена чересчур высока.

Они говорят: посмотрите,
могли бы отдать Ленинград,
Париж пощадил победитель,
а мы не жалели солдат.

У нас территорий немало—
куда нам так много земли?
Могли отступать до Урала…
Могли бы… Могли бы… Могли…

Но где бы и кем бы вы были,
а может, и вовсе без вас
на свете другие бы жили
в другом государстве сейчас?

Представьте, что сдали друг друга,
врага о пощаде моля.
Представьте, что нет Петербурга,
кресты вместо звёзд у Кремля.

Представили? Я не могу так,
сжимается сердце внутри.
Зачем… Для чего… Почему-то…
Не надо при мне говорить.

Не надо об этом, про это
не дуйте протяжно в дуду.
Я тут, потому что Победа
была в сорок пятом году.

● ● ●

хорошо жить у моря если оно не Балтийское
на краю континента в южных краях
пить тропические коктейли рисовать на песке
заглядываться на мулаток и мечтать о тени
где небо весь год синее а не серое
и дождь только по праздникам словно подарок
ценил бы я это родившись ближе к экватору
где-нибудь на берегу тёплого океана
если хорошо притвориться и немножко выпить
то кажется всё не таким уж печальным
так прекрасен рассвет в тишине ленинградских болот
так уютен закат на блюдечке Финского залива
так радостны люди в утренний час пик

● ● ●

Холодно в нашей провинции, с плюса на минус
падают градусы, ветры то тихо, то хором,
облако дождь бесконечно спускает на город.
Брошу подругу, как НАТО беспомощный Вильнюс.
Сколько себе обещал переехать отсюда
в домик у моря с бесплатным вай-фаем соседским,
где по утрам от похмелья, как вымысел детский,
местность похожа на тушу большого верблюда;
пальмы и ветер, что южный, что северный, тёплый,
трудно дышать от жары и совсем не до пляжа.
Знаю, не нам делать выбор участка, где ляжем,
чьи соберутся у гробика грустные воблы.
Лето. Балтийское море селёдочным блеском
радует глаз, висят бесполезные чайки.
Дома под утро снимаешь китайские «найки»,
сном забываешься мерзким.

● ● ●

Месяца жёлтый кусок,
звёзд синяки-огоньки.
Спрятались в чёрный мешок
грязных домов сапоги.
Если случится рассвет,
вдруг загорятся дома:
окон безлюдный скелет,
спальных районов тюрьма.
Люди очнутся от снов,
сплетнями вдаль разойдясь;
стрелки старинных часов
делят арабскую вязь.
Господи Боже! Храни
всех потерявшихся тут—
в спальных районах страны,
где они так и умрут…

● ● ●

Говорил реке и сжимал в ладони:
ты откуда, река? кто в тебе утонет?
Говорил реке: не молчи, река.
Но текла река, что в строфе строка.

И я плыл по ней от истока к устью,
говорил реке: отчего так пусто?
у каких берегов остановишь бег?
Но молчала река и глотала снег.

● ● ●

Среди ежедневного хлама
и жизненных передряг
под байки Омара Хайяма
в быту умирает варяг.
Себя узнаёшь по поступкам,
в накопленном впрок барахле,
по задранным некогда юбкам,
по истине в крепком бухле.
Так крутится наша планета,
судьба выдаёт виражи,
а время летит, что ракета,
в которой ты лишь пассажир.
Года коротки, что реклама,
а мы в ней играем бродяг,
среди ежедневного спама
и жизненных передряг.

Русское поле

Тут можно рубли не менять,
не прятать во рту глагол.
Мы будем за них умирать—
поля, где бывал монгол.
Ты Бога в ночи попроси:
пусть Он не забудет про нас
в бескрайних просторах Руси,
где чёрное небо и квас.
Мы веруем в чудо всерьёз,
своих избираем вождей.
Нас кутают зимний мороз
и летняя зелень полей.
Берёзовой зебры стада
стоят через ямы дорог,
их давят вокруг города
подошвой бетонных сапог.
Вот милая Родина—дом,
вот церковь моя, а вот крест.
Сыграй мне сегодня о том…
Сыграй мне, военный оркестр.

* * *

Расскажи о себе, всем так важно чего-нибудь знать.
Расскажи о делах, сколько впрок накопил ерунды.
На висках седина, «что там ждёт» вопросительный знак,
и до пенсии дальше ты, чем космонавт до звезды.
Расскажи свои планы подробно—порадуй людей.
Расскажи про холодную зиму и медный грош,
что плей-лист не менялся годами, как лица вождей,
что грустишь о былом (вот сейчас ты, наверное, врёшь).
И, казалось, родился с одной, умираешь с другой—
всё по плану, ты знаешь манёвры, ходы наперёд,
но посмотришь назад—а эпоха, идя стороной,
завернёт в шаурму и сожрёт.

Если мне наливают до края—то выпью до дна,
тут так принято, можно не брать никого на понт.
Это лето, когда так прекрасно смотреть из окна
на мой двор, с Горбачёва не знавший ремонт.

2020

1.

Мы вчера обещали друг другу и каждый себе,
что отныне всё будет красиво, как в песнях «Любэ».
И не важно, где Белое море, Камчатка и Крым,
мы терпели и пели не в такт с «Огоньком голубым».
Мы отважно шагали по лужам, искали сугроб,
мы до драки боролись за тосты и пили взахлёб.
Потому что отсутствовал снег и скольжение льда,
Дед Мороз прилетел, но не смог улететь никуда.
Веселился народ, а наутро был в горле цемент,
и не помнил никто, что же там говорил президент.
Я в монгольской степи добывал для тебя ярлыки,
и товарных прилавков хрустели везде позвонки.
Был дождливым январь, что, казалось, какой-нибудь Ной
строит плот из сибирских лесов вперемешку с золой.
Из бойниц балаклавы, с прищуром короткого дня,
Новый год, оливье доедая, смотрел на меня.

2.

Допивая из последнего стакана,
мы гадали на январскую жару,
в чём отличие Ирака от Ирана,
и жалели австралийских кенгуру.
Недоеденными гнили мандарины,
а в карманах—предпоследние рубли,
мы неделю проводили так едино,
как до этого не каждый день могли.
Не хотелось возвращаться из запоя
с потолстевшим послепраздничным лицом
в государство с политическим застоем,
без тарелок с оливье и холодцом.
Поприветствовав две тысячи двадцатый,
похмелившись наспех кофе и водой,
на работу хмуро шло по банкам смятым
мясо пушечное Третьей мировой.

Ирина Иваськова

Куриная слепота

1.

Выезжали спозаранку. Новая хозяйка квартиры глядела с любопытством—и на аккуратные чемоданы, и на рюмочку с корвалолом, и на заплаканное материно лицо. Мать пустилась было в беседу—объясняла, что раковина на кухне иногда капризничает, а полпакета стирального порошка, хорошего, дорогого, остались в ванной, но под Катиным взглядом осеклась и умолкла. Жаркие солнечные квадраты, вплывающие в окна по утрам, отправились в свой ежедневный путь от подоконника до стены, отмеряя время от завтрака до полудня, чтобы исчезнуть в тихий обеденный час уже на чужих, равнодушных глазах. Хлопали двери на сквозняке, лился в комнаты привычный уличный шум, и таксист, вошедший без звонка и стука, подхватывал чемоданы с такой лёгкостью, словно были они совсем пустые.

Усевшись на детское одеяльце, зачем-то расстеленное водителем на заднем сиденье, мать закрыла глаза, чтобы не видеть, как движется рядом с автомобилем знакомый до кочки двор—с недоумением, прощаясь, прячась где-то за спиной, в полутёмном закоулке памяти, отведённом для ушедшего и потерянного. Потом стыдилась залитых слезами щёк, встряхивалась, шумно рылась в сумочке, доставала то расчёску, то зеркальце, то бутылочку с кипячёной водой. День выдался дивный—чистый, будничный, простой; такси летело легко, минуя светофоры без задержек, и быстро, очень быстро вырос впереди острый, похожий на огромную зубочистку шпиль вокзала.

Двигаться на юг ранней весной хотелось немногим—и оттого ленивый длинный поезд оказался полупустым и тихим. Ветер резво гонял сухую пыль от путепровода до перрона, и казалось, что нет и не может быть никакой трагедии в отъезде—а только обыденность, только скука.

—Надо же,—сказала мать, войдя в купе,—не повернуться. Как же мы тут три дня?

Вагоны задрожали и дёрнулись, заплясало в окне узкое полотно занавески, и заработало неведомое раньше ни Кате, ни матери железнодорожное волшебство: стенки купе будто раздвинулись, а потолок поднялся. Мать зашелестела, засуетилась, закрутив возле себя небольшой смерч из постельного белья, пакетов и пузырьков.

—Главное—добыть кипятку,—бормотала она,—и не пропадём. Веник бы... Хотя погоди, я же щётку складывала. Ноги подними-ка.

Где-то гремели чем-то железным—будто миски падали в тазы, а за оконным стеклом мелькали неяркими пятнами невысокие зданьица, построенные невесть для чего в каждой полосе отчуждения и всегда пустые.

—Ох, хосподи...—сказала мать, завершив хозяйственную возню.—Едем, значит.

Хотела было всплакнуть, но, опередив её, в соседнем купе зарыдал ребёнок—отчаянно, во весь голос, и мать только вздохнула, мгновенно перейдя от жалости к себе к сочувствию неизвестному дитяти и его родителям.

—Маленькому-то в такой тесноте...—прошептала она и мысленно перебрала содержимое упрятанного под полку пакета с припасами.—Ты, Катюш, прикорни тут. Не спала ночь, наверное. А я схожу, погляжу, не надо ли чего.

И ушла, прихватив шоколадку.

Прошедшей ночью Катя и вправду не спала—дремала, не погружаясь в сон, а словно спотыкаясь, падала в неглубокие сонные ямки и тут же просыпалась—в гулкой, лишённой мебели комнате, ворочалась, пытаясь угнездиться, то мёрзла, то задыхалась от дурной, тревожной испарины. По-хорошему, при бессоннице положено было будить мать, и та, охая, прихрамывая, плелась на кухню, кипятила воду, кидала в чашку сухие щепотки—что там положено кидать, надо бы запомнить, наконец. Меленькие, колдовские движения, то ли шелест, то ли перезвон, шорохи и постукивания, а потом тишина и жёлтый спокойный свет, падающий из кухни на тёмные дощечки паркета. В этом безмолвии распускалась в чашке сухая травка—вспомнила! чабрец!—и таяла, уходила от Кати злая, осой жужжащая тоска. Два глотка горечи—и сможешь спать.

Но прошедшей бессонной ночью, пустой, последней ночью на старом месте, будить мать Катя не стала—сражаться с бессонницей было бы нечем. Ситечко, серебряная солонка в виде уточки, чайники—большой, маленький и средний, кастрюли, ковшики и черпаки, переложенные газетными листами тарелки, чайные чашки, мраморная ступка,

супница в золотых цветах, никогда не использующаяся для супа, но хранящая в своём фарфоровом нутре тоненькие книжицы с рецептами сладостей и солений,—все эти хрупкие обитатели кухонных шкафчиков уже позвякивали в темноте грузового вагона, пущенные в новую жизнь прежде своих владельцев.

Теперь и сама Катя неслась, покачиваясь, по рельсам, следом за домашними пожитками—содержимым двух комнат, балкона и кладовки, вспоминая, какой обиженной, униженной и обнажённой выглядела вся эта комнатная утварь во время погрузки и упаковки. Глупые мысли, бессмысленная жалость—саму-то Катю некому жалеть. И разве уснёшь тут, пусть и утихомирилось ревевшее за стенкой дитя?

Мать вернулась через полчаса, укоризненно покрутила головой и изрекла неожиданное:
— Везучие мы с тобой, Кать.
— С чего это?
— Да вон ребята туда-сюда мотаются, да с дитём ещё. От войны бежали. С юга—на север, не прижились, теперь с севера—на юг. У нас и паспорта, и полис—если что. А у них права птичьи—то ли беженцы, то ли непонятно кто. Я им про нас чуток рассказала, что продали мы всё и тоже вроде как бежим. Но разве мы *так* бежим, Кать?

Слушать про беды незнакомцев Кате не хотелось, и она отвернулась, вслушиваясь в тяжёлый, с усилием, перестук и улавливая лишь отрывки из материного бормотания: «Мальчику-то лет шесть, не больше… и ни дома, ничего не осталось… до сих пор стреляют… отец на руинах остался, в сарае живёт… в саду и яблони были, и вишня… сама-то опять беременная… и попивают, похоже… малыша жалко, не родился ещё, а уже несчастный…» Собственная беда по сравнению с чужой казалась Кате и важнее, и горше—пусть и совестно было бы сказать об этом вслух, но себе самой-то можно и не врать. А мать—бесхитростно, просто—от страшной, но исключительно чужой безнадёжности вдруг почувствовала себя счастливой, и стыдно ей от этого счастья не было, а только жаль было, очень жаль, что так в жизни выходит. И она представляла себе, как могла бы бежать с Катей от стрельбы и взрывов—непременно ночью, ведь большая беда всегда приходит в темноте, и бежали бы непременно налегке, ничего бы взять не успели, а теперь бы ехали, пугаясь каждого стука и голоса, и каждый мог бы их обидеть и прогнать. «И ни помыться, ни поспать…»—думала мать, всё покачивала головой и бормотала:
— Это ж надо же как…

Мать была совсем не старая, но уже давно усвоила себе манеру старческую, пожилую—в беседе, в домашних хлопотах и в том, как осторожно, бережно носила своё тяжёлое тело. Так было и проще, и хитрее: мать словно бы обманывала судьбу, жестокую к молодости и цветению, но равнодушно проходящую мимо отцветшего и поношенного,—не закрашивала седину, говорила тихо, даже после недолгой прогулки спешила прилечь, платья выбирала широкие да потемнее, а на людях частенько прикладывала руку к груди и замирала, вслушиваясь и шевеля губами. В своей полноте мать чувствовала себя уютно, безопасно, будто тело окружало её—настоящую, невидную—надёжным, никому не интересным убежищем.

Ребёнок в соседнем купе опять заплакал, и завизжала следом за ним женщина. Упало на пол что-то тяжёлое, что-то завозилось и забилось. Шарахнуло дверью, и визг стал невозможно высоким, прервался, и посыпались вместо него слова—но ничего понять в них было нельзя, перемежающиеся резкими, короткими ударами, словно колотил кто-то в стенку кулаком.
— Что ж это?—мать смотрела на Катю растерянно.—Поубивают сейчас друг друга. Малыша напугают. Может, полицию надо? Где проводники-то?
— Да сиди ты, не суйся,—раздражённо оборвала её Катя.—Тебе ещё достанется. Сами разберутся.

Разобрались и вправду быстро. Женщина умолкла, а ребёнок всё рыдал, и казалось, что плачет он не за стенкой, а совсем рядом. Мать осторожно отодвинула дверь и ойкнула: мальчик сидел на красном коврике, подняв к ней мокрое лицо и растягивая губы скобкой—углами вниз.
— Ну-ка давай-ка сюда,—скомандовала мать.

Он ловко, как змейка, скользнул мимо неё, и опрокинутая скобка тут же исчезла с его лица.
— Как тебя звать? Голодный? Ну, ничего, ничего, всякое бывает. И часто у вас так? Страшно тебе?—мать сыпала вопросами и суетилась: влажными салфетками вытерла мальчику лицо и руки, высыпала на столик кучу мелких свёртков—с бутербродами, печеньем, аккуратно нарезанными яблочными дольками, вафлями и конфетами.

Мальчик представился Петей и угощение принял охотно—держал всё предложенное двумя руками и грыз быстро, дёргая носом на беличий манер. На остальные материны вопросы отвечал неохотно, пожимал плечами и хмурился. Вытянула мать из него лишь возраст: оказалось, что ему не шесть, а целых восемь лет, и очень хотел он, чтобы появился у него брат, а не сестра, потому что девчонка никак ему не подойдёт, а брата можно всему научить, и будет куда веселей.

Поезд тем временем въехал в сумерки, заспешил в сторону ночи, и мать сдвинула оконные шторки, закрыв тревожный профиль горизонта, выведенный на бесцветном небе чёрной тушью.
— Ложись, малыш, ложись. А вот я тебе простынку домашнюю постелю, нечего на этих казённых тряпках спать,—и мать взмахнула перед Петей ситцевой, в цветочек, тканью.

Катя, недовольная неуместной материной добротой, забралась на верхнюю полку и глядела оттуда укоризненно и сурово, но потом уснула—на удивление быстро и легко.

— И ты спи,—мать робко дотронулась до лохматой Петюниной макушки—погладить не решилась.— Завтра пораньше разбужу тебя, твои, небось, уже угомонятся, да и пойдёшь к ним.

Соседнее купе молчало—словно и не было там никого. Поезд замедлил ход, а после остановился. Мать слушала, как хрустят под чьими-то шагами камешки, как переговаривается с кем-то кто-то неведомый—негромко и печально, и сама опечалилась оттого, как равнодушно льётся в окно яркий огонь фонарей. Но прошло лишь несколько минут, и снова дёрнулись вагоны, уплыл в темноту фонарный свет, а поезд разогнался, качая лежащую мать из стороны в сторону. «Как младенца качает»,—улыбалась она про себя. Хотела было вспомнить, как укачивала маленькую Катю, но вместо этого подумала о Пете: «Надо ему с собой ещё шоколадок, да конфеты ещё где-то были…»

Проснулась она от тихого движения, несоразмерного ни вагонной качке, ни сну,—где-то под ней, по самому полу, двигалось что-то маленькое, тёмное, и мягко ехала из-под её головы подушка—туда, под голову, мать уложила сумочку с документами и кошельком.

Скосив глаза в сторону, мать увидела пустую, устеленную ситцевыми цветами полку и заговорила туда, вниз, к полу, внятно и неспешно:

— Петюнь, да там рублей пятьсот, не больше. Я забоялась деньги брать в поезд, ехать-то всего три дня—чего покупать-то? Лучше еды побольше взять, правда?

Маленькое и тёмное замерло, потом шмыгнуло носом и спросило:

— И карточки, что ли, нет?

— Нет, что ты, не люблю я их. Только сберкнижка, но по ней без меня никак не получишь. Ты с пола-то встань, простудишься. Может, поспишь ещё? Или конфет хочешь?

Темнота молчала, и мать сжалась, ощутив вдруг остро и болезненно собственную крупную тяжесть и подумав, что сейчас её надёжное телесное убежище защитить свою владелицу никак не сможет, ведь грозит ей не взгляд и не слово. «А если нож у него? Кричать? Катя испугается…»

— Я пойду,—сказала темнота,—а ты за мной закрой на замок. И не пускай больше никого, дура,— ругательство вышло беззлобным и даже ласковым.

Дверь скользнула в сторону почти бесшумно— открылась и закрылась; мать, унимая дрожь, щёлкнула замком, улеглась, укуталась было одеялом, но тут же села и нашарила ногами тапки. Поезд снова умерял ход, серый утренний свет забрезжил меж занавесками, задвигались, а после остановились за окном острые длинные тени. Мать встала, глянула на крепко спящую Катю, достала из-под подушки не добытую Петюней сумочку, накинула куртку и вышла в ледяные, весело пляшущие сквозняки коридора.

Соседнее купе было открыто, сердитый проводник сдирал с полок бельё и одеяла.

— Где ж соседи-то наши?—спросила мать.—Погулять, что ли, собрались? А мы долго стоять будем?

— Техстоянка один час. А эти ночью ещё вышли,— ответил он и отвернулся.

— А мальчик как же? Они ж беженцы—куда ж они?—переполошилась мать.

— Да какие беженцы? Врут для жалости, а вы слушаете. А пацан только что смылся, ещё и чай весь спёр, засранец.

— А если потеряется он? Может, в полицию?

— Женщина, знаете что…— начал было проводник, но умолк, махнул рукой, и по лицу его читалось, как ненавидит он и это раннее утро, и мятые простыни, и мальчиков, и пожилых надоедливых толстух…

Выйти из вагона мать не решилась. Она стояла, крепко держась за поручень, и глядела на усыпанную светлым гравием дорогу и небольшой пруд, окружённый сухими изломанными стрелами камышей. Зябли в воде деревянные мостки, где-то далеко лаяли собаки, а колкий утренний холод марта даже не обещал весну.

Мать подумала, что пруд, и тёмные дачные домики, и прошлогоднюю траву—всё это скучное, простое—она не увидит больше никогда; что через пару месяцев здесь будет зелено и шумно, а она никогда больше этого не увидит. И ей вдруг захотелось зашагать прямо в тапочках по дороге, чтобы камешки скользили под ногами, пройти по дощечкам мостка и опустить в холодную воду кончики пальцев, обернуться, посмотреть на медленно трогающийся, набирающий скорость поезд, а потом остаться совсем одной.

2.

«Колдуй, баба, колдуй, дед, колдуй, серенький медведь…»—напевала мать, глядя в сердитое личико дочери; ишь, головёнка с кулачок, а такая серьёзная.

Страшно матери не было. Смутить её, помешать ей никто не мог: Катюшин отец, допущенный в дом даже не по слабости женской, а случайно, никогда больше материных порогов не переступал; а родни никакой в живых у неё уже не осталось. Некрепкий был её род, непрочный: всё болели, пропадали где-то, выбирая дороги самые неудачные, и что хуже всего—переносили выпадающие на долю несчастья смиренно, без борьбы. Одна мать вышла покрепче и даже грузностью своей отличалась от остальных—тонкокостных и сухоньких. И теперь нахмуренный младенческий лобик радовал её до слёз: сердится—значит, жить будет хорошо, прочно.

«Колдуй, баба, колдуй, дед…— пела мать, пряча в шкаф тёплые от утюга бельевые стопки,—колдуй, серенький медведь…»—шептала, оглядывая перед сном свой беличий припасливый мирок.

И хоть ведуний или, упаси Бог, знахарок среди покорных судьбе материных родичей не водилось, своим шёпотом и мелкой ежедневной суетой сплела она чудную, никому не видимую сеть—колдовскую, не иначе.

Сначала, конечно, было неловко: дочь вплыла в жизнь совсем невесомой человеческой пылинкой; мать часами сидела рядом со спящим ребёнком и думала, что даже хрупкое имечко Катюша кажется грубым и очень уж большим для этих пальчиков и ушек. Приходилось придумывать крохотные словечки—нетяжёлые, летучие; стеречься сквозняков—чтоб не унесли; опасаться даже лунного света—не по себе становилось матери, когда искривлённое неведомой бедой лунное лицо рассматривало детскую кроватку сквозь оконное стекло.

Но мать колдовала и за бабу, и за деда, и даже за серого медведя: пальчики вырастали в пальцы, ушки становились ушами; кипело молоко, лилась вода, и колдовская сеть, бывшая поначалу не крепче марли, держала всё плотней. Продольные нити обычных дней переплетались с поперечными нитками выходных; вкруговую же мать укладывала свои, секретные, почти паутинные волоконца: щепотку сухой ромашки в чай, букву «К», вышитую на изнанке платьица, кубик сахара под подушку—для сладкого, сверкающего чистотою сна.

Укрепляло колдовскую сеть и материно пристрастие к шторкам, полкам, шкафам и скатертям—да потемнее, потяжелее,—превратившим две комнаты, кухню и кладовку в мудрёный лабиринт с тайниками и убежищами. Доросшая, наконец, до своего имени Катюша укладывала в картонные коробочки мелкие монеты, бусинки, цветные стекляшки из калейдоскопа; оборачивала сухо пахнущей шоколадом фольгой бруски пластилина—получались слитки золота и серебра; а потом рассовывала свои сокровища по углам. Чтоб не забыть, где упрятан клад, Катя рисовала карты—сначала простые схемы с пунктирами указателей и жирным косым крестом посерединке, а после, наловчившись,—сложные, собранные из нескольких листов, расчерченные хитро, кропотливо, с нарушением всех мыслимых законов пространства размещающие на сорока пяти квадратных метрах цепочки голубых озёр, горы в острых колпаках ледников, погибший тысячу лет назад сизый лес, шумные, опасные разбойничьи города.

И пока где-то взлетали самолёты, разбегались поезда, тысячи, миллионы людей, навьючив на себя рюкзаки, стремились в неведомое, мать с Катей укоренялись в своём доме и друг в друге бессловесной, слепой, нутряной любовью, врастающей в душу, тело и жилую площадь нервными окончаниями и кровеносными сосудами. Плакали вместе над утренней овсянкой и вместе же её съедали, щедро сдобрив вареньем; выбегали в стылую предрассветную темноту, терпели ежедневное наказание разлукой и отовсюду скорее-скорее бежали друг к другу, потому что мир на своём месте, только если все свои дома, и время тогда льётся так гладко, что не заметно ни старости, ни взросления…

Как же нравилось матери всё, что пело и плыло рядом! Даже мимо галдящих на скамейках подростков мать всегда проходила с улыбкой: веселили и рваные брюки, и разноцветные рожицы на футболках, и трогательные лодыжки, голые до самых холодов. Не смущал её неумелый, нарочитый матерок, а на выкрашенных девчачьих волосах она с удовольствием узнавала знакомую цветовую основу: ну вот этот нежно-русалочий—это ж разбавленная зелёнка!—а розовый—ведь точь-в-точь слабый раствор марганцовки. Пёстрые стайки, взрывающиеся хохотом или сосредоточенно утыкающиеся в телефонные экраны, бьющие светом и прыгучей, лёгонькой музыкой; одиночки, укрывающие лица глубокими капюшонами толстовок; пухленькие изгои с газировкой и булочкой в обнимку; плохо одетые бедняжки; пышные, созревшие уже красотки и меленькие, не подошедшие ещё к цветению полудети; не справляющиеся с собственными руками и ногами мальчишки, похожие на невесть кем управляемые ниточные куклы,—все они казались матери одинаковыми—милыми и чужими.

«Пусть,—говорила она,—пусть резвятся, пока молоденькие…»—и от собственной снисходительности чувствовала себя очень доброй, ни на секунду, правда, не допуская мысли, что зеленоволосой или голоногой может стать её Катюша.

Конечно, мать знала, что есть где-то несчастные, злые дети, живущие в нелюбви и оттого творящие страшное,—но их беды казались ей чем-то вроде дурного фильма: не хочешь, так не смотри, а если кто-то включил такое кино рядом с тобой, прищурь глаза, прикрой уши и гляди только на хорошее. И сама бы себе мать никогда не призналась, что её улыбка и доброта к чужим людям были равнодушием, счастливым и намеренным неведением человека, живущего на вечно солнечной стороне улицы.

Ранней осенью, когда город оправлялся после оглушительно жаркого лета—не было такого почти полвека,—Кате исполнилось четырнадцать. Хороший возраст, пушистый—так думала мать, подбирая рецепты для праздника: что там, изобретать ничего особенного не будем—курочка, пара салатиков, колбаска-сыр.

К шести пришли подружки—Катюша сошлась с ними давненько, в раннем детстве, и держались

они в доме запросто. Светка, в очках и тонковатых косах,—мать помнила, как малышкой она всё просила водички и могла выдуть два стакана зараз; и Викуся—бедняжечка, очень уж прикус неправильный, и оттого совсем мышиное личико.

Подперев щёку кулаком, мать глядела на сидящих за столом девчонок и радовалась: вот хорошо как, Господи, хорошо-то как, мирно.

— Кушайте, кушайте, мои хорошие, потом и тортик будет. Ну вот, Катюш,—сказала она дочери, привычно порадовавшись её ладному личику,—какая ты взрослая стала.

Вспомнив собственные четырнадцать, мать взгрустнула.

— Мы совсем не так жили, совсем не так. А вам всё открыто: хочешь—туда, хочешь—сюда! Вот ты, Света,—с жалостью спросила она,—кем хочешь стать?

Света пожала плечами, а Викуся захихикала: ходила меж подружками злая шутка, что тяжело, со страшным напряжением всех сил учившаяся Светка плюнет и станет в конце концов парикмахером.

— Вот и Катюша ещё не решила,—посетовала мать,—а ведь ей куда угодно можно! Вот я иногда сижу и думаю: пройдёт лет десять—и останусь я совсем одна. Катюша в институт поступит, потом работать пойдёт, да, глядишь, ещё и в столицы унесёт её. А что, девочка умная, с руками-ногами оторвут, а она ведь ещё и сама так ничего,—мать покосилась на тонкие Светкины косы и вздохнула.—А там и замуж… А вдруг муж иностранец попадётся? И уплывёт моя Катюша за моря-океаны, там, говорят, добра побольше водится… А я тут буду… Я уж своё отплавала.

На самом деле мать даже представить себе не могла, что Катя может уехать учиться или выйти замуж: всё это было далеко и невозможно. В материных мыслях путались и никак не складывались две картинки: в одной Катя, взрослая и решительная, покоряла мир, а в другой никогда от мамы далеко не уходила—ну, может быть, будет какая-то там работа, детки, чтобы рядышком все были, а лучше в одной квартире… О внуках мать думала с охотой, но мужчина, который заберёт Катю, начнёт с Катей жить и даже спать, казался немыслимым и ненужным. Однако разговоры о непременной разлуке и Катином будущем где-то вдали от себя мать с некоторых пор считала обязательными и заводила частенько—так нужно было, по её представлению, *воспитывать*, и к тому же нравилось ей сладкое и тоскливое чувство, возникающее в груди при мысли о том, что нынешнее счастье когда-нибудь кончится—но ведь не скоро, не сейчас!

Девочки молчали и переглядывались. «Мешаю…—догадалась мать и встала.—Поболтать хотят. Может, Господи прости, уже и мальчиков обсуждают…»

— Пойду я к себе, а вы тут уж празднуйте. Гулять-то потом пойдёте? Катюш, начнёт темнеть—сразу домой…

Ночью шёл дождь, и оттого утро выдалось совсем прохладным. Нужно было доставать плащи и туфли—это простое дело всегда заставало мать врасплох, и она сокрушалась, что никак не может угадать погоду хотя бы за несколько дней, чтоб всё сделать по уму: проветрить, погладить, встряхнуть. За суетой она не сразу сообразила, что Катя сегодня скучна и неразговорчива; обязательную овсянку одолела, но вот любимое печенье оставила на блюдце.

— Ты как себя чувствуешь?—мать приложила ладонь к дочкиному лбу.—Горячевата что-то… Ну-ка горло покажи. Не видать ничего… Это Викуся твоя заразу притащила, я вчера так и подумала, она носом шмыгала тайком. Дома оставайся. Я тебе попить сделаю морса. Температуру измерь и мне позвони потом. Контрольных нет нынче?

Катя помотала головой и улеглась на диван, поджав ноги. Мать накрыла её пледом и быстро перебрала в памяти содержимое своего внушительного аптечного шкафчика: календула-ромашка есть, аспирин, витаминки, леденцы от горла, а вот брызгалку в нос надо купить. Ну и отпроситься с работы после обеда, нырнуть в овощной, в аптеку—и домой. Катины болячки мать всегда бодрили—врачуя дочку, она чувствовала себя нужной, ловкой и немножко всесильной.

Спустившись по лестнице, открыв подъездную дверь и, как обычно, на секунду зажмурившись от утреннего солнца (она болезненно переносила резкие переходы от темноты к свету), мать продолжала соображать, как бы побыстрее справиться с недугом: компот сварить из вишни; если горло совсем разболится, то сухой горчички в носки, а потом ещё можно мёду…

Катино лицо—чёткое, чёрно-белое и оттого словно бы постаревшее—хлестнуло мать по ещё слезящимся от солнечного света глазам так неожиданно, что она снова зажмурилась и остановилась. «Показалось-показалось-показалось…»—выколачивало сердце, и мать открыла глаза осторожно и медленно. Но сомнений не было: на белом бумажном листке, наклеенном прямо на морщинистый ствол тополя, чернели толстые буквы: «ТЕБЕ КОНЕЦ»,—а под ними, перечёркнутая двумя диагоналями липкой ленты, была дочка—её густая чёлка и тёмные, широкие, как мягкой кистью нарисованные брови. Эту фотографию они сделали всего неделю назад, а потом мать собственноручно, хоть и неуверенно, ткнула на меленькое сердечко на Катиной интернет-страничке, отчего сердечко из бесцветного стало ярко-красным. Мать оглянулась: ещё один белый листок с Катюшиным

лицом трепетал уголками на невысокой доске объявлений; дочкины глаза глядели с фонарного столба и спинок пустых скамеек — «ТЕБЕ КОНЕЦ», «ТЕБЕ КОНЕЦ», «ТЕБЕ КОНЕЦ»… Матери захотелось позвать на помощь, и она даже зашевелила губами, пытаясь кричать, но голова кружилась, и асфальт под ногами стал мягким, как песок. Двор был пуст, и только слышалось, как на дороге за домом разгоняются и тормозят злые, не выспавшиеся автомобили. И тогда мать кинулась к тополю, сгребла листок всей пятернёй, охнув от крошащейся и вонзившейся под ногти коры, метнулась к фонарю и скамейкам, не замечая ни грязи, налипшей на туфли, ни зябкой дождевой пыли, посыпавшейся с неба быстро и легко. Смяв листы в один комок, мать швырнула их в мусорную урну, но потом вдруг передумала и вынула обратно. Сунула потемневшую от дождя бумагу в сумку и, чуть пошатываясь, пошла на остановку.

3.

«Ни минуты не посидит спокойно, вот ведь белка какая… — мать разглядывала школьную директрису с неодобрением. — Начепурилась вся, гляди-ка, нарядная, как в ресторан собралась…»

Директриса прыгала от беспрестанно звонящего телефона до набитого картонными папками шкафчика, и видно было, что этим утром не радуют её ни отлично прокрашенные волосы, ни собственная должность, ни хорошее шёлковое платье, ни уж тем более ранний визит очередной, наверняка полусумасшедшей, родительницы.

— Прокуратура звонила, прокуратура, я тебе говорю, просят штатное расписание им отправить, ищи, у тебя где-то было! — кричала она в телефонную трубку, а потом кидалась в полутёмный коридорчик у кабинета — там, в окружении сломанных стульев, хмурился суровый сейф.

«И не устаёт ведь на таких каблуках. Красиво, конечно, но как уж хлопотно…» — матери было чуть неловко от своей грузности и тяжёлых сапог, и очень хотелось пойти домой, а ещё лучше — вернуться на две недели назад, чтоб не знать ничего и не помнить, как ругалась на неё в полиции инспекторша, не пожелавшая даже в руки взять злосчастные листки с Катюшиной фотографией. «У меня тут два пацана на вокзале под поездом, один мёртвый, другой без ноги, а ещё изъятие сегодня у наркоманки — голодом младенца держит, а вы тут ходите!» От этих слов мать перестала плакать и попятилась к двери. «Балуется кто-то, может, подружка ревнует! На улицу не пускайте вечером, про контрацепцию и ЗППП расскажите!» Тут уж мать замахала руками и убежала, слыша вслед: «После школы нюхайте, нет ли перегара, зрачки наблюдайте и зайдите, если что, через месяц!»

Не хотелось матери помнить и другое — как в отчаянии набрала она домашний номер Катиного отца, четырнадцать лет хранившийся в записной книжке, и, сгорая от стыда — чисто кипятка глотнула, ей-богу, — пыталась напомнить чужому голосу о давнем знакомстве. И он вспомнил, хмыкнул презрительно, а после велел не звонить и ни на что не рассчитывать.

Но хуже всего было другое: неведомое матери ощущение предательства и несправедливости — от целого мира, бывшего ещё недавно приветливым и светлым. «Почему мы? Отчего?» — гадала мать и всё пыталась понять, кому так сильно могла не понравиться Катюша: это же уму непостижимо — надо ведь распечатать, да ещё и расклеить, не побояться. Матери настолько не верилось в происходящее, что, случись оно с кем-то другим, а не с ней, посоветовала бы скорее сходить к врачу и проверить зрение: вдруг померещилось? Никак не получалось у неё даже представить себе внешность злодея (или злодеев?) — не было в голове мало-мальски подходящего образа, и оттого всё рисовались ей какие-то киношные преступники в окладистых бородах, чёрных очках и перчатках…

Хлопотунья-директриса наконец угомонилась, плюхнулась в скрипнувшее кожей кресло и, с подозрением поглядывая на умолкнувший телефон, спросила:

— Ну что там у вас? Восьмой «Б»? Печёнкина?

Мать, всегда любившая забавное звучание своей фамилии, устыдилась и её. «Что ж это со мной? Сама себе как не родная…» — мельком подумала она, вытащила из сумки потрёпанный на сгибе листок и развернула его перед директрисой:

— Вот что. Уже третий раз собираю. Первый раз во дворе расклеили, я чуть с инфарктом не свалилась, пока с дерева соскребала и с лавок. Потом прямо под дверью квартиры разбросали, а потом просто перед подъездом по газону, мне даже дворничиха наша приносила и любопытничала, что это такое творится и почему мы мусорим. А это ж разве мы? Как бы я мусорила собственной дочкой, а, я вас спрашиваю? — возмущённая дворницкими нападками мать задрожала голосом и щеками. — Не реви уже, не реви. Господи, как вынести это всё? — бормотала она сама себе, не замечая, что говорит вслух.

Директриса отвела от матери глаза и вздохнула, уже сожалея, что никто не звонит.

— Катерина — девочка хорошая, учится ровно. Ни с кем не ссорится. Учителя её любят. В классе, насколько мне известно, у неё проблем нет. Я, честно говоря, не знаю, чем вам тут поможет школа. Если только полиция…

— Да была я, была! — зарыдала мать. — Эта… инспекторша… сидит… младенцы там у неё с голоду умирают! А нам-то что теперь — терпеть это всё? — мать голосила, уже не сдерживаясь. — Перегар, говорит, понюхайте, зрачки ещё приплела! Да Катя даже шампанского не пробовала, а она про

эту, прости Господи, контрацепцию мне кричала, да на весь коридор—позор какой-то!

Директриса хмыкнула, но промолчала.

—Я ведь не знаю, куда мне побежать!—мать вытерла глаза и шлёпнула листком по директрисиному столу.—Вы мне скажите, вы же здесь главная по детям: что мне делать? Пока я даже в школу отпустить её не могу, а ведь экзамены на носу!

—Хорошо, хорошо, вы только успокойтесь, не стоит нервничать. Давайте сделаем так. Я сама позвоню в полицию от имени школы и спрошу, что можно сделать. И вам потом перезвоню, договорились?

Телефон ожил, и обрадованная его воскрешением директриса состроила извиняющееся лицо: мол, сами видите—ни секунды покоя.

—Я перезвоню,—прошептала она матери, схватив трубку и прикрыв ладонью нижний её раструб.—Прокуратура? Да, слушаю вас, слушаю!

Мать поднялась со стула тяжело и неохотно—в тёплом кабинете она пригрелась и размякла. Нужно было идти дальше, идти непонятно куда и что-то решать—ясно было, что эта тонконогая вертушка ничем помочь Катюше не сможет.

Директриса дождалась, когда за неприятной гостьей закроется дверь, и скомкала бумажную Печёнкину в плотный шарик. Хорошая девочка, с экзаменами надо будет помочь. А бумажками наверняка мальчишка влюбился и балуется. Не надо никуда звонить, замучают потом проверками. А если вдруг спросят, почему не звонила, то можно сказать, что не дозвонилась—этому всегда верят, потому что дозвониться и вправду никак нельзя.

Солнечная сторона улицы обернулась тенью—не осталось сил ни на добродушие, ни на снисходительность. Мать стала раздражительной и пугливой. Дома, конечно, держалась—бодрилась и хорохорилась, но, выходя за порог, чувствовала себя шпионом в чужом мире. Ни обычаев, ни языка этого мира мать не знала, и трудно ей было справляться с обыденностью в такой тёмной, незнакомой оправе. Самое простое, доставляющее раньше такую радость,—вроде прогулок по шумному утреннему рынку—теперь казалось пыткой.

Раньше мать павою плыла меж разноцветных прилавков: тут помидорные мячики, здесь влажная зелень, а там, гляди-ка, серебрятся тугие рыбьи тельца, и кивает знакомый продавец: иди сюда, припас тебе лучшие на этой земле сёмгины головы. Теперь же лимонные солнца потускнели, картошка шла сплошь гнильё, а рыночные тётки огрызались, так и норовя обвесить. Мать толкали в очередях, хлопали перед её носом дверями, отдавливали в автобусах ноги, и жить ей стало словно бы тесно. Она и сама чувствовала, что даже глядит по-другому—виновато, с готовностью к обиде, со страхом,—а такого чужой мир, видимо, простить никак не мог.

Сменила тональность и музыка подростковых стаек. Не слышалось в ней ни весёлого щебета, ни лёгкости—сыпалось из детских телефонов что-то тяжко-ритмичное, то басовитое, то визгливое; идущие навстречу одиночки смотрели с вызовом; парочки не уступали узкой дорожки, и мать, ступив одной ногой на газон и поставив на другую тяжёлый пакет с яблоками, терпеливо ждала, покуда минуют её—неторопливо, вразвалочку. А как-то вечером совсем юная девчушка со злым лицом и словно бы замороженными, выкрашенными алым губами прошла мимо, вдруг выругалась и швырнула матери в лицо что-то лёгкое, холодно-влажное, вроде мокрой салфетки. Мать от испуга и омерзения сделала вид, что ничего не произошло, и даже не оглянулась, шла как идётся, неспешно и вроде как непринуждённо, а дома тёрла лоб и щёки с мылом до скрипа и красноты.

Дома было легче. Запрёшь двери, вытрешь пыльную обувь, сдвинешь поплотнее шторы—и можно жить. Дома можно попытаться собрать потерявшие натяжение нити колдовской сети, увязать их в прочное полотно—привычными делами и заботами, бульканьем кипятка, шкворчанием масла и особенной вечерней тишиной, наступающей после того, как выключены кухонная плита и телевизор. И если бы знать, что утро не наступит, а вот так и будет всегда—сумеречно, тепло, сытно, если бы можно было остаться здесь не ведающим бед жуком в прочном янтаре…

Чуть проще было и оттого, что Катя всё знала: листки у квартирной двери она нашла сама, и после этого мать с облегчением запретила дочери выходить из дому, не признаваясь себе, что разделённая ноша её страха немного потеряла тяжесть. Катя, как ни странно, совсем не испугалась, а в ответ на материны вопросы только пожимала плечами: ни с кем не ссорилась, никого не обижала, и что ты, мам, какие мальчики! Листала учебники, уютно шебуршала плотно исписанными тетрадками, почти не включала компьютер и охотно хлопотала по дому, пока мать была на работе. И только после дворничихиных криков и слышанного всем подъездом безобразного скандала пришла ночью к матери и спросила, можно ли ей немножечко полежать рядом. Мать разрешила, и с тех пор Катя больше у себя не спала и посапывала по ночам у матери под боком совершенно так же, как четырнадцать лет назад.

Приходили в гости Викуся со Светкой, глядевшие на Катю с восхищением: надо же, как в страшном кино снимается и не боится совсем! Но потом Викуся разболтала про листки своей маме, и девочкам навещать подружку запретили: вроде и глупости творятся, но держаться лучше подальше, пусть пока там сами разберутся, что к чему.

О том, что может случиться дальше и что нужно сделать, чтобы всё это закончилось, мать с Катей

не разговаривали. Меж ними вообще не было обычая жаловаться друг другу или просить поддержки; отчего-то любые серьёзные чувства — чужие или свои — вызывали у них неловкость, и обсуждали они только самое простое, вроде погоды, одежды или начинки для пирога. И теперь Катя ничего не спрашивала у матери, частенько приходившей домой с заплаканными глазами, и мать Кате ничего не говорила, когда увидела, что детские её карты сокровищ сняты с антресольных высот и обрастают новыми морями и странами. Пусть отвлечётся ребёнок, что тут такого.

Но остаться запертыми насовсем никак не получалось. Назойливый и такой недобрый теперь мир сочился сквозь закрытые двери и окна: новостями, случайно услышанными соседскими пересудами, счетами за квартиру, снегом, сменившим дожди, звонками из школы и вежливым недоумением чужих: ну сейчас-то, мол, всё тихо, никто больше ничего не подкидывает — чего ж взаперти-то сидеть второй месяц? Эх, думала мать, поглядела бы я на вас, что бы вы на моём месте запели, как бы заплясали и куда бы побежали…

4.

Две стены маминой спальни выходят на улицу, осенью и зимой в ней всегда прохладней, чем в других комнатах, и если надеть тёплые носки, можно играть в Арктику. Мамина кровать застелена белым лохматым покрывалом, и маленькая Катя укладывала под него подушки так, чтобы получались снежные холмы. Синий платок становился ледяным озером без рыб и водорослей — только айсберги, только густеющая на морозе вода. Между холмами прятались медведи и арктические лисы, фонарный свет за окном переливался северным сиянием, и хозяйничала в Арктике бесконечная, тихая полярная ночь.

В школе Катя часто думает про мамину комнату, и если становится невмоготу, то представляет себе, что она снова маленькая, лежит в Арктике на снегу и рисует карты полярных земель. На них звери, ледяные пещеры и горы, и нет ни одного человека, потому что обычный человек жить там не сможет. Маленькая Катя считала, что Арктика населена снеговиками, отправляющимися за полярный круг после таяния-смерти, а теперь она точно знает, что нет там ничего необычного, а только пустыня изо льда и снега. Но вспоминать про полярное королевство Кате всё равно приятно, прохладно и *отвлекательно*, потому что глядеть на всех, кто суетится рядом, ей совсем не хочется.

Правда, жить с закрытыми глазами никак нельзя, а людей рядом с каждым годом становится всё больше и больше, они подходят всё ближе и сжимают Катю в кольцо *непременного будущего*. И почему-то выходит, что жить прямо сейчас никак нельзя, потому что всё время нужно делать что-то для следующего дня, недели, месяца, года. «Вы должны стать настоящими, успешными людьми! Я желаю вам счастья и только пятёрок!» — кричит на первосентябрьской линейке школьная директриса, а потом отходит в сторонку и нервно постукивает острым каблуком по полу. Все в школе знают, что у неё муж и любовник и что каждое лето она уезжает с любовником в Испанию, а муж остаётся дома с двумя детьми, пятилетними близнецами — тоненькими, светловолосыми, похожими на мать. Это и есть настоящее, успешное — на пятёрку? Или вот биологичка — замурзанная, пухленькая, терпеливая, в несменяемой водолазке цвета свёклы и тугих брючках. Водолазка обтягивает её спину и живот, а лифчик она носит слишком тесный и оттого становится похожа на гусеницу в ровных, странно симметричных складках. Ещё есть историк, единственный в школе учитель-мужчина — страшно высокий и худющий. Как, должно быть, ему неловко в учительской, где одни женщины и всегда пахнет парикмахерской, потому что и кривоногая химичка, и старенькая русичка с просвечивающей сквозь кудряшки лысинкой, и грубая, крикливая англичанка на каждой переменке толкутся у зеркала и брызжут на себя лаком для волос.

Ладно, учитель — он вроде и не совсем человек, а что-то вроде напичканной цифрами и буквами машины. А остальные взрослые — соседи, прохожие,— бегущие навстречу или прочь с таким странным выражением, будто лицо у них сводит к носу? Сами торопятся и всех кругом торопят, подгоняют, только и слышно: «Не толпитесь! Проходите поскорей! Нет времени! Женщина, вы всех задерживаете!» Все они безнадёжны и совсем дураки, потому что торопятся они к собственному концу — ну а куда ж ещё?

Кате повезло. В школе она ни среди последних, ни среди первых, а где-то так, посерединке. Ноги ровные, волосы хорошие, прыщами не обсыпает, не толстеет. Одевалась бы чуть получше и была бы повеселей — приняли бы в красавицы. Но Катя в красавицы не шла, очень уж надо стараться, чтобы из них потом не выпасть, каждый день выдумывать, что надеть, как накрасить глаза, как причесаться. Вообще, девчонке очень страшно быть толстой — не пожалеют. Или если очень некрасивой быть, или странной, или — это больше для мальчишек — быть маленького роста: всё, не выберешься, считай, на всю жизнь пропал. С отверженными даже общаться нельзя, всем известно, что это заразно: ты только посидишь с ними рядом — и сам сразу испортишься.

Кате не очень хочется играть в эти игры, но ей даже невозможно представить себя на месте школьных толстух, или всеми презираемого мальчика-альбиноса, или той девочки из параллельного, с крохотными глазками и совсем без ресниц — ужас!

Катя знает, что её ровесники обычных, копошащихся рядом взрослых за настоящих людей не считают, а просто ждут: совсем немного времени пройдёт—можно будет выйти из-под унизительной власти и жить уже *нормально*. Правда, никто не представляет, что такое—нормально, но уж точно не так, как здесь, не так, как сейчас, не так, как все. Дайте только вырасти, вырваться, и уж мы-то никогда не будем—как вы, мы-то покажем, как надо, а вы ничего, совершенно ничего не понимаете и только всё портите!

Но никто, никто из глупых Катиных одноклассников и не догадывается, что все дети, от зарёванных первоклашек до развязных выпускников, с самого рождения хранятся в документах—в школе, поликлинике, паспортном столе. Наверняка, если хорошенько порыться, то можно найти записанным не только детское прошлое—кори, ветрянки, оценки,—но и будущее, и уж точно нет в нём никакого избавления от нынешнего унижения и чужих правил. Где-то в этих бумажках есть Катя—и никак не изменить то, что для неё уже напридумывали. А ведь ей-то ничего этого не хочется. Ни любовников, ни мужей, ни детей, ни скучной, бессмысленной учёбы, ни складок на животе, ни ежедневного галопа по городским улицам, автобусам и магазинам. А хочется только лежать на лохматом покрывале и вести по бумаге тонкий пунктир от чистого ледяного озера до крутого снежного склона: под ним в тайной пещере спрятан клад, собранный не людьми, а мёртвыми снеговиками.

Это, конечно, удивляет, но в гонке безнадёжных взрослых не участвует только Катина мама. Раздражает в ней много чего: глупо сидящие мешковатые платья, какие-то дремучие рецепты лечения простуд (чего только стоит кипящий картофель, помогающий, видите ли, своим паром от насморка), медлительность, привычка болтать с каждым продавцом и печь блины на ночь глядя, а ещё эта манера выйти из подъезда, посмотреть на солнце и зажмуриться. Стоит, слёзы из глаз бегут, а она улыбается и объясняет: «Сейчас пройдёт. Это, доченька, куриная слепота. У бабушки твоей такая же была…»

Но вот странное дело—мир вокруг мамы успокаивается и замедляется. Она будто ловит его в свои сети, приручает, усмиряет, отводит куда-то в сторону, подальше от Кати… Какое такое *непременное будущее*, если мы ещё чаю не пили? Пусть подождёт. А мы пока неспешно пройдём от тёплой постели до кухонного окна, на секунду впустим в дом свежий утренний ветер, радостно продрогнем, захлопнем окно и халат запахнём поплотнее. Некуда, незачем, не к кому нам торопиться, и нет ничего интереснее нас самих, нас—здесь и сейчас.

И оттого мамино предательство стало для Кати полной неожиданностью: неужели это она, мама, хлопочущая над каждой Катиной вещичкой, пугающаяся каждого её насморка, готова поступить со своей дочерью так жестоко?

Катя даже день запомнила: случилось это в прошлом году, третьего октября. Мама тогда явилась с родительского собрания, выбралась из тесноватого, *на выход*, плаща и со слегка растерянной улыбкой сказала Кате, что, мол, вот, доченька, мне сегодня объяснили на собрании, что время пришло. Катя удивилась: что такое, для чего время-то? А мама ей—р-раз!—и выдала, что взрослеть пора, велели всем ученикам со своим будущим определяться. Ты, говорит, доченька, уже определилась? И потом заохала что-то совсем несуразное: вылетишь ты скоро, девочка моя, из маминого гнезда, полетишь учиться, работать начнёшь, а потом и замуж выйдешь, детки у тебя свои появятся, будешь их любить, а мамочку уж побоку… Мамочка уже и не нужна будет… Ну а как ты хотела? Никто ещё под маминым крылом на всю жизнь не оставался, а уж ты тем более не задержишься, такая ты уж у меня умница, такая красавица… Захочешь, так хоть юристом станешь, хоть ювелиром. Или бухгалтер—вот до чего полезная профессия, твоя Викуся локти потом кусать будет, а ты всегда будешь при деле и при рубле! А захочешь, так и на иностранные языки можно пойти, вон французский—до чего ж красивый язык, а ты маленькая была—как раз картавила.

Кудахтала и улыбалась так, словно со слабоумной разговаривает. Какой бухгалтер? Какой ювелир? Какие Викусины локти? Катя тогда ничего маме не ответила, да и что тут скажешь-то? Не хочу? Не буду? Я лучше несуществующую Арктику порисую?

Сначала Катя думала, что это всё у мамы пройдёт, но оно стало только хуже. И каждый день мама придумывала что-нибудь противное, словно сама себя переплюнуть хотела. Что там бухгалтер… Дело даже до стоматолога дошло! А что? В белом халате, все уважают и даже немного побаиваются! И если вдруг муж попадётся *не очень хороший*, всегда и его, и деток прокормишь, и медицинской помощью обеспечишь, потому что врачи—они все заодно и друг другу помогают, обследования там, кодирования… И что самое обидное—при всём при этом вкус к собственному, спрятанному от дурацких гонок, существованию мама не потеряла. По-прежнему варила по утрам кашу, уходила на работу, а потом возвращалась с туго набитыми пакетами, азартно натирала полы, обхаживала толстокожие фикусы, радовалась сметане (наисвежайшая!) или болгарскому перцу (сочный, аж брызжет!) и о Кате продолжала заботиться так же, как и всегда. Но как теперь было верить этой заботе?..

Так и исчезло Катино убежище: даже в маме, даже дома не было больше защиты, и *непременное будущее*, дразнясь, выскакивало то тут, то там.

Викуся со Светкой тоже на своих мам жаловались, что как с ума они посходили с этим поступлением и экзаменами, но Светку мама с детства била — по губам, если не то скажет, и по заднице, если не то сделает, и Светке самой хотелось из дому поскорей сбежать хоть куда, а у Викуси родной дядька в архитектурном где-то в Москве, ей там с самого рождения место было приготовлено, она и не возражала.

Катя промучилась почти год, страшно злилась на всех вокруг: и на подружек — за то, что всё уже решили и не страдают; и на маму, без устали выдумывающую замысловатое дочкино завтра; и на себя — за то, что никак не могла, как все, смириться и жить уже наконец-то в правильную сторону. Мучилась, мучилась, а потом взяла и распечатала целой стопкой свою фотографию — ту, где брови хорошо вышли. Слова «ТЕБЕ КОНЕЦ» под собственным лицом отчего-то странно бодрили, а в животе от них становилось так, будто едешь с высокой горки.

5.

— Глянь, белые какие плетутся. Не местные, сразу видать. Мы в детстве так дразнились: «Бледня бледнёй!» Да вон, разуй глаза, вон, с вокзала вышли. А чемоданов-то! Ещё одни припёрлись, только их тут и не хватало. Сидят в своих северных Задрищенсках, а потом как ужалит их — к теплу захочется. Ну, солнышко у нас яркое, да, тут не поспоришь, а больше чего ж особенного? Ехали бы куда-нить к морю. Вон, помнишь, мы с тобой, как поженились, ездили в Туапсе? Чего там не жить? Чего молчишь-то? Будто не помнишь. Да не мычи, а отвечай нормально, если спрашиваю. Ой, гляди-ка, ругаются! Мать с дочкой, лица как похожи, правда? Наглая девка-то. Распустили тебя, малая, я бы давно ремнём, если бы мои так выкобенивались. Чего там она орёт? Сама всё расклеила и раскидала? Потому что страшно было? Чего-чего она хотела? Ничего не пойму! Что ж такое, никак не разобрать отсюда. Давай поближе подойдём, вон на ту лавочку пересядем, послушаем, интересно же! Смотри-ка, довела. Мать родная плачет стоит. Во семейка. Как не плачет? Смеётся? Ты чего, дурак? Слёзы-то ручьём, я ж вижу! А, и правда улыбается. Гляди-ка, хохочет! Слушай, а вдруг они психические какие или бомбу несут? Давай-ка подальше от них, опасное дело. Пошли, пошли, чего пялишься? Кинутся ещё.

ДиН СИММЕТРИЯ

Николай Гумилёв

Мои читатели

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне чёрного копьеносца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнём неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошёл пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и весёлых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, весёлой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевною теплотой,
Не надоедаю многозначительными намёками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во Вселенной,
Скажет: «Я не люблю вас»,—
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придёт их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

1920

Николай Переяслов

Писатели — это память нации

О книге Юрия Полякова «Весёлая жизнь, или Секс в СССР». — М.: АСТ, 2019

В течение последних ста пятидесяти лет геологи ряда стран пытались найти ответ на загадку «исчезнувшего времени» из истории нашей Земли. В некоторых местах нашей планеты геологическая летопись проваливается на целый миллиард (!) лет, и это явление получило в научной среде название «Великое несогласие». Этот геологический термин описывает некий наблюдающийся в истории горных пород «вакуум». Чем дальше опускаешься в земельную глубь, тем больше там встречаются старые отложения, однако в 1869 году геолог Джон Пауэлл, путешествуя в США по Большому каньону, обнаружил, что в местных породах отсутствует слой геологической летописи продолжительностью ни много ни мало в миллиард лет, непосредственно предшествующий тому периоду, когда на планете начала бурно расцветать жизнь во всём многообразии животных и растительных видов. И скоро коллеги Пауэлла выяснили, что данный феномен не ограничивается одним только юго-западом Северной Америки. В общей сложности на поверхности суши не хватает порядка десяти миллиардов кубических километров пород! Они — просто исчезли. Это целая четверть истории планеты, и для многих поколений учёных было делом чести выяснить, что произошло в те далёкие времена с этими исчезнувшими слоями…

Нечто подобное произошло и с историей нашей русской литературы, из которой по какой-то неведомой причине выпал довольно объёмный содержательный слой, который охватывает 1980–1990 годы. Годы эти оказались оставленными писателями практически без внимания, хотя романистам более поздних лет следовало бы, по примеру учёных-геологов, оглянуться на них и заняться изучением этого провалившегося в безмолвие исторического слоя. Однако этого не произошло, и они, перешагнув через это десятилетие, взялись описывать либо то, что происходило за много лет до 1980 года, либо то, что начало проявлять себя после 1990-го. И только Юрий Поляков, нашумевший в начале 1980-х годов своими повестями «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба», в 2019 году опять возвратился в памятный для него 1983 год, воплотив свои воспоминания об этой поре в романе «Весёлая жизнь, или Секс в СССР» с подзаголовком «Хроника тех ещё лет».

Юрий Поляков — один из самых ярких писателей нашего времени. Когда-то я с восторгом прочитал его роман «Козлёнок в молоке», а также романы «Замыслил я побег», «Небо падших» и «Грибной царь», книги публицистики «По ту сторону вдохновения» и «Желание быть русским», сборники интервью «Государственная недостаточность» и «Созидательный реванш», ну и многое другое. От книги к книге Поляков всё блистательнее овладевал литературным мастерством; в молодости он был довольно неплохим поэтом, и эта его не обрывающаяся дружба с поэзией то и дело проявляет себя в его творчестве и сегодня, озаряя метафорическим светом страницы его искромётной, радующей читателей прозы. Так было во всех упомянутых выше (и не упомянутых здесь тоже) его книгах, и яркие признаки этого улыбчивого стиля я увидел в его новом романе о писательской жизни и сексе в Советском Союзе.

Поляковская проза течёт, как спокойная прозрачная река, на глади которой то и дело всплёскиваются весело сверкающими плотвицами взбадривающие читательское внимание остроумные литературные образы. Это же предстало и в новом романе Юрия Полякова, где мимоходом описывается окружающая главного героя (стопроцентно похожего на автора романа) золотая поэтическая пора, в которой удивительным образом соединяется лирическое настроение автора-героя с его ироническим восприятием мира: «На улице стояла тихая рябиновая осень. Самый конец сентября. Природа всей своей ясной остывающей гармонией укоряла меня за похмельную гнусность. Из оврага тянуло грибной прелью. Подняв капот ржавой „Победы“, сосед склонился над прокопчённым кишечником внутреннего сгорания…»

Основная черта прозы Юрия Полякова заключается, на мой взгляд, в соединении постоянно вышучиваемого им социалистического быта (включая активно присутствующие в нём алкогольную и интимную стороны жизни) с откровенным сожалением о потере того общественно-политического строя, который в течение семи десятилетий торжествовал в нашей стране, способствуя

расцвету великой русской литературы и культуры. В отличие от многих своих коллег по творчеству, Юрий Михайлович Поляков никогда не скрывал (и не скрывает) своих гражданских позиций, высвечивая перед читателями откровенные симпатии к установившемуся в нашей стране после Октябрьской революции социалистическому строю. Сатирический ключ и гражданственная правда являются одними из главных качеств неповторимой прозы Юрия Полякова, который в своём новом романе «Весёлая жизнь…», в частности, так говорит, размышляя об этом: «Писательской правдой можно отравить читателя до смерти. Прости, прости меня, безвременно погибший великий Советский Союз! В твоём разрубленном на куски теле есть капля и моего литературного яда. Но тогда, утром 27 сентября 1983 года, изучая в зеркале своё опухшее лицо, я ни о чём таком не подозревал и даже придумал ещё один разительный аргумент, чтобы бросить его в лицо запретителям при новой встрече: „Правда лечит, а ложь калечит!“ Сильно, да?..»

Правда действительно оказала немалое воздействие на сознание нашего общества (вспомним хотя бы о роли в судьбе СССР книги такого писателя, как Александр Солженицын!), хотя эта правда и привела нашу страну не столько к очищению и улучшению, сколько к катастрофическому разрушению, что мы и увидели в результате прокатившейся по стране разухабистой перестройки.

Книги Юрия Полякова читаются легко и с улыбкой, они напоминают собой череду объёмистых весёлых анекдотов, но сквозь рассыпанные по всем текстам сатирические пассажи проглядывают тревожные предвидения грозящих нам впереди социальных катаклизмов. Смех 1983 года уже нёс в себе потрясения приближающихся вместе с завтрашним днём общественных перемен. «Через три-четыре года всё в литературе переменится до неузнаваемости,— предупреждает нас устами своего героя Георгия Полуякова писатель Юрий Поляков.— Всевозможные нечистоты и фекальные отбросы жизни станут главными темами изящной некогда словесности. Мат-перемат из подворотен и пивных могучим потоком возмутит чистые воды советской литературы. Бомжи, извращенцы, наркоманы, урки, душегубы, психи заполонят повести и рассказы. Горемыки, запутавшиеся в половой и национальной самоидентификации, густо заселят киноэкран, телевизор и сцену. Безутешный еврей-отказник, сидящий на чемодане и клянущий „красный Египет“ в ожидании разрешения на выезд, станет главным страдальцем отечественной литературы… Зато про космонавтов, пахарей, разведчиков, строителей БАМа и даже про пионеров-героев перестанут писать вовсе, разве что с постмодернистской подковыркой…»

Поляков тоже не избегает использования постмодернистских и других подковырок, но за ними у него частенько проглядывает тоска о потерянном социализме и утрате тех культурных достижений, которыми гордилась наша страна до наступления перестройки. Литература — это одна из тех высочайших ценностей, которая, с одной стороны, привлекала к себе внимание всего культурного человечества, а с другой — поднимала жизнь советских писателей на тот бытовой уровень, о котором могли только мечтать все остальные люди. Гонорары, квартиры, творческие путёвки для работы над своими книгами и отдых в Домах творчества — сегодня всё это исчезло практически без следа, а в 1980-е годы было реальностью жизни писателей Советского Союза. «Интересно,— думал герой романа Юрия Полякова Полуяков,— почему Сталин (а без него в ту пору ничего не делалось) хотел, чтобы советские писатели жили и творили в хоромах, похожих на классическое дворянское гнездо? Ностальгия по жизни, им же разрушенной? Вряд ли… Или же вождь полагал писателей своего рода новым, социалистическим дворянством? Не зря гениальный псих Хлебников придумал словечко „творяне“».

Сталин и без помощи Хлебникова понимал, что писатели должны жить хорошо, иначе описывать советскую жизнь они начнут в первую очередь с описания своего убогого существования. И если они будут зарабатывать сущие копейки, то изображаемое ими государство будет вместо воспевания цветущего социализма показывать миру край нищеты и бесправия. Что и делали в своих книгах Евгений Замятин, Александр Солженицын, Владимир Войнович и ряд других откровенно несоветских по духу писателей.

В первый же послевоенный год министр финансов Советского Союза Арсений Григорьевич Зверев, обеспокоенный высокими гонорарами некоторых крупных писателей, подготовил соответствующую докладную записку и представил её Иосифу Виссарионовичу Сталину. Тот попросил пригласить к себе Зверева для разговора. Когда тот вошёл к нему в кабинет, Сталин, не предлагая ему сесть, спросил его: «Стало быть, получается, что у нас есть писатели-миллионеры? Ужасно звучит, товарищ Зверев? Миллионеры-писатели!» — «Ужасно, товарищ Сталин, ужасно»,— подтвердил министр. Сталин протянул финансисту папку с подготовленной им запиской: «Ужасно, товарищ Зверев, что у нас так мало писателей-миллионеров! Писатели — это память нации. А что они напишут, если будут жить впроголодь?..»

Юрий Поляков в своём романе «Весёлая жизнь, или Секс в СССР» с великолепным юмором обрисовывает фигуры ряда известных советских писателей восьмидесятых годов, в которых, несмотря на скрываемые под сатирическими масками-

псевдонимами их подлинные имена, легко угадываются такие авторы, как Владимир Солоухин (он же Ковригин), Феликс Кузнецов (Сухонин), Николай Дорошенко (Торможенко), Юрий Доброскокин (Доброскоков), Феликс Чуев (Чунин), Анатолий Передреев (Перебреев), Владимир Шлёнский (Шлионский) и многие другие писатели, включая самого Юрия Полякова (Полуякова). Называя свой роман «ретророманом», Поляков не просто имеет в виду, что он посвящён прошлой эпохе, но ещё и сам роман создаёт такое впечатление, будто я его уже однажды читал, и теперь писатель его заново пересказывает, хотя хуже он от этого не становится, потому что Поляков как раз и пытается вернуть нам утраченные годы и утраченную атмосферу. Но правда остаётся правдой, как бы её ни выворачивали и в какую сексуальность ни рядили…

Сегодняшние руководители нашего государства, к сожалению, смотрят на писателей России глазами министра Зверева, что и привело нынешних творцов литературы к положению чуть ли не бомжей. И только книги Юрия Полякова продолжают напоминать народу, какую роль мог играть в жизни страны настоящий писатель, слово которого иногда действовало сильнее всякого оружия. Даже если это слово вызывало у читателей не содрогание ужаса, а смех. Главное, чтобы за этим смехом присутствовала та настоящая правда, которая, как говорит Поляков, нас не только не калечит, но ещё и лечит…

Д*и*Н симметрия

Валерий Брюсов

Третья осень

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клети,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет нужда в домах,
Покрутись в безлюдии чёрном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай,—
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнём опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поём?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжён,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времён.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрях, в тоске, в нищете
Идёт к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой всё властней, всё державней
Земные ведёт племена!

1920

Дмитрий Косяков

Как Дмитрий Быков Салтыкова-Щедрина в ресторан водил

Обыватель в подлости своей радуется унижению высокого, слабости могущего… Он мал, как мы, он мерзок, как мы!… Врёте, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе.

Александр Пушкин

Иные побуждения Дмитрия Быкова

Сначала я планировал начать свою рецензию на литературоведческое творчество Дмитрия Быкова так: «Салтыков-Щедрин однажды сказал, что Бонапарт „насквозь просмердил Францию“[1]. Пользуясь этим метким выражением, можно сказать, что Дмитрий Быков насквозь просмердил отечественную литературу».

И ведь правда, быковская плодовитость (а что ж не писать, коли платят?) в сочетании со стремлением стащить с каждого классика штаны и в таком виде выставить публике делают его весьма вредоносным субъектом.

Однако я решил, что несправедлив к Быкову: ведь делает всё это он не из сознательного стремления опорочить и втоптать в грязь нашу литературную традицию, а совсем из иных побуждений. Просто биограф часто ассоциирует себя с объектом своего исследования. И чем малограмотнее, непрофессиональнее биограф (а Дмитрий Быков — биограф малограмотный, и мы об этом поговорим), тем сильнее в нём это стремление.

Изображая русских писателей пьяницами и людьми сексуально озабоченными, Быков, видимо, приписывает им собственные пороки. Правда, Быков-то считает эти пороки достоинствами, ведь сказал же Лев Толстой, что всякий человек «непременно составит себе такой взгляд на людскую жизнь вообще», при котором сам он будет выглядеть наилучшим образом. Потому Быков и награждает всех классиков своими «дурными болезнями», искренне считая, что оказывает им великую честь, спасает их от неверных толкований.

Как Быков стал большим литератором

Во всей биографии самого Дмитрия Быкова видно стремление послаще устроиться. Быков обожает сходить «в ресторан скромно выпить-пожрать»[2], но при этом желает ещё иметь репутацию оппозиционера.

Впервые «сверкнул» Быков в составе «ордена куртуазных маньеристов» — да, тех самых, которые сочинили «и вальсы Шуберта, и хруст французской булки». Быков вместе с ними писал манерные, но довольно тусклые стихи: «Она была мила, но ветрена, увы, как все шатенки…»[3]

По-настоящему засветился Быков уже в конце девяностых серией сатирических «новых русских сказок», впоследствии собранных в книгу «Как Путин стал президентом США». Даже в этой книге собственной прозы Быков умудрился буквально с первых строк мазнуть грязью Горького: мол «пафос всегда ему мешал, а вот с юмором у этого автора всё обстояло отлично»[4].

Это крайне важное замечание, обрисовывающее главную литературоведческую концепцию Быкова: пафос, то есть всякие там идеи, убеждения, взгляды, — это у наших писателей лишнее, случайное, досадное, а вот юмор — это дозволяется. Сам Быков пафоса не любит, ибо пафос ему не по плечу, он предпочитает прятать скудость своих мыслей и дряблость чувств за ёрничаньем, которое для красы называет юмором.

Впрочем, в той книге «новых русских сказок» ангажированность автора проступает и сквозь густой слой шуточек. Остриё быковской «сатиры» направлено против… оппозиции! Он рисует политических противников Ельцина фашистами и юдофобами, высмеивает «красно-коричневых»

1. См. его повесть «За рубежом».
2. *Быков Д.* Михаил Салтыков-Щедрин. К 175-летию со дня рождения писателя. Лекция прочитана 19 января 2011 г. (https://www.pryamaya.ru/dmitriy_byikov_mihail_saltyikovschedrin).
3. За брызгами алмазных струй / Фильм о куртуазных маньеристах (https://www.youtube.com/watch?v=jzmKwHrVnfY).
4. *Быков Д.* Как Путин стал президентом США: новые русские сказки (http://book-online.com.ua/read.php?book=6007).

и как бы защищает правительство от обвинений в «антинародности» и «прозападности».

Вообще, читать быковские сказки довольно противно. С юмором у автора явные проблемы. Зато сколько угодно грубости, вульгарности и готовности мазать грязью всех—одних погуще, других слегка (даже любя), за что последние наверняка не остались в долгу.

Он не просто берёт на вооружение пропагандистский штамп ельцинской пропаганды «красно-коричневые», но усугубляет его до «кровопоносников», «активистов партии поноса». Обсасывая тему юдофобства генерала Макашова, Быков пишет: «Вся одежда генерала лоснилась от жира убиваемых на нём жидов». Конечно, в антисемитизме нет ничего хорошего, но это пятно макашовских взглядов Быков стремится размазать пошире и погуще—на весь антиельцинский лагерь.

Точно так же происходит и с Зюгановым. Сам Зюганов, безусловно, достоин осмеяния, но Быков ловко натягивает неприятную физиономию «гомункулуса Гены» на всё советское прошлое, на всю левую идеологию и всю отечественную культуру двадцатого века. А ведь именно за спасение достижений двадцатого века от ельцинского развала и раздрая и выступали те, кто поддерживал «коммунистов» в девяностые годы.

Конечно, в других сказках порой достаётся и Ельцину и его команде, но важнее всего то, что Быков не оставляет осмеиваемой власти никакой альтернативы. Выходит, что кремлёвские реформаторы плохи, но все остальные претенденты на власть ещё хуже. Собственно, на это и напирали ельцинские пиарщики[5].

Таким проверенным ещё с фамусовских времён способом Быков создал себе репутацию человека «рукопожатного» и даже ручного.

Совершенно извращённое понимание

Собственно, рассказываю это я для того, чтобы было понятно, кем желает видеть русских классиков Быков: фрондёрами, но не идейными борцами, зубоскалами, но не мыслителями. И эту мысль, как благодатный огонь, он проносит через всё своё творчество.

Поскольку я ограничен размерами журнальной статьи, мне удобнее будет проанализировать литературоведческое творчество Быкова на примере его лекции о Салтыкове-Щедрине, прочитанной к 175-летию писателя. Начинает Быков с довольно сильной декларации[6]:

«В России был примерно 70-летний период марксистского литературоведения, которое совершенно извращало или извратило этого, в сущности, глубоко религиозного писателя. Из него сделали памфлетиста, причём памфлетиста третьеразрядного. От всего его наследия актуальными более или менее и входящими в круг чтения повседневного остались только сказки и в некоторой степени „Господа Головлёвы“, может быть, самое эффектное, но далеко не самое удачное его произведение».

На что в этой декларации стоит обратить внимание? В советское время, по мнению Быкова, Салтыкова-Щедрина понимали неправильно, «совершенно извращённо», его якобы превратили в третьеразрядного памфлетиста. Позвольте, а кто же тогда считался памфлетистом перворазрядным и второразрядным? Назовите, чьи сатиры ставились выше салтыковских? Не найдёте. И Быков не найдёт, потому что он попросту сказал глупость. Но ведь никто не призовёт Быкова к ответу, так что мели, Емеля…

В советское время Салтыкова-Щедрина издавали и переиздавали такими тиражами и настолько полно, как никогда до и после. Салтыкова-Щедрина знали, читали, писали о нём вожди большевиков Ленин и Зиновьев, чего нельзя сказать о нынешних «первых лицах».

Быков считает, что советское литературоведение проглядело в Щедрине самое главное—его религиозность… И следом объявляет, что это литературоведение сохранило из его наследия только сказки и «Господ Головлёвых». Тут сразу возникает путаница: ведь в «Господах Головлёвых» религиозная тема выражена, пожалуй, наиболее отчётливо (вспомните покаяние Иудушки в финале). В сказках религиозные мотивы тоже присутствуют, взять ту же «Христову ночь» или «Рождественскую сказку».

Выходит, что советское литературоведение выпятило именно наиболее религиозное произведение Салтыкова-Щедрина.

Нелепость вторая заключается в том, что по популярности (читаемости, издаваемости, цитируемости) в СССР «Господа Головлёвы» безнадёжно уступают другому произведению Салтыкова-Щедрина. Я говорю об «Истории одного города». Зачем Быков замёл эту книгу под ковёр? Лишь затем, чтобы ближе к концу вытащить её из рукава и объявить: «Но мы склонны думать, во всяком случае, я и большинство моих друзей-единомышленников,

5. Впоследствии Быков изменил свою позицию: «Мне придётся сейчас повторять азбучные вещи, но что поделать, если почти вся постсоветская история России была деградацией, а не ростом; если Советский Союз был не побеждён теми, кто лучше, а разрушен теми, кто примитивней и глупей. Упростилось и деградировало всё—образование, медицина, культура, наука, массовая психология (и как дисциплина, и как объект её изучения)» (Вековая тайна вождя. https://novayagazeta.ru/articles/2018/04/20/76246-vekovaya-tayna-vozhdya). Но признал он это много лет спустя, уже при Путине, когда стало можно ругать Ельцина.

6. Далее цит. по: *Быков Д.* Михаил Салтыков-Щедрин. К 175-летию со дня рождения писателя. Лекция прочитана 19 января 2011 г. (https://www.pryamaya.ru/dmitriy_byikov_mihail_saltyikovschedrin).

что всё-таки его основное произведение—это „История одного города“».

То есть Быков сперва прячет «Историю одного города», потом вытаскивает её, чтобы показаться оригинальным. Хотя на самом деле ничего оригинального в этом нет—все выделяют именно «Историю одного города». Эти шулерские фокусы Быкова вытворяются с целью произвести впечатление на людей, совсем (или почти совсем) не знакомых с творчеством Щедрина. Видимо, на таких слушателей его лекция и рассчитана.

И подобные приёмчики проливают свет на феномен Быкова: великим литературоведом он кажется людям малосведущим, плохо знающим литературу. Литературовед Быков взрос на ниве российской безграмотности, возделанной реформаторами из Минобра и Миннауки.

Наконец, если уж Быков решил удивить нас новой трактовкой Салтыкова-Щедрина как писателя «глубоко религиозного», то нелишне было бы хоть чем-то это заявление подкрепить. Причём желательно подкрепить его словами самого писателя, его произведениями или хотя бы свидетельствами современников. Увы, ничего подобного мы от Быкова не добьёмся. Сказал и сказал. Чего пристали?[7]

Быков кидается на писателей

Итак, Быков приступает к своему излюбленному занятию—мазанью грязью.

«Из всей русской классики Щедрин был, вероятно, самым неприятным человеком»,—к чему это? Тем более что это личная оценка самого Быкова. Кому был неприятен Салтыков-Щедрин? Быкову?

Затем зачем-то кидается лаять на Некрасова: и ипохондриком он был, и игроком, и «не чуждался женской любви»—содержанок французских имел, и не одну! Причём Быков сам сознаётся, что доказательств последнего утверждения у него нет: «Хоровод этот, я думаю, и поныне, в отличие от донжуанского списка Пушкина, не выявлен, покойник был прекрасным конспиратором».

Проехавшись по Некрасову, Быков возвращается к Салтыкову.

«Ненавидел всех, кто играет в карты». Прямтаки всех? Или делал исключения? Или всё-таки ненавидел саму игру?

«Был всю жизнь верен своей жене, единственной своей Лизе, из-за которой насмерть поссорился с матерью, и любил жену до такой степени, что совершенно не предполагал, что в семье могут быть ещё какие-то дети. Это казалось ему каким-то странным отвлекающим моментом». Неужели верность Салтыкова-Щедрина супруге и делает его «самым неприятным человеком» для Быкова? Бедный Салтыков-Щедрин! Не угодил Быкову!

Вообще, Быков любит сказать что-нибудь невпопад и некстати. Постоянно уходит от темы, так что к концу разговора оказывается, что по главной теме мы почти ничего и не узнали. Зато узнали массу гадостей: Куприн—«маленький, круглый, прославленный такими эскападами и шуточками, которые действительно Пьеру Безухову показались бы цинизмом»; «Писарев был, как известно, очень плохой критик»; «от матюгов Салтыкова будут шарахаться современники»…

Если вспомнить правду

Далее Быков пытается протащить через биографию Салтыкова-Щедрина свою идею религиозности: набожность отца «видимо, как-то передалась маленькому Михаилу Евграфовичу». Вот всё у Быкова «видимо» да «как-то». Никаких доказательств.

«Если вспомнить „Пропала совесть“, если вспомнить „Правду“, помещённую в сказки, странную сказку о том, как мальчик умирает после богослужения, потому что сердце его переполнено восторгом и он не может это вместить,—мы поймём и этого, другого Щедрина. Мы увидим в нём самое главное, что в нём было,—его религиозные чувства». Лично я ничего специфически религиозного в этом не вижу. В чём и где тут религиозные чувства писателя сказались?

Может, они там где-то и есть, но Быков не находит нужным, да, пожалуй, и попросту не в состоянии обосновать свою точку зрения. Лозунги для него важнее доказательств. А почему не предположить, что «его отрицание русской действительности» стоит не на каком-либо «религиозном отвращении ко всему мирскому», а на социалистическом идеале? Ведь сам же Быков чуть ниже проговаривается: «Ему казалось, что именно французские социалисты лучше, как он говорил, объясняют мир».

Вот вам и ответ: французские социалисты. Другое дело, что о социализме со страниц подцензурной печати говорить было нельзя, а о христианстве можно. Так что пришлось великому гуманисту обряжать свою правду в религиозные одежды. Тем более что Библия—книга противоречивая, и понимать её можно очень по-разному. Недостаточно сказать: «Такой-то религиозен»,—необходимо ещё описать характер этой религиозности.

На Евангелие ссылались и охранители, и революционеры: одни видели в Иисусе напыщенного небесного царя, другие—неистового борца, скитальца, друга всех нищих и угнетённых.

Капризный ребёнок

Можно ещё долго перечислять быковские несуразности и быковское враньё. Однако остановимся

7. Любопытно, что в вышедшей чуть ранее книге о Пастернаке Быков сводит всё творчество и этого глубокого и серьёзного автора к «напоминанию и обещанию чуда» (см. «Асимметричный Быков». http://www.newlookmedia.ru/?p=11498).

на общей характеристике, которую он даёт своему герою: «В Салтыкове-Щедрине всегда сидел этот оскорблённый, отторгнутый от дома, несчастный ребёнок, который страдает в холодном Петербурге и Царскосельском лицее, вообразив себя поэтом».

Понятно, что Быков снова пишет это про себя. Это именно в нём заметен капризный ребёнок, который жаждет быть самым-самым и потому хочет верить, что никто лучше него не бегает, не прыгает, не пишет и не живёт. Потому и надо превращать великих в свиней, что, по словам героя мультика «Падал прошлогодний снег», «при таких свиньях… как-то и сам становишься…».

Быков органически не приемлет политических убеждений и философских идей, ему хочется видеть в прозе Салтыкова-Щедрина каприз. Увы, это с лёгкостью опровергается словами самого классика:

«Сохраняйте в целости вкус к благородным мыслям и возвышенным чувствам, который завещан нам лучшими преданиями литературы и жизни! Пускай называют людей, хранящих эти предания, „разбойниками печати“ — не пугайтесь этой клички, ибо есть разбойники, о которых сама церковь во всеуслышание гласит: „но, яко разбойник, исповедую тя“, равно как есть благонамеренные предатели, о которых та же церковь возглашает: „ни лобзания ти дам, яко Иуда“… Расплывайтесь, но не коченейте! взмывайте крылами в пространство, но не погрязайте в болотной тине!»[8]

Быкову такая позиция не по плечу и не по уму.

Как быков в Вятку без очков поехал

Чернышевский говорил, что «можно не знать тысячи наук и всё-таки быть образованным человеком, но не любить истории может только человек совершенно неразвитый умственно»[9]. А вот Быкову история безразлична; собственно, потому он, несмотря на звание литературоведа и широкую популярность, на самом деле литературоведом не является — без истории, обществознания и даже экономики литературоведения не бывает.

Например, для Быкова нынешний Киров и Вятка середины девятнадцатого века — одно и то же. О ссылке писателя в Вятку он пишет: «Ну, кто бывал в Вятке, в Кирове, безусловно, все мы, в общем, помним, чтó этот город, мало изменившийся, представляет собою».

А между тем именно неприятные Быкову большевики (пиком российской истории для него является эпоха декаданса[10]), едва пришли к власти, развернули в Вятке работу по борьбе с безграмотностью. С 1923 года в Вятке началось масштабное строительство жилого фонда, дорог, уличного освещения, водопровода. Появились заводы, высшие учебные заведения, театры и так далее. И по мере отхода от советской плановой модели это всё стало разваливаться и возвращаться к первобытному состоянию.

А Быков всей этой истории не видит, ему глубоко плевать на Вятку, на Киров, на всю Россию, да и на все другие страны скопом. Вятка у него за сто пятьдесят лет не поменялась. «История одного города» у него ровно про «то же самое», что и «Сто лет одиночества». В России у него вечно одно и то же, а потому и произведения классиков в его пересказе блёкнут, теряют живой нерв эпохи.

Конечно, Салтыков-Щедрин актуален, но не потому, что «ничего не изменилось», а потому, что кое-что вернулось. И, слава Богу, пока ещё далеко не всё. И если не видеть этой разницы, то можно запросто всё вокруг проморгать. Быков безграмотен, а главное, безразличен, и потому всё для него одно и то же.

О чём думал Салтыков-Щедрин

Салтыков-Щедрин равнодушным не был, потому и внимательно изучал самые новейшие социально-политические теории, участвовал в политической жизни страны, вёл ожесточённую полемику и с противниками, и с попутчиками. Он жил интенсивной интеллектуальной жизнью, страстно искал выхода из исторического тупика, в котором оказалась его несчастная родина.

Вот что пишет в своей статье Григорий Зиновьев:

«Щедрин работал в „Отечественных записках“ и был близок с народниками, хотя, как показывает опубликованная теперь его переписка, он не раз резко критиковал и даже высмеивал таких столпов народничества, как Южаков и Кривенко (см. „Письма“ 1845–1889), во многом не соглашался с Н. К. Михайловским (см. письма к Михайловскому), систематически критиковал П. Л. Лаврова, поправлял в определённом направлении Г. И. Успенского и т. д. Но, работая с народниками, он в главном, центральном вопросе народнического миросозерцания — в вопросе о деревне — всё время от начала и до конца шёл своими путями»[11].

8. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Письма к тётеньке // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература. 1972. Т. 14. С. 430.
9. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 546.
10. «Нынешняя Россия примерно настолько же глупей и примитивней СССР, насколько СССР был глупей России времён Серебряного века» (Вековая тайна вождя. https://novayagazeta.ru/articles/2018/04/20/76246-vekovaya-tayna-vozhdya). Другое дело, что советский период он всё-таки ставит выше нынешнего. Но эта позиция Быкова противоречива и неустойчива, и нового прихода большевиков он не желает, ибо боится за свою квартиру и машину (Выживет ли литература в России? https://www.youtube.com/watch?v=uc_D6cBoI8s).
11. *Зиновьев Г.* Большевики и наследство Щедрина (http://saint-juste.narod.ru/Zinoviev.htm).

Эта характеристика мне кажется куда больше относящейся к сущности творчества Салтыкова-Щедрина, чем быковские «видимо» да «как-то».

Салтыков-Щедрин думал о будущем российской деревни, о возможности появления пролетариата, о значении крестьянской общины, сравнивал теории славянофилов и западников, примерял на российскую действительность европейские социальные системы и институты, взвешивал возможность реформ и революционного взрыва, следил за тенденциями социального расслоения в деревне.

Эти раздумья нашли наиболее яркое выражение в книге «За рубежом» и в знаменитом споре мальчика в штанах с мальчиком без штанов, в котором Быков разглядел лишь «религиозное разочарование». Мальчик в штанах (то есть вставший на путь капиталистического юнкерского пути немец) резонно объясняет выгоды своего положения, однако мальчик без штанов (то есть погрязший в средневековой отсталости русский) объясняет, что зато он не связан обязательствами контракта и может «свою душу назад взять», то есть взбунтоваться.

Впоследствии крестьянский мальчик без штанов превращается у Щедрина в пролетария, подсобного рабочего, то есть Щедрин рассматривает здесь перспективы пролетаризации деревни.

От всего этого Быков презрительно отмахивается: «Представьте себе, этот человек абсолютно искренне купился на то, что в России возможны великие преобразования». Вот дурачок-то!

Но, извините, в преобразованную Россию верили очень и очень многие, включая самых лучших и талантливейших людей. И, надо сказать, великие преобразования в итоге произошли. Разве отмена крепостного права — это не большой сдвиг? «Порвалась цепь великая…» Ошибка Щедрина в определённый период его жизни заключалась в том, что он поверил в возможность мирной и постепенной перестройки монархической России.

За эту наивную веру и критиковал его тогда Некрасов. Так что речь идёт не о переменах вообще, а об определённых переменах, определённым способом. Пока власть оставалась в руках царя и помещиков, никакие серьёзные перемены в интересах народа были невозможны. Сперва необходимо было поменять власть. Но мягкотелые болтуны-либералы на такое были неспособны.

Вот почему Салтыков-Щедрин очень быстро отмежевался от либерального лагеря и сблизился с лагерем гонимой, преследуемой революционной демократии. Но ни о какой революционной демократии Быков знать не желает, для него существуют лишь охранители и либералы.

Быков оказывает классикам честь

Не будем забывать, что лекция Быкова была прочитана в 2011 году, когда либерально-оппозиционное движение в стране ещё шло на подъём. Так что Быков, всей душой преданный своей либеральной тусовке, стремился и Салтыкова-Щедрина поставить вровень с лидерами либеральной оппозиции (теми, кто в конце года будет блистать на «болотно-сахарных» протестах). Подтянуть лидеров до уровня великих русских интеллигентов было занятие безнадёжное, так что он решил «опустить» классиков до их уровня.

Вот этим и занимается Быков с тех пор: пытается придать портретам великих черты то Немцова, то Шнурова, то себя, любимого. Видимо, он искренне считает, что это делает классикам честь.

Увы, для того, чтобы сделать из Салтыкова-Щедрина либерала, приходится слишком на многое закрывать глаза, ибо писатель не принимал либерализм как идею, буржуа как тип и капитализм как способ общественного устройства, страстно выступал против эксплуатации человека человеком, против алчности и «кровопийства».

И при этом сопереживал простому люду — крестьянам (сперва крепостным, а потом и «свободным»), «сплошным массам людей, для которых, например, вопрос о лишней полукопейке на фунт соли составляет предмет мучительнейших дум и для которых даже не существует вопроса о материальных удобствах», «тысячам бесприютных бобылок, которых весь годовой бюджет заключается в пятнадцати-двадцати рублях, с трудом вырабатываемых мотаньем бумаги».

Салтыков-Щедрин знал быт простого народа, а вот Быков и иже с ним с омерзением отворачиваются от тех, кто беднее их, то есть от девяноста процентов россиян. Быков даже объявляет, что «торжествующая свинья» у Салтыкова-Щедрина — это не царизм и его подпевалы, а «те самые девяносто процентов населения, у которых нет возможности поднять голову». Ну, и свинство. Писатель говорил не о девяноста процентах населения (которое тогда составляли крестьяне), а о сытой столичной публике — выгодополучателях царского режима.

«Их нельзя ни убедить, ни усовестить…»

О Москве, например, Салтыков-Щедрин высказался весьма хлёстко: «Я знаю Москву чуть не с пелёнок; всегда там воняло. Когда я ещё на школьной скамье сидел, Москва была до того благополучна, что даже на главных улицах вонь стояла коромыслом»[12].

12. *Салтыков-Щедрин М. Е.* За рубежом // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература. 1972. Т. 14. С. 138.

Сам Быков то трётся около либерально-оппозиционного лагеря, то вдруг объявляет себя консерватором, а либерализм — «трусливым выбором слабака»[13]. При Ельцине он обрушивался на оппозицию, а при его преемнике сам вдруг записался в оппозиционеры.

А вот Салтыков-Щедрин не щадил ни либералов, ни консерваторов, зажимавших рот всякой критике на том основании, что она якобы «потрясает основы» (сегодня бы сказали «раскачивает лодку»):

«Ложь, утверждающая, что основы потрясены, есть та капитальная ложь, которая должна прикрыть собой все последующие лжи. Вот почему прочная постановка этой лжи прежде всего необходима каркающим мудрецам.

Как истинно русский человек, и я не изъят от простодушия и соединённых с ним предрассудков, а потому воронье карканье и на меня наводит суеверную оторопь, сопряжённую с ожиданием грозящей опасности. Помилуйте! ведь от этих распутных птиц всего ждать можно! Ведь их нельзя ни убедить, ни усовестить, потому что они сами себя заранее во всем убедили и простили»[14].

Недаром российские революционеры расхватали произведения Салтыкова-Щедрина на цитаты, восприняли его терминологию и его образную систему.

А на кого ссылаются нынешние «белоленточные» крикуны? Пусть уж тогда занимаются христианской «самокритикой» и самоусовершенствованием вместе с господином Бердяевым и другими веховцами. Ведь это они защищали движение России по пути капиталистических реформ, а источником всех возникавших при этом проблем объявляли народ и интеллигенцию и призывали их покаяться в грехах.

Хотя Бердяев-то в итоге доусовершенствовался до христианского социализма. Так что и с ним нашим либералам, видимо, не совсем по пути.

В одном из «Писем к тётеньке» Салтыков-Щедрин как-то отметил, что «бывают минуты», когда «даже заведомо злокозненные мудрецы… обдумывают, как бы им примоститься к „хорошему слову“, усыновить его себе»[15]. Вот и решили наши либералы усадить с собой за стол Салтыкова-Щедрина, только ради этой операции пришлось писателя заметно урезать, да ещё и пришить ему то, чего не было. И получился у них не Салтыков-Щедрин, а какое-то чучело.

Пускай лучше читают Быкова, с ним «скромно пьют и жрут» в столичных ресторанах.

А мы будем читать родных классиков и учиться у них всегда идти туда, куда идёт народ, но на каждом шагу стараться подталкивать сознание людей в сторону высоких идеалов.

13. Дмитрий Быков: Что для меня либерализм и демократия (https://echo.msk.ru/blog/partofair/1889688-echo/).

14. *Салтыков-Щедрин М. Е.* За рубежом // *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература. 1972. Т. 14. С. 270.

15. Там же. С. 320.

Анатолий Логвинов

Мороз и солнце Василия Сивцева

Автопортрет

Василий Яковлевич Сивцев — художник-скульптор, уроженец Республики Саха (Якутия). Родился в большой семье (семеро детей) охотника и учительницы начальных классов, в селе Крест-Хальджай в 1967 году. Там прошло его детство. Он уже три десятка лет живёт в Красноярске, но всё время тесно связан со своей малой родиной. В Красноярске он последовательно прошёл обучение в Красноярском художественном училище имени В. И. Сурикова, затем в Красноярском государственном художественном институте. Потом он был приглашён на стажировку в творческую мастерскую скульптуры Российской академии художеств в Красноярске. Здесь он продолжал напряжённо работать, постигая тонкости сложной и нелёгкой профессии художника-скульптора.

Как писала о нём известный искусствовед Т. М. Ломанова, профессор КГХИ, Василий, будучи человеком энергичным, всегда наполненным разнообразными замыслами, ещё в студенческие годы принимал участие в различных проектах.

Далее она отмечает: «…Уже в этот период начинается его активная творческая деятельность. Первая выставка, на которой экспонировалась работа Сивцева „Солнышко“ (мрамор) — краевая осенняя выставка (1994). Эта небольшая трогательная композиция, в которой солнышко — маленький якутский мальчик, и сейчас производит сильное впе-чатление умением молодого художника найти меру условности и реальности. С этого года скульптурные композиции молодого ваятеля постоянно появлялись на краевых, региональных, молодёжных выставках и конкурсах, на различных арт-объектах. В 1995 году он получил премию Фонда научно-технической инновационной и творческой деятельности России (Красноярск). В годы учёбы Сивцевым были созданы работы „Подружки“ (мрамор) по произведению якутской писательницы А. С. Сыромятниковой, „Вечер“ (гипс тон.), „Мальчик. Лето“ (мрамор)».

Но всегда Василий оставался сыном своей земли — Якутии. Все его помыслы, все его образы были навеяны любовью к якутской земле, к людям сурового края, к мифам и легендам родины. Самые первые самостоятельные скульптуры уже были связаны с Якутией: «Портрет олонхосута (сказителя)» (гипс тон.), «Туйара» (шамот), «Зима» (терракота) и другие. Это не просто воспоминания о родном доме, о близких, о счастливой поре детства в Крест-Хальджае — это сама Якутия навсегда вошла в творчество художника. С какой любовью выполняет Василий жанровые композиции, посвящённые якутским обычаям, сколько теплоты в изображении родных лиц — детей, молодых людей, стариков. Художник старается сохранить и донести до зрителя каждую мелочь, каждую деталь быта, которая дорога ему самому. Живя в Красноярске и считая город на Енисее своей второй родиной, Василий накрепко связан с землёй, на которой родился, и связь эту разорвать нельзя.

В 2000 году в залах отделения «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств состоялась традиционная отчётная выставка, на которой Василий Сивцев представил работы, выполненные в период занятий в творческой

Писатель В. П. Астафьев

мастерской. В ряде произведений, представленных на этой отчётной выставке, художник выступил с глубокими общечеловеческими темами, волнующими людей веками и тысячелетиями. В работе «Покаяние» (гипс тон.), как справедливо отвечает искусствовед Т. М. Ломанова, «скульптор нашёл выразительные средства в передаче скорбных мук осознания грехов и истинности покаяния: сложный ракурс, резкий разворот, бессильно опущенная рука, склонённая в страстной мольбе о прощении голова. Ещё одна композиция, выполненная в годы стажировки,—„Порыв“ (бронза, 2000). Дробная, импрессионистичная, как бы обрывистая техника лепки резкими стремительными мазками, динамичное движение головы вносит в работу напряжение, взволнованность».

Много работ скульптор посвящает детству, что тоже прозвучало в экспозиции отчётной выставки в стенах академий: «Дитя земли», «Аня», «Лето» (мрамор), «Карась». В этом же 2000 году он был принят в Союз художников России, стал членом Красноярской региональной организации ВТОО «СХ России».

И вот в текущем 2019 году был удостоен высокого звания «Заслуженный деятель искусств Республики Саха (Якутия)». Это звание художник-скульптор Василий Яковлевич Сивцев получил за свой непростой и очень значимый для своей малой родины труд. За годы творческой деятельности он выполнил уже около двадцати законченных памятников, мемориальных досок и скульптурных проектов. Наибольшая часть их установлена в городах и сёлах родной Якутии.

Так, бронзовый бюст на гранитном постаменте посвящён матери-героине А. Н. Охлопковой. Памятник интересен своей строгой сдержанностью. Серьёзное лицо немолодой женщины, её опущенные глаза, гладко зачёсанные волосы—всё скромно и строго, но в портрете предстаёт человек сильный, много переживший, умеющий с достоинством принимать все печали и радости, уготованные судьбой. Другой по настроению бюст установлен в честь первой женщины-писателя Якутии А. С. Сыромятниковой (бронза, гранит). В 2010 году в Крест-Хальджае на школе её имени была открыта мемориальная доска, посвящённая Сыромятниковой, выполненная Василием Сивцевым, а в 2015-м там же был установлен бюст писательницы.

В 2017 году, совсем недавно, Сивцев закончил работу над памятником «Мелодист-композитор Х. Т. Максимов» (бронза, гранит, 2017), установленным на родине композитора—в селе Сулгаччы Амгинского района. Скульптура решена как ком-позиционный портрет: музыкант изображён в минуту творческого поиска. Выразительная деталь—севшая на баян птица—символизирует природу, рождающую вдохновение. И ещё целый ряд памятников: академику В. П. Ларионову в селе Майя (бронза, гранит, 2010), основоположнику якутской литературы А. И. Софронову в музее под открытым небом Таатта-Хадаайы в селе Ытык-Кюёль (бронза, гранит, 2013) и ряд других,—поставлен Василием Сивцевым. За эту большую работу в течение десятилетий Василий Яковлевич выдвигался на звание почётного гражданина Таттинского и Томпонского улусов (районов) Саха (Якутии), почётного гражданина Баягантайского наслега Томпонского района Саха (Якутии), награждался грамотами президента Республики Саха (Якутия) и глав нескольких районов Якутии.

Также совершенно справедливо искусствовед Т. М. Ломанова, хорошо изучившая творческий путь мастера скульптуры В. Сивцева, отмечает, что для него величайшим примером по жизни стал Леонид Васильевич Киренский—знаменитый учёный-физик, родившийся и проживший первые двадцать лет своей жизни в Якутии, выучившийся в МГУ и основавший в Красноярске Институт физики, государственный университет. И когда скульптору предложили установить мемориальную доску в Якутске и памятник в якутском селе Амга, где родился академик (оба—2009), Сивцев со всей ответственностью подошёл к этой работе. Художник создал два разных облика знаменитого учёного. Доска на здании СВФУ в Якутске (бронза, гранит) представляет человека, сконцентрированного на своих мыслях: плотно сжатые губы, взгляд, направленный не на зрителя, а как бы внутрь себя,—здесь он показан наедине с самим собой, со своей работой. Другим предстаёт Киренский в памятнике на родине, в селе Амга: здесь

Аня

За этюдом

скульптор создаёт образ академика как человека целеустремлённого, волевого, умеющего повести за собой людей.

Помимо монументальной скульптуры, Сивцев создаёт в разных материалах много станковых произведений: портреты, жанровые композиции. В портретных работах скульптор стремится не только передать сходство с прототипом, но и показать профессиональные качества, раскрыть особенности душевного строя, состояния своего персонажа. «Портрет скульптора А. Х. Абдрахимова» (гипс тон., 2003), «Портрет народного артиста России, оперного певца-баса И. П. Степанова (бронза, гранит, 2018), «Бюст ректора Высшей школы музыки В. А. Босикова» (бронза, гранит, 2019) и множество других разнообразных портретных работ создал художник за годы своего творчества.

У Василия Сивцева жизнь наполнена бесконечным трудом. Художник успевает много и успешно участвовать в конкурсах ледовых скульптур, ездить на симпозиумы и конкурсы скульптуры в разные города. Он полон замыслов, планов, и впереди ещё много свершений, поисков.

Остаётся только сожалеть, что здесь, в Красноярске, по какой-то нелепой «традиции» местные власти не озабочены поддержкой местных мастеров скульптуры. Чаще всего, при необходимости в тех редких случаях, когда требуется создать и установить какую-либо значимую скульптуру, заказ попадает в руки мастеров из других регионов. К примеру, как замечает немало красноярцев, памятники выдающимся землякам, такие как памятник всемирно известному писателю В. П. Астафьеву или певцу Д. Хворостовскому, могли бы быть выполнены местными мастерами гораздо выразительнее.

А вот власти Якутии очень ценят своих творческих людей. И это мы видим на примере Василия Яковлевича Сивцева, великолепного мастера своего дела.

Мастерская Елены Тимченко

Дарья Семёнова

Лицей №2, 9 класс

Сам себе Микеланджело

«Идеальная девушка должна быть красивой, умной, доброй…»

«Идеальный парень должен быть вежливым, сильным, любящим…»

«Идеальный человек должен быть…»

Кто такой идеал? Какой-то призрачный, фантомный, недосягаемый образ, которого никто, по сути, не видел, но каждый почему-то уверен, что где-то он точно есть. Такой весь совершенный, правильный—не придерёшься. А ещё он всегда что-то кому-то должен.

Но это неправильно.

Сколько такого мы слышим каждый день? «Идеальный ученик/друг/родитель должен быть…»—за этим следует набор качеств, иметь в себе одновременно которые физически невозможно, но ирония в том, что они есть в каждом из нас. И вот снова каждый—чей-то должник, фактически раб этих слишком высоких критериев.

И это неправильно.

Идеальный человек есть, и он, как ни странно, не безупречен. У него тоже есть сколы, неровности, трещины, которые он получал, пока жил, пробовал и ошибался, а потом бережно склеивал. Он может быть красивым, а может и не быть, может быть высоким и нескладным, а может быть миниатюрным и мягким—не в этом дело. Он живёт и чувствует в себе жизнь. Идеальный человек больно и обидно падает, терпит лишения, но встаёт и идёт дальше. Он поступает неправильно, ведёт себя порой отвратительно, но затем идёт и извиняется, если обидел; возможно, немного себя ненавидит, но учится, растёт, старается. Идеальный человек борется с собой каждый день, делает выбор, принимает решения. Он стоит на своём, упирается, не сдаётся. Он уважает себя и других. Он не пытается никому угодить, подстроиться, подыграть—просто делает то, что считает нужным. В нём есть неисчерпаемая сила духа, любовь, надежда и справедливость. Но разве этого нет в каждом из нас?

Идеальный человек—это любой из нас. Глубоко внутри себя человек совершенен, ибо нет ничего безупречнее того, что природа заложила в людей изначально. Каждый человек—с виду простой необработанный кусок мрамора, но каждый из нас—ещё и свой собственный Микеланджело, который сам вытачивает себя из камня, не создаёт, но освобождает то совершенство, что всегда было внутри. И если вам кажется, что в вас чего-то нет,—это неправда: вы просто это ещё не открыли. Пускай временами случаются осечки, расколы и царапины—это лучше, чем даже не пытаться, а времени на то, чтобы научиться, больше чем достаточно.

Есть ли где-то идеальный человек? Есть. В каждом из нас, заточённый под тоннами камня. И он ждёт, пока вы сами его освободите.

И он уж точно ничего никому не должен.

Марина Куимова

Литературный лицей, 10 класс

Самоизоляция: цена утраченного

Мы не даём цены тому, что наше,
Но стоит только потерять—и вдруг
Откроем в нём прекрасного так много,
Что нет утраченному и цены.
Уильям Шекспир

Люди—такие создания, которым свойственно жаловаться на жизнь. Даже если у нас всё хорошо, все близкие живы и здоровы, есть дом и работа, мы всё равно найдём то, чем будем недовольны.

Я всегда жаловалась на то, что у меня не хватает времени. Школа—дополнительные занятия—дом—бесконечные домашние задания—непродолжительный сон. И всё повторяется…

Мне редко удавалось погулять с друзьями или провести время с моей семьёй, а также почитать книгу, которую купила давно, но руки никак не доходили; посмотреть фильм или сериал, который планировала посмотреть ещё прошлой осенью. На всё—одна отговорка: времени нет.

Такие «проблемы» есть и у многих моих друзей, и мы все мечтали о том, что вот бы поскорее уйти на каникулы. Как ни странно, так и получилось.

Вот только случилось это ценой тысяч жизней и постоянного страха за всё человечество. Сидишь дома и думаешь о том, что ты никак не можешь помочь остановить распространение вируса. Единственное, что можно сделать,—это просто не выходить на улицу.

Многие взрослые продолжают работать в привычном формате: врачи, продавцы, водители, учёные. Это те люди, без которых мы никак не можем обойтись. Именно они поддерживают жизнь всего общества в этот трудный период.

Я искренне надеюсь, что люди будут больше обращать внимание друг на друга, уважать и ценить. Появились волонтёрские организации, которые помогают пожилым людям. Они покупают продукты, товары первой необходимости и разносят их по домам.

Но самое главное—это то, что люди начнут ценить и любить жизнь такой, какая она есть. Я на это очень надеюсь.

Всё то, что нам кажется обыденной вещью, которая никогда от нас не уйдёт, может вдруг резко исчезнуть. И ты наконец-то поймёшь, чтó действительно делало тебя счастливым.

Я осознала, что люблю ездить в автобусе, особенно вечером по центру города, возвращаясь домой. Тогда людей не так много, я сажусь на свободное место и смотрю в окно. Мелькает вечерняя иллюминация, в окнах домов зажигается свет, и я представляю, что сейчас в этих домах играют дети, родители готовят ужин, читают книги.

Всё идёт своим чередом. Возникает особенная атмосфера и ритм, можно почувствовать себя частью большой движущейся системы—и ты в ней не один.

Ещё люблю ходить пешком. Можно думать о чём угодно, фантазировать, мечтать, и никто тебе этого не запретит и не помешает. Частенько я хожу через длинный мост, по которому не прекращается поток машин, в лицо дует лёгкий ветерок, а навстречу идут люди, и ты осознаёшь, что всё-таки не один. Я люблю смотреть вниз с моста на железнодорожные пути: иногда они навевают тоску, а иногда, наоборот, что-то светлое и великое.

Я очень люблю свою семью, но, к сожалению, сейчас не могу увидеть мою бабушку, она живёт в своей квартире. Мне очень хочется сесть с бабушкой рядом на диване и послушать её рассказы из молодости. Она всегда так откровенна со мной, и хочется её слушать и слушать.

Я люблю приходить в школу. Там очень шумно и весело. Мы всегда обнимаемся с моими друзьями при встрече и начинаем что-то рассказывать друг другу. Иногда на уроке нам с подругой «в рот попадает смешинка», и мы сидим и хохочем над чем-нибудь, понятным только нам.

Этих простых жизненных мелочей мне сейчас очень не хватает—их цену понимаешь только тогда, когда их утратишь…

Д*и*Н симметрия

Константин Бальмонт

Фея за делом

К Фее в замок собрались
Мошки и букашки.
Перед этим напились
Капелек с ромашки.

И давай жужжать, галдеть
В зале паутинной,
Точно выискали клеть,
А не замок чинный.

Стали жаловаться все
С самого начала,
Что ромашка им в росе
Яду подмешала.

А потом на комара
Жаловалась муха:
Говорит, мол, я стара,
Плакалась старуха.

Фея слушала их вздор
И сказала: «Верьте,
Мне ваш гам и этот сор
Надоел до смерти».

И велела пауку,—
Встав с воздушных кресел,—
Чтобы тотчас на суку
Сети он развесил.

И немедля стал паук
Вешать паутинки.
А она пошла на луг
Проверять росинки.

1920

Конкурс «Суперперо-2019»

Анастасия Рязанова

Школа №154, 11 класс

Смерть за Смерть или Смерть за Жизнь?

В Беларуси есть крохотный городок Россоны. В этом тихом месте, напоминающем деревню, в средней школе работал учителем математики и физики Пётр Миронович Машеров. Уже в первые дни войны он и одиннадцатый класс, классным руководителем которого он был, создали своё партизанское движение. Они считали долгом служить своей стране, а россонцы — помогать в этом своим детям, тем, кто уже со школьной скамьи ушёл в лес воевать.

Партизаны начали действовать. В юных парнях и девушках уже было достаточно отваги, чтобы решиться на убийство. И немцы поставили известное условие: за жизнь одного немецкого солдата — жизнь пяти россонцев.

Именно тогда у расстрельной стены оказалась бабушка нашей учительницы Людмилы Леонидовны — Любовь Миновна Николаева. У неё было четверо малолетних детей (старшей дочери — всего семь лет!), которые остались дома. Самая младшая, двухмесячная Галя, была у неё на руках. Одна мысль не давала покоя несчастной матери: если сейчас умру, то кто позаботится об остальных?.. Единственный близкий человек, муж, на фронте. Какое-то странное решение вдруг пришло в голову: нужно остаться в живых…

Малышка стала живым щитом, которым закрылась Люба от пули.

Для меня до сих пор остаётся загадкой: как ей хватило силы сделать такой выбор? Как потом жила она с этим?

Но это было лишь началом войны, началом всех страшных событий.

На Россоны направлялся карательный отряд. И хотя партизаны предупредили местных жителей, немцы уже подступали к домам. Выход оставался один: бежать как можно дальше и быстрее. Нужно только добраться до леса, к партизанам! Любовь с тремя детьми бежала через поле, а сзади уже падали убитые люди. Нетрудно представить, каково было трёхлетнему Васеньке поспевать за мамой и старшими сёстрами. У него не было шанса их догнать, он лишь просил подождать его, не бросать здесь. Но если они сейчас остановятся или побегут медленнее… Опять странная мысль: нужно остаться в живых.

За что этой женщине и многим другим людям снова пришлось делать этот страшный выбор? Жизнь за Смерть?! Смерть за Смерть?!

Она не могла остановиться, не могла взять его на руки или понести на спине. Она должна была только бежать как можно быстрее, должна была выжить ради других детей, спасти их. Любовь схватила за руки старших дочерей, заставляя бежать быстрее. Вася остался позади, споткнулся и упал.

Когда мать вернулась за телом сына, чтобы похоронить, то нашла его живым. Оказалось, что в тот момент на него сверху упал застреленный мужчина, а Вася догадался молчать и не двигаться, что и спасло его. Трёхлетний ребёнок неожиданно для всех оказался таким взрослым… Наверное, взрослее, чем я. Ведь ни тогда, когда за его телом вернулась мама, ни за всю последующую жизнь он не напомнил об этом моменте, не упрекнул её. А мы так часто обижаемся по пустякам! Но, с другой стороны, а мог ли он упрекнуть свою мать в чём-то?

А можем ли мы хоть в чём-то упрекнуть этих людей, которые, несмотря ни на что, говорили себе: «Я должен остаться в живых…»?

Арсений Поляков

Школа №145, 11 класс

Божественная комедия 2039

Сегодня первое июня 2039 года. Намечается важное событие. Проснулся в пять сорок. Надо поесть, но мой организм отвергает даже растворимый кофе. Глотнул воды, оделся и вышел на улицу.

Через пару кварталов свернул в назначенный переулок. Прохладный ветер в арке немного взбодрил меня. Я зашёл во двор и сразу увидел своего клиента.

Он то и дело наворачивал круги вокруг скамейки, оглядывался, каждый раз смотрел на часы, судорожно перебирал документы, проверял образцы необходимых ручек. Я подошёл к нему и представился…

— Здравствуй, Артём! Меня зовут Олег Витальевич, сегодня я буду твоим агентом ЕГЭ. Если у тебя возникнут вопросы относительно проведения экзамена, уровней проверки и аккредитации, обращайся ко мне. До общего сбора остаётся полчаса, надо поторопиться.

— З-здрав-вствуйте, я в-вас так д-долго ждал. Спас-с-сибо вам большое, что п-п-помогаете мне. Скажи-жи-жите, по-пожалуйста, как бу-бу-будет прох-ходить п-п-проверка? Та-ам сильно страшно?

— Артём, не переживай, ничего страшного там нет. Тебе нужно запомнить некоторые указания Комитета Проверки и пройти контроль. Остальное ты узнаешь на месте. Пойдём в пункт, по дороге я расскажу тебе о приёмах, которые помогут справиться с волнением.

Пункт представлял собой кирпичное десятиэтажное здание с металлическими ставнями на окнах. К единственному входу вёл тоннель с пятью станциями проверки, ещё четыре станции были внутри здания. Агенты имели право дойти до пятой станции вместе со своими подопечными, далее ученики проходили досмотр самостоятельно.

Мы с Артёмом подошли к первой станции.

«Предъявите аккредитацию»,— послышался машинный голос из аппарата.

Я приложил документ к сканирующей поверхности. После нескольких считываний турникет открылся, и мы прошли дальше. На этой станции к ученику «привязывается» дрон со встроенной видеокамерой, который будет следить за ним на протяжении всего экзамена.

Простояв в очереди двадцать минут, мы всё же подошли ко второй станции.

«Введите паспортные данные и заполните электронную анкету на табло, приложите пакет документов установленного образца Э-01 к сканирующей поверхности»,— произнёс такой же неведомый голос.

Я помог Артёму разобраться со всеми документами. От волнения он написал свою фамилию без мягкого знака, и получился Артём Соловёв, благо в самый последний момент я заметил опечатку и успел исправить.

Это была самая муторная станция. Дети переживали, делали ошибки, не могли разобраться с последовательностью действий, все агенты были на нервах. Я поспешил успокоить Артёма, ведь самое сложное уже позади. Правда, и это ему не помогло.

На станции со сканированием лица и снятием отпечатков пальцев Тёма постоянно дрожал, и робот никак не мог сопоставить результаты с информацией из базы социального рейтинга. Через несколько минут нам всё же удалось перейти на следующую станцию. Там он довольно безболезненно прошёл небольшой медицинский осмотр из десяти врачей. Некоторые трудности были с пакетом документов Э-02, Артём случайно перепутал хронологию справок из поликлиники. Нам пришлось повозиться с этой макулатурой, и через пять минут мы, наконец, подошли к последнему испытанию — центрифуге Рентгена.

Артём зашёл в капсулу.

— Ничего не бойся, Тёма, у тебя всё получится, ты самы…

Охранник не дал договорить.

— Давай-ка, дядя, на выход, некогда трепаться,— пробасил цербер.

— Ты, что ли, не видишь, в каком состоянии дети находятся? Сделали из этих станций круги Дантова ада, ещё и в пункт не пускают. Что там будет на последних четырёх испытаниях? Город Дит и Ледяное озеро?

— Уважаемый, отходите, не задерживайте очередь.

После экзамена Тёма рассказал мне, что происходило внутри пункта. Далее привожу его слова:

— После центрифуги Рентгена нас осмотрели переносными детекторами и металлоискателями, потом завели в персональные кабинки, где нужно было раздеться и положить одежду в специальный бак, закрыть его и ждать, пока все вещи просмотрят на наличие потайных шпаргалок. В конце наблюдатели проверили наши ручки на наличие установленного образца и запустили нас в аудиториум. Там нам зачитали регламент, выдали бланки с заданиями, и ровно в десять ноль-ноль начался экзамен. Я был очень рад, что прошёл контроль, даже не волновался в аудиториуме. Есть только одна маленькая проблема. Во время экзамена у меня упала ручка, и я поднял её, забыв о пункте пять-один-двенадцать регламента ЕГЭ. Меня за такое сразу удалили из пункта. Потом выписали протокол и оформили заявку на осеннюю пересдачу первого сентября. Олег Витальевич, есть ли у вас свободное место в этот день? Я хочу, чтобы вы снова стали моим агентом.

Милена Бауэр

Школа №6, 7 класс

Дед прогулял рыбалку, а кот — нет!

В нашей семье живёт чёрно-белый кот Артемий Барсикович.

Случилась как-то раз такая история. Артёмка любит ходить с моим дедушкой на рыбалку.

И зимой, и летом они ходят на озеро или речку по несколько раз в день. Однажды дедушка решил сделать себе выходной и на рыбалку не пошёл, а кота предупредить забыл. И вот Артемий, как обычно, пошёл на то место, где они всегда рыбачат, и прождал там дедушку весь день.

А мы тем временем искали его везде! Мы с сестрой всю деревню оббегали в поисках кота!

Нашёлся кот только утром, когда дедушкин рыболовный выходной закончился и он пошёл за карасями. Какова же была его радость, когда он увидел Артемия, мирно спящего на берегу. Целого и невредимого.

Варя Яковлева

Лицей №2, 5 класс

Какое счастье—иметь дом!

Меня зовут Матильда. Я—кошка-философ! Как всем моим сородичам, мне нравится вкусно поесть, поспать и поиграть, но есть у меня любимое занятие—сидеть на окне и наблюдать. Там много интересного! В моём дворе живут мои бездомные друзья. Вот охотится на голубей серая кошка Дымка, резвятся её котята Тося и Лука, а на дереве сидит Маркиз. Живут они в подвале и едят то, что находят. Тяжело им на улице, но в дом не хотят, потому что одичали, боятся. Я думаю: как же они выживают без еды, тёплого одеяла и доброго слова? Некому петь песенки. Страшно! А они не понимают, как я могу жить в неволе со злыми людьми. Ведь однажды они их предали и выбросили на улицу. Однако мои хозяева добрые и заботливые. Они кормят Дымку и её семейство каждый день.

Настя Любарская

Школа №10, 7 класс

Возвращение блудного кота

Что же делать, если кот неизвестно где гуляет, и ты бродишь по деревне, спрашивая каждого хозяина, не видел ли он вашего питомца?..

Никто не был равнодушным к исчезновению кота. Все старались не касаться этой темы, но ничего не получалось, кто-то первым робко начинал об этом разговор. Ничего не поделаешь и не изменишь слезами.

…Почему вернулся Тимка? Об этом, я думаю, нужно спросить его самого. Кто ему помог? Знаю, в это трудно поверить, но небесные силы, наверное, образумили глупого молодого кота. Положение изменилось после моего похода в церковь.

Дальше необязательно описывать происходящее: молитва—и всё. Если б не имя святого, которому я молилась… Святой Тихон, в народе прозванный Тимофей. Его иконка находилась в самом уголке храма, так что нужно подивиться тому, как можно её заметить. Но, тем не менее, это не что иное, как настоящее ЧУДО! Ведь обычно молитвы помогают не сразу и не всякому—только тому, кто искренне в это верит. Но в моём случае не прошло и двух часов—и уже звонит довольная бабушка, сообщает нам, что Тимка вернулся и, ласковый, между ног путается, ест всё, что ни положишь, мявкает. Сказала ещё, что «странно вернулся»—как с неба свалился. Очень быстро и очень неожиданно.

Соня Кан

Школа №4, 7 класс

Посторонним вход запрещён

У меня есть кошка по имени Сима, она—турецкая ангора (такая порода). Как-то раз зимой у нас был ремонт, и к нам пришёл маляр. Он начал свою работу, а мы с родителями уехали по делам, оставив Симу один на один с маляром.

Через некоторое время нам звонит рабочий и говорит, что нам необходимо срочно приехать. Мы, не раздумывая, сразу отправились домой. По приезде домой нас ждала удивительная ситуация. Маляр стоял за дверью в коридор и крепко её держал, а Сима пыталась открыть дверь своими лапами!

Как только мы пришли, она спокойно легла на спину и начала играться. Когда мы выпустили рабочего, она чуть ли не набросилась на него. Мы сразу забрали Симу в другую комнату, а маляр, ничего не говоря, ушёл домой. Родители позвонили ему и спросили, почему он ушёл и что ему сделала Сима.

Оказалось, что она набросилась на него и начала кусать, а дальше было и того хуже—она не давала ходить ему по квартире, а после не выпускала его совсем. Вот так!

После этой истории мы поняли, насколько наша кошка молодец, потому что защищает нас от посторонних людей.

А рабочий так и не пришёл доделывать ремонт.

стр. 163
Балин Денис
Ленинградская область, 1988 г. р.

Поэт. Стихи публиковались в региональных и федеральных изданиях. Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Автор двух поэтических сборников.

стр. 76
Балтин Александр
Москва, 1967 г. р.

Поэт, прозаик, эссеист. Родился в Москве. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007 году в журнале «Florida» (США). Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградою Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награждён юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почётный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ. Стихи переведены на итальянский и польский языки. В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвящённая творчеству писателя.

стр. 22,29
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Поэт, эссеист, публицист. Окончил филологический факультет Пермского госуниверситета. Автор четырёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой» и «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и ряда литературных премий — имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013) и общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Основатель трёх поэтических групп: «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия).

стр. 99
Валеев Марат Хасанович
Красноярск, 1951 г. р.

Родился в Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск на Иртыше, в целинном Казахстане. Окончил школу, успел поработать бетонщиком на заводе ЖБИ, призвался в СА. Служил в стройбате в 1969–1971 годах, строил военные объекты. После армии работал сварщиком в тракторной бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ имени Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар). В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993 года — «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора. Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор нескольких сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Москве. Публикации в журналах «Журналист», «Кукумбер», «Мир Севера», «Колесо смеха», «Вокруг смеха», «Сельская новь», «Семья и школа», ««День и ночь», в газетах «Литературная газета», «Московская среда», «Советская Россия», и др. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси» (2008, номинация «Юмор»), Общества любителей русского слова (2011, номинация «Проза»), «Рождественская звезда» (2011, номинация «Проза»). Член Союза российских писателей. С 2011 года живёт в Красноярске.

стр. 74
Вершинский Анатолий Николаевич
Раменское, 1953 г. р.

Родился в селе Семёновка Уярского района Красноярского края, в семье учителя. Окончил с отличием два института: Красноярский политехнический и Литературный имени А. М. Горького. Работал в научно-исследовательской лаборатории,

в газете, служил в Советской Армии. Более 30 лет занимается журналистской и издательской деятельностью. Награждён дипломом знака отличия «Золотой фонд прессы». Автор шести поэтических сборников, драмы в стихах «Восточный вопрос», книги исторических очерков «Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский». Дипломант конкурса «Лучшая книга 2008–2010». Член Союза писателей с 1985 года.

стр. 49, 158

Гладких Ольга, Глупак Сергей
Приморский край

Победители литературного конкурса «Между строк».

стр. 166

Иваськова Ирина Дмитриевна
Анапа, 1981 г. р.

Родилась в Красноярске. Окончила Красноярский государственный университет (факультет юриспруденции). Около 10 лет работала юристом. В 2010 году переехала из Красноярска в Анапу. Публиковалась в литературных журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Север», «День и ночь», «Подъём», в журнале «Родная Кубань», в газетах «День литературы», «Литературная Россия», «Кубанский писатель». Член Союза писателей России. Руководитель народного молодёжного литературно-художественного объединения «Авангард».

стр. 90

Костандис Елена
Москва

Родилась в Тбилиси. Училась в Тбилисском государственном университете (филологический факультет) и в Еврейском университете в Иерусалиме (славистика и сравнительное религиоведение). Аспирантка кафедры философии Российского православного университета. Лауреат литературной премии «Слово-2016». Автор сборника стихов «Сочельник» (серия «Попутный ветер», РИЦ «ДиН», 2019).

стр. 179

Косяков Дмитрий Николаевич
Красноярск, 1983 г. р.

Выпускник филологического факультета Красноярского государственного университета, «Школы культурной журналистики» Фонда Михаила Прохорова. Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель дайв-театра, автор и ведущий дискуссионных клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра». Рецензент журнала «День и ночь».

стр. 71

Кривонос Сергей Иванович
Сватово, Луганская область

Член Национального и Межрегионального союзов писателей Украины, Международного сообщества писательских союзов, автор 13 поэтических сборников. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина (Союз писателей России), литературной премии имени Николая Ушакова (Национальный союз писателей Украины). Журналист.

стр. 33

Култышев Анатолий Игоревич
1954–2001

Поэт, художник, философ. Родился в городе Чусовом Пермской области. Бродяжил по стране. В середине 70-х годов прошлого века перебрался в Москву: сначала — показать свои стихотворные тексты певцу и композитору Александру Градскому, а затем — чтобы осесть по лимиту в столице. Работал сварщиком на ряде новостроек Москвы. Жил в рабочем общежитии. Получил ведомственное жильё в центре столицы — в Печатниковом переулке, примыкающем к знаменитой Сретенке, где долгие годы трудился дворником и котельщиком. В эту квартиру на первом этаже стекались многие на тот момент ещё неизвестные поэты и художники. Писал верлибры, рифмованные стихи, прозу, философские этюды, картины. Литературными тусовками брезговал. Прижизненных публикаций было немного: в 1991-м — в «Антологии русского верлибра», составленной Кареном Джангировым, и в 1993-м — в журнале «Юность» на пару с поэтом Александром Ожигановым с представлением Юрия Беликова в эссе «Монахи Перекати-Шамбалы». В конце 90-х в силу разных обстоятельств, включая семейные, поменял местожительство, переехав со Сретенки в дальнее Марьино. Здесь продолжал работать дворником, а в свободное время — заниматься творчеством. 11 мая 2001 года его нашли выпавшим с балкона. Похоронен на Щербинском кладбище Москвы. В 2002 году в столичном издательстве «Грааль» увидела свет книга «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», где в числе творений других сорока авторов из разных регионов России была опубликована и подборка стихов Анатолия Култышева «А кисти рук пожертвованы свету».

стр. 95

Литинская Елена
Нью-Йорк (США)

Родилась в Москве. Окончила славянское отделение филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. В 1979 году эмигрировала в США. В Нью-Йорке получила степень магистра по информатике и библиотечному делу. Проработала 30 лет в Бруклинской публичной библиотеке. Вернулась к поэзии в конце 80-х. Издала пять книг стихов и прозы: «Монолог последнего снега» (1992), «В поисках себя» (2002), «На канале» (2008), «Сквозь временную отдалённость» (2011), «От Спиридоновки до Шипсхед-Бея» (2013). Стихи, рассказы, очерки и статьи публиковались в периодических изданиях,

сборниках и альманахах США, Европы, России и Канады. Член редколлегии сетевого литературного журнала «Гостиная», президент Бруклинского клуба русских поэтов, а также вице-президент объединения русских литераторов.

стр. 185 **Логвинов Анатолий Михайлович**
Красноярск, 1944 г. р.

Профессор кафедры менеджмента и рекламы Сибирского федерального университета. Доктор социологических наук, ветеран труда. Окончил Сибирский технологический институт по специальности «инженер-механик по машинам и аппаратам химического производства». Диссертация на соискание докторской учёной степени защищена в 2007 году (по специальности 22.00.06 — «Социология культуры, духовной жизни») по теме: «Эволюция организационной культуры крупных промышленных предприятий России во второй половине XX — начале XXI вв.».

стр. 17 **Ломтев Александр Алексеевич**
Саров, 1956 г. р.

Родился в селе Пуза (ныне Суворово) Нижегородской области. Окончил Арзамасский государственный педагогический институт. Работал инструктором служебного собаководства, киномехаником, мастером по сложной бытовой технике, электромонтёром, корреспондентом газеты. Прозаик, публицист, путешественник. Основатель и издатель общественно-политической газеты «Саров» и культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь», а также приложения к первой «Знай наших». Являясь их учредителем и главным редактором, как журналист, специализирующийся на «горячих точках», неоднократно бывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Южной Осетии; во время кризиса был у стен Белого дома, позже освещал происшествие в «Норд-осте». Председатель общероссийской медийной организации «Клуб главных редакторов региональных СМИ России». Автор книг «Путешествие с ангелом» (премия СП России «Имперская культура» 2006 года, финалист Бунинской премии 2008 года в номинации «Открытие года»), «Ундервуд», «Пепел памяти», «Шёпот неба», «Лента Мёбиуса», «365», повестей «Финский дом», «Ичкериада», «Не бойся» и др. Публиковался в журналах «Север», «Нева», «Сибирские огни», «Роман-журнал XXI век», «Волга», «Луч», «Южная звезда», «Дальний Восток», «День и ночь» и других литературных, научно-популярных и общественно-политических журналах в России и за рубежом. Автор четырёх персональных выставок графики. Лауреат премий «Патриот России», «Золотой гонг», «Серебряное перо» и т. д. Лауреат международного литературного конкурса имени А. Куприна. Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Заместитель председателя правления Нижегородской областной организации СП России.

стр. 22 **Матвеев Евгений Валентинович**
Пермь, 1957 г. р.

Автор-исполнитель и организатор музыкального пространства. Родился в Красновишерске Пермской области. По специальности — историк, окончил истфак Пермского госуниверситета. В студенческие годы выступал в ансамбле политической сатиры «Посат». С 1982 года руководит ансамблем авторской песни в пермском Доме культуры «Искра». Участник и лауреат фестивалей и конкурсов авторской песни. В 1998 году Матвеев и его ансамбль стали лауреатами легендарного Грушинского фестиваля, традиционно проходящего в Самарской области. Член жюри многих фестивалей регионального и российского статуса, в том числе фестиваля «Петербургский аккорд». Играет на семиструнной гитаре. Пишет песни на стихи русских и советских классиков, а также современных поэтов. Среди них — Николай Гумилёв, Владимир Маяковский, Николай Рубцов, Юнна Мориц, Юрий Кузнецов, Анатолий Жигулин, Владимир Костров, Алексей Решетов, Новелла Матвеева, Иван Елагин. В 1990 году Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила виниловый диск «Песни Евгения Матвеева». Дальнейшие компакт-диски — «Не грусти на холодном причале», «Звезда полей», «Серебряные струны», «О любви». Постоянно концертирует, выступает в Пермском крае, городах России, бывает на гастролях за рубежом (Италия, Германия, Чехия, Польша, Финляндия, Великобритания). Живёт в Перми.

стр. 52 **Минаков Станислав Александрович**
Белгород, 1959 г. р.

Родился в Харькове. Окончил в Белгороде восемь классов школы № 19 и Белгородский индустриальный техникум (1978), а в 1983 году — радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. С 2010 по 2016 год был литературным соредактором (вместе с Анной Минаковой) журнала об искусстве для школьников, педагогов и родителей «Введенская сторона» (Старая Русса, Россия). С 2012 года — член редколлегии журнала «Бийский вестник» (Бийск); с 2014 года — член редколлегии журнала «Человек на Земле» (Москва); с 2017 года — член редколлегии журнала по делам милосердия «Добродетель» (Белгород); с 2017 года — член редколлегии литературно-просветительского альманаха «Возвращение» (Белгород). Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. Публиковался в журналах, альманахах, антологиях, хрестоматиях, сборниках многих стран, почти во всех отечественных толстых журналах. Лауреат Международной премии имени Арсения и Андрея

Тарковских (Киев—Москва, 2008), Всероссийской премии имени братьев Киреевских (2009), Харьковской муниципальной премии имени Б. Слуцкого (1998), премии «Народное признание» (2005) и др. Награждён медалью «Василий Шукшин». Член Национального союза писателей Украины (принят в 1994, исключён по политическим мотивам в 2014), Союза писателей России (2006), Русского ПЕН-клуба (2003). В августе 2014 года по причинам политического преследования переехал из Харькова в Белгород.

стр. 32, 50, 64

Минин Евгений Аронович

Иерусалим (Израиль), 1949 г. р.

Поэт, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в городе Невель Псковской области. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум (1968). Служил в войсках ПВО (1968–1970). После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт (1976) и работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Живёт в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Ведущий пародийной рубрики в «Литературной газете». Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта (Израиль), победитель конкурса поэзии издательства «Олма Медиа Групп». Главный реактор журнала «Литературный Иерусалим». Член редколлегии журнала «День и ночь».

стр. 56

Монахов Владимир Васильевич

Братск, 1955 г. р.

Автор более 10 сборников стихов и прозы. Активно публикуется в журналах и альманахах. Его тексты вошли в антологии «Русский верлибр», «Сквозь тишину. Антология русских хайку, сенрю и трёхстиший», «Приют неизвестных поэтов. Дикороссы», «Антология ПО» под редакцией К. Кедрова, «Нестоличная литература», «45-я параллель», «Бег времени» (Иркутск), «Жанры и строфы современной русской поэзии» под редакцией Е. Степанова, «Лучшие стихи 2011 года». Финалист первого Всероссийского конкурса хайку. В 1999 году награждён Пушкинской медалью Международного Пушкинского общества (Нью-Йорк). За серию лирико-философских эссе, опубликованных в журнале «Юность», в 2005 году назван лауреатом литературной премии имени Владимира Максимова. В 2009 году за «Русскую сказку» вручена национальная премия «Серебряное перо». Лауреат Международного поэтического конкурса «Лёт лебединый» имени Петра Вегина (2014). Занял второе место в номинации «Бэла» за лучшую новеллу о любви в международном Лермонтовском конкурсе (2014). Входит в литературную группу ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) под псевдонимом Братскозавр. Многие годы состоял в редколлегии альманаха «45-я параллель» (Ставрополь).

стр. 118

Нестеренко Владимир Георгиевич

Красноярск, 1941 г. р.

Окончил ремесленное училище, восемь лет работал на заводах слесарем. С 1966 года стал профессиональным журналистом. Окончил КазГУ. Победитель литературно-публицистического конкурса «Национальное возрождение Руси» (автобиографическая повесть «Иван в десятой степени»), трёхкратный золотой дипломант Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» с присвоением звания «лауреат», лауреат Международного литературного конкурса «Серебряный ручеёк» в номинации «Рассказы для детей», многократный дипломант конкурсов МТО ДА, лауреат литературного фестиваля Красноярского края «Вера, Надежда, Любовь». Наиболее известны романы «Дорога на плаху», «Удар небесный», «Охотники за любовью», сборник легенд и сказок «Сказание о Танну-Ола», сборник таёжных рассказов «Песня марала». Историческая трилогия «Перекати-поле» о судьбе поволжских немцев в 2008 году издана в Москве и Красноярске, переведена на немецкий язык в Германии. Член Союза журналистов СССР, Союза писателей России.

стр. 69

Нестругин Александр Гаврилович

Петропавловка, Воронежская область, 1954 г. р.

Родился селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Стихи и эссе публиковались в журналах «Подъём», «Дон», «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия, «Роман-журнал XXI век», «Московский вестник», «Аргамак. Татарстан», «Простор» (Казахстан), «На любителя» (США), «Южное сияние» (Украина), «Новая Немига литературная» (Белоруссия) и др., в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия» и «Литературная газета». Автор девяти книг поэзии и прозы. Лауреат премии Воронежского комсомола имени В. Кубанёва в области литературы (1988), всероссийской литературной премии «Имперская культура» имени Э. Володина (2008), международного литературного конкурса имени А. Платонова «Умное сердце» (2012). Член Союза писателей России.

стр. 81

Нифонтова Юлия Анатольевна

Барнаул, 1968 г. р.

Родилась в Барнауле. Окончила живописно-педагогическое отделение Ново-Алтайского художественного училища, затем в 1996 году—Алтайский государственный институт культуры и искусств. Работала преподавателем живописи и графики.

С 2009 по 2015 год руководила Алтайским Домом литераторов. После его присоединения к АКУНБ имени В. Я. Шишкова является заведующей отделом литературных и издательских проектов библиотеки. Печаталась в журналах «Алтай», «Барнаул», «Бийский вестник», «Русское эхо» (Самара), «Луч» (Ижевск), «Наш современник», «Московский вестник», «Роман-журнал XXI век» (Москва) и др., во многих коллективных сборниках и в периодической печати. Автор нескольких книг. Лауреат краевых литературных премий имени А. С. Пушкина (2007), имени А. П. Соболева, имени В. Бианки (2011), «Золотое перо» (2012) и VIII Артиады народов России в лиге мастеров (Москва, 2006). Член Союза писателей России.

стр. 176

Переяслов Николай Владимирович

Москва, 1954 г. р.

Родился в городе Красноармейске Донецкой области. С 1970 года работал на шахте «Краснолиманская» в Донбассе — сначала учеником электрослесаря, затем мотористом на добычном участке и подземным слесарем. В 1973 году поступил на дневное отделение Московского горного института (факультет «Подземная разработка угольных месторождений»), в котором доучился до 1977 года. Оставив на IV курсе горный институт, работал шахтёром, геологом, журналистом в газете «Старицкий вестник» Тверской области и одновременно — псаломщиком в православном храме святого пророка Ильи в городе Старица. В 1993 году окончил заочное отделение Московского Литературного института имени А. М. Горького (семинар критики и литературоведения). После работы в газете «Старицкий вестник» начал работать в городе Самара директором областного отделения Литературного фонда России, одновременно преподавая историю русской литературы в Самарском епархиальном духовном училище и издавая журнал «Русское эхо». Затем, в 1997 году, переехал с семьёй из Самары в Москву, где начал работать секретарём правления Союза писателей России. В настоящее время работает секретарём правления Союза писателей России. Является также членом Союза журналистов Москвы, Международной федерации журналистов, Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Действительный член Петровской академии наук и искусств, а также Славянской литературной и артистической академии в Варне (Болгария). Делегат первого Российского литературного собрания, прошедшего 21 ноября 2013 года в РУДН. Участник выездного пленума Союза писателей России в Чеченской Республике; Конгресса народов России в Якутске; I Международной поэтической конференции в Каире; I Международного фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме и всех Всемирных Русских Народных Соборов с 1997 по 2014 год.

стр. 65

Пономарёв Владимир Валентинович

Красноярск, 1960 г. р.

Родился в Красноярске. Учился в средней школе, параллельно занимаясь музыкой. Готовился к поступлению на литфак, но после конфликта с учителями (срывал политизированные классные часы, не был принят в комсомол) вынужден был уйти из школы после восьмого класса и поступить в Красноярское училище искусств на теоретическое отделение. Окончив училище, поступил в Новосибирскую консерваторию имени Глинки на теоретико-композиторский факультет. По окончании консерватории вернулся в Красноярск и с того момента по сей день работает в Институте искусств на кафедре теории музыки и композиции. Композитор, член СК РФ, лауреат Всероссийского конкурса композиторов, кавалер ордена Св. Даниила Московского за заслуги перед Отечеством и церковью (орден получил за деятельность в качестве церковного музыканта (регента), композитора и редактора церковно-певческих сборников). Параллельно писал и публиковал стихи. Первая публикация была в газете «Красноярский комсомолец» в рубрике «МоноЛит» в начале 90-х. Впоследствии стихи автора периодически печатались в различных альманахах и сборниках стихов сибирских поэтов. В 2015–2016 годах выпустил три сборника стихов, написанных в разные годы.

обл.

Попов Юрий

Красноярск, 1967 г. р.

Художник. Родился в вологодской глубинке. В возрасте 14 лет поехал за романтикой в сибирский город Красноярск, где и остался на долгие годы. Дальше — художественная школа, художественное училище, служба в армии, художественный институт. Это было время гор, пещер, бардовской песни. Потом несколько лет жил в отдалённой от города школе-интернате для одарённых детей, где занимался разными формами творчества — от эскизов значков до ландшафтного дизайна, с малышами — рисованием и театром, а главное — искал и вырабатывал свой стиль живописи. С 1993 года начал выставлять работы на суд зрителя. За эти годы было около 20-ти персональных выставок (Красноярск, Зеленогорск, Новосибирск, Зеленоград, Москва, Женева, Париж), и более чем четыре сотни работ покинули мастерскую и нашли свои стены в разных городах и странах.

стр. 106

Пырх Виталий Петрович

Красноярск, 1944 г. р.

Родился в Запорожье. Окончил Запорожский металлургический техникум. После окончания работал отжигальщиком термических печей на заводе «Запорожсталь». Служил в Советской армии.

С отличием окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал корреспондентом, заведующим отделом промышленности и собственным корреспондентом республиканских и центральных газет. С 1987 года живёт в Красноярске, где работал корреспондентом газеты «Трибуна». Автор более 2000 газетных публикаций различных жанров, двух десятков статей в толстых журналах, а также нескольких книг публицистики, изданных в Москве и Сыктывкаре, 16 поэтических сборников и трёх книг документальной прозы.

обл.

Степанов Борис

Дивногорск, 1960 г. р.

Проектировщик, живописец. Родился в Красноярске. Учился в Красноярском художественном училище им. В. И. Сурикова (1975–1979). Член Союза художников России с 1988 года. Участник художественных выставок с 1985 года.

стр. 105

Султанов Степан

Москва, 1991 г. р.

Родился в Москве. Окончил Институт современного искусства (режиссура театрализованных представлений) и Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького. Участник XIX Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в 2019 году в Ульяновске. Публикации в «Литературной газете», альманахе «День поэзии» (2018–2019).

стр. 36

Торопцев Александр Петрович

Москва, 1949 г. р.

Писатель, философ, публицист, член Союза писателей России. Специалист по художественной и научно-популярной литературе для детей, по мировой и отечественной истории. Автор нескольких десятков книг по мировой и отечественной истории для детей и взрослых, множества статей по проблемам детской и подростковой литературы, проблемам чтения школьников и молодёжи. Проживает в Москве. Первые произведения опубликованы в начале 90-х: в 1994 году в журнале «Пионер» — повесть «Лёнька», в 1995-м — цикл рассказов «Азовское море — Таганрогский залив». С 1994 года стала издаваться «Книга битв», в которой историю человечества автор представляет через историю завоеваний — с XXX века до н. э. до эпохи средневековья. Героями стали великие полководцы всех времён и народов. В 1994 году экстерном окончил Литературный институт имени Горького. В настоящее время ведёт в Литературном институте семинар по детской и юношеской литературе (до февраля 2009 года — вместе со своим учителем, поэтом Р. С. Сефом). Также ведёт семинар при Московской городской писательской организации, ранее — при Центральном Доме литераторов. В творческом багаже — книги по истории земного шара, по истории Руси, прозаические и философские произведения.

стр. 161

Хазанов Сергей

Швейцария

Вырос в Москве. Окончил МГУ. Доктор математики и поэт. Работал в журнале «Крокодил». С 1989 года живёт в Швейцарии. Более 100 рассказов и стихотворений опубликовано в журналах «Дружба народов», «Юность», «Москва», «Огонёк», «Собеседник», «Время и мы», а также в «Литературной газете», «Литературной России», «Московском комсомольце», «Неделе». Вышло шесть книг прозы.

стр. 79

Хохлов Игорь Игоревич

Омск, 1990 г. р.

Родился в Омске. Окончил Омский авиационный колледж в 2010 году (по специальности — программист) и ОмГУ имени Достоевского в 2015 году (специальность — историк). Литературный редактор, член редколлегии и менеджер по связям с общественностью журнала «Иртышъ-Омь» (Омск). Член Союза российских писателей. Автор нескольких поэтических сборников. За сборник стихотворений «А искренность — угловата…» был удостоен звания лауреата литературной премии имени Ф. М. Достоевского. Стихотворения, проза и критика печатались в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Волга — XXI век» (Саратов), «Homo Legens» (Москва), «Дальний Восток» (Хабаровск), «После 12» (Кемерово), «Молодёжная волна» (Самара), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), в сборниках «Новые писатели», изданных по итогам XII и XV Форумов молодых писателей в Липках-Звенигороде, в московской газете «Интеллигент», в альманахе «Реванш» (Прага), в омских коллективных сборниках, журналах и альманахах «Складчина», «Тарские ворота», «Иртышъ-Омь», «Менестрель», «Когда-нибудь мы встретимся», «Можно коснуться неба», «Водолей», «Точка зрения», «Откровение», «Серебряный город-2», «Литературный ковчег» и др., в интернет-журналах «Литеrratура» и «Пролог».

стр. 159

Черников Евгений Владимирович

Каменск-Уральский, 1985 г. р.

Родился в 1985 году в Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил философский факультет УрГУ имени А. М. Горького (2009). Публиковался в журналах «Арион», «Новая реальность», «Нижний Новгород», «Наш современник», в коллективных сборниках, а также на евразийском журнальном портале «Мегалит» и в лаборатории «Сетевая словесность». Автор книг стихотворений

«Сквозь шум» (2011), «Беда» (2013), «Песочные часы» (2016). Лауреат поэтического конкурса имени А. Башлачёва (2015), фестиваля-конкурса «Решетовские встречи» (2016). Член Союза писателей России (2013).

стр. 150

Шахвердян Лиана

Ереван (Армения), 1971 г. р.

Уроженка Тбилиси, ныне проживает в Армении, в Ереване. Окончила механико-математический факультет Тбилисского государственного университета. Преподавала в Москве, Тбилиси. Автор многочисленных публикаций, в том числе в журналах «Место и Время» (4/2018, Нью-Йорк), «Дружба народов» (9/2017, Москва), «Знаци» (2/2017, Варна), «На холмах Грузии» (22/2015, Тбилиси), в «Антологии современной славянской поэзии» (Варна), в литературном проекте «Вещество» («Человек») (2018) и т. д. Соавтор многих литературных сборников прозы и поэзии, изданных как в Армении, так и в России. Участница, финалистка международных литературных конкурсов и фестивалей, в том числе XI Международного фестиваля поэзии «Славянска прегръдка» («Славянское объятие», 2017) в Болгарии. Шорт-лист конкурса «Дорога к храму», шорт-лист конкурса имени А. С. Грибоедова, лонг-лист премии имени И. Бабеля. Произведения переведены на армянский, болгарский, грузинский, английский языки. Автор книг «Многоточие» (Ереван, 2015), «Весна отчаяния» (Ереван, 2018).

стр. 3

Шерстобитов Павел Александрович

Пермь, 1952 г. р.

В 1982 году окончил Всесоюзный заочный электротехнический институт связи в Москве. С 1979 по 1986 год жил на Крайнем Севере, в посёлке Диксон. Член Международного союза писателей «Новый Современник» с 2007 по 2013 год. Удостоен судейского титула «Серебряная мантия». Победитель и призёр литературных конкурсов МСП «Новый Современник», Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», Международного творческого объединения детских авторов, Литературного дома «Ковдория». Печатался в сборниках МСП «Новый Современник» и в журнале «Бельские просторы». В 2014 году в издательстве «Стеклянный мостик» города Карловы Вары вышла в свет книга «Операция „Создатель“».

стр. 157

Ямпольская Минна

Нижний Новгород, 1949 г. р.

Родилась в Киеве. После окончания школы поступила в Горьковский государственный университет на биологический факультет. Работала биологом в НИИ гигиены труда и профзаболеваний и помощником депутата Законодательного собрания Нижегородской области. Стихи начала писать в юности, но добровольно отказалась, вернулась к написанию только в зрелости. Публиковалась в местных газетах. В 2009 году вышел сборник в издательстве «Мирайя».

Репродукции с картин Бориса Степанова и Юрия Попова любезно предоставлены художественным салоном «Дар».

Красноярск, ул. Ленина, 23
т. +7 (391) 266-04-45

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В. Н. Наговицын

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Марина Наумова-Саввиных

РЕЦЕНЗЕНТ
Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Астраханцев
Красноярск

Наталья Ахпашева
Абакан

Юрий Беликов
Пермь

Глеб Бобров
Луганск

Елена Буевич
Черкассы

Вера Зубарева
Филадельфия

Александр Кердан
Екатеринбург

Сергей Кузнечихин
Красноярск

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Виталий Молчанов
Оренбург

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Орлов
Москва

Олеся Рудягина
Кишинёв

Анна Сафонова
Южно-Сахалинск

Андрей Тимофеев
Москва

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

В оформлении обложки использованы картины Бориса Степанова и Юрия Попова.

ИЗДАТЕЛЬ
АНО РИЦ «День и Ночь».
ИНН 770 207 0139

Расчётный счёт
4070 3810 4004 3000 0496

В филиале «Сибирский» банка ВТБ ПАО
в г. Новосибирске

БИК 045 004 788
КПП 540 643 001

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
пр. Мира, д. 3,
т. +7 950 991 4349

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 10.6.2020
Дата выхода в свет: 30.6.2020
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Юрий Попов | Верба | 40 × 30 | 2002

Юрий Попов | Старые грампластинки | 40 × 30 | 2014

Юрий Попов | Электрички | 40 × 30 | 2014

Юрий Попов
Южный берег | 50 × 40 | 2014

На обложке:
Борис Степанов | Первый трамвай (фрагмент) | 80 × 60 | 2017